

Научное сообщество
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. Ломоносова
Философский факультет

Е. Н. Мощелков

**ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА:
ФИЛОСОФСКИЕ
ИСТОЛКОВАНИЯ**

Монография

Москва
АРГАМАК-МЕДИА
2013

УДК 87.3
ББК 1/14(075.4)
Г 74

Отдельные разделы монографии подготовлены при содействии
Российского гуманитарного научного фонда
Грант № 11-03-00097а «История политических учений в системе
гуманитарных наук»

Е.Н. Мошелков. История и политика: философские истолкования.
Г 74 Монография. — М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2013. — 328 с. — (Научное
сообщество)

ISBN 978-5-00024-004-5

Монография Мошелкова Е.Н. посвящена философскому анализу политической и социальной динамики. Автор особое внимание уделяет тенденциям и метаморфозам исторического развития российского общества, циклическо-волновым процессам и матрицам временных ритмов в истории России.

Автор исследует взаимосвязи истории и политики, хода исторического процесса и развития политико-философской мысли в XIX и XX вв., анализирует пути развития политико-философского знания в реальном историческом контексте. Отдельный интерес представляют философские размышления автора о современном развитии России.

УДК 87.3
ББК 1/14(075.4)

Е.Н. Мошелков

История и политика: философские истолкования
Монография

Редактор-корректор *Косова Л.М.*
Компьютерная верстка *Ломакиной И.В.*

Подписано в печать 30.04.13. Формат 60x88/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 21. Уч.-изд. 21. Тираж 500 экз. Заказ №

ООО «АРГАМАК-МЕДИА»
105043, г. Москва, Измайловский бульвар, д. 14/36, корпус 1
Тел./факс: (499) 163 27 18, (495) 363 42 70, доб. 3-86. E-mail: argamak@infra-m.ru

Официальным дистрибьютором Издательства «Аргатак» является
ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М»,
127282, Москва, ул. Полярная, д. 31 В, стр. 1

Отдел продаж «Инфра-М»: 127282, Москва, ул. Полярная, д.31 В, стр. 1
Тел. (495) 363 42 60; факс (495) 363 92 12; e-mail books@infra.ru
Отдел «Книга-почтой», тел. (495) 363 42 60 (доб. 232, 246)

ISBN 978-5-00024-004-5

© Мошелков Е.Н., 2013
© АРГАМАК-МЕДИА, 2013, оформление

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
Раздел 1. МИРОВАЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА	8
1. Переходные общественные процессы: вопросы для современного исследователя.....	8
2. Переходные политические процессы: общие вопросы теории.....	15
3. Парадигмальные модели социально-политической динамики в общественной науке XVIII–XIX вв.	27
4. К вопросу об интерпретации социального времени.....	44
5. Смена мировых порядков и система международной безопасности в XXI веке.....	47
Раздел 2. РОССИЯ КАК ФЕНОМЕН МИРОВОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ	54
1. Политическая история России как нелинейный процесс.....	54
2. Преобразовательные процессы в истории России (XVIII — начало XX вв.): социально-политический аспект.....	55
3. Теория длинных волн Н. Кондратьева и социально-политическая динамика России.....	65
4. Дихотомия «власть–собственность» и матрица временного ритма России.....	71
5. Противоречия и метаморфозы политической демократизации российского общества (опыт компаративного анализа двух периодов отечественной истории XX века).....	98
6. Социальная историческая динамика в системе «Россия – Восточная Европа – Запад».....	140
Раздел 3. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОСОФСКО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ: ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ	147
1. Отечественная политическая мысль в контексте мировой политологии: основные проблемы.....	147
2. Проблема совместимости политологических категорий в научном диалоге России и Запада.....	166
3. Проблема «Россия – Запад» в отечественной философско-политической мысли 30–40-х гг. XIX в.	174
4. Политическая мысль и политическая история: проблема взаимодействия в российском контексте XIX века.....	180
5. Политика, государство, власть в концепции русской истории В. О. Ключевского.....	184

**Раздел 4. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ ПРАВА
В РОССИИ: ПУТИ РАЗВИТИЯ**..... 204

1. История философии права: судьба университетской дисциплины 204
2. История философии права как академическая дисциплина в университетском образовании России (XIX – начало XX в.)..... 209
3. Методология философско-политологических исследований (разработки отечественных ученых XIX – начала XX в.)..... 227
4. История философии права как интегративная наука..... 253

**Раздел 5. ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ И ПРАВА
КАК НАПРАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО
ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ**..... 261

1. Философия политики и права: прошлое, настоящее и будущее университетской дисциплины 261
2. Интеграция гуманитарного знания как актуальная задача (постановка проблемы)..... 268
3. Философия политики как современная университетская дисциплина..... 273
4. Философско-политическое и философско-правовое знание в контексте исторической эволюции системы наук (постановка проблемы)..... 276

**Раздел 6. СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ:
ФИЛОСОФСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ**..... 292

1. Политическая модернизация в России: современные дискуссии и национальный исторический опыт (сравнения, размышления, версии) 292
2. Современная государственная стратегия развития России: историческая традиция и мифы..... 307
3. Современная Россия и геополитические циклы европейской истории 311
4. Метаморфоза массового сознания в переходную эпоху (современная Россия)..... 315
5. Поможет ли «русская идея» в поисках национальной идеи для современной России?..... 317

ПРИЛОЖЕНИЕ

- Библиография основных научных работ
профессора Мошелкова Е. Н. (1981–2013 г.)* 322

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вниманию читателя предлагается книга, являющаяся сборником исследовательских и аналитических работ, написанных автором в течение тридцати лет. Все эти годы автор преподавал в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова, поэтому в основе представленных научных работ — лекции автора на философском факультете МГУ, многочисленные доклады и выступления на научных конгрессах, конференциях, симпозиумах, как в России, так и за рубежом.

В центре научных и учебных интересов автора всегда находилась Россия как большая и долгоживущая общественная система, изучение и, тем более — понимание которой является непростым занятием. Главной трудностью является то, что классические модели исторического процесса не работают при интерпретации исторической динамики российского общества. Эти модели не дают ясных и адекватных объяснений многих многих метаморфоз (иногда их называют «загадками») российской истории.

В своих работах автор пытается заглянуть «за горизонт повседневности», выйти за рамки событийной истории, нащупать и определить глубинные пружины и векторы национального развития. Нет необходимости говорить, насколько это трудная научная задача, и конечно, непосильная для одного человека.

В центре внимания автора постоянно находится проблема переходности, или (в современной терминологии) — проблема социально-политического транзита. Данная проблема не случайно в настоящее время находится в центре внимания различных гуманитарных наук. Вызвано это, прежде всего, объективной ситуацией в развитии мирового сообщества на современном этапе, когда различные и достаточно обширные регионы мира переживают период радикальных реформаций, пытаются в достаточно короткие исторические сроки порвать с прошлым и *перейти* в качественно новое общественное состояние.

Масштабные и противоречивые переходные процессы происходят в последние два десятилетия и в России. Изучение этих процессов и явлений представляет собой интерес для научного исследования в силу того, что Россия относится к числу таких общественных и государственных систем, которые на протяжении многих веков, сохраняя свою национально-государственную целост-

ность и идентичность, прошли через горнило многочисленных социально-политических ломок, катаклизмов, реформаций. Тем самым социально-политическая динамика России создает необходимый исторический масштаб для выявления устойчивых социальных тенденций, для познания механизма социальных изменений.

Научная достоверность и значимость различных вариантов интерпретации, как самой природы переходных процессов, так и прогностических моделей их развития, в решающей степени определяются общей научной концепцией исторического процесса, из которой исходит исследователь и которая задает категориальный аппарат и концептуальные основы социально-политического анализа.

Такой подход особенно важен с научной точки зрения, поскольку проблематика переходности в настоящее время в России, да и в других странах, широко включена не только в политическую ненаучную публицистику, но и в язык повседневного политического диалога и даже обыденной речи. «Упрощение» научных категорий в контексте ненаучного дискурса является достаточно распространенным явлением для современной российской действительности. Но применительно к проблемам переходности подобное «упрощение» становится далеко небезобидным, поскольку из поверхностных и дилетантских суждений о сути переходных процессов, например, в современной России могут вытекать ложные выводы, на основе которых потом будут построены ложные и губительные социально-политические стратегии развития страны, как на ближайшую, так и на длительную перспективу.

Научной интерпретации современных перемен в России до сих пор не смогла дать и политическая наука. Несмотря на множество подходов и концепций, в ней в разных формах доминировала сугубо идеологическая теория «постсоциализма» или «посткоммунизма».

В соответствии с этой теорией общественные перемены и новые политические, социально-экономические структуры в СССР и других бывших странах социализма связывались исключительно с падением и крахом социализма, рассматривались как главное и неотъемлемое следствие, результат этого краха.

На самом же деле — и это мой центральный, базовый тезис — суть общественных перемен последних десятилетий на «постсоветском» пространстве можно адекватно понять и объяснить только в гораздо более широком историческом контексте, а именно — в глобальном контексте политических и социально-экономических изменений длительной, многовековой протяженности, рассматривая при этом данные переме-

ны только как новый этап, новую фазу нелинейной исторической динамики, имеющей как общемировой, так и национальный аспект.

Здесь действительно смыкаются история и политика, одно дополняет и предопределяет другое. Но интерпретация этого исторического синтеза не под силу одной из конкретных общественных дисциплин, а нуждается в интегративном подходе, в метафизическом (философском) истолковании.

РАЗДЕЛ 1

МИРОВАЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА

1. Переходные общественные процессы: вопросы для современного исследователя

В последнее время, как в научной, так и в публицистической литературе, посвященной современным проблемам развития общества, стали широко употребляться такие понятия, как «переходный период», «переходный процесс» и т. п. Наверное, не нужно глубоко искать причины этого явления. Различные и достаточно обширные регионы мира переживают в настоящее время радикальные реформации, пытаются в достаточно короткие исторические сроки поправить с прошлым и **перейти** в качественно новое общественное состояние. Поэтому осмысление современного периода при любых подходах и исследовательских задачах с необходимостью связано с проблемой переходности как с качественно своеобразным и относительно конкретным общественно-историческим феноменом.

Может сложиться впечатление, что в общественной науке разных стран уже накоплен достаточно обширный материал по данной проблематике.

Видимо, впервые специально проблему переходного периода поставили в своих сочинениях 40–50-х годов XIX в. К. Маркс и Ф. Энгельс. У них она была неотъемлемой составной частью коммунистической теории, рассматривающей переход от капитализма к коммунизму как вполне реальную цель пролетарского движения XIX в.

В середине XX столетия сущность переходных процессов, правда, чаще всего косвенно, анализируется в западных исследованиях, посвященных проблеме тоталитаризма (Ф. Хайек, Т. Адорно, Х. Арндт и др.), в которых осмысливается не только природа тоталитарных обществ, но и пути, способы выхода из этих аномальных, на их взгляд, общественных состояний. В определенном смысле эту исследовательскую линию продолжили западные, в основном американские, экономисты, разработавшие ряд гипотетических моделей трансформации плановой экономики в рыночную. Наибольшую известность приобрела модель Дж. Сакса, являвшегося некоторое время экономическим советником посткоммунистических правительств в Польше и России.

И наконец, достаточно обширная литература посвящена теоретическому и эмпирическому анализу реальных переходных процес-

сов, которые уже осуществились, как правило, в послевоенный период в ряде стран (Испания, Германия и др.). Симптоматично, что и в России в последнее время вышло в свет сразу несколько исследований, посвященных проблемам перехода от плановой экономики к рыночной¹.

Наверное, можно было бы упомянуть и какие-то другие научные разработки и теории переходных процессов (например, теории модернизации традиционных обществ в индустриальные и т. д.), но более важным является другой вопрос: могут ли все эти исследования достаточно глубоко объяснить сложные и противоречивые процессы и явления, происходящие сейчас в странах с радикально меняющейся, переходной ситуацией? Обладают ли данные исследования и теории достаточной полнотой и универсальностью, чтобы объяснять различные переходные процессы?

Со всей определенностью мы должны ответить на эти вопросы отрицательно. Все имеющиеся теории и гипотетические модели ограничены в своих эвристических и прогностических возможностях, ибо они не являются общими теориями переходного процесса. Некоторые из них посвящены анализу перехода только от одной конкретной общественной системы к другой (например, переход от капитализма к коммунизму). Другие анализируют и обобщают уже реально осуществившиеся переходные процессы в страноведческом аспекте (Испания, Германия и др.). Ряд же исследований переходных процессов отдают приоритет какой-то одной, как правило, экономической сфере общества.

Таким образом, создание общей теории переходных процессов (периодов) является до сих пор нерешенной и, безусловно, необходимой задачей. И на пути создания этой теории перед современными исследователями встают ряд актуальных и трудных вопросов, точнее — блоков вопросов.

Первый. Исходный вопрос связан с выполнимостью самой исследовательской задачи: возможна ли вообще общая теория переходных процессов? Или, если вскрывать более глубокий пласт проблемы, являются ли переходные периоды, переходные состояния общества общей закономерностью исторического процесса?

Богатый материал для размышлений на эту тему может дать сравнительный исторический анализ переломных, экстремальных

---

¹ Переходы и катастрофы: опыт социально-экономического развития / Под ред. Ю. М. Осипова и И. Н. Шургалова. М., 1994; Бузгалин А. В. Переходная экономика. Лекции по политической экономии. М., 1994; Экономика переходного периода / Под ред. В. В. Радаева, А. В. Бузгалина. М., 1995.

общественных ситуаций, которые легко обнаруживаются во все века человеческой истории. Многие авторы, которые исследовали под этим углом зрения российскую историю, находили много общего и сходного, например, между революционными событиями 1917–1920 гг. и другими периодами российских общественных катаклизмов. Так, П. Б. Струве много общих черт находил в революции 1917 г. и Смуте XVII в. Он даже считал, что в 1917 г. «история вернула нас в новой форме к задачам, которые, казалось, были разрешены навсегда нашими предками»². Н. А. Бердяев обращал внимание на поразительные сходства в действиях и методах большевиков и Петра I³.

Сравнительный анализ различных эпох российской и мировой истории показывает, что повторяемость общественных событий и явлений с потрясающей закономерностью проявляется именно в экстремальные, переломные или переходные периоды. Это давно уже сделанное наблюдение убеждает в необходимости изучения переходных периодов и процессов с общих теоретических позиций.

Второй. Почему в процессе развития общества возникают ситуации, когда оно вынуждено переходить от одного качественного состояния в другое?

На первый взгляд ответ на этот вопрос представляется достаточно тривиальным. Общество — сложная динамичная система, которая постоянно видоизменяется; ее элементы и связи не статичны, а всегда находятся в движении, развитии. Постоянно меняются общественные формы, связи, количественные и качественные характеристики. Но изменения эти далеко не всегда реализуются в рамках спокойного и плавного процесса. Наоборот, человеческая история — это цепь перманентных катаклизмов: войн, революций, восстаний, государственных переворотов и тому подобное, во время которых и происходит радикальное изменение общественных условий. Уже из этого бесспорного рассуждения следует, что общественно-исторический процесс с необходимостью сопряжен с периодами различных общественных переходов, промежуточных общественных состояний.

Но достаточно ли только сравнительно-исторических наблюдений, чтобы ответить на поставленный вопрос? Скорее всего, нет. Существует еще одна проблема, связанная с пониманием, научной интерпретацией хода, механизма самого исторического процесса.

---

² Струве П. Размышления о русской революции. София, 1921. С. 17.

³ См.: Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 12.

Как известно, в общественной мысли с античности до настоящего времени можно выделить три основные парадигмы исторического познания, интерпретации исторического процесса: 1) *линейную* — рассматривает историю как линейный, стадийно-поступательный прогресс; 2) *циклическую* — для нее история представляет собой замкнутые циклы (круги) рождения, расцвета, заката и гибели социальных образований (этносов, культур, государственных систем и т. д.); 3) *синтетическую, линейно- (или стадийно-) циклическую*, в которой исторический процесс можно представить в виде спирали, когда общество на восходящем витке своего развития как бы возвращается каждый раз к решению в принципе аналогичных проблем.

В рамках любой из этих парадигм вырисовывается своя определенная концепция переходного процесса, в ней и дается ответ на то, почему и как общество переходит от одного качественного состояния в другое.

Третий. Сказанное выше вынуждает более внимательно приглядеться и к содержанию переходного периода, т. е. ответить на вопросы: что такое переходный период? каковы его качественные характеристики? какова структура переходного процесса? и т. д.

В поиске ответов на эти вопросы исследователь неизбежно столкнется с проблемой типологизации переходных процессов, ибо совершенно очевидно, что существуют переходные периоды, во время которых происходит радикальное перераспределение власти и собственности, меняются субъекты и носители этих общественных атрибутов (именно так понимается переходный период в формационной теории К. Маркса и Ф. Энгельса), а есть переходные периоды, когда при сохранении прежнего статуса власти и собственности, частично меняется механизм их соотношения и тем самым осуществляется не смена общественной системы, а ее самообновление и саморелаксация. Специально могут быть выделены переходные ситуации, когда после военно-политических и экономических катастроф на новом уровне происходит восстановление общественной системы (например, в послевоенной Германии и Японии).

Типологизация переходных процессов требует уточнения категориального аппарата. Это относится как к самим понятиям «переходный процесс», «переходный период», так и к ключевому для интерпретации исторического развития понятию «общественная система». Наконец, понятия «переходный процесс», «переходный период», как и любые другие научные категории, должны иметь не только собственное четко очерченное смысловое поле, но и в со-

держательном смысле точно соотноситься со смежными понятиями. В данном случае речь идет о понятийных рядах: «революция» — «трансформация» — «реформа» и «критическая ситуация» — «кризис» — «катастрофа». Содержание этих понятий оказалось в последнее время сильно размытым в связи с их частым и произвольным употреблением в популярной литературе, средствах массовой информации и в публичных дискуссиях.

В рамках категориальной идентификации переходных процессов необходимо также выявить их структуру, установить, по каким направлениям они протекают. И тем самым найти ответы на важные и злободневные вопросы. Один из них таков: может ли переходное общество с относительно одинаковой интенсивностью решать вопросы преобразований одновременно в нескольких общественных сферах или необходимо отдавать приоритеты каким-то отдельным сферам и направлениям?

Например, многие аналитики считают, что одна из причин трудностей и противоречий современных российских реформ связана с тем, что радикальные преобразования начинались одновременно в политической и экономической сферах, тогда как ни при каких прежних реформах политическая демократизация не совпадала по времени с либерализацией экономики. И может ли вообще кардинальная и болезненная ломка социально-экономических структур происходить в условиях нарастающего политического плюрализма и усиления статуса и роли представительных органов власти?

Ответы на эти вопросы имеют не только теоретическое, но и существенно практическое значение.

Четвертый. Поскольку переходные процессы происходят чаще всего в рамках отдельных национальных государств, хотя и могут иметь региональный или субконтинентальный масштаб, возникает и такой вопрос: каково соотношение национально-специфических и общих, интернациональных факторов в переходных процессах? Этот вопрос относится как к причинам переходных ситуаций, так и к их ходу. Но если причины переходных процессов выясняются в рамках научно-исторической парадигмы (см. второй блок вопросов), то ход переходного процесса — это относительно самостоятельная проблема. На такую мысль наводят сравнительные исследования перемен, которые в настоящее время происходят на территории бывшего СССР и в Восточной Европе. Несмотря на общие причины и многие сходства (не случайно для анализа этих процессов применяется общий термин «посттоталитарный или посткоммунистический процесс»), в них наблюдаются существенные, принципи-

альные отличия. Эти отличия касаются не только количественных показателей: темпов преобразований, социально-экономических результатов и т. д., но и существа процесса. Если в ряде стран Восточной Европы (прежде всего в Чехии, Венгрии и Польше) в достаточно короткий срок удалось создать основы новой политической и экономической системы, противоположной по своим главным характеристикам бывшей коммунистической системе, то в большинстве стран бывшего СССР, в том числе и в России, вместо подлинной политической и экономической демократизации мы сталкиваемся со специфическими формами неототалитаризма, когда под прикрытием демократических лозунгов возрождаются монополярные формы власти и собственности.

Таким образом, получается, что однотипные переходные процессы, имеющие общий побудительный мотив и одинаковую цель, протекают по-разному в специфических социальных средах. Из этого следует, что переходные процессы нуждаются в комплексном анализе. Наряду с выявлением общих, интернациональных факторов переходных процессов, связанных с общемировыми тенденциями («стадиями — циклами») необходимо учитывать национально-специфические условия, в которых протекает данный переходный процесс. При этом важную роль могут играть и чисто количественные показатели — размеры государства, количество населения, время существования старой системы и т. д., и исторические традиции в различных общественных сферах, и геополитические условия государства, и мн. др.

Пятый. Может ли общая теория переходных процессов быть настолько полной, чтобы предсказывать развитие переходного процесса или даже управлять им?

Прогностический аспект любой общественной теории — это наиболее сложная и трудоемкая часть научных исследований. Вместе с тем уже имеющийся исторический опыт и проведенные теоретические обобщения переходных процессов позволяют сделать вывод о том, что при всей противоречивости и спонтанности любых общественных переломов современные исследователи имеют возможность активно вмешиваться в этот процесс, сделать его более организованным, чем просто путь «проб и ошибок» или неуправляемая социальная импровизация.

Для этого, на наш взгляд, исследователь должен иметь ясность в следующих вопросах.

Во-первых, переходный процесс — это исторический отрезок, во время которого происходит радикальное изменение обществен-

ных условий, старый общественный порядок меняется на новый. В связи с этим принципиально важно заранее знать, от *чего* к *чему* происходит общественный переход, каковы качественные и количественные характеристики этих общественных альтернатив, каков примерный срок, временная протяженность, этапы переходного процесса.

И, во-вторых, уже из самой сути переходности ясно, что это период, в котором с необходимостью сочетаются, сосуществуют старое и новое. Поэтому нужно гипотетически представлять подвижную динамику соотношения старого и нового во времени и в пространстве.

Данные посылки, безусловно, носят больше философско-методологический, чем конкретно-содержательный, характер. Но только на их базе возможно построение прагматических концепций и тем более разработка практических программ переходных мероприятий.

Представленный здесь перечень вопросов к современному исследователю переходных процессов имеет калейдоскопический и условный характер. Значимость, соотношение и тем более перечень этих вопросов могут, разумеется, меняться в зависимости от научных подходов и задач. Но бесспорны два обстоятельства.

1) Теория переходных процессов должна иметь интегративный характер, соединять методологическое и идейное своеобразие и специфику различных теоретических подходов — философского, экономического, политологического, социокультурного и др. Интегративная сущность данной теории предопределяется природой самих переходных процессов, в которых отдельные направления и аспекты взаимозависимы и с необходимостью определяют друг друга.

Когда говорят о переходе к рынку, то часто все сводят к решению сугубо хозяйственно-экономических задач. Но нельзя забывать, что при создании рыночной экономики предстоит преобразовать не только структуры и институты, но и соответствующим образом должны измениться люди, их психология, менталитет, привычки. А это уже не только, а часто и не столько экономическая проблема.

2) При анализе современных посткоммунистических переходных процессов необходимо сознавать, что общественная наука в этом случае входит в область новых, уникальных социальных явлений, где она неизбежно столкнется с ограниченностью своих познавательных возможностей. Дело в том, что методологическая база и понятийный аппарат даже западной экономики, политологии и со-

циологии, которые по многим параметрам (объем накопленных знаний, разработка теорий и концепций, научные кадры, структуры, периодика, техническая оснащенность и т. д.) занимают ведущие позиции в мире, оказались недостаточны для того, чтобы объяснить и тем более предсказать многие современные процессы, в частности, сокрушительный развал коммунистической системы. Эти науки сформировались как осмысление и отражение процессов становления и развития западных прогрессирующих обществ в XIX–XX вв. и поэтому не могут адаптироваться в другой социальной реальности, важнейшими характеристиками которой являются распад, возвратность развития, деградация и т. д.

Таким образом, задача создания новых теорий в области общественных наук сводится в том числе и к радикальному обновлению методологической базы и понятийного аппарата социального познания.

Концептуальное осмысление и решение перечисленных в данной статье проблем, безусловно, позволят современному исследователю более активно и плодотворно участвовать в современных образовательных процессах.

2. Переходные политические процессы: общие вопросы теории

Типология общих теорий переходности. Проблемам переходности в мировой современной науке посвящен огромный объем литературы. Даже беглое знакомство с ней открывает многообразие моделей и методов, при помощи которых исследователи пытаются проникнуть в суть переломных периодов в развитии общества и природы.

Общая типологизация этого мощного научно-исследовательского массива приводит нас к выводу о том, что целесообразно выделить три основные группы теорий переходности.

Первая — философские или историсофские теории. Эти теории входят составной частью во все фундаментальные философские системы и непосредственно обусловлены определенной парадигмой социального времени (линейного, циклического или линейно-циклического, «спираль»), социального развития и рассматривают переходный процесс как фазу, период развития социального бытия. Поэтому ни одна более или менее заметная философская (или историсофская) система как в прошлом, так и в настоящее время (например, миросистемная модель Броделя, основанная на идее сегментации социального времени) не могла обойтись без своей модели переходности.

Но эти теории дают нам свое представление только о сути явления, направленности его развития, но не предлагают методологию анализа конкретных ситуаций и тем более методологию выработки программы практических действий в этих ситуациях.

В советской научной литературе в рамках формационной теории существовало целое направление изучения переходных периодов от одной общественно-экономической формации к другой⁴.

Вторая — *математизированные теории*. Данные теории переходности начали разрабатываться в конце 60-х — начале 70-х гг. нашего века в рамках математической теории катастроф, которая в то время противопоставлялась ньютоновской теории математического анализа. Утверждалось, что, если «ньютоновская теория позволяла исследовать лишь плавные, непрерывные процессы», то, «теория катастроф дает универсальный метод исследования всех скачкообразных периодов, разрывов, внезапных качественных изменений»⁵. Теория катастроф была построена на строгом математическом аппарате и графическом материале и оперировала главным образом абстрактными или природными объектами. Правда, в ней сразу же образовалось направление, стремящееся перенести математические методы и модели и на социальную сферу⁶. У нас в последнее время к теории катастроф все чаще стали обращаться экономисты, изучающие переходные процессы⁷.

Теория катастроф помогла выявить целый ряд общих характеристик и закономерностей возникновения и протекания переходных процессов. Но в целом необходимо отметить, что область применения ее методов в социальной сфере очень ограничена, так как теория катастроф полностью отстраняется от специфических (субъективно-волевых) факторов социального процесса, что, впрочем, сознают и сами представители теории катастроф⁸.

---

⁴ Сошлемся здесь только на два коллективных и в определенном смысле итоговых, изданных Институтом философии АН СССР: Смена стадий общественного развития. Проблема переходных периодов и переходных форм общественных отношений. М., 1982; Проблемы переходного периода и переходных общественных отношений (Формационные ступени общественного развития). М., 1986.

⁵ Арнольд В. И. Теория катастроф. М., 1990. С. 7.

⁶ См.: Арнольд В. И. Теория катастроф. М., 1990; Кастри Дж. Большие системы. Связность, сложность и катастрофы. М., 1982; Постон Г., Стюарт И. Теория катастроф и ее приложения. М., 1980.

⁷ См.: Переходы и катастрофы: Опыт социально-экономического развития. М., 1994.

⁸ Т. Постон и И. Стюарт пишут: «Заклучения, выведенные из них (из гипотез теории катастроф. — Авт.), могут быть полезными..., но их нельзя рассматривать как теоремы об обществе» (Постон Т., Стюарт И. Теория катастроф и ее приложения. М., 1980. С. 514).

Существенный толчок к изучению отдельных аспектов нестабильных, переломных периодов в эволюции динамических систем дали теории систем, которые с конца 60-х гг. стали активно разрабатываться в СССР. Анализ исследований в этой области показывает, что на протяжении длительного времени они искали свое применение прежде всего в конкретных сферах жизнедеятельности человека (медицина, педагогический процесс) и в меньшей степени пытались создать системные модели развития общества как единого целого⁹.

Третья — политологические теории. Данные теории появились как ответ на объективную потребность в анализе такого феномена второй половины XX в., как переход бывших тоталитарных или авторитарных режимов к демократии. Над всесторонним (хотя и не без явного уклона в политическую сферу) изучением этих периодов на Западе уже несколько десятилетий работают многочисленные научные центры, собравшие и обобщившие богатейший материал из новейшей истории Германии, Испании, Португалии, Греции, Чили и ряда других стран. На основе этих исследований выпущено огромное количество изданий¹⁰.

Результаты этих исследований весьма полезны для анализа переходных процессов, но тем не менее прямо и непосредственно лежащую в их основе теоретическую модель посттоталитарного или поставторитарного развития применять к анализу современных переходных процессов в России некорректно, так как здесь в настоящее время происходят изменения по своей сути более сложные, чем посттоталитаризм или поставторитаризм.

Таким образом, при обобщенном типологическом анализе существующих теорий переходности мы сталкиваемся как бы с двумя исследовательскими полюсами: одни теории оперируют абстрактными схемами, философскими или математизированными моделями, которые прямо не работают при анализе реальных процессов,

---

⁹ См., периодическое издание: Системные исследования: Ежегодник (1969–1991 гг.), а также сборники: Философско-методологические основания системных исследований. М., 1983; Дialeктика и системный подход. М., 1986.

¹⁰ Назовем только наиболее фундаментальные из них: From Dictatorship to Democracy: Coping with the Legacies of Authoritarianism and Totalitarianism. Westport, 1982; Transition from Authoritarian Rule. Prospects for Democracy. Baltimore, 1986; The New Mediterranean Democracies: Regime Transition in Spain, Greece and Portugal. L., 1984. Обзорно-реферативные материалы о данных исследованиях в отечественной периодике см.: Хенкин С. М. Испанские социалисты: политическая практика и научные изыскания // Полис. 1990. № 6; Стрижевская Ю. Переходы от авторитарных режимов // Общественные науки и современность. 1992. № 5. С. 145–154; Макарычев А. Общества в периоды трансформации: взгляд из Амстердама // Мировая экономика и международные отношения. 1992. № 10. С. 149–154.

другие, наоборот, строят свои обобщения и модели на реальном, эмпирическом материале, но, как оказывается, их также неправомерно непосредственно использовать при анализе специфических социальных сред. Данное заключение подводит нас к мысли о необходимости создания такой теории переходности, которая смогла бы интегрировать существующие подходы и создать модели переходных процессов в социальных системах, имеющих сложную и многоуровневую сеть детерминаций как общемировых, так и конкретно национальных. Необходимость создания именно таких моделей осознается многими учеными во всем мире. И не в последнюю очередь этому способствовало фактическое фиаско западной гуманитарной науки, которая оказалась в конце 80-х гг. не в состоянии не только спрогнозировать, но даже объяснить катастрофические процессы, которые произошли в бывших социалистических странах, особенно в СССР.

Но такая теория не может быть ограничена лишь областью общих понятий о природе, свойствах и закономерностях переломных процессов. Она должна быть адаптирована к конкретной социальной среде. Особенно это важно при анализе переходных явлений в сложных общественных системах, социальная динамика которых основана на действиях не только внешних (общих), но и внутренних (национальных) матриц развития. Последнее замечание означает, что общие представления о переходном процессе должны быть дополнены стратегией (или алгоритмом) перехода, понимаемой как осмысленная и нацеленная на перспективу деятельность людей по реализации научного знания в конкретных социальных и исторических условиях.

Переход как особая форма социального бытия. Существует множество теорий и интерпретаций переходных явлений в обществе, но несмотря на это давно замечено, что они фактически не поддаются интерпретации с помощью понятий и логики «нормального развития». Специалисты, изучавшие различные сферы и аспекты переходности, выходят из положения тем, что только констатируют во многом непонятную, непредсказуемую природу переходных процессов. В экономической литературе, например, встречается трактовка переходного процесса как своеобразного, «черного ящика»: «исследователь знает, что, имея данную информацию о количественных изменениях на входе, он не может с полной опреде-

ленностью предсказать какие изменения вызовет введение данной информации на выходе»¹¹.

Американский ученый В. Банс, например, предпочитает употреблять при характеристики переходных процессов такие понятия как «неопределенность» и «непредсказуемость»¹².

На то, что в переходные периоды происходит что-то действительно не то, что легко укладывается в наши общепринятые представления о мире, свидетельствуют и некоторые факты русской истории.

Общепринято, например, такое умозаключение: для выведения страны из ситуации противостояния и хаоса необходим сильный национальный лидер, который мог бы сплотить и мобилизовать народ на решение крупных задач. Но возьмем, например, русскую Смуту XVII в., которую многие авторы сравнивают с современным этапом нашего развития, справедливо называя его также величайшей смутой. Но, какой лидер вывел русский народ из Смуты XVII в.? По авторитетному мнению В. О. Ключевского, такого лидера не было. «Московское государство, — пишет он, — вышло из страшной Смуты без героев; выводили из беды добрые, но посредственные люди»¹³.

Изучение переходных процессов в России может разрушить не только вышеуказанные, но и другие стереотипы.

Все это заставляет нетривиально посмотреть на природу переходного общества.

Природа переходного общества. В большинстве теорий переходности природа переходного общества истолковывается, в сущности, как тривиальное смешение элементов старого, уходящего и разрушающегося общества и нового, нарождающегося, формирующегося общества. Именно на этой идее построены многие экономические теории переходного кризиса как сложно и болезненно разрушающегося противостояния, конфликта старого и нового¹⁴.

Думается, что это очень упрощенная трактовка переходного общества. Усомниться в этом заставляют, например, исследования и описания так называемых неустойчивых, диссипативных структур, которые проводились еще в начале 50-х гг. в СССР (Б. Белоусов), а затем в 70-е гг. продолжались на Западе (И. Пригожин и Г. Хаген).

---

¹¹ Переходы и катастрофы: Опыт социально-экономического развития. С. 13.

¹² См.: Банс В. Элементы неопределенности в переходный период // Полис. 1993. № 1. С. 13.

¹³ Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. Т. III. М., 1988. С. 58.

¹⁴ См. например: Аукуционек С. П. Теория перехода к рынку (пособие для изучающих микроэкономику). М., 1993.

В этих исследованиях были обнаружены удивительные свойства промежуточных продуктов химических реакций. В частности, во время этих реакций были зафиксированы особые структуры, которых нет ни в начале реакции, ни после нее; эти структуры рождаются и живут только в условиях переходного хаоса и исчезают, как только система начинает получать стабильные измерения¹⁵. Эти данные наводят на мысль о том, что переходные состояния общества — это не просто смешение допереходных и постпереходных состояний, а это иная, «третья» социальная реальность, имеющая *иные* социальные структуры и социальную природу.

Дополнительные аргументы в пользу такого вывода мы получаем при анализе природы времени, которое протекает в переходных обществах. Его также нельзя однозначно истолковать или как линейное (или нелинейное), или как циклическое (или нециклическое) — это ступок, синтез временных ритмов, различных не только по протяженности, но и по своей природе. По мнению А. Панарина, например, такой интегративной природой («срединное время») обладает социальное время России вообще, в силу ее срединного, промежуточного цивилизационного положения¹⁶.

Еще с большей силой необычность времени начинает проявляться и ощущаться людьми в период переломных процессов. На это явление обратили внимание в своих исследованиях специалисты Института социологии АН СССР. Материалы социологических опросов привели их к следующим заключениям: «В переходный период становится проблематичной сама включенность человека в социальный поток времени. История, общество, группы, индивиды начинают жить по разным часам... В переходных структурах время становится самостоятельной, равнодушной и отчужденной силой по отношению к человеку. Та связь времени и человека, о которой он обычно не задумывается, становится предметом заботы, усилий и решений, надежд и огорчений»¹⁷. Ситуацию эту можно определить метафорой, произнесенной одним из литературных персонажей: «Распалась связь времен!».

---

¹⁵ См: *Трофимова И.* Философия волшебной палочки. Хаос, на котором держится мир // Независимая газета 1996. 16 апреля. С. 6.

¹⁶ См.: *Панарин А. С.* Россия в цивилизационном процесс. М., 1985. С. 29–31. О «нелинейности» и «завихрении» социального времени (и пространства) в переходные периоды пишет А. В. Бузгалин (см.: *Бузгалин А. В.* Переходная экономика: Курс лекций по переходной экономике. М., 1994. С. 22–24).

¹⁷ Влияние переходных социокультурных структур на социальные качества человека. М., 1990. С. 37.

Возникновение «иных» структур и «иног» времени в переходном обществе обусловлено, на наш взгляд, пересечением в нем различных по своей природе детерминационных влияний. Важнейшие среди них — это внешние детерминации.

В отечественной гуманитарной мысли уже давно существует целое направление изучения внешних воздействий на общество, направление и по сей день до конца непонятое и широко не признанное — «русский космизм»¹⁸, представители которого предлагали для более адекватного понимания социальных изменений выйти за земные рамки и обратить внимание на Космос.

А. Л. Чижевский, например, автор появившейся в 20-х гг. и давно забытой теории физических (в основном — солнечных) влияний на исторический процесс писал: «Человечество, населяющее Землю, находится под постоянным, мощным и сложным воздействием Космоса, которое мы лишь с трудом учимся улавливать и понимать. Но для нас уже нет никакого сомнения в том, что жизнедеятельность и отдельного человека и всего человечества находится в тесной связи с жизнедеятельностью всей Вселенной, охватывающей земной шар со всех сторон... Не только солнце, ближайший к нам источник энергии и жизни, оказывает на нас свое великое влияние, но весь окружающий мир, с бесконечным количеством небесных тел, являющихся источником ряда воздействий, раскрытие которых, по-видимому, составит одну из увлекательнейших задач грядущей науки¹⁹».

Слова эти сказаны несколько десятилетий назад, но задачи, о которых говорил Чижевский, актуальны и для современной науки.

Думается, что достаточно плодотворным направлением в анализе социальной динамики может стать изучение различных уровней детерминации развития на примере какой-то отдельной общественной системы (например, России), эволюция которой, особенно переломные периоды может помочь понять механизмы взаимодействия детерминационных уровней. Таких уровней может быть выявлено достаточно много, но представляется совершенно определенно, что они разделяются на две категории — эндогенные (внутренние), в качестве которых выступают названные матрицы (или матрица) развития локальных систем и экзогенные (внешние) уровни. К этому типу уровней детерминационных влияний кроме уже давно изуча-

---

¹⁸ См.: Русский космизм: Антология философской мысли. М., 1993.

¹⁹ *Чижевский А. Л.* Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия. М., 1995. С. 695, 696.

емых, например, динамика мировой (прежде всего наиболее развитой) экономики (кондратьевская волна) необходимо отнести и влияние космоса, который в свою очередь является безусловным источником различных изменений в хозяйственной жизни на Земле и прямо влияет на динамику экономической жизни²⁰. Природные и динамичные характеристики этих космических влияний относятся на сегодняшний день к наименее познанным явлениям. Разумеется, что на пути этого познания стоят действительные препятствия, так как, судя по всему, современные исследователи в настоящее время пока не располагают адекватными методологическими и эвристическими средствами для целостного познания космической (неземной) реальности. Д. И. Вернадский, например, полностью осознавая эту трудность, предлагал проникновение в тайну Космоса начинать с изучения земной жизни и земных явлений. В одной из своих работ он писал: «Ясно, что жизнь неотделима от Космоса и ее изучение должно отразиться — может быть, очень сильно — на его научном облике»²¹. Невольно в этой связи вспоминается афоризм Маркса: «Анатомия обезьяны — ключ к анатомии человека».

Указанный методологический принцип было бы целесообразно применить и при изучении социальной динамики. Переходные процессы, как периоды чрезвычайных аномалий и возбуждений в общественной жизни, фаза пересечения и переплетения различных временных ритмов, а значит детерминационных матриц (или детерминационных уровней — в том числе и космического) могут дать ключ к познанию более общих закономерностей человеческого бытия. В эти периоды как раз потому и течет «иное время» и возникают «иные структуры», что здесь «время» и «реальность» Земли пересекаются с «временем» и реальностью» Космоса.

Такой подход должен вывести гуманитарные, в том числе и исторические исследования за рамки традиционных понятий и терминов, ограниченность которых в объяснении важнейших общественных явлений и процессов — например, переходных — становится все более очевидной. Возьмем, к примеру, проблему реформ в рос-

---

²⁰ См.: *Чижевский А.Л.* Физические факторы исторического процесса. Калуга, 1924; *Ковалев Ю.* Перспектива России: коммунистический ренессанс? (Космический аспект проблемы). М., 1994. Наличие экзогенных космических факторов здесь только констатируется как неотъемлемая составная часть общей схемы детерминационных воздействий на российскую социальную динамику, но подробно не рассматривается, так как эта проблема по изначальному замыслу автора выходит за рамки настоящего исследования.

²¹ *Вернадский В.И.* Изучение явлений жизни и новая физика // Труды биогеохимической лаборатории. Т. XVI. М., 1980. С. 276.

сийской истории. Ей посвящено немало литературы, но как это не парадоксально звучит, в ней так и не дано убедительных объяснений ключевому и «вечному» вопросу — почему все российские реформы, как правило, не приводили к желаемым результатам и переходили в контрреформы?

В солидном издании А. А. Искендерова²², которое имеет для данной темы во многом итоговый и обобщающий характер, на прямую постановку данного вопроса следует перечисление следующих причин: не достаточно сильные и слаженные усилия реформаторов, сопротивление антиреформаторских сил, отсутствие широкой социальной базы, позиция императора т. д. и т. п.²³ Разумеется, такие обстоятельства не могут быть признаны убедительными причинами кардинальных общественных сдвигов в России от реформ к контрреформизму, они не могут объяснить ни ход отдельных реформ, ни повторяемость реформационно-контрреформационных процессов, ни тем более сложную и противоречивую природу реформы как переходного общественного процесса. Не могут, потому что современная историческая наука по-прежнему оперирует моделями причинно-следственных связей, не выходящих за рамки сугубо общественных явлений. Становится понятным при этом, достаточно резкое и неожиданное замечание Чижевского: «...Следует признать тот неоспоримый факт, что *история человечества есть совсем нечто другое, чем история историков*. Последние не много понимали и понимают в жизнедеятельности того *огромного биологического вихря, который метет человечество вокруг некоторого постоянного физиологического центра и проекционную схему которого дает нам история*, глядящая на этот вихрь из платоновой пещеры»²⁴. Данное замечание в определенной степени относится и к другим социально-политическим наукам.

Основные характеристики (или свойства) переходных процессов. Понимание природы переходного общества должно быть дополнено раскрытием его основных характеристик или свойств, которые проявляются при динамических явлениях внутри этого общества. Можно выделить несколько таких закономерностей или свойств.

---

²² Следует отметить, что А. А. Искендеров является член.-корр. РАН и гл. редактором журнала «Вопросы истории», т. е. его мнение в среде историков весьма авторитетно.

²³ См.: Искендеров А. А. Российская монархия, реформы и революция // Вопросы истории. 1994. № 1. С. 113–114. Полный текст работы опубликован в журнале «Вопросы истории» (1993. № 3, 5, 7; 1994. № 1, 6).

²⁴ Чижевский А. Л. Космический пульс жизни. С. 642.

Первое заключается в неизбежном и резком ухудшении состояния системы в период ее перехода от одного состояния к другому. Параметры этого переходного состояния значительно хуже, чем были до перехода и будут после него. Отечественный исследователь В. Ф. Венда формулирует данную закономерность через понятие «структура» следующим образом: «...При переходе на другую структуру, в том числе и существенно более перспективную, по возможности при ней максимуму эффективности возникает тенденция снижения эффективности на период, необходимый для трансформации старой структуры в новую»²⁵. Переходное общество — это зародыш, эмбрион предполагаемой, будущей общественной жизни, поэтому оно «хуже старого», по многим параметрам менее развито, чем старое состояние, но оно «хуже» нового, ибо еще только стремится развиться в это новое.

Второе. Важной характеристикой, выявленной в ходе эмпирических наблюдений за поведением различных систем, является прямо пропорциональная зависимость снижения неустойчивости, нестабильности системы и близости «порогового» рубежа, за которым начинается новое качество²⁶. Иными словами — процесс снижения неустойчивости системы в основных параметрах ее функционирования имеет необратимый характер, и поэтому возможность «нового отката» у границ «порогового» рубежа маловероятна. Возникновение нового качества означает разрушение и исчезновение переходных (иногое, «третьего») времени и реальностей, и процесс этот имеет необратимый характер.

Эти явления не надо путать с механизмом адаптации системы к постоянно меняющимся внешним условиям, который действует на всех фазах развития системы. В переломные периоды адаптационные процессы, течение которых можно предугадывать, заменяются пороговыми (или бифуркационными) изменениями, развитие которых уже непредсказуемо²⁷. Н. Моисеев проиллюстрировал данную ситуацию на примере протекания жидкости по трубе. Пока количества жидкости мало, ее течение имеет ламинарный характер, т. е. все слои жидкости перемещаются параллельно, не перемешиваясь. Когда переходится некий порог количества жидкости, то характер его

---

²⁵ Венда В. Ф. Волны прогресса. М., 1989. С. 14.

²⁶ См.: Кастли Дж. Большие системы: Связность, сложность, катастрофы. М., 1982. С. 181–182; Арнольд В. И. Теория катастроф. М., 1990. С. 101.

²⁷ См.: Моисеев Н. Н. Алгоритмы развития. М., 1989. С. 29–32.

движения становится турбулентным, т. е. слои жидкости перемешиваются, создаются вихревые потоки²⁸.

Примерно тоже самое происходит и с социальными системами, когда они в своем развитии переходят некий порог и вступают в полосу развития, которая характеризуется непредсказуемыми флуктуативными изменениями.

Как происходит «самоспасение» системы в этой ситуации — не до конца ясно. Похоже, что общество (как любой живой организм) в момент перенапряжения сил получает «второе дыхание», позволяющее ей преодолевать преграды. Эти качества экстремальной ситуации, являются недолго живущими индикаторами «иного» времени, «иной» реальности. Они появляются для спасения системы и выведения ее на новый уровень качества, при нормальном ходе развития они не нужны.

Третье. В переходном обществе всегда взаимодействуют постепенные и взрывные процессы. Это две формы развития переходного времени и переходной реальности, они не могут подавить друг друга, хотя и находятся в состоянии постоянного противоборства и не могут обойтись друг без друга. На эту закономерность обратил внимание, в частности, Ю. М. Лотман при анализе процессов развития культурных и семантических систем. В своей итоговой книге «Культура и взрыв» он писал: «Постепенные и взрывные процессы, представляя собой антитезу, существуют только в отношении друг к другу. Уничтожение одного полюса привело бы к исчезновению другого... Нас не должно вводить в заблуждение то, что в исторической реальности они выступают как враги, стремящиеся к полному уничтожению другого полюса. Подобное было бы гибелью для культуры. К счастью, оно не осуществимо»²⁹. Существование этих двух полюсов переходного развития есть отражение и проявление бинарности мирового бытия как одного из его фундаментальных свойств. Сочетание постепенности и взрывности в динамическом процессе может быть различным: они могут сменять друг друга, а могут происходить и одновременно, но в разных пластах или сферах процесса. Ю. М. Лотман описывает эту закономерность следующим образом: «Взрывы в одних пластах могут сочетаться с постепенным развитием в других. Это, однако, не исключает взаимодействие этих

---

²⁸ См.: *Моисеев Н. Н.* Алгоритмы развития. М., 1989. С. 31–32.

²⁹ *Лотман Ю. М.* Культура и взрыв. М., 1992. С. 17–18.

пластов... Еще более существенно одновременное сочетание в разных сферах культуры взрывных и постепенных процессов»³⁰.

Данный методологический принцип — сочетание постепенности и взрывности, скачкообразности — очень важен для анализа общественных переходных процессов. Эти процессы не могут успешно развиваться либо только в виде взрывов, либо только как постепенное развитие. В реальности происходит их сложное и противоречивое сочетание. Но это уже не только теоретическая, но и практическая проблема. Первостепенное значение это положение имеет для современных отечественных процессов, о чем также размышляет Ю. Лотман, ибо, по его мнению, «русская культура осознает себя в категориях взрыва», что обусловлено во многом ее историей и ее культурной традицией»³¹.

Выделение и рассмотрение данных характеристик показывает, что адекватное понимание механизмов и тенденций переходных общественных процессов возможно только в рамках философского анализа развития органических систем, в контексте единых свойств развивающегося бытия. Сведение же данной проблемы только к развитию социума и тем более к его отдельным сферам неизбежно приводит исследователя к упрощениям.

Так, например, в современных отечественных экономических теориях переходного периода существует достаточно специфическая трактовка рассмотренных выше характеристик. В рамках этих теорий отдельные элементы и явления переходных процессов анализируются при помощи обобщающего понятия «переходный кризис»³². Снижение эффективности общества, адаптационные изменения и т. д. объясняются рыночным реформированием планового хозяйства. Правда, при этом следует важная констатация того, что «это особый тип кризиса, мало похожий на те, которые изучала экономическая наука на протяжении 200 лет. Неудивительно, что многие его черты оказались полнейшей неожиданностью для специалистов»³³. Думается, что в России действительно происходят сейчас переходные явления, которые не могут быть объяснены только в категориях экономических кризисных измерений, потому что меняется не только экономика и не только плановое хозяйство, но и происходит очередной кардинальный сдвиг во многовековой динамике российского общества.

---

³⁰ Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992. С. 25–26.

³¹ Там же. С. 17–18.

³² См. например: Аукционец С. П. Теория перехода к рынку (пособие для изучающих микроэкономику) М., 1993. С. 20–23.

³³ Аукционец С. П. Кризис переходного периода: микроэкономический аспект // Куда идет Россия? Альтернатива общественного развития. П. М., 1995. С. 80.

3. Парадигмальные модели социально-политической динамики в общественной науке XVIII–XIX вв.

В истории философской и социально-политической мысли существует множество моделей и концепций общественного развития, которые, если присмотреться к ним внимательно, по сути сводятся к двум фундаментальным парадигмам³⁴.

Эти фундаментальные парадигмы социальной динамики дают принципиально отличные друг от друга объяснения хода и механизма человеческой истории. Элементы этих парадигм обнаруживаются уже в учениях Античности, но развернутое теоретическое обоснование они получают позже — в Новое и даже Новейшее время. Речь идет, во-первых, о парадигме линейной-поступательного или стадийно-восходящего прогресса и, во-вторых, о круговороте истории, о замкнутом **цикле** (рождение – созревание – гибель) существования локальных общественных систем. В основе этих парадигм лежат два фундированных представления о времени вообще и о социальном времени, в частности: *хронология* (фиксация поступательного хода событий, прогрессивного или регрессивного развития общества) и *хронометрия* (фиксация циклически повторяющихся событий и явлений как в природе — например, суточный или годовой цикл — так и в обществе). В реальном природном и общественном процессе хронологическое и хронометрическое время практически не существует в «чистом» виде, а накладывается друг на друга³⁵. Это обуславливает периодическое появление в истории человеческой мысли

---

³⁴ Автор настоящей работы следующим образом определяет понятие «научная парадигма»: это «субъективный образ или мыслимая картина мира, основанные на одном из фундаментальных свойств развивающегося бытия». Не трудно заметить, что данная трактовка отличается от дефиниции Т. Куна: «Под парадигмой я понимаю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решения» (Кун Т. Структура научных революций. М., 1977. С. 11). А именно это определение получило после перевода книги Т. Куна на русский язык наиболее широкое распространение среди отечественных обществоведов (см., например: Яковец Ю. В. Истоки и перспективы формирования постиндустриальной парадигмы обществоведения. М., 1996).

³⁵ В отечественной научной литературе данная тема (парадигмы социального времени — парадигмы исторического процесса) никогда фундаментально не разрабатывалась, хотя целый ряд ученых подходили к ней вплотную: См.: Барз М. А. Категории и методы исторической науки. М., 1984. С. 62–99; Гобозов И. А. Смысл и направленность исторического процесса. М., 1987. С. 52–60; Артыков Т. А., Молчанов Ю. Б. О всеобщем и универсальном характере времени // Вопросы философии. 1988. № 7. С. 134–140; Полетаев А. В., Савельева И. М. Циклы Кондратьева и развитие капитализма. М., 1993. С. 148–166; Панарин А. С. Философия политики. М., 1994. С. 62–91; Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997 и др.

не только «линейных» и «циклических» парадигм, но и моделей, являющихся синтезом линейности и цикличности.

Рассмотрение данных парадигм, или парадигмальных моделей, позволяет лучше и предметнее понять суть развернувшихся в настоящее время в гуманитарных науках (особенно, в социологии, экономике и истории) дискуссий о необходимости поиска новой методологии (новой парадигмы), которая позволила бы адекватно интерпретировать сложные и противоречивые общественные процессы на рубеже второго и третьего тысячелетий.

Парадигма линейно-стадиального прогресса. Рассмотрение различных парадигм исторического процесса целесообразно начинать с XVII — начала XVIII вв., когда прежде всего во французской философии и политической мысли в противоположность господствующим до этого теологическо-спиритуалистическим или натуралистическим объяснениям истории начинается научный поиск и выявление причинно-следственных связей общественных явлений. Появляется философия истории³⁶ — новая теория общества, объясняющая исторический процесс, прежде всего как поступательный и бесконечный прогресс, неуклонное улучшение и совершенствование системы общественных отношений и самого человека. Эта теория ищет источник и механизм этого прогресса не вне, а внутри общества.

Логика развития идей этой новой теории у французских и немецких философов и просветителей XVIII – начала XIX вв. с необходимостью приводит к постановке трех важных вопросов: 1) почему угасают, а затем гибнут общественные системы (например, Римская империя — Монтескье пишет специальный труд под названием «Размышления о причинах величия и падения римлян»; 2) как, на основе чего возникают на месте гибнущих, новые, более совершенные общественные системы?, 3) необходимый связующий вопрос — что лежит между старыми и погибающими системами и новыми, возникающими, или как осуществляется переход от старого к новому, какова природа этого переходного общественного состояния?

Просвещение XVIII в. само по себе было явлением переходной эпохи, во время которой осуществлялся переход всего цивилизованного мира от одного типа политического и социально-экономического строя (феодализма), к другому (капитализму).

---

³⁶ Считается, что этот термин ввел в оборот Вольтер, который именно так назвал свою работу (1765 г.), ставшей вступительной частью к труду «Опыт о нравах и духе народов».

С одной стороны, теории просветителей (если принять за вершину этого течения французских мыслителей XVIII в.) можно рассматривать как отражение и осмысление реальных переходных процессов, которые к началу XVIII в. уже происходили в ряде стран (Англия, Северная Европа), но с другой — они были теоретико-идеологической подготовкой, обоснованием необходимости кардинальных общественных преобразований в таких странах, как Франция и Германия.

Собственно это и было главным в Просвещении — обосновать и оправдать необходимость общественной ломки и возможного и даже неизбежного при этом насилия. Поэтому, несмотря на то, что многие идеи Просвещения (идея прогресса, свободы, всеобщего разума и т. д.) можно встретить у мыслителей разных эпох, доминирующим мировоззрением они смогли стать только тогда, когда возникли реальные предпосылки и условия для их реализации в XVIII в., в эпоху формирования буржуазного строя на месте рухнувшей феодально-аристократической системы.

Развитие истории в воззрениях просветителей (Вольтер, Кондильяк, Морелли, Дидро, Гердер, Гольбах, Кант и др.) определяется ключевой идеей о неминувом прогрессе как процессе непрерывного совершенствования и улучшения общества и человека. Они признавали дискретный характер этого процесса, который предполагает попятное движение, тупики, зигзаги и т. д., но вместе с тем неизменным оставалось для них неизбежное торжество «порядка» над «беспорядком» и «хаосом» в общественных отношениях, человеческих добродетелей над пороками, лучших форм общественного устройства над худшими.

«Порядок» — это ключевое понятие для просветителей. Именно «порядок» фундаментирует общественные отношения, обуславливает постоянное и неуклонное восхождение общества от одной менее совершенной ступени развития к другой более совершенной. Хаос, «беспорядок», который неминуем при этом переходе, преходящ и кратковременен. Его нужно пережить человечеству как «прискорбную» необходимость.

Выросшие из такого понимания переходных общественных процессов идеи и практики революционного насилия обусловили в ряде стран Европы, например во Франции конца XVIII – начала XIX вв., многолетнюю эпоху кровавых революций и гражданских войн. Терпимость общественного сознания к революционному насилию объяснялась, прежде всего, прогрессистским пониманием любого общественного перехода как кратковременного скачка,

непродолжительного отклонения от нормы, от порядка. Один из крупнейших французских мыслителей того периода историк Ф. Гизо, имея в виду революцию 1830 г., писал: «Франция хотела революции, которая была бы нереволлюционной и которая одним бы махом дала ей порядок вместе со свободой»³⁷.

Всестороннее развитие и обоснование просветителями идеи поступательного, хотя временами и прерывающегося революциями и «беспорядками», прогресса является одной из фундаментальных парадигм исторического процесса, оказавшей сильное влияние на общественную науку XIX–XX вв.

Телеолого-формационный («первичный») синтез. Первой фундаментальной системой взглядов на развитие общества, в которой происходит совершенно определенный выход за рамки линейно-прогрессистских представлений об историческом процессе, является система Гегеля.

В «Лекциях по философии истории» Гегель приходит к заключению, что Мировой дух, который творит историю, не только изменяется в пространстве и во времени, не просто переходит от одного качества исторического бытия к другому, но и на новом витке истории «возвращается к самому себе», качественно обновляя и дополняя себя новым социальным опытом. Исторический путь Мирowego духа, по Гегелю, есть «кругообращение ступеней» по восходящим виткам мировой истории («мировая спираль»).

Таким образом, парадигма общемирового прогресса, из которой исходит Гегель в своей системе, дополняется и развивается идеей сложной (спиралеобразной) траектории этого прогресса по восходящим ступеням истории. Восхождение это осуществляется, по мнению Гегеля, не в результате плавного движения, а путем «перерыва постепенности», скачка, взрыва.

В 40-е годы XIX в. в Европе появляется социально-политическая теория, предложившая новый и оригинальный взгляд на сущность и направленность исторического процесса. Создатели этой теории — К. Маркс и Ф. Энгельс постоянно подчеркивали противоположность своих воззрений предшествующим социальным теориям. Достаточно сказать, что первая глава «Немецкой идеологии» — труда, в котором впервые концептуально и была изложена эта новая теория, так и называлась — «Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений». Но противоположность еще не значит отсутствие преемственности. Как раз наоборот, теория

---

³⁷ Guizot F. Trois generation. 1789–1814–1848. Paris. 1863. P. 181–182.

Маркса и Энгельса — это попытка развить Гегеля, совместить, синтезировать идею прогресса с идеей исторического цикла, зародыши которой содержат учения античных философов, которых, как известно, Маркс прекрасно знал.

В центре внимания новых воззрений попадает идея о необходимости мировой коммунистической, или социальной, революции. Но в отличие от предшествующих социалистов и коммунистов, которые также употребляли этот термин, у Маркса коммунистическая революция является не просто способом насильственного протеста с определенными целями и лозунгами, но и объективно необходимой и наиболее адекватной формой перехода от одной формации к другой или, по крайней мере, от капитализма к коммунизму. Коммунистическая революция у Маркса — это и упорядочение беспорядка и преодоление хаоса (просветители), так как в результате возникает новый, более совершенный общественный строй; это и скачок, «перерыв постепенности» (Гегель), так как происходит одновременно и отрицание старого и сохранение преемственной сущности общественного бытия — соответствия производительных сил и производственных отношений, базиса и надстройки, но это и нечто большее — в этой революционной ломке сливается объективное и субъективное, образуется некая объект-субъектная реальность, которая и выводит общество на новую ступень развития. Происходит это потому, что, по мнению Маркса, только в революции изменяются не только обстоятельства, объективные условия, но и люди, их сознание.

Для Маркса ход истории — это восхождение от первобытно-общинной формации к коммунистической через феодализм и капитализм. В ходе этого восхождения, с одной стороны, более совершенной становится вся система социальных отношений (влияние прогрессизма), но с другой, происходит на новом витке *повторение* социальных связей и конфликтов, и прежде всего — конфликт производительных сил и производственных отношений, который в конечном итоге приводит к революционной смене одной менее совершенной общественно-экономической формации на другую, более передовую и совершенную (влияние идей циклизма). Наиболее детально эту, по мнению Маркса, неоднократно повторяющуюся в истории социальную коллизию, он рассматривает применительно к переходу общества от капитализма к социализму (коммунизму).

Принципиальное значение для Маркса в его гипотезе о переходе общества от капитализма к коммунизму имеют два положения:

Первое. Переход от капитализма к коммунизму — это мировой процесс, или, по крайней мере, процесс, который должен охватить все цивилизованные, наиболее развитые страны. Коммунистическая революция является поэтому с необходимостью мировой революцией. Конечно, такой процесс не может быть скоротечным и тем более одноактным, а будет представлять из себя цепь коммунистических революций прежде всего в наиболее развитых передовых странах с последующим распространением революционного процесса на периферию капиталистической формации.

Второе. Коммунистическое общество естественным путем вырастает из капиталистического и является не только антикапитализмом, а — и это главное — посткапитализмом. Поэтому переходный процесс — это прежде всего развитие тех предпосылок коммунизма в различных общественных сферах, которые формируются уже внутри капиталистической формации. В экономической области в качестве таких предпосылок Маркс и Энгельс рассматривают различные монополистические формы промышленного и финансового капитала, которые имеют тенденцию к обобществлению. По Марксу и Энгельсу, этих и некоторых других предпосылок вполне достаточно для формирования коммунистического хозяйства, так как в ходе мировой коммунистической революции для этого процесса сложатся благоприятные условия. Ведь не только в отдельных странах, но и в мировом масштабе (во всяком случае в цивилизованном мире) будет в результате этой революции происходить естественная смена устаревших форм экономической жизни новыми более передовыми и совершенными. Мировой капиталистический рынок преодолевается (снимается) коммунистическим мировым хозяйством, тем самым ликвидируется конкуренция в мировых экономических отношениях и образуется система во многих отношениях гомогенных и стремящихся к слиянию национальных хозяйственных структур. Мировой характер переходных процессов от капитализма к коммунизму и природа социально-экономических и политических преобразований в этот период у Маркса взаимосвязаны друг с другом и в отдельности теряют всякий смысл.

Таким образом, одной важной особенностью марксовской модели общественного процесса является то, что она с философско-методологической точки зрения формируется в результате слияния, синтеза двух парадигм исторического процесса: линейно-стадиального прогресса (здесь совершенно очевидно уже отмечав-

шееся влияние на Маркса просветителей XVIII в.³⁸) — восхождение человеческого общества от одной формации к другой как проявление нарастающего прогресса во всех сферах общественной жизни и циклического круговорота общественных систем (в данном случае Маркс использует идеи античных философов, Вико³⁹ и Гегеля), в котором каждая формация проходит естественно-исторический путь возникновения, созревания и гибели, и когда при переходе от одной формации к другой в обществе возникают аналогичные возвратно-повторяющиеся ситуации — конфликт производительных сил и производственных отношений, разрушаемый социальной революцией, сменой господствующего класса, системой отношений собственности и т. д.

Циклическая парадигма. Идея поступательного прогресса в различных ее модификациях безраздельно господствовала в умах на протяжении почти полутора столетий, пока в самом конце 60-х – начале 70-х гг. XIX века в России не появляются концепции, принципиально отвергающие прогрессистскую парадигму и предлагающие иной взгляд на природу и механизм исторического процесса. Эти концепции мы встречаем в работах двух русских мыслителей — Н. Я. Данилевского («Россия и Европа», 1869) и К. Н. Леонтьева («Византизм и славянство», 1875).

Суть новых идей заключалась в признании специфического общего закона развития, действие которого распространяется как на живую, органическую природу, так и на общество и состоит в том, что, во-первых, развитие, процесс всяких изменений происходит не просто как безграничное «распространение», «разлитие» (термины Леонтьева) по социальному универсуму, а как развитие замкнутых, локализованных друг от друга общественных организмов или систем. Развитие понимается не как прогрессирующее восхождение целостного социума, а как последовательная смена стадий развития любого организма, который имеет момент рождения, периоды созревания, зрелости, старости и неминуемую смерть. Данную модель развития Данилевский и Леонтьев целиком переносят на общественную жизнь. Человечество поэтому, с одной стороны, состо-

---

³⁸ Еще в советской литературе высказывалось мнение, что Ленин незаслуженно исключил из числа теоретических источников марксизма французский материализм и просвещение XVIII в. См.: Кузнецов В. Н. Французский материализм XVIII века. М., 1981. С. 290.

³⁹ Маркс хорошо знал и высоко оценивал трактат Дж. Вико «Основания новой науки об общей природе вещей» (1725–1744), в которой развивается концепция круговорота истории.

ит из отдельных индивидуумов, каждый из которых живет, прежде всего, внутренней жизнью, а с другой — расчленяется на локальные общественные организмы, развитие которых подчинено главным образом собственным законам.

У Данилевского такими общественными организмами выступают культурно-исторические типы или цивилизации⁴⁰, каждый из которых (а их Данилевский выделяет более десяти) развивается самостоятельно и имеет по три основных этапа или состояния: этнографическое, государственное, цивилизационное или культурное.

У Леонтьева в качестве локальных общественных единиц выделяются так называемые государственные организмы, которые, по его мнению, как и все другие органические системы своим развитием повторяют один и тот же путь.

Леонтьев проводит сравнительные исторические расчеты длительности существования различных государственных организмов и приходит к выводу, что их гибель наступает не позднее, чем через 1000–1200 лет после возникновения⁴¹.

Рассмотренные выше идеи Данилевского и Леонтьева содержали совершенно очевидно в себе основу новой, принципиально отличной от прогрессистской, парадигмы исторического процесса, в соответствии с которой сущность и направленность общественного развития определялась уже не хронологическим, а хронометрическим (циклическим) временем.

Центральным в этой новой парадигме было положение о закономерной и поэтому необходимой повторяемости явлений и процессов при развитии различных замкнутых (локальных) общественных систем (культурно-исторических типов или государственных организмов). Любая общественная система по этому закону повторяемости к какой бы эпохе истории человечества она не относилась и какой бы спецификой внутреннего устройства не обладала, в своем развитии проходит одни и те же стадии и фазисы.

Конечный фазис этого пути, по Леонтьеву и Данилевскому — это неизбежная гибель, катастрофа локальной цивилизации. Вместе

---

⁴⁰ У Данилевского понятие «цивилизация» употребляется в двух значениях: 1) как синоним понятия «культурно-исторический тип», 2) как фаза, этап развития культурно-исторического типа.

⁴¹ См.: *Леонтьев К. Н.* Избранное. М., 1993. С.84. Необходимо отметить, что у Леонтьева, в отличие от Данилевского, понятие «цивилизация» ни при каких интерпретациях не совпадает с понятием «государственный организм». Цивилизация для него тождественна культуре, и «...цивилизации обыкновенно надолго переживают те государства, которые их произвели». См.: Там же. С. 111.

с тем, на каждом отрезке истории сосуществуют несколько локальных общественных систем (цивилизаций), поэтому, по мнению русских мыслителей, локальность, внутренняя замкнутость культурно-исторических типов не исключает, а наоборот предполагает их взаимодействие, взаимовлияние. Причем эти внешние толчки-события, по Данилевскому, обнаруживаются в реальной истории не только между сосуществующими, но и между гибнущей, уходящей и нарождающейся, становящейся цивилизационными системами⁴².

Эти две идеи в воззрениях Данилевского и Леонтьева — катастрофа локальных цивилизаций как кардинальный и в тоже время закономерный сдвиг в мировой истории и внешние влияния (толчки) между этими цивилизациями — создают диалектическую модель соотношения национального (локального) и интернационального в мировой истории.

В этой модели локальные катастрофы не носят апокалипсического характера для человечества; они лишь вспышки калейдоскопической динамики цивилизационного многообразия мира, проявления действия фундаментального закона циклической повторяемости явлений природы и общества. Эта повторяемость охватывает и соединяет национальный и интернациональный уровни мировой исторической жизни. Повторяющиеся этапы в развитии общественных систем объективно обуславливают накопление социальной информации, которая может передаваться по горизонту истории. Вместе с этим повторяемость проявляется и на уровне междивизиационного взаимодействия. Упадок одной цивилизации с необходимостью вызывает подъем другой, а гибель какой-то цивилизации означает появление другой, новой.

Таким образом, сама проблема социальной динамики в новой циклической парадигме исторического процесса становится, прежде всего, проблемой специфического проявления закона единого цикла в различных слоях и уровнях мирового социума⁴³.

---

⁴² См.: Там же. С. 88, 99–100.

⁴³ В XX в. идею циклического развития локальных цивилизаций развивают в своих трудах О. Шпенглер, А. Дж. Тойнби, П. Сорокин, К. Ясперс и др. Следует отметить, что модель циклической социальной динамики является объектом неизменного научного интереса и у современных исследователей — См.: *Пашинский В. М.* Цикличность в истории России. (Взгляд с позиций социальной экологии) // *Полис*. 1994. № 4. С. 111–112; *Пантин В. И.* Циклы и ритмы истории. Рязань, 1996; *Савельева И. М., Полетаева А. В.* История и время. В поисках утраченного. М., 1997; *Мельников Ю. Н.* Цикличность в истории России // *Общественные науки и современность*. 1997. № 5; *Севостьянов В. Н. Малолеткова П. С.* Социальное время России. Красноярск, 2000; *Лапкин В. В.* Циклы, ритмы, волны: проблемы моделирования политиче-

Миросистемная парадигма («вторичный» синтез). В конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. для отечественного обществоведения одной из наиболее актуальных становится тема целостности современного мира⁴⁴. В основе развернувшегося научного спора была проблема соотношения так называемых «формационного» и «цивилизационного» подходов к интерпретации исторического процесса⁴⁵. Именно в ходе этой дискуссии и был поставлен ключевой для нашей темы вопрос о необходимости разработки новой парадигмы исторического процесса, в которой был бы осуществлен более глубокий, чем в формационной теории, синтез линейности и цикличности в развитии социума.

Первые подходы к постановке вопроса о развитии социального познания на Западе намечаются уже в 50-х гг.⁴⁶. Именно в этот период начинает формироваться научное направление, в котором переосмысливаются ранее существующие представления о социальном времени и ставится грандиозная исследовательская задача — не только осуществить новый синтез линейности и цикличности, но и выработать на базе этого синтеза новую модель исторического времени, а значит и новую парадигму исторического процесса⁴⁷. Необ-

---

ского развития // Политические исследования. 2002. № 4; *Пантин В. И.* Волны и циклы социального развития. Цивилизационная динамика и процессы модернизации. М., 2004; *Семененко И. С.* Парадигма эволюционных циклов истории // Политические исследования. 2006. № 2; *Розов Н. С.* Цикличность российской политической истории как болезнь: возможно ли выздоровление? // Политические исследования. 2006. № 3 и др. Некоторые из указанных работ имели различные переиздания и в более поздний период. Появились и новые исследования. См.: *Ефимчук И. В.* Фрактальность истории // Общественные науки и современность. 2010. № 5; 2011. № 1; *Горюнов А. В.* Современная модель социальных изменений. Опыт экспликации // СОЦис. 2011. № 2; *Замятин Д. Н.* Геопационализм. Онтологическая динамика пространственных образов // Общественные науки и современность. 2011. № 5 и 6; *Розов Н. С.* Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М., 2011 и др.

⁴⁴ В двух научных журналах в 1989–1990 г. (Мировая экономика и международные отношения и Вопросы философии) была проведена специальная дискуссия по проблемам целостного мира. В № 12 за 1990 год итоги этой дискуссии были официально подведены, но через некоторое время, особенно с 1993 г. в этих и ряде других журналах обсуждение данной темы возобновилось. Данная дискуссия продолжается и по сей день.

⁴⁵ Автор настоящей работы считает, что с научной точки зрения более корректно сравнивать и особенно противопоставлять линейную и циклическую парадигмы (подходы).

⁴⁶ В 1995 г. в российской научной периодике начинают появляться статьи, обобщающие результаты западных исследований по этой теме (см.: *Чешков М.* Мирочелостность и ее история // Вопросы истории. 1995. № 2. С. 27–43).

⁴⁷ Чаше всего данную парадигму в настоящее время связывают с понятием «миросистемность».

ходимо отметить, что данная задача не решена полностью и по сей день, хотя сейчас над ее решением работают многочисленные научные школы, в которых представлены специалисты из различных областей гуманитарных и естественных наук.

Изначально суть новых идей была изложена в работах одного из лидеров французской исторической школы «Анналы» — Ф. Броделя. В статье «История и общественные науки. Историческая длительность» (1858)⁴⁸ Бродель прямо говорит, что исходным мотивом его научного поиска стала насущная необходимость «создать некоторый синтез «циклический» истории и истории традиционной...»⁴⁹.

Исторические исследования Броделя приводят его к выводу о том, что существуют разновременные пласты, ритмы человеческой истории, два из них являются фундаментальными — «история событий», которые случаются ежедневно и ежечасно и «история большой, даже очень большой длительности»⁵⁰. Именно эта «длительная история» скрывает (или наоборот открывает) для исследователя ««движения, идущие из глубины исторического времени»⁵¹, что и позволяет ему «выявить действительный фундамент исторических событий»⁵². На самом деле, по мнению Броделя, существует множество временных ритмов, в том числе срединный, являющийся по своей природе циклическим⁵³ или волнообразным и имеющий среднюю длительность, измеряемую несколькими десятилетиями⁵⁴.

Идея о множественности временных ритмов, которые характерны для различных сосуществующих исторических реальностей, легла в основу грандиозного исторического анализа развития человеческой цивилизации, предпринятого Броделем в трехтомном фун-

---

⁴⁸ На русском языке данная статья вышла в 1977 г. (См.: *Философия и методология истории*. М., 1977. С. 115–142).

⁴⁹ *Философия и методология истории*. М., 1977. С. 122.

⁵⁰ Там же. С. 118.

⁵¹ Там же. С. 128.

⁵² Там же. С. 127.

⁵³ В данном случае под циклической длительностью подразумевались не цивилизационные циклы Данилевского и Леонтьева, а циклы или волны Кондратьева – колебательные движения конъюнктуры и мирового рынка.

⁵⁴ А. Я. Гуревич связывает у Броделя идею множественности временных ритмов и проблему социальных детерминаций: «Согласно броделевскому детерминизму, те пласты реальности, которые менее всего меняются, — природно-географические условия — вместе с тем в наибольшей степени определяют человеческую жизнь. От них зависят экономика и социальная структура. Чем короче ритм, которым подчинен тот или иной уровень действительности, тем в меньшей степени этот уровень оказывает свое воздействие на исторический процесс. Иерархии временных длительностей, соответствует, по Броделю, иерархия причинно-следственных связей в истории»(см.: *Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов»*. М., 1993. С. 122–123).

даментальном труде «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.»⁵⁵.

Ключевое понятие исторической концепции Броделя — это «мир–экономика», который есть не мировая (или всемирная) экономика, а «экономически самостоятельный кусок планеты, способный в основном быть самодостаточным, такой, которому его внутренние связи и обмены придают определенное органическое единство»⁵⁶. Анализ нескольких веков истории международных политических и экономических отношений свидетельствует, по Броделю, о том, что различные «миры–экономики» не просто сосуществовали друг с другом, а в каждую историческую эпоху какой-то один мир–экономика становился господствующим в мире⁵⁷.

Для понимания сущности и динамики миров–экономик необходимо иметь в виду следующие два обстоятельства: во-первых, мир–экономика — это неоднородная социальная система. Она включает в себя, по меньшей мере, три уровня социальной общности — развитое небольшое ядро, не очень большая слаборазвитая и примыкающая к ядру полупериферия и громадная неразвитая периферия⁵⁸. Поэтому в каждом мире–экономике «наличествовало сосуществование нескольких «способов производства», от рабовладельческого до капиталистического» и «последний не мог жить иначе, чем в окружении других, им в ущерб»⁵⁹. Между этими слоями, зонами мира–экономики существовали всегда сложные и противоречивые отношения, но все «эти способы производства сцеплены друг с другом. Самые передовые зависят от самых отсталых и наоборот...»⁶⁰.

Во-вторых, мир–экономика — это лишь одна из четырех сфер, составных частей (в их число Бродель кроме экономики включает политику, культуру и социальную иерархию), которые взаимодействуют друг с другом и образуют целостную общественную систему («мир–система» в терминологии Броделя). Поэтому исторический процесс — это не только смена миров–экономик — основа про-

---

⁵⁵ 1-й том этого труда увидел свет в 1967 г.; в 1979 г. были опубликованы все три тома. На русском языке данный труд Броделя вышел в 1986–1992 гг.

⁵⁶ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. М., 1992. С. 14.

⁵⁷ Там же. С. 21–28.

⁵⁸ См.: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. М., 1992. С. 32–33.

⁵⁹ Там же. С. 59. В данном месте своей книги Бродель ссылается на И. Валлерстайна — теоретика, который с середины 70-х гг. является последовательным сторонником Броделя, хотя и по некоторым вопросам высказывал иные суждения и выводы.

⁶⁰ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. М., 1992. С. 65.

цесса, — а это смена миров-систем. По мнению Броделя, данный процесс происходит следующим образом: «...Связный мир-система, который спокойно развивался, приходит в упадок или завершает свой упадок, и со многими отсрочками и замедлениями рождается другая система. Такой разрыв представляется как результат накопления случайностей, нарушений, искажений»⁶¹.

Но как происходит сам процесс отмирания старой системы и зарождение, становление новой? Как осуществляется этот глобальный переход от одного господствующего мира-системы к другому? Знакомство с трудом Броделя свидетельствует о том, что он считает данную проблему важнейшей, но и наиболее сложной в своей концепции и поэтому пытается найти ответы на вопросы на основе анализа громадного фактологического материала, который охватывает несколько веков мировой истории и различные сферы общественной жизни.

Переход от одного мира-системы к другому для Броделя — это глобальная деформация всей сложной системы структур и связей в рамках господствующей до этого мира-системы и формирование новой аналогичной системы. Данная перемена имеет не только пространственные, но и временные параметры — не в том смысле, что на этот переход уходит определенное время, хотя и это важный вопрос — а в том, что вместе с пространственными контурами старой системы меняется и система временных ритмов, происходит новые, другие наложения линейного и циклического времени истории. В этом вопросе Бродель пытается достичь полной ясности (хотя нет уверенности, что это ему до конца удается).

Миросистемные идеи Броделя не оставили равнодушными современней научный мир, где они приобрели как своих горячих приверженцев⁶², так и непримиримых критиков. Но несмотря на многообразие миросистемных или шире — мироцелостных концепций, которые в последние годы возникают как на базе развития идей Броделя (сейчас такие концепции начинают разрабатывать и российские ученые, так и в результате критики этих идей⁶³, очевидно

---

⁶¹ Там же. С. 81.

⁶² Среди наиболее крупных представителей западной науки, которые в настоящее время развивают теорию Броделя необходимо назвать И. Валлерстайна, который после смерти Броделя (1985 г.) возглавил в американском университете штата Нью-Йорк специальный Центр по изучению экономических и исторических систем и цивилизаций им. Ф. Броделя. Разумеется, это не единственный научный центр на Западе, где проводятся миросистемные исследования.

⁶³ См., научно-аналитический обзор ИНИОН РАН: Критика миросистемного подхода и концепции капитализма И. Валлерстайна. М., 1992.

то, что данные исследования находятся на начальной фазе, на этапе формулировки и обоснования базовых принципов и положений, и говорить о новой (третьей) парадигме исторического процесса можно пока еще только гипотетически. Но очевидно также и то, что именно это направление научного поиска, движения к новому синтезу (начало ему положил Бродель) является наиболее перспективным и адекватным в изучении и осмыслении общественных, в том числе и переходных процессов.

* * *

Таким образом, анализ философской и социально-политической мысли XVIII–XX вв. свидетельствует о существовании двух фундаментальных представлений социального времени — линейного и циклического. Именно эти две модели (в «чистом» виде или как их теоретический синтез) и легли в основу всех основных парадигм исторического процесса, концепций мировой истории.

Появление и господствующее положение тех или иных парадигм исторически обусловлены конкретными условиями и обстоятельствами, хотя сама эта связка теоретической модели времени и концепции социума, истории имеет, по-видимому, более фундаментальную основу и обусловлена какими-то едиными законами природы и общества.

Но сначала о социально-исторических детерминациях двух основных парадигм времени и исторического процесса.

Представления о мировой истории как о восходящем прогрессе появляются в Европе в первой половине XVIII в. в условиях разложения феодально-аристократических режимов, когда деградация отношений и умонастроений правящих кругов входила в вопиющее противоречие с пробивающими себе дорогу модернизационными тенденциями в области науки, культуры, техники и промышленности. Становился все более очевидным неминуемый крах старых порядков и возникновение новых, в которых будет господствовать разум и прогресс.

Циклические теории появляются в России в конце XIX века, а позже в Европе в достаточно схожих общественно-политических условиях — как тревожное предощущение надвигающихся социальных и национальных катастроф, в результате которых могут погибнуть не только устаревшие политические порядки, но и целые общественные системы (цивилизации). Эти предощущения и умонастроения не в последнюю очередь были вызваны крупными сдвигами в геополитическом взаимодействии основных политических

сил на евроазиатском субконтиненте, когда в самом начале 70-х гг. XIX в. после объединения Германии для многих русских мыслителей и политиков (не только для Данилевского и Леонтьева⁶⁴) стало очевидным неизбежное столкновение Германии и России, обусловленное более глубоким историческим противоборством германства и славянства.

Для любой модели социальной динамики центральными являются два связанных друг с другом вопроса: как развивается общество (линейно, нелинейно) и как происходит переход от одного качественного общественного состояния к другому. Поэтому в определенных исторических условиях формировались не только общие представления о социальной динамике, но и связанные с ними модели переходности. Научное, и даже обыденное, массовое сознание, не может удовлетвориться лишь констатацией происходящих явлений и событий; оно всегда ставит перед собой вопросы о том, почему именно так, а не иначе развивается история и главное — как можно изменить историю. Таким образом, можно говорить о социально-исторической детерминированности общих стереотипов и теоретических моделей способов (методов, форм) изменения действительности, переходов от одного общественного состояния к другому⁶⁵.

---

⁶⁴ См., например: *Ламанский В. И.* Три мира азиатско-евразийского материка. Изд. 2-е. Пг., 1916, а также: *Хачатурян В. М.* Теория цивилизаций в русской исторической мысли // Новая и новейшая история. 1995. № 5. Нельзя не упомянуть о таком выдающемся явлении русской мысли конца XIX в. как философско-религиозная система Вл. Соловьева, итог которой так или иначе сводился к идее катастрофы. Е. Н. Трубецкой — автор двухтомного труда о творчестве Вл. Соловьева об этом пишет так: «Предчувствия нависшей над человечеством катастрофы, всегда сильные у Соловьева, теперь сгустились и кристаллизовались в одно цельное и яркое впечатление. Перед ним во весь рост встал образ смерти, предстоящей в недалеком будущем всему человечеству. Земной путь последнего представляется философу уже оконченным». (*Трубецкой Е. Н.* Миросозерцание Вл. С. Соловьева. Т. 2. М., 1995. С. 285–286).

⁶⁵ Тезис о господствующей парадигме (как в целом исторического процесса, так и переходности), разумеется, не исключает того, что могут и должны сосуществовать различные и даже противоположные теории. Господствующая парадигма отражает магистральную линию и условия развития общественного процесса на данном историческом этапе. Но реальный социум всегда многообразен, противоречив и многовариантен. Поэтому не удивительно, что в 40-е гг. XX в. когда влияние марксовской формационной теории в мире, безусловно, не было господствующим, и умами постепенно стали овладевать идеи А. Дж. Тойнби, в западной науке появляется ставший быстро бестселлером труд И. Шумпетера «Капитализм, социализм и демократия» (1942, русское издание: М., 1995) с явной апологетикой формационности, хотя и не ортодоксальной. В настоящее время, в период нарастающего влияния смежных и синтетических научных концепций, в том числе и теории миросистемности, как на Западе, так и в России всех взбудоражили идеи С. Хантингтона о предстоящем в недалеком будущем столкновении цивилизаций, который рассматривает развитие современного мира через призму «чистого» циклизма. См. перевод статьи С. Хантингтона из жур-

Для прогрессистской парадигмы исторического процесса больше всего соответствовало представление о переходности как о достаточно коротком и быстром периоде упорядочения беспорядка, преодоления хаоса, неизбежно возникающих при гибели старого режима, установления нового общественного порядка, который только и является нормальным состоянием общества. Причем просветители считали, что это можно осуществить прежде всего в национальных рамках как революционным, так и реформаторско-пропагандистским путем.

Маркс внес в эти прогрессистские идеи важное уточнение — общество от одного порядка (формации) к другому может перейти только через *мировую революцию*, которая является не просто вынужденным и праведным насилием низших слоев общества по отношению к высшим (такое представление о революции было уже у просветителей), а способом (механизмом) разрешения объективно возникающего конфликта производительных сил и производственных отношений угасающей формации.

В циклических теориях понятие переходности интерпретируется через понятие «*социальная катастрофа*» локальных цивилизаций.

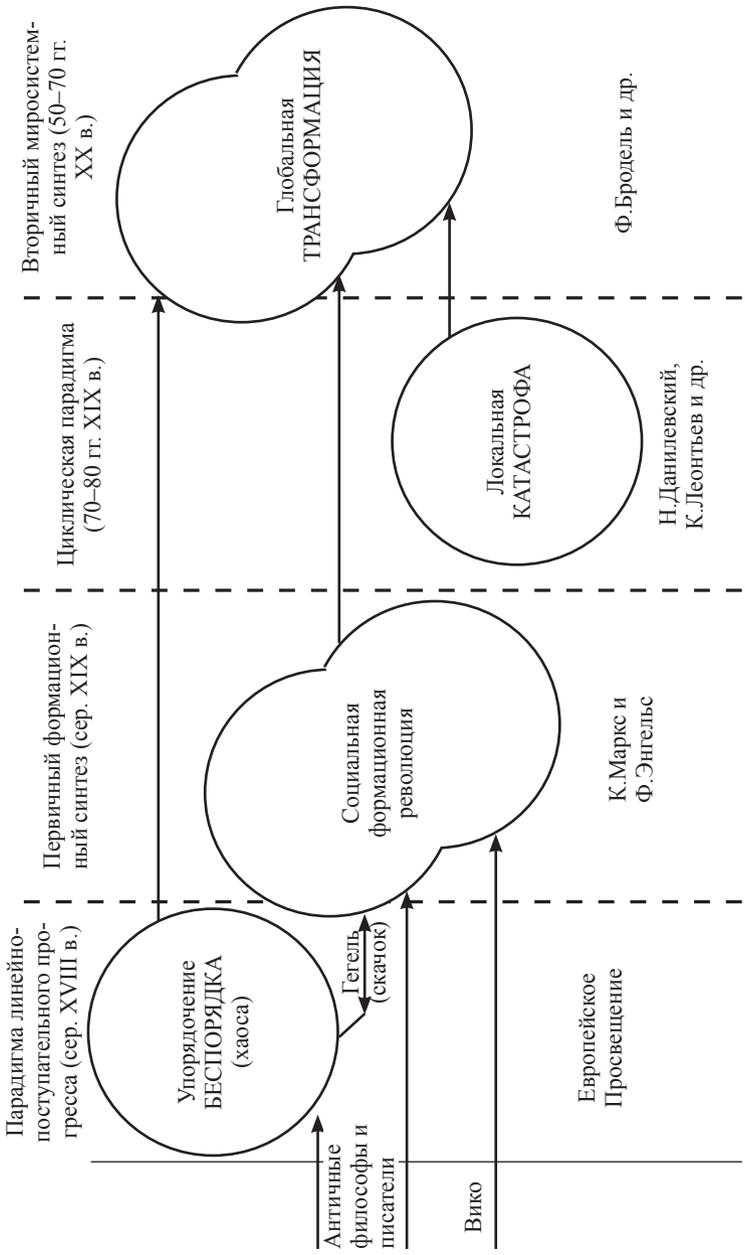
И наконец, в современных исследованиях и дискуссиях о мироточности переходность приобретает черты сложного и многоаспектного явления, в котором пересекаются различные временные ритмы, общественные тенденции, имеющие различные пространственные масштабы. Такая переходность подразумевает соединение в едином процессе неоднородных переходных форм — от катастрофических ломов до умеренных и постепенных реформ. И наиболее подходящим понятием, способным обобщенно отразить все это многообразие процессов и явлений является «*глобальная трансформация*», в результате которой меняются не только общественные порядки в отдельных странах и регионах, но и общемировой порядок, система общемировых связей.

Можно сказать, что данные понятия, а также их употребление в различных концепциях как раз и отражают, с одной стороны, изменения реального исторического процесса, а с другой — эволюцию научной рефлексии этой реальности.

нала Полис (1994. № 1), а также дискуссию вокруг этой статьи в зарубежной и российской научной периодике (См.: Полис. 1994. № 1 и 1995, № 1; Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 11; Общественные науки и современность. 1995. № 4).

Интерпретация переходности в различных парадигмах исторического процесса XVIII–XX вв.

4. К вопросу об интерпретации социального времени

Интерпретация механизмов социально-политической динамики, природы и характеристик переходных процессов в обществе, невозможно без осмысления природы социального времени, являющегося более фундаментальной реальностью мироздания, чем любые объективные условия и факторы исторического процесса на Земле⁶⁶.

Широко известный сегодня на Западе исследователь П. Штомпка делает точное и справедливое, на наш взгляд, замечание: «Само переживание времени и идея времени вытекает из изменения природы реальности. Невозможно воспринять или вообразить время без ссылки на какое-либо изменение. И наоборот, идея изменения отделимо от времени просто непонятна»⁶⁷. Время представляется важнейшим свойством развивающейся материи и одновременно с этим в чувственно-субъективных представлениях человека становится измерителем объективной реальности, ее эволюции.

Проблема социального времени латентно содержится в самой формуле «Россия и Запад». Отставание одной страны от другой при примерно одинаковых «стартовых» условиях. Преодоление одной страной тех или иных социальных барьеров быстрее или медленнее других стран. Стремление пройти ускоренными темпами путь, который ранее уже прошли другие страны. Все эти фиксации исторических реальностей содержат в себе не только действие объективных географических, социально-экономических, социокультурных или каких-то других факторов, но и проявление феномена «разного социального времени» или разных типов времени, которые преобладают в жизни разных социальных систем.

Парадоксально, но факт: даже на уровне обыденной жизни человек, как правило, оперирует, хотя чаще всего и не отдавая себе в этом отчета, разными типами времени, не только, например, линейным, но и циклическим временем, так как он живет не только в измерениях постоянно увеличивающейся временной протяженности (например, неуклонное увеличение количества лет жизни каждого

---

⁶⁶ Один из современных отечественных исследователей В. Н. Костюк считает, например, время и пространство исходными атрибутами материи, истолкованной в рамках материалистического мировоззрения: «Абстрактные свойства пространства и времени определяются пониманием материи как объективной реальности безотносительно к каким-либо происходящим в ней процессам... Наличие этих свойств является условием самосогласованности материализма как философского направления» (Костюк В. Н. Системное пространство–время // Системные исследования: Методологические проблемы. Ежегодник. 1989–1990. М., 1991. С. 238).

⁶⁷ Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. М., 1996. С. 67.

человека), но и в постоянно повторяющихся временных циклах суток, времен года и т. д.⁶⁸ В научном же познании природы и общества неизменно доминирует линейная парадигма.

Наиболее остро и точно эту проблемную ситуацию в современной науке выразил И. Пригожин. Его мысль формулируется в следующей задаче: «Необходимо переоткрытие времени»⁶⁹. И. Пригожин рассматривает данную проблему в контексте физических наук, хотя ясно, что он считает проблему времени камнем преткновения для всего научного, в том числе и гуманитарного, знания. Не случайно он ссылается на французского историка Марка Блока, на его вывод о том, что история — это «наука, переживающая детство...», что «как серьезное аналитическое занятие, история еще совсем молода»⁷⁰. И. Пригожин показывает парадоксальность ситуации, сложившейся в современной науке: представление о времени всегда являлось фундаментальным принципом, базисом научного знания, но новейшие исследования в различных областях науки как раз показывают зыбкость и несовершенство нашего понимания времени. «Мы можем говорить о времени нашего рождения, о времени падения Трои, о времени исчезновения динозавров и даже о времени рождения Вселенной, — пишет И. Пригожин, — но вопрос «как или почему началось время» (а значит и вопрос: «что такое время». — *Авт.*) ускользает от физики, так же как он, без сомнения, ускользает от возможности нашего языка и нашего воображения»⁷¹.

Уже эти рассуждения И. Пригожина свидетельствуют о том, что «переоткрытие времени» — это задача более сложная, чем просто синтез линейности и цикличности. Так, например, французские историки школы «Анналов» считают время истории сложным феноменом, в котором перемешиваются различные гетерогенные потоки. М. Блок употребляет в этой связи понятие «плазма», Ф. Бродель — понятие «сегментность». Раскрывая его, Ф. Бродель пред-

---

⁶⁸ Ученые-этнографы уже давно заметили, что у некоторых народов (например, индонезийцев) вообще отсутствуют представления о линейном времени (Вопросы философии. 1989. № 10. С. 42).

⁶⁹ Пригожин И. Переоткрытие времени // Вопросы философии. 1989. № 8. С. 3. Концептуальные подходы к проблеме времени как сложного феномена социального бытия появляются в конце XIX – начале XX в. в работах Дюркгейма, Дильтея, Трельча, Зиммеля, Сорокина, Гуревича. Подробнее см.: Современные социологические теории социального времени: Научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН РАН, 1993; Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 67–83. В России в данный период над проблемами социального времени работал В. И. Вернадский (см.: Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М., 1988. С. 210–285, 419–421).

⁷⁰ Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1973. С. 12.

⁷¹ Пригожин И. Переоткрытие времени // Вопросы философии. 1989. № 8. С. 18.

ставляет природу социального (или исторического) времени как существование, переплетающееся, накладывающееся развитие различных сегментов времени, или *временных ритмов*⁷², в которых живут общественные системы. Понимание социального процесса как потока, имеющего не единые, а множественные временные характеристики и измерения, когда одно и то же пространство, различные его слои и части могут развиваться в разновременных режимах, неприемлемо для традиционных представлений о пространстве и времени, ибо ломает многие сложившиеся концептуальные конструкции и постулаты общественных наук.

На самом деле в отказе от одномерных и линейных моделей социального времени нет ничего противоестественного. Так, если представить общество как совокупность жизней отдельных индивидов, то окажется, что на данном уровне социальной реальности всегда использовалась идея гетерогенности времени. Ни для кого не является секретом, что для людей различных возрастов, социальных положений, привычек и т. д. одни и те же отрезки времени протекают с разной скоростью. Этот эффект зачастую объясняется субъективностью человеческого восприятия. Но если это воспроизводится с удивительным постоянством в разные эпохи и в разных поколениях, если даже для одного и того же человека часто в разных жизненных ситуациях время «бежит» по-разному, то это уже указывает не только на особенности человеческих восприятий, но и на свойство самого времени.

Поэтому вполне правомерно приложить идею множественности временных ритмов к функционированию сложных общественных систем, в том числе и к изучению исторического развития России.

Некоторые современные авторы вообще считают, что многие концептуальные просчеты в программе прошлых и нынешних реформ в нашей стране связаны с использованием устаревших научных методов и подходов. А. С. Ахиезер, например, пишет: «Неспособность освоить... ритмы общества может на определенном уровне сложности повлечь за собой негативные последствия, аналогичные тем, которые могли бы иметь место, если бы люди не знали о природных ритмах, если бы, например, смена дня и ночи, времени года для них была бы столь же неожиданной, как землетрясения... Россия пока еще не нашла в себе сил относиться к этим циклам так, как, на-

---

⁷² Здесь понятие «ритм» употребляется в следующем значении — «чередование каких-либо элементов, происходящее с определенной последовательностью». В этом значении указанное понятие существенно совпадает по своему содержанию с такими понятиями, как «цикл» и «волна».

пример, на Западе относятся к экономическим циклам, т. е. детально изучать их, моделировать, прогнозировать, готовиться к ним, смягчать их разрушающий ход и последствия, искать пути минимизации масштабных инверсий»⁷³.

Думается, однако, что задача значительно сложнее, чем просто научиться делать «так, как на Западе». По-видимому, не только российские, но и зарубежные ученые стоят на пороге масштабных изменений и даже революций в представлениях о природе и характере времени, а значит и в представлениях о мире вообще⁷⁴.

А. С. Ахиезер прав в другом: в анализе политического процесса в России уже невозможно опираться только на традиционные методы и подходы, так как налицо явные признаки того, что они не работают в специфических условиях России и не могут стать научным фундаментом стратегий преобразования российского общества.

5. Смена мировых порядков и система международной безопасности в XXI веке

Рассмотренные выше теоретические вопросы социально-политической динамики можно применить к анализу современных, и прежде всего переходных процессов, происходящих в современном мире.

Так, например, в последнее время все более важной темой научных и политических дискуссий стала проблема перехода на рубеже XX–XXI веков к новому мировому порядку. В определенной степени в этом отражается склонность традиционного общественного сознания усматривать в смене веков (и тем более тысячелетий) катастрофические, и даже апокалипсические перспективы. С другой стороны, именно в отмеченный исторический период наблюдаются действительно кардинальные перемены в мировом сообществе. К числу таких перемен, безусловно, необходимо отнести распад Советского Союза и мировой социалистической системы, что не могло не привести к кардинальным социальным и геополитическим сдвигам в современном мире.

---

⁷³ Ахиезер А. С. Самобытность России как научная проблема // Отечественная история. 1994. № 4–5. С. 15, 17.

⁷⁴ Образ «антимира», а значит и «антивремени», который долгие годы занимал поэтов и фантастов, а учеными считался химерой, похоже, становится объектом изучения точной науки. Во всяком случае в сентябре 1995 г. в одной из ведущих европейских лабораторий удалось экспериментальным путем создать 9 атомов антиводорода (Известия. 1996. 10 января 1996. С. 5).

Формула «новый мировой порядок» применительно к данным переменам и следствиям, которые вытекают из них для перспектив мирового сообщества, широко употребляется в настоящее время в самых разных контекстах.

Одно из таких употреблений имеет историко-ретроспективный смысл. Как правило, историки, начиная с середины XVII в., выделяют несколько систем международных отношений, которые образовывались на договорной основе господствующими на данном историческом этапе державами. Эти системы, а точнее — принципы и правила, на которых они основывались, обеспечивали на определенный период (до 100 лет и более) относительную политическую и военно-стратегическую стабильность в развитой зоне мирового сообщества. До конца XX века таких систем (или мировых порядков) чаще всего выделяют четыре.

1) *Вестфальская система* — установлена Вестфальским миром 1648 г., подведшим итог Тридцатилетней войне. В создании этой системы приняли участие главным образом Франция и Швеция.

2) *Венская система* — установлена Венским конгрессом 1815 г., который подвел черту под наполеоновскими войнами. «Авторами» этой системы стали Великобритания, Франция, Россия, Австрийская и Османская империи. В конце своего существования (почти через 100 лет после создания) внутри этой системы образовались два противостоящих друг другу военно-политических блока — Антанта и Тройственный союз, что и привело в конечном итоге к Первой мировой войне.

3) *Версальско-Вашингтонская система*, возникшая на основе Версальского мирного договора 1919 г. и решений Вашингтонской конференции 1921–1922 гг. Эту систему, которую создали государства-победители в Первой мировой войне — Великобритания, Франция, США, Япония, многие историки считают промежуточной, поскольку она не только не ликвидировала, а наоборот — обострила противоречия между ведущими мировыми державами, что менее чем через 20 лет и привело к новой — Второй мировой войне.

4) *Ялтинско-Потсдамская система* была сформирована державами-победителями во Второй мировой войне (СССР, США, Великобритания, Франция) на двух международных конференциях в Ялте (февраль 1945 г.) и в Потсдаме (июль-август 1945 г.). Именно эта система и просуществовала до начала 90-х годов XX века, когда в результате распада одного из «полюсов» мирового сообщества — мировой социалистической системы во главе с СССР — она начала распадаться.

Новые реалии международных отношений, которые стали возникать в рамках этого распада и принято называть «новым мировым порядком». Не трудно заметить, что такое употребление данного понятия предполагает трактовку «нового» прежде всего по отношению к «старому» Ялтинско-Потсдамскому мировому порядку.

Главным признаком изменения миропорядка на современном этапе зачастую считают превращение мира из биполярного (США, НАТО, с одной стороны, СССР, Варшавский Договор — с другой) в монополярный, в котором господствует одна супердержава — США. На самом деле — это поверхностный взгляд на сложные процессы, которые происходят в современном мире. Именно на основе такого упрощенного представления строится американская доктрина возмездия после 11 сентября. Несмотря на успех военных акций США в Афганистане, а также на широкомасштабные военные действия, которые велись в Ираке, стратегическая перспектива этой доктрины вызывает очень большие сомнения во всем мире.

Эти сомнения основываются на том, что полная реализация доктрины мирового господства (или мировой гегемонии) одной супердержавой невозможна, так как обладателями ядерного оружия являются в современном мире не одна, а несколько крупных государств. Поэтому в условиях реальной конфронтации соотношение сил между ядерными державами будет определяться не экономическим потенциалом, а наличием ядерными боеголовками и средствами их доставки на территорию противника. И если в 50-е гг. прошлого века (т. е. еще 40–50 лет назад) вполне серьезно обсуждался вопрос о приемлемости применения 200–300 ядерных боеголовок, то сейчас ясно, что даже для больших государств и целых регионов катастрофическим может оказаться применение и одной боеголовки.

В этом смысле мир на протяжении последних десятилетий по сути был многополярным. Таким, несмотря на ломку биполярной блоковой системы (НАТО–Варшавский Договор), он остается и в настоящее время.

Кардинальным образом меняется другое: во-первых, появляются новые центры силы и тем самым изменяется конфигурация мировой системы взаимоотношений государств и регионов и, во-вторых, (и это самое важное) происходит изменение самого статуса центра силы в современной системе международных отношений (и даже, я бы сказал, изменяется само понятие «центр силы»).

Именно эти реальности современного мира и позволяют говорить о переходе к новому мировому порядку.

Если раньше под «центром силы» в мировой политике понимались государственные системы, с вполне определенными параметрами военно-политического и экономического потенциала, известными и ясными стратегическими и идеологическими концепциями, то сегодня на роль «центра силы» в мировой политике начинают претендовать силы, стратегические цели и главное — материальный потенциал которых не поддается точному определению.

Это не может не приводить к кардинальным изменениям принципов взаимоотношений между «центрами силы», к изменениям в базовых основах доктрины международной и национальной безопасности.

Чтобы лучше понять суть этих изменений, следует сначала остановиться на принципах старого миропорядка, которые, конечно, и сейчас все еще продолжают действовать.

Существующий (или еще продолжающий существовать) миропорядок основывается на двух фундаментальных принципах мировой политики.

Первый принцип. Принцип паритета (или примерной количественно-качественной равновеликости) сил и средств, способных нанести удар по вероятному противнику. При этом вероятный противник для каждой из сторон достаточно хорошо известен; силы и средства вероятных противников взаимно подсчитаны и находятся под обоюдным контролем.

Второй принцип. Основанный на естественном рефлексе самосохранения биологических и социальных систем принцип взаимострашения: первый нападающий получает неизбежный ответный удар. Сдерживание на основе страха взаимного уничтожения.

Оба эти принципа старой системы безопасности свидетельствуют о том, что в ее основе лежала *физическая, или материальная* компонента человеческого существования.

Столкновение мощных совокупных и примерно равновеликих сил, которые (гипотетически) в тяжелой борьбе должны одолеть друг друга. На основе этого принципа и строилась мировая политика в XX веке, готовились и проходили две мировые войны.

В современных условиях принципы старой системы миропорядка (или старой парадигмы безопасности) начинают заметно деформироваться и разрушаться.

Во-первых, деформируется принцип паритета. Террористическая акция 11 сентября 2001 г., масштабы которой не нужно преувеличивать, но и очень опасно приуменьшать, показала, что вместо «*вероятного противника*», силу и направления ударов которо-

го можно заранее определить, а значит и создать систему обороны, появляется «*неизвестный и невидимый противник*», который неизвестно откуда и с какими силами и средствами может напасть. Иными словами, появляются силы без явно выраженных физических признаков, с латентным военно-техническим потенциалом.

Во-вторых, деформируется принцип взаимного устрашения. Наряду с камикадзе-одиночками появляются камикадзе-организации, формируются достаточно мощные силы, которые могут сосредоточить в своих руках ресурсы, достаточные для того, чтобы создать реальную угрозу целым государствам и регионам. Но самое главное, в силу религиозно-идеологической специфики мировоззрения этих сил ради достижения определенных целей *им не страшно будет умереть*, что-бы увлечь за собой ненавистные им народы и страны.

В-третьих, в качестве доминирующей в системе безопасности становится информационная компонента, при помощи которой «неизвестный и невидимый противник» может оказать разрушительное воздействие не только через физическую, материальную среду, но и (и даже — главным образом) через *духовно-идеологическую* подоснову общества.

В последние годы в мире достаточно быстрыми темпами идет осознание реальности угроз национальной безопасности, которые исходят от современных информационных систем. Всемирная Федерация ученых на своей 25-ой сессии в августе 2000 г. на первое место в списке угроз человечеству в XXI веке поставило угрозу информационной безопасности. Причем речь идет об информационной безопасности не в узком смысле (безопасность сетей), а в широком смысле этого понятия — безопасность общества и человека от использования этих сетей.

Особую опасность для мира представляет то, что информационные системы широко могут быть использованы как средство террористической деятельности, во-первых, для воздействия на технические и тактические возможности противника, а во-вторых, для воздействия на духовно-идеологическую среду противной стороны. Речь идет о террористической деятельности тех «неизвестных и невидимых сил», которым «не страшно умереть».

Реальность информационных угроз, определяется также и тем, что в отличие, например, от систем вооружений информационные системы, которые имеют глобальный характер и которые допускают очень большие возможности для анонимного доступа, могут выйти из-под контроля специальных государственных и общественных институтов.

Таким образом, выделенные выше современные реалии взаимоотношений различных военно-политических и идеологических сил на мировой арене заставляют говорить о формировании в силу объективных обстоятельств новой парадигмы мирового порядка (международной и национальной безопасности) вместо парадигмы, на основе которой строились международные взаимоотношения на протяжении последних десятилетий.

В этом новом миропорядке военно-экономическая мощь того или иного «центра силы» уже не может рассматриваться как безусловное основание стабильности, поскольку материальные и духовно-идеологические средства давления и разрушения рассредоточиваются сейчас по самым разным субъектам международной политики. Причем очень серьезно нужно думать о том, что среди этих субъектов велика доля сил, «которым не страшно умереть».

Гегемонистская доктрина США не случайно начала реализовываться в Афганистане и в Ираке. Именно поэтому южному поясу (Афганистан – Северный Кавказ – Иран – Ирак – Сирия – Палестина) проходит линия геополитического разлома современной мировой цивилизации.

В своих напуганных в середине 90-х гг. XX в. геополитических прогнозах американский ученый С. Хантингтон видит именно на этой линии будущие (отчасти уже и нынешние) столкновения Севера и Юга, христианского Запада и исламского Востока. Хантингтон, правда, считал этот прогноз долгосрочным (если не апокалиптическим) сценарием мирового развития. Нам же представляется, что эти столкновения являются катастрофическими явлениями переходного от одного миропорядка к другому, который будет представлять собой систему многих относительно равновеликих полюсов и равновесие которого будет обеспечиваться сложным комплексом физических, информационных и духовно-идеологических компонентов.

Думается, что все сделанные выше констатации и выводы о новых реалиях мировой политики имеют прямое отношение к формированию внешнеполитической стратегии России, которая в настоящее время остается державой, занимающей ключевое положение в международной системе геополитических и экономических взаимосвязей и которая с необходимостью реагирует на более или менее серьезные изменения мирового порядка.

Важнейшим направлением современной внешнеполитической стратегии России должно стать выработка адекватных моделей взаимодействия с соседними странами. Особенно актуальна сегодня

ня такая модель для Каспийского региона, в котором проходит линия взаимодействия совокупных субъектов современной мировой политики как геополитического (регионально-географического) уровня — Европа – Азия, «Север – Юг», так и конфессионально-социокультурного уровня — православие (христианство) – мусульманство.

Именно в этом регионе наиболее масштабно и деструктивно могут проявить себя новые реалии и новые угрозы международной и национальной безопасности, о которых шла речь выше. В силу этих обстоятельств Каспийский регион должен стать важнейшим объектом как для теории, так и для практической политики.

РАЗДЕЛ 2

РОССИЯ КАК ФЕНОМЕН МИРОВОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ

1. Политическая история России как нелинейный процесс

1. Политическая история России представляет собой сложную нелинейную модель социальной и политической динамики, многие характеристики которой являются уникальными и не могут быть интерпретированы общемировыми универсалиями развития социума. Поэтому данную динамическую модель невозможно объяснить не только при помощи классических парадигм социального познания (линейно — поступательный прогресс или повторяющийся цикл), но и на основе более сложных современных концепций (например, миросистемная концепция Броделя-Валлерштайна).

2. В числе таких уникальных характеристик политической и социальной динамики России следует рассматривать устойчивость авторитарно-элитарной государственности, которая подчиняясь в целом общемировому (трендовому) прогрессу, на протяжении ряда веков новой и новейшей истории оставалась тем не менее системообразующей опорой российского социума. Следует здесь подчеркнуть, что такие характеристики государственности как авторитарность и элитизм были в прошлые века присущи многим странам мира, но ни где они (во всяком случае, если брать ядро или полупериферию цивилизованного мира) в XVIII–XIX вв. не проявляли такую стабильность и устойчивость. Другой важнейшей характеристикой российского социума в его исторической ретроспективе является то, что трендовое развитие внутри себя самого имело сложную траекторию — циклические процессы повторяющихся системных революций и периодов компенсирующих друг друга периодов «реформа-контрреформа». Природа этих циклических процессов еще очень слабо изучена в общественной науке.

3. Уникальный и самодостаточный характер важнейших характеристик отечественного общественного процесса дает основание для гипотезы о существовании наряду с общемировыми детерминантами развития собственной национальной матри-

цы, основу которой составляет определенная связь (отношение) власти и собственности. Это отношение определяется как исходным комплексом геополитических, экономико-географических, хозяйственно-производственных и социокультурных условий, задавшим основные векторы развития российского общества, так и определенными политическими и социально-экономическими условиями, в которых оказывалась Россия на различных этапах ее истории.

4. Сформулированное выше в виде гипотезы понимание социальной и политической динамики (а значит и истории) России имеет решающее и принципиальное значение для анализа и оценки современного развития нашего общества. Из такого понимания со всей очевидностью вытекает, что адекватно и своевременно понять причины современных кризисных и даже катастрофических явлений и тем более определить пути их преодоления невозможно только в рамках актуализированной реальности, например, в рамках концепции посткоммунистического реформирования. Современная ситуация есть очередное звено многовековой цепи сложной нелинейной динамики российского общества, участок его уникальной траектории, и поэтому интерпретация этой ситуации невозможна без применения метода ретроспективно-компаративного анализа, выработка которого в свою очередь нуждается в интеграции эвристических и концептуальных возможностей гуманитарных и ряда естественных наук.

2. Преобразовательные процессы в истории России (XVIII — начало XX вв.): социально-политический аспект

Современный этап развития российского общества кратко можно охарактеризовать как период сложных, противоречивых и болезненных преобразований в различных сферах. Понять природу, направленность этих преобразований и тем более — причины их деструктивных последствий невозможно только в рамках анализа современных реалий. Для этого нужен гораздо более широкий исторический контекст. Во-первых, потому что в истории России легко обнаруживаются периодически повторяющиеся преобразовательные процессы, а во-вторых, потому что корни современных перемен уходят не только в периоды новейшей советской истории, но и в гораздо более глубокие исторические пласты российской государственности.

В связи с этим представляется достаточно актуальным анализ (прежде всего, социально-политический) основных этапов и проблем преобразовательных процессов в России в XVIII – начале XX вв. Этот анализ в настоящей лекции предполагает рассмотрение четырех вопросов:

1. Какие события, акции за два последних века дореволюционной истории России следует, прежде всего, отнести к преобразовательным процессам?
2. Типы и общие характеристики преобразовательных процессов в России.
3. Циклы преобразовательных процессов.
4. Какие конечные цели преследовали российские реформы XIX – начала XX вв.? Чего в конечном итоге добивались реформаторы?

Итак, **первый вопрос**.

Среди наиболее употребительных в современном политическом лексиконе встречаются слова «преобразование», «реформа», «перемены» и т.п. Иногда даже можно столкнуться с такой ситуацией, когда общество, общественное мнение делится, как бы, на две части: «за реформы и преобразования» и «против реформ и преобразований».

Таким же частым является употребление таких понятий и в истории России. Один из парадоксов отечественной истории: традиционализм, патриархальность, отсталость многих сторон российской общественной жизни (наиболее распространенный образ нашей истории) совмещается с почти непрерывными реформами, преобразованиями. Часто даже употребляют такие понятия как «полоса реформ» или «период реформ».

Из всего множества таких преобразований мы для нашего анализа в период с начала XVIII в. по 1917 г. выделим **пять периодов**, во время которых, во-первых, происходит наиболее плотная концентрация преобразовательных мероприятий, а во-вторых, анализ внутренней природы проводимых мероприятий позволяет понять нам важные внутренние пружины российского исторического процесса, его специфику.

В чем заключается содержание этих периодов (приводим в хронологическом порядке):

	Принятое название преобразований	Исторические рамки	Основное содержание преобразовательных мероприятий
	<i>Преобразования Петра I («Петровская революция»)</i>	Первая четверть XVIII в.	<ul style="list-style-type: none"> Изменение политической системы (сословно-представительная монархия — абсолютная монархия) Смена господствующего класса (боярская аристократия – дворянство) Ломка экономической системы (удельная собственность – этактистское государство с элементами рыночного хозяйства)
I.	<i>Преобразования Александра I</i>	1801–1820 гг.	<ul style="list-style-type: none"> Указ о вольных хлебопашцах Проекты Сперанского. Образование Государственного Совета Открытие университетов и гимназий Проекты Новосильцева
II.	<i>«Великие реформы»</i>	60–70-е гг. XIX в.	<p><u>«Пакет реформ»:</u></p> <p>1) крестьянская (02.1861), 2) университетская (01.1863), 3) земская (01.1864), 4) школьная (05.1864 и 1871), 5) судебная (11.1864), 6) печати или цензуры (04.1865), 7) городская (01.1870), 8) военная (01.1874) + ряд финансово-хозяйственных преобразований</p>
III.	<i>Реформы Витте-Столыпина</i>	1903–1914 гг.	<ul style="list-style-type: none"> Реформа финансов Учреждение Государственной Думы. Политические свободы Аграрная реформа
	<i>«Социалистическое переустройство» (Большевистская революция)</i>	Октябрь 1917–1920-е гг.	<ul style="list-style-type: none"> Изменение политической системы (аристократически-буржуазная «демократия» – диктатура пролетариата) Смена господствующего класса (дворянство, имущие классы – неимущие классы, партийно-государственная номенклатура) Замена экономической системы (рыночная экономика с элементами государственного регулирования – плановая централизованная экономика)

Теперь возникает вопрос: Все ли приведенные преобразования имеют одинаковую природу и одинаково влияют на ход исторического процесса? Нет! Следует различать **два исторических типа** преобразовательных процессов в России: 1) реформа-революция,

или просто революция; 2) внутрисистемная реформа, или просто реформа.

РЕВОЛЮЦИЯ. В рассматриваемый период в России к такому типу преобразовательных процессов следует отнести, во-первых, преобразования Петра I в первой четверти XVIII в. («Петровская революция»), и во-вторых, преобразования, которые в 1917–1920-х гг. осуществили большевики (большевистская или социалистическая революция).

Какие же характерные и общие черты необходимо выделить у революций?

1) Обязательная смена политической системы и правящей элиты (правлящего класса или классов). Эта смена неизбежно сопровождается массовым насилием и усилением внеэкономических способов эксплуатации населения, ужесточением политических порядков, возрастанием роли государственных институтов, ростом авторитарных тенденций. В начале XVIII в. Петровская эпоха, как известно, отличается переходом политической системы России от системы сословно–представительской монархии к абсолютизму, к резкому усилению патерналистской роли государства во всех сферах общества, включая экономику, ко всем тем явлениям и порядкам, которые характерны для абсолютистской власти.

Аналогичные явления мы легко обнаруживаем и в период большевистских преобразований, ибо после октября 1917 г. в России появляется диктатура пролетариата — леворадикальная диктаторская власть большевиков — режим значительно более жесткий по сравнению не только с послефевральской демократией, но и с поздним периодом самодержавной монархии.

2) Революции всегда несубъективны. Они являются, безусловно, необходимым и неизбежным ответом на вызовы времени, причем ответом, как правило, уже запаздывающим, выполняющим роль спасителя общества от неминуемого краха. В этом смысле российские революции обусловлены предшествующим историческим развитием. Так, радикальные петровские преобразования были обусловлены тем, что сложившиеся до этого архаичные и загнивающие порядки боярской сословно-представительной власти превратились в реальную преграду для жизненно необходимых для России мероприятий по формированию хорошо оснащенной и управляемой армии и флота, введение элементов государственного регулирования в экономику и торговлю. А без всего этого, в свою очередь, невозможно было в то время выйти к незамерзающим морям, а значит и

к относительно дешевым торговым коммуникациям, строительству важнейших отраслей промышленности и т. д.

К аналогичным проблемам пришло российское общество и в начале XX века, когда самодержавный режим, полностью исчерпавший свой потенциал двигателя и охранителя национальной общественной жизни, в течение полутора десятилетий так и не смог найти в себе силы для передачи хотя бы части власти другим политическим элитам для того, чтобы стало возможным эволюционное обновление общества.

3) Революции представляют собой широкомасштабные социальные импровизации: у них нет определенной концепции, нет даже предварительного плана или программы; реформаторы всегда действуют методом «проб и ошибок» и поэтому сами преобразования плохо управляемы и зигзагообразны. О такой особенности Петровских преобразований писал в прошлом веке П. Миллюков: «Самый характер всей этой изложенной реформы показывает, что она не была делом теоретического обсуждения. Законодатель не пошел в ней дальше, чем требовали неотложные нужды времени, и для их удовлетворения ограничился тем, что попало под руку».

Такой же социальной импровизацией было и большинство мероприятий большевиков. Особенно это касалось экономической области. Через несколько лет после революции Ленин был вынужден сделать следующее характерное признание: «Мы предполагали без достаточного расчета — непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по коммунистически в мелкобуржуазной стране». Такую политику Ленин называет «ошибкой».

4) Другой важнейшей характеристикой революций в России является тотальное отрицание предшествующего общественного развития. Как петровские преобразования, так и социалистическое переустройство российского общества оказались отрицанием не только предшествующих порядков, с которыми непосредственно и боролись революционеры–преобразователи, но всей прежней истории России.

Петровские реформы, которые мы приняли за исходный пункт анализа исторического процесса, стали безусловным отрицанием всей предшествующей «московской» истории России. «Строительство социализма в СССР» явилось реальным отрицанием не только петровской России, но и всей ее православно-монархической истории. Это отрицание было связано с основными императивами нового государственного порядка, но оно, конечно, не могло быть и не было абсолютным. Напротив, в этом отрицании отразилась противоречивость, «свет и тень» переходного, переломного времени.

Наиболее рельефно данная особенность реформ-революций проявилась в главных деятелях этого времени — Петре I и Ленине.

Несколько лет назад вышла в свет аналитическая антология, в которой собраны не только взвешенные научные суждения о деятельности Петра I и о его личности, но и «полюса» русской мысли и обывденных мнений по этому вопросу⁷⁵. Читая даже некоторые заголовки разделов этой антологии («Петр — языческое божество, титан», «Петр — спаситель России», «Петр — учитель» и противоположные: «Петр — лидер наемников и предателей», «Петр — псевдотворец», «Петр — Антихрист» и т. д.⁷⁶), невольно вспоминаешь аналогичные оценки (и ярлыки), которые в избытке появились в печати в период гласности по поводу личности и деятельности Ленина. Разброс и острота суждений о Петре и Ленине обусловлены тем, что они являются персонифицированным олицетворением, отражением национального разлома, созидания нового порядка через радикальное отрицание старого.

И наконец, *пятой* (5) важной чертой, содержащей много элементов общего в российских реформах-революциях, является трагическая цена, которую приходилось платить широким слоям населения в преобразовательном процессе. Эта цена была обусловлена прежде всего непосредственными столкновениями между различными слоями общества в связи с перераспределением собственности и власти. Мирным путем такие вопросы не решаются. Вряд ли без насилия возможно было формирование поместной системы дворянского землевладения вместо боярской удельной власти, рекрутской регулярной армии вместо стрелецкого войска во время Петра. Оценивая в целом результаты петровских реформ, П. Милюков пришел к поразительному и даже на первый взгляд парадоксальному выводу: «Ценой разорения страны Россия была возведена в ранг европейских держав» (До этой фразы Милюков приводит данные, в соответствии с которыми в период петровских реформ Россия потеряла около 20% населения, а налоговое бремя увеличилось втрое.).

И тем более без насилия и крови невозможно было установление «власти рабочих и крестьян» во времена Ленина и Сталина, ибо в этом случае была поставлена (и в достаточно короткие сроки реализована) задача уничтожения нескольких сословий старого русского общества. В несколько завуалированном виде данная задача была закреплена

---

⁷⁵ См.: *Кара-Мурза А. А., Поляков Л. В.* Реформатор. Русские о Петре I. Опыт аналитической антологии. Иваново, 1994.

⁷⁶ Там же. С. 5–11.

на в первой Советской Конституции (ст. 9): «Основная задача... заключается в установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства... в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком...»⁷⁷.

Таким образом, анализ российского исторического процесса приводит к выводу, что на протяжении последних трех веков мы сталкиваемся по меньшей мере с двумя специфическими реформами-революциями (или системными революциями), которые имеют ПЯТЬ повторяющихся, сходных характеристик: 1) ужесточение политического режима, усиление государства; 2) Революция — это ответ на непреложные вызовы времени; 3) переход к новому обществу как социальная импровизация; 4) созидание нового через радикальное отрицание старого, а сам переход противоречие между старым и новым; 5) высокая социальная цена.

Эти черты или характеристики свидетельствуют больше о внешнем, поверхностном слое переходных процессов, но они отражают в себе и наличие внутренней, сущностной основы, которая объединяет социальные изменения этого типа, обеспечивает механизм повторемости переходных явлений и создает в реальной истории России двухвековой гиперцикл от петровских преобразований до революционной ломки 1917–1920-х гг.

Анализ исторической эволюции российского общества показывает, что внутри двухвекового гиперцикла русской истории, начавшегося петровскими преобразованиями, а завершившегося революционными событиями 1917–1920-х гг., выделяются три периода менее радикальных перемен в функционировании общественной системы — преобразования Александра I, реформы 60–70-х гг. и реформы Витте–Столыпина.

В преобразованиях этого типа мы также можем найти сходные, повторяющиеся черты и характеристики.

Во-первых, изменения в различных общественных сферах в период таких реформ не импульсивны и не случайны, а проводились по определенному, заранее разработанному плану. Инициатива этих изменений находилась целиком в руках действующей государственной власти, и на роль реформаторов выдвигались официальные представители высшей царской администрации. Во время царствования Александра I реформационные проекты были предварительно разработаны, а затем частично претворены в жизнь высши-

---

⁷⁷ Образование и развитие СССР как союзного государства: Сборник законодательных и других нормативных актов. М., 1972. С. 16–17.

ми царскими чиновниками — М. М. Сперанским и Н. Н. Новосильцевым. В 1855–1861 гг. «пакет» реформ был тщательно разработан в находящихся под полным контролем царского правительства специальных комитетах. В начале XX в. на роль теоретика и идеолога предстоящих преобразований выдвигается ставший позднее премьер-министром С. Ю. Витте, а затем его сменил и на государственном посту, и в роли реформатора П. А. Столыпин.

Во-вторых, эти реформы были нацелены, прежде всего, на социально-экономическую область и очень слабо затрагивали сферу государственного управления. Во всяком случае в их задачу изначально не входило изменение государственного порядка, по сути дела того типа монархической власти, который в начале XVIII в. был установлен Петром. При Александре I по инициативе Сперанского был учрежден Государственный Совет как высший административный орган империи с законосовещательными функциями. Предложения же того же Сперанского о созыве выборной Думы и проекты Новосильцева о конституционных изменениях в стране так и не были востребованы. Во время реформ 60–70-х гг. очень умеренные проекты об образовании выборных органов с сугубо совещательными полномочиями, которые предлагали П. А. Валуев и М. Т. Лорис-Меликов (оба — министры внутренних дел в разные годы), так и не были реализованы. И наконец, в начале XX в. все-таки учрежденный в России выборный орган представительной власти — Государственная дума в результате законодательных манипуляций царя так и оставалась до 1917 г. бесправным учреждением в системе самодержавной монархии.

И в-третьих, проведение реформ сопровождалось резким обострением борьбы между различными политическими и социальными силами. В первый период реформ это было связано с деятельностью тайных обществ декабристов, закончившейся восстанием на Сенатской площади. Во второй — с нарастающей волной народолюбивого террора и убийством Александра II. В третий — с революцией 1905–1907 гг. и последующей после нее беспощадной террористической деятельностью против правительства со стороны социалистов (в основном эсеров). В начале XX века политическая борьба в российском обществе, усугубленная мировой войной, вылилась в революцию 1917 г. В предшествующие же два периода реформ ход этой борьбы переламывался властью, после чего начинался период контрреформ, во время которых реформаторские процессы замедлялись, потом вообще останавливались, а затем принимались меры, частично возвращающие общество на дореформаторские позиции.

В четвертых, отмечается повторяемость комплекса реформаторских мероприятий:

1) Создание системы частного крестьянского землевладения —
1803 → 1861 → 1905

2) Образование общероссийского представительного органа власти —

1810 → (1863–1881) → 1906

Анализируя характерные особенности двух типов преобразований в России (реформы и революции) мы уже упомянули о том, их чередование можно представить в виде циклического процесса, с рядом повторяющихся признаков, характеристик. (Это мы перешли к третьему блоку вопросов, обозначенных в начале лекции).

Представим данные циклы в виде таблицы.

**Циклы «реформа–контрреформа» в политической истории
России в XVIII – начале XXI вв.**

Петровская революция (<i>первая четверть XVIII в.</i>)		
Период адаптации новой общественной системы (70–75 лет)		
Полоса реформ	Вспышка (полоса) насилия	Полоса контрреформ
Реформы Александра I (<i>Первые два десятилетия XIX в.</i>)	<i>Восстание декабристов 1825 г.</i>	Реакция («застой») Николая I
Великие реформы 60–70-х гг. XIX в.	<i>Народовольческий террор. Убийство Александра II 1 марта 1881 г.</i>	Контрреформы конца 80-х – начала 90-х гг.
Реформы Витте–Столыпина (1906–1914 гг.)	<i>Революция 1905–1907 гг. Эсеровский террор против аристократии</i>	
«Социалистическая» революция 1917–1920-х гг.		
Период адаптации новой общественной системы (около 70 лет)		
Горбачевско-ельцинская перестройка (сер. 80-х – нач. 90-х)	<i>Вооруженные столкновения и общественные волнения 1993–1996 гг.</i>	Путинская контрреформа (начало XXI в.)

Получается следующая модель социальной и политической динамики российского общества: пограничные рубежи — это **две системные революции**, между которыми временной промежуток примерно в два века; между этими пограничными рубежами **три периода внутрисистемных реформ**; в широком смысле слова каждый из этих периодов делится на три этапа — собственно реформа

(или реформы), период вспышки насилия, и период контрреформы. Причем — очень важное наблюдение: временные промежутки между периодами реформ сокращаются (между I и II — 40–45 лет, между II и III — 30 лет), т. е. происходит убыстрение темпов, частоты реформационного процесса.

И последний, **четвертый** блок вопросов: Какие конечные цели преследовали российские реформы XIX – начала XX вв.? Чего в конечном итоге добивались реформаторы?

Изначальной была мысль о том, что Россия в ряде сфер общественного развития (промышленность, коммуникации и т. д.) отстает в своем развитии от других стран Европы. Эта мысль становится особенно актуальной после разгрома Наполеона, когда в военно-политическом смысле Россия входит в круг великих европейских держав на правах равной.

Поэтому **каждая реформа — это попытка за короткий исторический срок преодолеть это отставание, превратить Россию в великую державу не только в военно-политическом, но и в экономическом смысле.**

В связи с этим для российских реформ всегда решающее, стимулирующее значение имел внешний фактор, фактор сравнения с Западом, с европейскими державами. Именно на фоне этого сравнения, в котором Россия сильно проигрывала, и рождались замыслы фактически всех реформ. Так,

- замысел Петровских преобразований родился после длительного путешествия Петра по странам Европы (так называемое Великое посольство 1696–1697 гг.). «Надо сделать как в Европе»;
- реформаторские настроения Александра I сформировались главным образом в результате осмысления процессов в европейских странах, и прежде всего во Франции (Великая французская революция 1789–1793 гг.). План государственных преобразований Сперанского имел прямые заимствования из французского опыта;
- поворот к реформам 60–70-х гг., безусловно, был в значительной степени обусловлен поражением России в Крымской войне 1853–1856 гг., ударившим по международному престижу и России и показавшим отставание ее в экономической области от Англии и Франции;
- и наконец, реформа Витте-Столыпина была вызвана во многом поражением России в русско-японской войне 1904–1905 гг., в которой Россия уступила далеко не самой развитой в то время стране мира — Японии.

Не случайно, главные авторы реформ (например, Сперанский, Витте) по своим взглядам были откровенными западниками. Слова Витте: «В России происходит то же, что случилось в свое время на Западе: она переходит к капиталистическому строю... Россия должна перейти на него. Это мировой непреложный закон».

Иными словами: не только по изначальной мысли, но и по концепции, стратегии российские реформы XIX–XX вв. имели западную ориентацию, в них явно прослеживается стремление адаптировать на российской почве универсальные по убеждению реформаторов западные образцы политической и экономической жизни.

Не в этом ли кроется, может быть, главная причина фатальных неудач российских реформ?

3. Теория длинных волн Н. Кондратьева и социально-политическая динамика России

В 20-х гг. прошлого века советский ученый-экономист Н. Д. Кондратьев разработал оригинальную концепцию, которую можно было использовать и для объяснения механизмов противоречивого и зигзагообразного развития российского общества. Важнейшей особенностью этой концепции было то, что она строилась не на метафизических и историософских рассуждениях, а на базе строгих экономико-математических расчетов.

Н. Д. Кондратьев и сотрудники его института⁷⁸ провели скрупулезное сравнительное изучение статистических данных экономической динамики в наиболее развитых странах мира (Англия, Франция, США, Германия) в период с конца XVIII по 20-е гг. XX в. и на его основе сделали вывод о том, что мировой рынок (или мировая конъюнктура) имеет не просто поступательно-восходящую, но и волнообразно-циклическую траекторию своего развития.

В исследуемом периоде (т.е. на протяжении полутора веков) Кондратьев обнаруживает устойчивую повторяемость социально-экономических и политических явлений и процессов, которая выстраивается в три цикла или три длинные волны⁷⁹ продолжительностью 50–75 лет каждая. В рамках этих циклов (длинных волн) периоды оживления экономики, улучшения конъюнктуры рынка, об-

---

⁷⁸ Институт по изучению народнохозяйственных конъюнктур (Конъюнктурный институт). Основан Кондратьевым в октябре 1920 г.

⁷⁹ Чтобы избежать путаницы в терминах, необходимо уточнить, что в рамках теории Кондратьева понятие «цикл» (или «большой цикл») тождественно понятию «длинная волна», а каждый цикл или длинная волна состоит из так называемых «повышательной» и «понижательной» волн.

щей либерализации хозяйственной жизни (повышательная волна) неизменно сменяются периодом замедления экономического роста и даже спада производства, применения статистических методов управления хозяйством (понижательная волна)⁸⁰.

При сравнительном анализе конкретных событий и явлений, происходящих в рамках экономических циклов, Кондратьев обнаруживает ряд закономерностей или, как он их называет, «эмпирических правильностей», которые давали ключ к пониманию природы циклического движения общества. Для нашей темы имеет особенно важное значение вторая такая «эмпирическая правильность», суть которой Кондратьев формулирует следующим образом: «Периоды повышательных волн больших циклов, как правило, значительно богаче крупными социальными потрясениями и переворотами в жизни общества (революции, войны), чем периоды понижательных волн»⁸¹. Данное наблюдение Кондратьева подводило к очень важному эвристическому выводу о том, что в длинной волне скрыты не только динамика и противоречия экономических явлений, но и синтез экономики и не экономики, сложная взаимосвязь хозяйственно-экономической и социально-политической сфер общества. Тем самым открывались новые возможности для исторического и политического анализа, связанные с тем, что теперь развитие общественной жизни можно было объяснять не только при помощи философских моделей соотношения необходимости и случайности, объективных факторов и субъективной воли, но и привлекая методы и инструментарий таких наук, как экономика, математика, статистика и т. д.

Необходимо отметить, что сам Кондратьев очень осторожно относился к своим выводам. Он делал три очень важные оговорки. Во-первых, свою концепцию длинных волн конъюнктуры он считал не более чем гипотезой, во-вторых, действие длинных волн ограничивалось полутора столетиями, так как Кондратьевым использовался эмпирический и статистический материал только этого периода,

---

⁸⁰ Кондратьев определяет временные рамки трех длинных волн: первая — с конца 80-х — начала 90-х гг. XVIII в. до 1810–1817 гг. (повышательная волна) и с 1810–1817 до 1844–1855 гг. (понижательная волна); вторая — соответственно с 1844–1855 до 1870–1875 и с 1870–1875 до 1890–1896 гг.; третья — с 1890–1896 до 1914–1920 гг. Понижательная волна этого цикла Кондратьевым не определялась (см.: *Кондратьев Н. Д.* Проблемы экономической динамики. М., 1989. С. 197). «Верхушки» длинных волн (1810–1817, 1870–1875 и 1914–1920 гг.) позднее последователи Кондратьева называли «фаза Т».

⁸¹ *Кондратьев Н. Д.* Проблемы экономической динамики. М., 1989. С. 203.

и, в-третьих, данные и выводы Кондратьева распространялись им только на наиболее развитые страны мира.

Последователи Кондратьева существенно расширили концептуальные и пространственно-временные рамки действия длинных волн⁸². Но вместе с тем среди множества направлений научных исследований, по которым особенно в 60–80-е гг. стали развиваться идеи Кондратьева, остается одно, на которое и в отечественной и в зарубежной научной литературе до сих пор обращается очень мало внимания. Это направление связано с проблемой применимости теории длинных волн к историческому процессу в России.

Выше уже говорилось о том, что сам Кондратьев ограничивает действие длинных волн зоной наиболее развитых стран, в число которых не включалась Россия. Правда, косвенное участие России в волновых процессах фигурирует в открытых им эмпирических закономерностях (или «правильностях»), и прежде всего во второй — возрастании социально-политической напряженности и конфликтности в период повышательной волны. В период первой повышательной волны (1780-е — 1814–1817 гг.) Кондратьев выделяет 18 событий мировой истории, подтверждающих указанную закономерность, в 9 из них активное и непосредственное участие принимает и Россия (например, войны с Наполеоном). В период второй волны (1840–1850-е — начало 1870-х гг.) данное соотношение выглядит как 18 : 1 (Крымская война 1853–1856 гг.), в период третьей волны (1891–1896 и 1914–1921 гг.) — 22 : 5⁸³.

В целом же проблема включенности России в зону действия длинных волн представлялась для Кондратьева и его последователей достаточно сложной и нерешенной. Прежде всего это было обусловлено специфическим и противоречивым статусом и положением России в системе мировых взаимосвязей. С одной стороны, было бы вполне правомерно допустить, что Россия должна испытывать на себе действие общих тенденций развития мирового сообщества, и прежде всего Западной Европы, уже в силу того, что, по крайней мере, со времени петровских реформ российская экономика была достаточно прочно интегрирована в мировой рынок, а значит и испытывала на себе его динамику. Кроме этого нельзя забывать, что на

---

⁸² См.: Научное наследие Н. Д. Кондратьева и современность: Сб. материалов научной конференции. Ч. 1–2. М., 1991; *Модельски Дж., Томпсон У.* Волны Кондратьева, развитие мировой экономики и мировая политика // Вопросы экономики. 1992. № 10; *Дубовский С.* Прогнозирование катастроф (на примере циклов Н. Кондратьева) // Общественные науки и современность. 1993. № 5; и др.

⁸³ См.: *Кондратьев Н. Д.* Проблемы экономической динамики. С. 203–204.

протяжении всего XIX в. Россия как мощная военно-политическая держава выступает непосредственным и очень важным субъектом международных отношений, участником всех крупных событий политической истории.

Но, с другой стороны, общий уровень и технологические возможности российской экономики существенно уступали показателям развития передовых европейских стран, что в структуре мирового сообщества относило Россию если и не к самой отсталой периферии, то, по крайней мере, к полупериферии.

Видимо, на стыке этих двух противоречивых особенностей положения России в мире и нужно искать ответ на вопрос о характере и степени действия циклической динамики развитого мира в российском социуме.

Рассмотрим для этого два взаимосвязанных тезиса.

Первый тезис. Общественное развитие России, безусловно, подвержено воздействию длинных волн мировой экономики и в целом подчиняется законам и тенденциям ее динамики. Одно из наиболее важных подтверждений этого вывода содержится в сделанном уже современными исследователями наблюдении об очевидной и устойчивой синхронности длинных волн конъюнктуры и циклов «реформа–контрреформа» в России⁸⁴.

Так, все три повышательные волны кондратьевских циклов совпадали с периодами реформ в России, а понижательные волны, — наоборот, с периодами контрреформ:

Повышательные волны:

Первая (1780-е — 1814–1817 гг.) — проекты и частичные преобразования М. Сперанского в первое десятилетие XIX в., конституция Польши и Уставная грамота Российской империи (1815–1819 гг.).

Вторая (1840–1850-е — начало 1870-х гг.) — реформы 60–70-х гг. XIX в.

Третья — реформы Витте–Столыпина в 1905–1911 гг.

Понижательные волны:

Первая (1814–1817 гг.) — периоды николаевского «застоя» после восстания декабристов.

---

⁸⁴ См.: Умов В. И., Лапкин В. В. Кондратьевские циклы и Россия: прогноз реформ // Полис. 1992. № 4; Рязанов В. Т. К вопросу о «длинных волнах» экономических реформ в России // Вестн. СПбГУ. Сер. 5. Экономика. 1992. Вып. 2. № 12.

Вторая (начало 1870-х — 1890–1896 гг.) — контрреформы 80–90-х гг., начавшиеся после убийства Александра II.

Синхронность таких масштабных процессов (мировой экономики и реформационно-контрреформационных мероприятий в России) на протяжении полутора веков, конечно, не может быть случайной и отражает действие единых, общемировых факторов развития общественных систем, находящихся в системе взаимосвязей.

Второй тезис. Более внимательное и скрупулезное сравнение временных параметров длинных волн мировой конъюнктуры и событий российской истории приводит к выводу о том, что, несмотря на очевидность детерминационных влияний этих волн на Россию (первый тезис), их действие является не прямым и непосредственным, а получает заметную корректировку. Это проявляется, прежде всего, во временном несоответствии пиковых моментов длинных волн и российского политического процесса, что легко обнаруживается при их простом наложении друг на друга.

Это наложение показывает, что траектория циклической динамики российских реформ и контрреформ отстает во времени от волн мировой конъюнктуры примерно на 5–10 лет. Так, например, период реформ в начале XIX в. заканчивается не в 1814–1817 гг., а немного позже, так как в 1818–1819 гг. Александр I все еще вынашивает планы политических преобразований, свидетельство чему — Конституция Польши и Уставная грамота Российской империи. Начало же другого периода реформ во второй половине XIX в. приходится на самое начало 60-х гг., а не на 1840–1850-е гг. Такая же картина наблюдается и в третьей кондратьевской волне: она опережает и в низшей и в высшей своей точке реформы в России на 5–10 лет.

Таким образом, первое эмпирическое наблюдение, которое можно сделать из сопоставления длинных волн и периодов реформ-контрреформ в России, заключается в том, что процессы в России заметно отстают от динамики мировой развитой экономики. Длинная волна приходит в Россию как бы с некоторым опозданием.

Но дело не только в этом. Эффект более позднего действия длинной волны в России вполне объясним самим взаимоотношением центра системы и ее периферии. В центре связи более непосредственные и жесткие, изменения в одной части этого центра тут же соответствующим образом отзываются во всех его других частях. Связи же центра и периферии менее прочные, поэтому передача «сигнала» тех или иных изменений уже не настолько быстра и непосредственна.

Кроме же несовпадения временных параметров длинных волн и циклов российских реформ-контрреформ в их синхронизации об-

наруживаются и более серьезные рассогласования. Кондратьев, например, не отрицает того, что социальные потрясения могут происходить не только в период повышательной волны (закономерность возрастания аномальных социальных явлений), но и в период понижательных волн, только в данном случае таких событий значительно меньше. Но этот вывод не совсем соответствует реалиям российской истории.

Достаточно сказать, что именно на середину двух первых понижательных волн (т. е. в период относительной социальной стабильности, по Кондратьеву) приходятся два крупнейших социальных катаклизма в российской истории XIX в., оказавших сильное влияние на дальнейший ход общественного развития в России и ставших переломами в политическом процессе от реформ к контрреформам. Речь идет о восстании декабристов в 1825 г. (понижательная волна кондратьевского цикла: 1814–1817 — 1840–1850 гг.) и убийство Александра II в 1881 г. (начало 1870-х — 1891–1896 гг.). В. Рязанов, принимающий также общий вывод о правомерности гипотезы симметричности периодов экономических реформ в России повышательным фазам развития мировой экономики, вместе с тем также указывает на одно из серьезных отклонений от этой закономерности. Этим отклонением уже в постмонархической России является, по его мнению, нэп — стремительный подъем экономики Советской России, тогда как в это время мировая конъюнктура входит в свою понижательную фазу⁸⁵.

Некоторые коррелятивные расхождения обнаруживаются при сравнении волн мировой конъюнктуры, с одной стороны, и масштабы, интенсивности политических и социально-экономических изменений в России — с другой.

Кондратьев считал, что, несмотря на общее восходящее (трендовое) развитие мировой экономики, условные колебания основных экономических показателей внутри каждого цикла примерно одинаковы. Но такое соответствие не наблюдается в российской истории. Сравним, например, «фазы Т» двух циклов — первого (1814–1817 гг.) и третьего (1914–1921 гг.). Если перемены, произошедшие в указанные периоды, по характеру и масштабам международных процессов еще можно сопоставлять: наполеоновские войны и первая мировая война, то соответствующие характеристики внутренних перемен в России (преобразования Александра I и крушение монархии, неудачи

---

⁸⁵ См.: Рязанов В. Т. К вопросу о «длинных волнах» экономических реформ в России // Вестн. СПбГУ. Сер. 5. Экономика. 1992. Вып. 2. № 12. С. 39–40.

постсамодержавной демократии, социалистическое переустройство страны), разумеется, абсолютно несопоставимы.

Таким образом, попытки применить теорию длинных волн Кондратьева к анализу российского исторического процесса приводят нас к двоякому выводу.

С одной стороны, российская экономика и российское общество испытывают на себе совершенно определенное, хотя и не однозначное воздействие циклической динамики экономики наиболее развитых стран мира. Эти динамические процессы берут начало, формируются в недрах сложной сети социально-экономических и политических связей в определенной зоне мира⁸⁶, что создает мощный детерминационный импульс для развития всего мирового сообщества. Это в свою очередь создает устойчивый временной ритм, который определяет и обеспечивает темп глобальной социальной динамики.

С другой стороны, анализ реальных исторических перемен в России показывает, что внешним детерминационным импульсом и созданным им временным ритмом невозможно адекватно объяснить отечественные политические процессы. Их развитие имеет серьезные отклонения от волн мировой конъюнктуры. А это заставляет искать не только внешние, но и внутренние, национальные источники или *матрицы*, которые создают локальные временные ритмы и тенденции развития.

4. Дихотомия «власть–собственность» и матрица временного ритма России

Определение внутренних пружин развития российского общества, механизмов его динамики всегда было для отечественной науки одной из труднейших задач. Некоторые считали, что это вообще невозможно. Достаточно вспомнить тютчевское «умом Россию не понять». Другие же мыслители относились к этому предмету менее

---

⁸⁶ Сам Кондратьев считал, что «материальной основой больших циклов является изнашивание, смена и расширение основных капитальных благ, требующих длительного времени и огромных затрат для своего производства. Смена и расширение фонда этих благ идут не плавно, а толчками, другим выражением чего являются большие волны конъюнктуры» (Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики. С. 217–218). Другие исследователи указывают на более фундаментальные основы детерминаций волнообразно-циклических процессов. Таких моделей в настоящее время в мировой науке существует очень много: от эмпирической теории космических (солнечных) влияний на исторический процесс (А. Чижевский) до синергетической теории самоорганизации социальных систем (И. Пригожин). Но, может быть, это лишь уровни пока еще неизвестной науке глобальной системы детерминационных связей Вселенной?

пессимистически. К. С. Аксаков, признавая существующие трудности в познании России, ее исторического пути, прямо указывал на их причины: «Русская история совершенно отличается от Западной Европейской и от всякой другой истории. Ее не понимали до настоящего времени, потому что подходили к ней с готовыми историческими рамками, заимствованными у Запада, и хотели ее туда насильно втиснуть, потому что хотели ее учить, а не у нее учиться...»⁸⁷.

Постараемся следовать совету К. Аксакова и без всяких рамок и клише подойти к анализу российской истории, и прежде всего ее переломных, переходных периодов, в которых обострялись и обнажались многие противоречия политических и социально-экономических интересов, происходило наиболее острое и решительное их столкновение.

В качестве исходного пункта такого анализа сформулируем следующую тезис: *Ключ к открытию механизма российской социальной динамики, матрицы национального развития необходимо искать в отношениях власти и собственности*⁸⁸ в России.

Национальная специфика и направленность изменений в этом фундаментальном общественном отношении (или в соотношении этих двух общественных доминант) особенно полно и непосредственно проявляется в переходные эпохи российской истории. Поэтому мы прежде всего проследим, почему и как изменения в этих отношениях (или в соотношениях) происходили в периоды двух системных революций, через которые прошла Россия в начале XVIII и в начале XX вв.

Наш анализ мы последовательно проделаем по трем аспектам: по политическому и социально-экономическому, социокультурному и геополитическому.

Политический и социально-экономический аспекты проблемы. Как бы мы ни оценивали смысл и значение петровской революции, ясно одно — ее корни нужно искать в предшествующих периодах российской истории. Масштабы и глубина общественного сдви-

---

⁸⁷ Полное собрание сочинений Константина Сергеевича Аксакова. Т. 1. Сочинения исторические. М., 1861. С. 2.

⁸⁸ Формула «власть–собственность», как и данные термины в отдельности, зачастую даже в научной литературе имеют условно-публицистический характер. Поэтому, чтобы не было путаницы, уточним, что в настоящей работе понятие «власть» употребляется в значении — «центральное (верховное, общегосударственное) управление», а «собственность» — это «владение материальными благами», в качестве которых в российском государстве XVIII–XIX вв. выступала прежде всего земля. Данный феномен давно является объектом исследования для многих ученых в нашей стране — См., например: Цирель С. В. «Власть–собственность» в трудах российских историков и экономистов // Общественные науки и современность. 2006. № 3.

га, который произошел в России в начале XVIII в., свидетельствовали о том, что накопление преобразовательной энергии происходило в течение многих десятилетий и было обусловлено реальными общественными условиями, сложившимися в России к концу XVII в. «Реформа, — пишет В. О. Ключевский, — сама вышла из насущных нужд государства и народа, инстинктивно почувствованных властным человеком с чутким умом и сильным характером...»⁸⁹.

Два века, предшествующие Петру, можно назвать эпохой формирования и упрочения огромного централизованного государства, вырвавшегося из оков татаро-монгольского владычества на самостоятельный путь национального развития. Анализ этого периода русской истории в научной литературе всегда вызывал множество дискуссий и споров хотя бы потому, что он, как никакая другая эпоха, был насыщен войнами, восстаниями, переворотами и другими общественными катаклизмами. В этот период происходит также и такое эпохальное событие для любого монархического государства, как смена правящей династии.

Но в чем же заключалось главное противоречие этого периода, основное «яблоко раздора» для различных общественных сил, которое постоянно сталкивало их друг с другом? Если принять за точку отсчета XVI в., то можно с уверенностью сказать, что это противоречие, или это «яблоко раздора», необходимо искать на стыке существовавшей в то время монархической *власти* и господствующей *системы землевладения*.

С одной стороны, в процессе централизации и увеличения могущества Российского государства происходило естественное и неизбежное усиление и расширение политической власти монарха (великого князя или царя), но с другой — в качестве господствующей действовала децентрализованная, по сути удельная⁹⁰, система владения земельной собственностью. По мнению Ключевского, такая система сложилась по преимуществу на Верхневолжской Руси в XIII–XIV вв. в силу объективных условий освоения этого региона. В этом процессе сомкнулись два направления — географическое и политическое.

Удельное дробление земельной собственности возникло в силу особенностей колонизации, когда происходило не сплошное освоение территории, а обустройство локализованных, оторванных друг

---

⁸⁹ Ключевский В. О. Сочинения в 9 т. Т. IV. М., 1989. С. 202.

⁹⁰ По Ключевскому, уделы (или вотчины) — это отдельные частные владения (землей или недвижимостью), постоянные или наследственные (см.: Ключевский В. О. Сочинения в 9 т. Т. I. М., 1987. С. 338).

от друга условиями рельефа мелких речных районов (округов). При этом нужно учитывать и тот факт, что князь (владелец) приходил в этот уединенный район не на готовое, а как бы в пустыню, которую нужно было еще осваивать, делать пригодной для нормальной и производительной жизни⁹¹. Поэтому, заключает Ключевский, «...понятие о князе как о личном собственнике удела было юридическим следствием значения князя как заселителя и устроителя своего удела»⁹². Сами объективные условия становления российской государственности делали удельную власть и удельную собственность наиболее закономерной и целесообразной как с экономико-географической, так и с политической точки зрения.

Начиная с XV в. удельная система в ходе жизненно необходимого для дальнейшего существования Российского государства объединения земель начинает деформироваться. Удельная земельная собственность (а значит и местная власть) и централизованная общероссийская монархическая власть вступают в вопиющее противоречие и даже в смертельную борьбу друг с другом. В этой борьбе в конечном итоге, как известно, побеждает монархический центр, в результате чего удельная система трансформируется в систему поместного землевладения⁹³. Но не нужно упрощать смысл этой борьбы объективистскими, прогрессистскими подходами и мерками. Не нужно слишком сужать и исторические рамки этой борьбы. И то и другое могут скрыть от нас истинные пружины этой борьбы, а вместе с ними более долговременные механизмы и тенденции российского политического процесса.

Трансформация удельной системы в поместную происходила медленно и очень болезненно для русского общества. Для России смена систем землевладения означала смену фундаментальных основ общества, и поэтому изменение социально-экономических условий функционирования общества не могло произойти без перестройки всего общественного здания. Конечно, к такой всеобщей, комплексной перестройке русское общество было еще не готово ни в XVI, ни в XVII вв. Поэтому, говоря о процессе смены удельной системы на поместную в период XVI–XVII вв., мы не должны забы-

---

⁹¹ Ключевский В. О. Сочинения в 9 т. Т. I. М., 1987. С. 348–349.

⁹² Там же. С. 349.

⁹³ Главным отличием поместья от удела является то, что помещьем наделялся служилый человек государством (монархом) первоначально условно и временно (на время службы). В XVIII в. поместья становятся полноценной частной собственностью владельца, но и в этом случае многие аспекты деятельности поместья, а также акт купли-продажи находились под контролем государства.

вать об инерционном действии «удельных порядков», которые все еще фундировали старые условия жизни, замедляли преобразования в различных общественных сферах. Ключевский об этом писал так: «Не думайте, что с исчезновением великих и удельных княжеств тотчас без следа исчезал и удельный порядок, существовавший в Северной Руси. Нет, этот порядок долго еще действовал и под самодержавной рукой московского государя. Политическое объединение Северной Руси на первых порах выражалось только в единстве московской верховной власти, но не сопровождалось немедленной коренной перестройкой местного управления, где еще довольно устойчиво хранились остатки удельного порядка»⁹⁴.

Советский историк М. Н. Тихомиров, специально изучавший общественную жизнь в отдельных регионах (княжествах) Российского государства в XVI в., отмечал, что уделы в этот период имели как бы вторичный характер и сила удельных князей заметно поубавилась по сравнению с прежними временами, удельные порядки тем не менее продолжали существовать. И вообще говорить о централизованном Российском государстве в XVI в. нужно осторожно, с оговорками, так как могущество великого князя нельзя смешивать с понятием централизации⁹⁵. В политическом смысле великий князь в XVI в. был действительно всемогущ, но в экономическом отношении Российское государство в то время еще было децентрализовано, поскольку внутренняя жизнь уделов продолжала оставаться автономной, и таможенные границы удельных княжеств и царских земель, например, соблюдались строго⁹⁶.

Почему же удельная система не могла быть быстро сменена новой, поместной системой? Потому что при взаимодействии с первой системой (удельной) у монархической власти имелся хотя и несовершенный, уже не отвечающий новым потребностям времени, но все же действующий механизм решения крупных государственных проблем, тогда как при второй системе (поместной) создавался лишь новый юридический статус отдельных единиц земельной собственности, но отсутствовал еще по объективным причинам новый экономический механизм функционирования общероссийского хозяйственного организма как единого целого.

Задумаемся над таким, казалось бы, парадоксальным обстоятельством: именно во времена Ивана Грозного — одного из наиболее

---

⁹⁴ Ключевский В. О. Сочинения в 9 т. Т. II. М., 1988. С. 133.

⁹⁵ См.: Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 34–42.

⁹⁶ См.: там же. С. 40.

жестоких и авторитарных правителей монархической России — по инициативе царя начинают созываться Земские соборы — сословные представительные органы. Разгадка проста: царь имел огромную политическую власть, но при этом был сильно ограничен в экономических возможностях, не располагая достаточно мощными централизованными источниками пополнения своей казны. Основная собственность оставалась у крупных землевладельцев, которые по удельным традициям имели еще широкие возможности для ее использования. Поэтому для любого общегосударственного мероприятия, требующего крупных материальных средств (например, Ливонская война), необходимы были согласие и готовность «земель» (и в первую очередь крупных землевладельцев) выделить эти средства на общие нужды.

В последние годы в литературе (особенно публицистической) была сильно преувеличена демократическая сущность Земских соборов и тем самым искажена их роль в Русском государстве того времени. Забыли о том, что эти представительные сословные учреждения возникли не как результат естественного прогрессивного политического развития России (так, как это происходило на Западе)⁹⁷, а как наиболее адекватная форма связи государства и общества в период наиболее сильного обострения противоречий и столкновений различных социально-политических интересов, в условиях, когда централизованная государственная власть по объективным причинам еще не располагала всеми рычагами управления страной. Земские соборы были в России того времени своеобразной общественной камерой, где гасились противоречия и столкновения интересов, где вырабатывались консолидированные общенациональные решения.

Упрощенные толкования сути социально-политической ситуации в Русском государстве в XVI–XVII вв. возникают чаще всего из стремления некоторых исследователей с позиций формационной теории представить этот период как процесс становления классического феодализма. Ключевский же, например, считал, что удельную систему в России вообще нельзя отождествлять с феодальными порядками, которые существовали в Западной Европе. Сходство, по его мнению, было только внешним, юридическим, оно состояло в соединении в лице удельного князя государя и верховного соб-

---

⁹⁷ У Ключевского есть два похожих друг на друга высказывания по этому вопросу. Первое: «Наш собор родился не из политической борьбы, как народное представительство на Западе, а из административной нужды» (*Ключевский В. О. Сочинения* в 9 т. Т. II. М., 1988. С. 366). Второе: «Народное представительство возникло у нас для ограничения власти, а чтобы найти и укрепить власть: в этом его отличие от западноевропейского представительства» (там же. Т. III. М., 1988. С. 198).

ственника земли. Но в российских удельных отношениях отсутствовали два важнейших для западноевропейского феодализма момента: соединение служебных отношений с поземельными и наследственность тех и других. Поэтому для удельного князя «его бояре и слуги вольные совсем не вассалы»⁹⁸.

Это и создавало особую систему социально-политических отношений в формирующемся Российском государстве: наряду с централизованной властью общероссийского монарха существовали удельные собственники огромных земельных наделов, в обществе имела большую силу и влияние идеология боярской вольности и вседозволенности, мощная социально-политическая оппозиция царской власти.

Поэтому, по мнению Ключевского, «удельно-вотчинное» и «государственное» — это не просто два противоборствующих начала в процессе централизации Российского государства, а ключевое социально-политическое противоречие этого периода, которое пронизывало оба этих начала, в том числе и личность царя, в котором, как пишет Ключевский, боролись «вотчинник и государь, самовластный хозяин и носитель верховной государственной власти». И именно это «колебание между двумя началами или порядками» и привело в конечном итоге «династию собирателей к гибели»⁹⁹.

Конечно, эти противоречивые реалии социально-политической истории России XVI–XVII вв. не могли не вызвать острых научных дискуссий. В отечественной исторической литературе эти дискуссии чаще всего уходят от фундаментального вопроса о взаимодействии власти и собственности и сводятся к достаточно конкретным проблемам характера и мотивов отношений царской власти и боярства, с одной стороны, боярства и дворянства — с другой. В трактовке этих вопросов можно выделить две противоположные позиции¹⁰⁰: одна исходит из постулата о непримиримой борьбе между боярством и царской властью, другая сводится к тому, что эту борьбу не нужно преувеличивать, ибо интересы боярства и царской власти в период централизации Российского государства в целом совпадали.

Первая позиция восходит к идеям С. Соловьева и В. Ключевского, она была свойственна так же и ряду других отечественных историков дореволюционной школы (С. Ф. Платонов, Н. И. Павлов-

---

⁹⁸ Ключевский В. О. Сочинения в 9 т. Т. I. М., 1987. С. 359.

⁹⁹ См.: там же. Т. II. М., 1988. С. 121.

¹⁰⁰ Подробный анализ данной дискуссии как в дореволюционный, так и в советский периоды см.: Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985. С. 6–11.

Сильванский). Некоторые ученые придерживаются этой позиции и сейчас (например, Р. Г. Скрынников). Вторая позиция формируется в исторической науке уже в советское время (С. Б. Веселовский, Л. В. Черепнин) и находит много сторонников и по сей день (например, В. Б. Кобрин). Но все-таки многие исследователи пытаются избежать в этом сложном и противоречивом вопросе категорических выводов.

Наиболее ясно и отчетливо концептуальная противоположность позиций в анализируемой нами теме проявилась в полемике В. Б. Кобрин и Р. Г. Скрынникова. В своей книге «Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.)» В. Б. Кобрин пришел к выводу о том, что необходимо «пересмотреть традиционное представление помещиков и вотчинников как разных социальных категорий господствующего класса. Но только на это противопоставление, по сути дела, опирается ставшее общим мнение о разных политических позициях помещиков и вотчинников, о «борьбе» боярства и дворянства, под которым часто понимают владельцев вотчин и поместий. Изучение поместья склоняет автора к скептическому отношению к этой концепции извечной «борьбы» боярства и дворянства»¹⁰¹. Далее эту борьбу Кобрин вообще называет «мифом»¹⁰². Р. Г. Скрынников, цитируя данное положение Кобрин в своей книге «Россия в начале XVII в.» «Смута», высказывает прямо противоположное мнение: «Взявшись за опровержение «общего мнения», В. Б. Кобрин не заметил того, что ключевым пунктом современной концепции политического развития Российского государства XV–XVI вв. является не пресловутый тезис об изначальной борьбе боярства и дворянства, а положение о фундаментальной перестройке феодального сословия, связанной с развитием поместной системы и трансформацией старого боярства периода феодальной раздробленности в служилое дворянское сословие XVI в.»¹⁰³.

Думается, что позиция Р. Г. Скрынникова более адекватно отражает реалии того периода русской истории. Необходимо только при этом сделать две оговорки. Во-первых, вряд ли стоит понимать эту «трансформацию» как спокойный, мирный процесс, и во-вторых, также представляется маловероятным, что эта «трансформация» уже достигла своей конечной цели в XVI в.

Во всяком случае безусловное отрицание борьбы царской власти (а значит и дворянства) и боярства как основной пружины рос-

---

¹⁰¹ Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985. С. 134–135.

¹⁰² Там же. С. 218.

¹⁰³ Скрынников Р. Г. Россия в начале XVII в. «Смута». М., 1988. С. 6.

сийской истории XVI в. противоречит реалиям политического процесса. Если посмотреть на события XVI в., например, с высоты позиций XVIII в., то станет очевидным, что главной жертвой политической трансформации сословно-представительной монархии в России в абсолютную монархию становится боярство. Класс, имеющий на протяжении длительного времени ведущие политические и экономические позиции в государстве, к XVIII в. утрачивает эти позиции и фактически исчезает с социальной арены России. Суждение о том, что истребление боярских родов, например, в эпоху Ивана Грозного было лишь ответной реакцией царя на агрессивные устремления бояр является упрощенным и малоубедительным.

В 1825 г. против романовской династии восстали представители виднейших аристократических фамилий России, некоторые из этих представителей вынашивали идею физического уничтожения царской семьи. Но тем не менее пострадали только непосредственные участники заговора, а статус и привилегии дворянских родов, к которым они принадлежали, были абсолютно не затронуты.

Поэтому дело не в политической позиции боярства, не в его отношении к царской власти, а в том, что в руках этого класса сосредоточивалась огромная земельная собственность. Эта собственность, а точнее, доходы от нее были жизненно необходимы для развивающегося государства.

Отсюда и XVI в. — мучительный процесс изменения статуса и формы владения основным земельным фондом Российского государства в прямой ущерб конкретным боярским вотчинникам и боярству в целом. Но собственность еще никто и никогда не отдавал без сопротивления. Именно этим естественным яростным сопротивлением земельных собственников, насильственно лишаемых их собственнических прав, только и можно объяснить социальные катаклизмы этого периода, фактически непрекращающуюся на протяжении многих десятилетий жестокою гражданскую войну.

Некоторые историки переводят данный спор в плоскость временных рубежей перехода от удельно-вотчинной системы к помещной. А. М. Сахаров, например, полностью солидаризируется с Черепниным в вопросе о том, что этот переход необходимо отнести уже к XIV–XV вв.¹⁰⁴ Такая постановка представляется весьма спор-

---

¹⁰⁴ См.: Сахаров А. М. Феодалная собственность на землю в Российском государстве XVI–XVII вв. // Проблема развития феодалной собственности на землю. М., 1979. С. 62–63. См. так же: Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV–XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960.

ной. Мы уже приводили мысль Ключевского об инерции удельного мышления, живучести удельной идеологии, реальное влияние которых на политическую жизнь России выходило за рамки XVI и тем более XV в. Полный переход к поместной системе землевладения (т. е. к системе, находящейся под реальным централизованным контролем) в XVI в. был невозможен по чисто экономическим причинам, так как в это время в стране не только еще отсутствовал общенациональный рынок, но и вообще были слабо развиты товарно-денежные отношения¹⁰⁵.

Кровавый XVI в. сменяется (особенно после Смуты) относительно более спокойным XVII в., но это происходит не от того, что власть новой царской династии начинает абсолютно доминировать в государстве. Как раз наоборот. Именно в XVII в. отмечается активизация деятельности Земских соборов, повышается их статус в решении важнейших государственных проблем. Просто в этот период наступает некоторое равновесие между различными социальными слоями и интересами общества. Равновесие, которое еще нужно было перетянуть в необратимую фазу абсолютизации монархической власти.

Именно такой исторический шаг и предпринял Петр I. При этом Петру пришлось кардинальным образом изменить (или решительно завершить уже начатое до него) структуру, статус и систему отношений собственности, и прежде всего земельной, унифицировать и заметно изменить сословную иерархию российского общества, провести целый ряд преобразований в области промышленности и финансов, а также создать новые механизмы и принципы взаимодействия центра и регионов.

Вообще, на наш взгляд, формирование новой системы общественных связей по горизонтали (центр–регионы) было самым сложным и трудоемким делом петровской реформы. Именно здесь Петр, как бы наталкиваясь на самое большое препятствие, предпринимал половинчатые и даже ошибочные решения¹⁰⁶. Но дело только ли в том, что Петр не знал, что и как нужно делать? Видимо, нет. Преобразования Петра в этой сфере (в исторической литературе их называют губернской или областной реформой) сфокусировали в себе главные и наиболее острые противоречия и проблемы того социального сдвига, который тогда происходил в России. Эти преобразования являлись не просто совершенствованием системы мест-

---

¹⁰⁵ См. подробнее: Очерки русской культуры. XVI в. Ч. 1. М., 1977. С. 16–22.

¹⁰⁶ См.: Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1990. С. 297.

ного управления; в их ходе реализовалась более глобальная задача — создание унитарного абсолютистского государства, в котором регионы (бывшие уделы–вотчины) и политически и экономически полностью были бы подчинены центру — монархической власти.

Разумеется, основные изменения в соотношении политических сил, в соотношении собственности и власти происходят и в допетровскую эпоху, но именно Петр доводит этот процесс до своего завершения.

В пользу данного вывода говорят и новейшие исторические исследования, проведенные с использованием методов сравнительного анализа. Наиболее серьезную попытку такого анализа российской истории и специально периода петровских реформ предпринял А. Н. Медушевский. Он подробно исследует реформационные мероприятия в сфере земельной собственности, которые предпринимались при Алексее Михайловиче и царе Федоре, но вместе с тем приходит к выводу, что наиболее важные и необратимые сдвиги в этой области происходят во время петровских реформ¹⁰⁷. Именно в этот период, по мнению Медушевского, «длительный процесс сближения... двух форм земельной собственности (вотчин и поместий. — *Авт.*) был завершен и закреплен юридически»¹⁰⁸. При этом Медушевский анализирует деятельность Законодательных или Уложенных комиссий, результатом которой была не только кодификация законодательных актов, принятых после Уложения 1649 г., но и подготовка такого важнейшего социально-политического закона, как Указ о майорате 1714 г. В соответствии с этим указом устанавливалась наиболее выгодная государству система владения и распоряжения землей¹⁰⁹. Только после этого власть окончательно соединяется с собственностью.

Правильно понять сущность данного феномена российской общественной жизни можно только в конкретно-историческом контексте, в непосредственной связи с уникальными условиями формирования и развития российской государственности. Данная оговорка необходима потому, что сама формула «власть–собственность» в отечественном общественном сознании с 60-х гг. нашего века (вспомним дискуссию об «азиатском» способе производства¹¹⁰) рассматривалась

---

¹⁰⁷ См.: Медушевский А. Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. М., 1994. С. 120–137.

¹⁰⁸ Там же. С. 137.

¹⁰⁹ Там же. С. 92.

¹¹⁰ См., например: Тер-Акопян Н. Б. Развитие взглядов Маркса и Энгельса на азиатский способ производства и земельную общину // Народы Азии и Африки. 1965. № 2; Пизулевская Н. В. К вопросу об азиатском способе производства // Вестник древ-

как критерий, ключ к пониманию природы того или иного общественного строя.

Если власть и собственность в государстве разведены, находясь под контролем разных центров силы (хотя такую ситуацию в «чистом виде» невозможно себе представить применительно и к современному миру), то это признак демократической системы. Если же власть и собственность слиты, соединены, то это свидетельствует о наличии тоталитарных порядков, или «восточных деспотий», основанных на так называемом азиатском способе производства¹¹¹.

Приложение данной формулы в указанной трактовке к анализу социальной динамики России может не прояснить, а наоборот — запутать суть дела.

Когда мы говорим о том, что в период петровских реформ власть соединяется с собственностью, это не означает, что с этого времени в России перестает существовать система частной собственности, что в стране устанавливается тоталитарный режим. В начале XVIII в. власть соединяется с собственностью не в том смысле, что ликвидируется сфера частного интереса и вся частная собственность становится целиком государственной, а в том, что система частной собственности лишается существенных рычагов непосредственного влияния, давления на власть. Власть в государстве становится монополией определенного клана, опирающегося на узкую социальную прослойку. Частные же собственники превращаются при этом в обычных, хотя и в наиболее привилегированных, агентов государственной системы, лишаются даже теоретической возможности сравняться с властью и тем более встать над ней.

ней истории. 1965. № 3; *Гарушияну Ю. М.* Об азиатском способе производства // Вопросы истории. 1966. № 2; *Васильев Л. С., Стучевская И. А.* Три модели возникновения и эволюции докапиталистических обществ // Вопросы истории. 1966. № 5; *Качановский Ю. В.* О понятиях «рабство» и «феодализм» // Вопросы истории. 1967. № 6; *Васильев Л. С.* Что такое азиатский способ производства? // Народы Азии и Африки. 1988. № 3; и др. Справедливости ради, необходимо отметить, что участники дискуссии выводы и суждения об «азиатском» способе производства крайне осторожно экстраполируют на историю России.

¹¹¹ Один из исследователей данной проблемы Л. С. Васильев пишет: «Суть феномена власть-собственность сводится к тому, что в условиях формирования надобщинных политических образований, протогосударств, владение и распоряжение ресурсами нерасчлененного коллектива становится функцией ставших над общинами субъектов власти, вождей и их окружения» (*Васильев Л. С.* Что такое «азиатский» способ производства? // Народы Азии и Африки. 1988. № 3. С. 70). См., также: *Он же.* Феномен власть-собственность. К проблеме типологии докапиталистических структур // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982.

Уже в XIX – начале XX в. многие отечественные мыслители прямо говорили о том, что в России исторически сложился особый статус права собственности. К примеру, по мнению И. В. Киреевского, этот статус является как бы случайным или второстепенным по отношению к статусу личности. Это проявляется и в общине, где «с увеличением числа лиц увеличивается и количество земли, а с уменьшением — уменьшается», и в помещичьем землевладении, при котором «отношение помещика к государству зависит не от поместья его, но его поместье зависит от его личных отношений...». Все это, по общему заключению Киреевского, означает, что в России «общество слагалось не из частных собственности, к которым приписывались лица, но из лиц, которым приписывалась собственность»¹¹².

Данная трактовка исторически сложившегося статуса собственности в России характерна не только для славянофильской концепции русского исторического процесса. Н. Бердяев (мыслитель, далекий от славянофильства) писал: «По своим понятиям о собственности русские крестьяне всегда считали неправдой, что дворяне владеют огромными землями. Западные понятия о собственности были чужды русскому народу, эти понятия были слабы даже у дворян. Земля Божья и все трудящиеся, обрабатывающие землю, могут ею пользоваться. Наивный аграрный социализм всегда был присущ русским крестьянам»¹¹³.

Другой крупный деятель послеоктябрьской российской интеллектуальной эмиграции — С. Франк, явно исходя из исторического опыта России, разрабатывал специфическую теорию системы собственности «равно далекой как от либерально-индивидуалистического, так и от социалистического воззрения на собственность» и представляющую собой некую «третью систему», «средний, третий путь»¹¹⁴. В этой системе, — по представлениям С. Франка, — «частный собственник, оставаясь собственником, и именно в качестве та-

---

¹¹² Ранние славянофилы. *А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. и И. С. Аксаковы*. М., 1910. С. 37–38. Как тут не вспомнить размышления великого русского ученого-естественника Д. И. Менделеева, напряженно думавшего о судьбе России, об обустройстве ее жизни: «Артельно-кооперативный способ борьбы со злом капитализма, со своей стороны, считаю наиболее обещающим в будущем и весьма возможным для приложения во многих случаях в России, именно по той причине, что русский народ, взятый в целом, исторически привык и к артелям и к общинному хозяйству» — *Менделеев Д. И.* Границ познанию предвидеть невозможно. М., 1991. С. 74–75.

¹¹³ *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 14.

¹¹⁴ *Франк С. Л.* Собственность и социализм // *Русская философия собственности (XVII–XX вв.)*. Спб., 1993. С. 326.

кового, при полной обеспеченности своих прав тем самым осознает себя слугой государства, отправителем служебной функции в целостном организме народной жизни»¹¹⁵.

Именно такой особый статус собственности в России обусловил и особую модель взаимодействия власти и собственности.

Социокультурный аспект проблемы. Процесс изменения соотношения власти и собственности в Российском государстве в XVI—начале XVIII в. наиболее отчетливо проявлялся в политической и социально-экономической сферах, где и происходило непосредственное столкновение социальных интересов. Но изменения эти осуществляются в тот период (может быть, более скрытно, неявно, на первый взгляд без связи с властью и собственностью) и в других сферах российского общества. Для того, чтобы показать эти латентные процессы, необходимо хотя бы коротко проанализировать сущность такого грандиозного явления, каким являлся раскол русской православной церкви в XVII в. Этот раскол в научной литературе уже давно не рассматривается как чисто религиозное или церковное событие. В ряде современных социокультурных теориях он вообще трактуется как водораздел русской истории, как начало раскола российской нации на два народа, на две культуры, на два национальных менталитета¹¹⁶. В целом это правильная мысль, но необходимо ясно сознавать, что в расколе XVII в. является причиной, а что — следствием.

Действительно, что такое раскол? Почему вдруг российское православное общество раскололось на две части, на два враждебных лагеря? Конечно, дело не в никоновских попытках привести религиозные обряды в соответствие с византийскими канонами, не в церковно-канонических мероприятиях. За всем этим скрывалась более глубокая основа.

Ведь и сами отклонения русских религиозных текстов от канона происходили не только и не столько из-за оплошностей и ошибок переписчиков, а были обусловлены необходимостью адаптации родственной, но все-таки иной, отличной от русской, византийской культуры к особенностям русской национальной низовой жизни¹¹⁷.

---

¹¹⁵ Франк С.Л. Собственность и социализм // Русская философия собственности (XVII—XX вв.). Спб., 1993. С. 327.

¹¹⁶ См.: Ахизер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. I. М., 1991; Он же. Россия — расколотое общество // Рубежи. 1995. № 5. С. 67–75; Иодзинский В. П. Тайна российских катастроф // Полис. 1992. № 4.

¹¹⁷ Ключевский, например, при анализе природы раскола делает акцент на его «народно-психологический» характер (см. Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. Т. II. М., 1988. С. 270).

Возврат к канону означал унификацию этой жизни, подведение ее под навязчивый и мелочный контроль государственных централизованных структур. Для части русского общества, которая по тем или иным причинам была наиболее тесно связана со старинными национальными корнями и которая интуитивно почувствовала эту опасность, никоновские реформы означали не просто надругательство над религиозными чувствами, но и разрушение самих основ жизни, потерю ее смысла. Не случайно в их рассуждениях преобладают апокалипсические мотивы. Например, у Аввакума: «Та же смерть, да не такова, понеже не Христа ради, но общей всемирной конец...»¹¹⁸.

В результате раскола происходит не просто внутрицерковная, а глобальная социальная перемена в российском обществе. До раскола православная церковь в России являлась органичной частью низовой общинной жизни, наиболее полно и ярко воплощала в себе автономность этой жизни, ее лишь относительную зависимость от власти, от государства. Реформы Никона, которые в конечном итоге привели к подчинению церкви государству, огосударствлению религиозного процесса путем его унификации, неизбежно привели к огосударствлению и унификации всех сторон общественной жизни, к разрушению народных основ русской жизни. На смену общинной православной церкви приходит церковь государственная.

Во время раскола государство, российский царь прямо и открыто встают на путь существенного ограничения политической и экономической самостоятельности русской церкви. О том, что эти намерения были очень серьезными, говорит твердая позиция, которую занял на церковном соборе (декабрь 1666 – январь 1667 г.) царь Алексей Михайлович, решительно отклонивший предложение восточных патриархов строить отношения между государством и церковью на основе «премудрой двоицы» («царь главенствует в делах светских, а патриарх — в делах духовных») и настоявший на решении о безусловной власти российского монарха во всех общественных сферах. Ликвидация института патриарха Петром I и законодательный акт Павла, провозглашающий императора главой русской православной церкви, — это уже логические и неизбежные следствия перемен, произошедших в период раскола.

Раскол был, действительно, не только религиозным¹¹⁹, но и политическим и социокультурным сдвигом в русском обществе, зна-

---

¹¹⁸ Житие Аввакума и другие его сочинения. М., 1991. С. 247.

¹¹⁹ Истоки раскола вообще, по-видимому, нужно искать не в религиозной сфере. В широких слоях русского общества религия никогда не имела главенствующего значения для повседневной жизни, во всяком случае такого, чтобы стать причиной рас-

менующим начало перехода удельной Руси к абсолютистскому государству.

Дониоковская уникальность русской религиозной обрядовой культуры, ее полифония, карнавальность имели своими истоками удельную автономность, самобытность и самостийность местной жизни, местного общества. Это был как бы низовой, народный уровень удельных порядков, их преломление в повседневной жизни низов общества. С расколом этот строй жизни начинает разрушаться, а значит, подрывается основа, базис всей системы. Раскол переводит в решающую фазу процесс противоборства власти и собственности, монарха и удельной вольности. После этого дело Петра уже было predetermined.

Таким образом, кардинальная трансформация российского общества от властно-собственнического дуализма к авторитарно-абсолютистской системе сначала в середине XVII в. преодолевает первый, социокультурный барьер (происходит переход от самобытной религиозной общинности к унифицированной религиозной системе, к государственной церкви). Затем уже в начале XVIII в. этот процесс находит свое окончательное завершение в политической и социально-экономической сферах (вместо царско-боярского государства и удельности устанавливается абсолютная власть монарха и подконтрольное государству помещное землевладение).

Геополитический аспект проблемы. Выше мы рассмотрели перераспределение власти и собственности в Российском государстве в XVI–XVIII вв. как процесс внутренних перемен. Но у этих перемен был и международный или геополитический аспект. С. М. Соловьев, оценивая петровские реформы, писал: «История ни одного народа не представляет нам такого великого, многостороннего преобразования, сопровождавшегося такими великими последствиями как для внутренней жизни народа, так и для его значения в общей жизни народов, во всемирной истории»¹²⁰.

Поэтому переход России от удельной системы к абсолютистскому государству имел как бы две плоскости. С одной стороны, соз-

---

кола в «низах» общества и базой для массового социального протеста. Уместно здесь вспомнить один фрагмент из письма Белинского Гоголю (1847 г.). Белинский, допуская, что религиозные чувства определенной части населения нельзя не учитывать, вопрошает: «Про кого русский народ рассказывает похабную сказку? Про попа, попадью, попову дочку и попова работника. Кого русский народ называет: дурья борода, брюхаты жеребцы? Попов... По-вашему русский народ самый религиозный в мире: ложь! Основы религиозности есть пиэтизм, благоговение, страх божий. А русский человек произносит имя божие, почесывая себя кое-где» (*Белинский В. Г. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3. М., 1948. С. 710*).

¹²⁰ Соловьев С. М. Сочинения: В 18 книгах. Книга IX. М., 1993. С. 525.

давалась другая, более прочная государственная система, а с другой — одновременно с этим сама эта государственная система получала более высокий статус в мире, в международной или геополитической расстановке сил на мировой арене, и прежде всего в европейском регионе, к которому примыкала Россия своими западными рубежами. Обе стороны процесса как бы дополняли друг друга: сильная власть и централизованное хозяйство создавали хорошие возможности для военных побед (и прежде всего в Северной войне за выход к Балтике), а эти военные победы давали для России неизмеримо более широкие возможности отстаивания своих интересов (особенно торгово-экономических) в сопредельных районах мира.

Петровские реформы включают Россию в систему международных связей, одновременно делая ее не только субъектом этих отношений, но и одним из силовых центров этой системы. С начала XVIII в. для России, по сути дела, пошел новый отсчет времени. Степень ее интеграции в мировую экономическую систему, в мировой рынок с этого момента становится все более достаточной для того, чтобы страна испытывала на себе динамические колебания мирового экономического развития. Но и Россия при этом становится такой частью мировой системы, которая не только подвергается внешним влияниям, но и создает собственный источник социальной динамики, действие которого с необходимостью распространяется и на другие регионы мира. Тем самым на одном из переломных этапов российской истории интересы внутреннего развития и геополитическая стратегия Российского государства сливаются в единое целое.

* * *

В трех основных аспектах (политическом и социально-экономическом, социокультурном, геополитическом) мы рассмотрели сложный и противоречивый процесс преодоления разрыва, расщепления власти и собственности на конкретном периоде российской истории XVI – начала XVIII в. У этого процесса было три стадии: длительный многодесятилетний период до петровских реформ, когда возникла и неуклонно крепла тенденция перераспределения власти и собственности, период острой (хотя иногда и скрытой) политической борьбы; конец XVII – первая четверть XVIII в. — кардинальный и необратимый сдвиг в политических и социально-экономических отношениях, произведенный Петром в период своего царствования, сдвиг, означавший создание абсолютистского режима, в котором верховная власть и собственность (или во всяком

случае постоянный государственный контроль над собственностью) сосредоточиваются в одних руках — у российского монарха; и наконец, период послепетровских царствований — 30–50-е гг. XVIII в. — период стабилизации и адаптации нового политического режима, период относительного социально-политического равновесия в российском обществе, созданного Петром. В этом и состоит удивительная особенность данного периода, которую уже давно отметили историки: с одной стороны, слабые монархи, сменяющие друг друга на троне, бесконечные перевороты, заговоры, политические убийства и т. д., а с другой — Россия одерживает целый ряд военных побед, например над Пруссией (для того времени — явный признак благополучия государства). И в этом нет никакого парадокса: слабость и неустойчивость системы была только кажущейся, поверхностной, ибо у нее была прочная основа, базис — собранные в одних руках, под эгидой монархической власти, основные рычаги управления властью и собственностью.

Мы специально рассмотрели скрытые тенденции и явления в политическом развитии России на одном конкретном отрезке истории — в период петровской системной революции. Этот период, в соответствии с нашими представлениями, является рубежным и во многих отношениях ключевым для понимания и последующего двухвекового гиперцикла и в целом всей социальной динамики России.

А историческая суть этой динамики заключается в том, что после нескольких десятилетий относительной стабилизации в послепетровский период уже в XIX в. начинают проявлять себя с нарастающей тенденцией серьезные разрушительные процессы в основах той системы, которую создал Петр. Связано это было с тем, что постепенно стали появляться помимо дворянской земельной аристократии как политической и социально-экономической опоры монархического режима иные субъекты имущественных отношений, новые владельцы земельной и другой недвижимой собственности, относительно независимые от существующей системы политической власти. Причем толчок для появления и развития таких собственников и такой собственности дают реформы XIX – начала XX в., т. е. мероприятия, проводящиеся по инициативе и под контролем верховных властей.

О каких мероприятиях идет речь? Если рассматривать период Александра I, то здесь мы сталкиваемся главным образом не с реальными акциями, а с проектами реформ, которые нужно рассматривать как реакцию на появляющиеся общественные противоречия. Но вместе с тем именно в преобразовательных проектах это-

го периода содержалась программа всех последующих реформ. Эта программа имела как бы две главные цели: освобождение крестьян, а значит и изменение всей системы землевладения и землепользования в России (эта идея была заложена в «Указе о вольных хлебопашцах») и учреждение всероссийского представительного органа различных сословий (в записках и проектах Сперанского — выборная Государственная дума).

Два периода реформ (1861–1870-е и 1905–1911 гг.) как раз и отмечаются усиленными попытками властей найти формы и способы для реализации этих целей. Но в том-то и заключалось главное противоречие этих реформаций, что существенные сдвиги в социально-экономической области (прежде всего в сфере отношений собственности) не сопровождались адекватными изменениями в сфере властных структур и отношений. А ведь на протяжении более полувека в России происходят процессы постепенного перераспределения собственности от дворянской аристократии в сторону других сословий, а вся полнота политической власти и рычаги управления отношениями собственности в государстве по-прежнему оставались в руках этой узкой и лишавшейся своей экономической основы общественной прослойки.

Главной ценностью и опорой власти в России всегда была земля. Так вот в 1905 г. только 50,4% земли в 50 губерниях Европейской России (395 млн дес.) принадлежали: государственной казне (138 млн дес.), двору (7,8 млн дес.), дворянам (53 млн дес.), а другая половина находилась в руках собственников из других сословий¹²¹.

Аналогичные явления и пропорции складываются и в области финансов. По данным на 1 июля 1898 г., в обращении частных учреждений долгосрочного кредита находилось закладных листов и облигаций на сумму, более чем в 3 раза превышающую соответствующий оборот государственных учреждений. Только десятью акционерными земельными банками к 1 июля 1898 г. выдано ссуд больше, чем всеми государственными банками¹²². Эти частные банки неизменно лидировали и в системе ипотечных учреждений по многим позициям, в том числе и по количеству заложенной земли¹²³.

---

¹²¹ Подсчитано по: Малый энциклопедический словарь. Т. 2. М., 1994. (Репринт. изд. Спб., 1907). С. 1757.

¹²² См.: Россия. Энциклопедический словарь. Лениздат, 1991 (Репринт. изд. Спб., 1898). С. 339–340.

¹²³ См.: *Проскуракова Н. А.* Ипотека в России в конце XIX – начале XX веков // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 7.

Так, в конце XIX – начале XX в. в России возникает ситуация, когда естественный процесс изменения общественных связей приводит страну в новую критическую фазу, в которой власть и собственность опять начинают противостоять друг другу. Как и в XVI–XVII вв., постепенно создается новый дуализм власти и собственности, который в первое десятилетие XX в. приобретает напряженный, разрушительный характер, что и приводит в конце концов к новой системной революции. Этот новый период нарастания противоречий по аналогии с петровской революцией также можно было проанализировать в разных аспектах — политическом и социально-экономическом, социокультурном, геополитическом, но общий вывод в любом случае будет такой: суть революций 1917 г. (так же, как и петровской революции — в этом и основа их схожих характеристик) — новое соединение власти и собственности, произошедшее на основе радикально-коммунистической модели, которую после октября 1917 г. стали в России реализовать большевики.

* * *

Итак, подведем некоторые итоги.

Конкретно-исторический анализ преобразовательных процессов в истории России показывает, что динамику российского общества определяют не только колебания мировой экономики, но и те или иные фазы развития дихотомии «власть–собственность». Оказывается, что эти две субстанции, фундирующие любой общественный процесс, в России имеют особый, специфический тип взаимосвязи, взаиморазвития. Это позволяет сделать гипотетическое предположение, что именно в этой связке и нужно искать *матрицу* внутринациональной социальной динамики, создающую в свою очередь ее национальный временной ритм. Ряд исследователей склонны, правда, искать эту матрицу в особом статусе государства или государственности в России¹²⁴. Но это не совсем точно.

Во-первых, достаточно распространенное утверждение о доминировании государства в общественной системе России на разных этапах ее исторического развития иногда сводится к процессу централизации страны, противостоянию постоянной внешней угрозе, которые невозможно было обеспечить, не прибегая к авторитаризму и абсолютизму. Исторически достоверным является и то обстоятельство, что жесткая власть была более адекватна в России не толь-

---

¹²⁴ См., например: *Капустин Б. Г.* Россия и Запад на пути к миру миров. (Критика политической философии) // Кентавр. 1993. № 4. С. 41–42.

ко в экстремальных, но и в целом нормальных, спокойных условиях. Именно такая власть становилась опорой и основой национальной самодостаточности и идентичности и в политической, и в экономической, и в национально-государственной, и в духовной, и, во всех других общественных сферах. Она обеспечивала стабильность общества, наиболее оптимальное соотношение различных социальных интересов, власти и собственности. Российский авторитаризм был не просто одной из разновидностей существовавшей еще с античных времен формы политической организации, типа власти, а имел глубокие, собственные национальные исторические корни. На этот счет один из забытых русских мыслителей конца XIX в. Р. А. Фадеев сделал очень меткое замечание: «Не русский народ вырастил из себя свою верховную власть, как всегда происходило и происходит в свете, а, напротив, верховная власть создала русское государство и русский народ из распавшегося, уничтоженного и погибающего племени»¹²⁵. Если в Европе оптимизация общественных структур и связей достигалась в результате естественноисторического процесса, в результате развития базисных субстанций, то в России те же самые результаты достигались военно-элитарным путем.

Данная матрица является основой всех колебаний российского социума и в своем целостном виде обеспечивает и устойчивость российского общества, и его самодостаточность. Как только в экстремальной ситуации данная матрица начинает разрушаться, так сразу же серьезным деформациям начинает подвергаться общественная система России. С нарастающей силой проявляется безвластие и отрицание власти, разваливается экономика, кризисные явления появляются в духовной сфере, ослабляются международные позиции России. Не в последнюю очередь это результат ослабления, затухания национального временного ритма и более сильно — в связи с этим воздействия на Россию временных ритмов («длинных волн»), идущих с Запада, что становится разрушительным фактором для специфического российского социума. Развитие данной негативной тенденции останавливается только восстановлением равновесия и оптимальности искомой матрицы. Такое представление на первый взгляд не согласуется с общепринятым взглядом на мировую историю, на мировой социальный прогресс и противоречит им. Но не случайно Ключевский пришел к следующему заключению: «Совместное действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства — это политическая квадратура круга, загадка, разрешав-

---

¹²⁵ Фадеев Р. А. Собрание сочинений. Т. 3. Ч. 1. СПб., 1889. С. 156.

**Сравнительные результаты системных революций в России
(соотношение «власть – собственность»)**

	Период Петра I	1917–1920-е гг.
<i>Политический и социально-экономический аспекты</i>	Установление абсолютистского самодержавного режима и подконтрольной государству хозяйственной системы, в том числе и в земельных отношениях (поземельная система)	Установление большевистской диктатуры и централизованной плановой экономики на основе государственной («общенародной») собственности
<i>Социокультурный аспект</i>	Унификация и огосударствление общинной (бытовой и религиозной) народной жизни как скрытая основа процесса подчинения церкви государству	Создание под полным государственным контролем и управлением монистической системы идеологии, культуры и науки; подавление сферы религиозной жизни
<i>Геополитический аспект</i>	Выход на мировую политическую и экономическую арену в качестве равноправного субъекта системы крупнейших мировых держав	Превращение страны в один из ведущих, определяющих субъектов мирового противостояния крупнейших держав («супердержава») с усиливающимся доминированием в сферах геополитического интереса

шаяся у нас со времен Петра два века и доселе неразрешенная»¹²⁶. Неразрешенной эта загадка остается и почти век спустя после этих слов Ключевского. Да и может ли она вообще быть разрешена?

Отсюда следует, что детерминация и механизм динамики российского политического процесса определяются по меньшей мере двумя основными потоками временных ритмов: *внешним*, формирующимся в недрах социально-экономических отношений Запада, и *внутренним*, исток которого в национальной дихотомии «власть – собственность». Ритмы эти сосуществуют в едином пространственно-временном континууме, но в силу их колебательной природы (периоды спада с необходимостью чередуются с периодами подъема), а также из-за разных динамических характеристик (темп, амплитуда и т. д.) пересечение этих ритмов, особенно образование больших узлов, сгустков, происходит не равномерно, а только на определенных исторических интервалах.

Данная сложная картина временных ритмов в самом общем виде (как гипотетическая модель) объясняет динамику российских рево-

¹²⁶ Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. Т. IV. М., 1989. С. 203.

люций и периодов реформ и контрреформ. Более конкретные пояснения эта модель получает при анализе специфики переходных ситуаций в России.

Временная ритмика и специфика переходных политических процессов в России. Российский политический процесс — это сплошная цепь реформ и контрреформ, а значит и постоянных общественных переходов от старого состояния к новому, а потом опять возвратное движение. После петровских реформ страна находится в состоянии постоянных изменений, сложных диффузий и т. д., хотя в некоторых популярных изданиях дореволюционная отечественная история часто подается в терминах архаичности, отсталости, застоя.

Однако, несмотря на перманентный характер переходных ситуаций в российской истории, они не стали еще в научных исследованиях объектом специального научного анализа, а, напротив, трактуются, как правило, в метафорически-публицистической манере.

Даже у наиболее крупных отечественных историков, рассматривающих русскую историю не в чисто описательном плане, а на основе определенной концепции исторического процесса, мы встречаем по преимуществу условные употребления понятия «переходность».

Приведем два примера. Ключевский с «переходными временами» связывает удельные века, и тем самым само явление (и понятие) переходности становится у него неопределенно растянутым на столетия, на эпохи. Задачу этих протяженных периодов Ключевский видит в следующем: «Такие эпохи перерабатывают развалины погибшего порядка в элементы порядка, после них возникающего»¹²⁷.

Другой крупнейший историк дореволюционной школы, Н. П. Павлов-Сильванский, в качестве переходных выделяет уже более кратковременные исторические периоды («несколько десятилетий»), но к таковым относит не сами переломные события и процессы, а периоды накопления соответствующих предпосылок для этих процессов. Так, он фактически отказывает в «переходности» петровским реформам, высказывая при этом весьма спорную мысль о том, что «петровская реформа не перестроила заново старое здание, а дала ему только новый фасад»¹²⁸, зато переходным этот историк считает XVI в. и конкретно опричнину Ивана Грозного¹²⁹. Такие оценки приводят Павлова-Сильванского к выводу о том, что современная эпоха (конец XIX – начало XX в.) является переходной,

¹²⁷ Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. Т. IV. М., 1989. С. 351.

¹²⁸ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. М., 1988. С. 147.

¹²⁹ Там же. С. 148.

а ключевым событием в ней становится освобождение крестьян в 1861 г., «разрушившее, по его мнению, устой старого сословного строя и тесно связанного с ним абсолютизма», что скоро и неизбежно, по прогнозу Павлова-Сильванского, должно закончиться «образованием нового свободного гражданского порядка»¹³⁰. На самом деле все закончилось, как известно, не этим, а установлением диктатуры пролетариата. Социальный прогноз российского ученого не удался прежде всего потому, что сама переходная эпоха была им определена умозрительно, методом выделения выдающихся событий, а не на основе выявления и анализа механизма социальной динамики, качественного различения длительных и не всегда определенных по времени периодов накопления предпосылок, условий для общественных сдвигов и периодов самих этих сдвигов.

В приведенных выше двух примерах из классики исторической науки отсутствуют научный критерий переходности, методика различения переходных и непереходных периодов и процессов в развитии общества, методика анализа самого исторического и общественного феномена перехода одного, старого социального порядка к новому, иному социальному порядку.

Размытость научных интерпретаций переходных процессов в России проявляется во многих исследованиях и в том, что преобразования Петра ставятся в один ряд с реформами XIX в. В качестве общего основания для этих общественных изменений выдвигается то, что все они были преобразованиями или революциями «сверху». Но такое обобщение не верно ни по фактам, ни по существу происходящего. Преобразования Петра не столько были подчинены какому-то верховному замыслу и однозначно управлялись «сверху», сколько подчинялись неведомому властям стихийному потоку, тогда как реформы XIX в., например 60–70-х гг., наоборот, были фактически лишены какой-либо импровизации и случайности. Да и вообще исходить из того, что все общественные изменения возможны только как действие «сверху», что государственная власть в России или каком-либо другом государстве настолько всемогуща, что способна на любые социальные и политические изменения, по меньшей мере, наивно.

Думается, что многие перемены, происходящие в России в последние века, если внешне и похожи (в любом случае это период нововведений), то по существу различны. У них разная детерминантная база.

---

¹³⁰ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. М., 1988. С. 149.

Если системные революции вызываются одновременными кардинальными сдвигами в общественных связях, как в ядре мирового сообщества, так и в самой России, что приводит к совмещению различных по своей детерминации и природе временных ритмов, образованию мощных ритмических узлов, то периоды реформ совпадают с обычным, неплотным пересечением этих ритмов, интенсивность которых недостаточна для резких социальных сдвигов.

В период революций происходит синтез различных потоков социального времени, и в эти уникальные отрезки истории как бы возникают *иное время и иная социальная реальность*, гораздо более сложные по своей природе, чем просто сложение линейного и циклического времени. Так, например, многие очевидцы и исследователи революционных событий не раз отмечали, что в период революционных потрясений время как бы ускоряет свой бег, за считанные месяцы происходит столько событий, переворотов и кардинальных перемен, сколько их не случается и за десятилетия спокойного, мирного развития.

Подтверждением того, что в период российских системных революций происходило некое совмещение различных временных ритмов, берущих свое начало как вне России, так и внутри нее, являются конкретные исторические факты и наблюдения.

Такое совмещение является уникальным явлением эволюции мирового социума, которое фиксируется при анализе развития различных общественных систем. Один из исследователей эволюции архаичных африканских обществ — И. Л. Андреев — обнаруживает прямую зависимость генезиса властных представлений и конструкций с временными образами и ориентациями в процессе становления различных этнических групп на африканском континенте¹³¹. Данное наблюдение, относящееся к совершенно иной социальной сфере (чем Россия), важно с методологической точки зрения. Оно помогает лучше понять механизм образования и развития матрицы социально-политической динамики России в контексте исторических пространственно-временных изменений российского со-

---

¹³¹ «Поскольку в связи с возрастанием потребности в координации и регулировании объективно усложнявшейся жизни первичного социума, как самоорганизующейся, саморегулирующейся и саморазвивающейся во времени системы, прослеживается *генезис власти*, а потестарный потенциал, первоначально опиравшийся на культ предков и мифологических героев, реализуется по каналам женских и мужских подсистем, можно констатировать корреляцию генезиса властных представлений и первичных потестарных структур с развитием временной ориентации и эволюцией левого полушария головного мозга» — Андреев И. Л. Связь пространственно-временных представлений с генезисом собственности и власти // Вопросы философии. 1999. № 4. С. 74.

циума, в контексте эволюции уникальных и специфических по своей природе его базовых оснований.

Кондратьев и его последователи отмечали, что наиболее серьезные изменения в базовых отношениях мировой экономики приходится на рубеж столетий, именно в эти периоды зарождается мощная повышательная волна мировой конъюнктуры и сильный временной импульс. Сравним же два таких переломных периода в мировой истории. На рубеже XVIII–XIX вв. на Западе, и прежде всего в Англии, происходит промышленная революция, а в ходе ее — кардинальные изменения в общественных отношениях. С изобретением парового двигателя и внедрением его в производство качественно изменяется структура промышленности и вся мировая экономика. Рубеж XIX–XX вв. — это время новой промышленной революции, связанной уже с заменой парового двигателя на электрический и развитием на этой базе автомобилестроения, станкостроения и других принципиально новых отраслей промышленности. Все это также приводит к глобальным переменам в социальных отношениях.

Два сопоставимых по своей глубине и масштабам социально-экономических сдвига в мировой экономике вызвали тем не менее несопоставимые друг с другом перемены в России. Если во втором случае (рубеж XIX–XX вв.) в России происходит революционная смена общественной системы, то в первом (рубеж XVIII–XIX вв.) в основном возникают идеи и проекты преобразований, реальные же перемены очень незначительны. Причина таких отличий в одном — динамические изменения, их активная фаза в мировой экономике не сопровождалась в конце XVIII — начале XIX вв. соответствующим всплеском национального временного ритма, поскольку созданная Петром модель соотношения власти и собственности была в то время еще достаточно стабильна и жизнеспособна.

Что же касается рубежа XVII–XVIII вв. — кануна и эпохи петровских преобразований, то идентификация длинной волны мировой конъюнктуры представляет определенные сложности. Этот период находится за рамками кондратьевской модели, так как в ней длинные волны строятся только с конца XVIII в. Не в последнюю очередь это связано с тем, что в XVI–XVII вв. базисные (матричные) связи промышленного капитализма еще только формируются, их действия не имеют еще достаточной силы и устойчивого циклического ритма.

Вместе с тем в целом циклическо-волнообразный характер экономических и политических процессов проявляется и до XVIII в.¹³²

---

¹³² См.: *Полетаев А. В., Савельева И. М.* Циклы Кондратьева и развитие капитализма. М., 1993. С. 63–88.

Вторая половина XVII в. — период переломный для развития передовых стран. В результате великих географических открытий и включения в сферу досягаемости морскими державами Европы сырьевой периферии мира экономика развитых стран переходит от аграрной в торговую фазу. Фактически в этот период и происходит формирование основных связей мирового рынка, а значит и базисных отношений конъюнктурных процессов. Одновременно с этим фундаментальные открытия в различных областях науки (в их числе законы Ньютона) приводят к коренному перевороту во взглядах на картину мира, на развитие природы и общества.

Влияние циклических процессов, которые происходят в то время в наиболее развитой зоне мира, на Россию было прямо пропорциональным ее включенности в мировую экономическую и политическую систему. Эта включенность существенно усилилась в ходе петровских преобразований по мере расширения торговых отношений России с Западом, внедрения в российской промышленности технологических и технических достижений Запада. Образно говоря, через «окно в Европу», которое Петр настойчиво прорубал в начале XVIII в., в Россию и хлынул поток длинных волн мировой экономики, столкнувшийся с мощным всплеском национального российского временного ритма. Позднее, в XVIII–XIX вв., система взаимодействия экономических и политических процессов на Западе и в России принимает свою оптимальную форму. Влияние динамических процессов Запада и России становится уже двухсторонним. Так, например, системные революции в России являются достоверным показателем того, что кардинальные сдвиги происходят или уже произошли в мировой экономике, в зоне наиболее развитых стран. Россия в этом смысле является как бы индикатором общемировых изменений. С другой стороны, всплеск национального временного ритма, возникающий в России в период критической фазы развития дихотомии «власть—собственность», распространяется далеко за ее пределы. Особенно сильное влияние этот временной ритм оказывает на небольшие государства, непосредственно примыкающие к России и входящие тем самым в зону ее важнейших геополитических интересов. В этом случае перемены в России неизбежно вызывают перемены и в этих странах.

Характерные особенности переходных процессов в России, специфика ее социальной динамики находят свое развитие и в эпоху современных преобразований.

5. Противоречия и метаморфозы политической демократизации российского общества (опыт компаративного анализа двух периодов отечественной истории XX века)

Политологи уже давно применяют метод исторических сравнений для того, чтобы лучше понять сущность современных процессов. Особенно результативен этот метод при сопоставлении периодов и процессов, в которых выделяются бесспорные явления повторяемости, похожести. Вместе с тем удивительным и труднообъяснимым является то обстоятельство, что в попытках понять природу современных процессов и изменений в России многие исследователи обращаются к истории других стран (например, Германии и Испании), но совершенно забывают об отечественном опыте, забывают о том, что Россия в начале XX в. уже один раз пыталась выйти из авторитаризма и перейти на демократический путь развития. Стремление сравнить этот первый переходный процесс (1917–1920-е гг.) и второй, современный, кажется вполне естественным, но почему-то не нашедшим достойного места в научных исследованиях.

Метод исторической компаративистики пока еще нельзя отнести к широко распространенным приемам политической науки (хотя и у нас и за рубежом имеются специальные исследования в данной области¹³³). Поэтому уместно будет сделать два предварительных замечания: во-первых, при сопоставлении современных событий с прошлым у любого исследователя неизбежно возникает ощущение гетерогенности происходящих процессов, ибо прошлая, давно ушедшая эпоха воспринимается более спокойно, тогда как восприятие настоящего всегда окрашено эмоциями непосредственного сопереживания событий. В этом случае объективность научного исследования прямо пропорциональна способности максимального преодоления эмоций. Во-вторых, нет и не может быть абсолютного совпадения разных исторических эпох. Но дело не только в самом феномене совпадения различных отстоящих друг от друга во времени общественных ситуаций, а в том, что уже изученное и осмысленное прошлое может стать зеркалом для настоящего. В этом зеркале оно (настоящее) узнает или не узнает себя, фиксирует или не фиксирует повторяемость процессов и явлений. В рамках такого анализа изучение прошлого уже не является просто познанием истории, а

---

¹³³ См., например: *Голосов В. Г.* Сравнительная политология: Учебник. Новосибирск, 1994; *Шаран П.* Сравнительная политология / Пер. с англ. Ч. I–II. М., 1992; *Доган М., Пеласси Д.* Сравнительная политическая социология / Пер. с англ. М., 1994.

становится элементом, способом осмысления и интерпретации современных процессов¹³⁴.

С учетом этих замечаний проведем исторический сравнительный анализ политических процессов в России в период 1917–1920-х гг. и в период конца 80–90-х гг. прежде всего по двум основным направлениям: 1) преобразование системы органов верховной государственной власти и 2) процессы в сфере национально-государственного устройства.

Самый общий вывод, который сразу же вытекает из этого анализа, заключается в том, что оба раза мы имеем дело с явлением, которое можно условно назвать «обратным ходом политического маятника». Аналог этой ситуации можно встретить в элементарных физических опытах: отвес, специально занесенный дальше положенного в одну сторону, неизбежно по законам качения выходит из своей нормальной амплитуды и двигается так же далеко в другую, прямо противоположную сторону.

Оба раза такое действие этого «политического маятника» выразилось в том, что предпринималась попытка превратить авторитарный режим в одно из самых демократических обществ в мире.

Преобразование системы органов верховной государственной власти. Посмотрим сначала, что происходило в данной сфере в конце февраля – начале марта 1917 г. Прежде всего в этот период производится кардинальное изменение порядка формирования всех властных структур российского общества. До 1917 г. данный порядок определялся двумя способами: во-первых, все основные органы власти империи формировались и обновлялись единоличным распоряжением монарха, который в своей кадровой и государственной политике стремился удовлетворить интересы и амбиции узкого слоя дворянской аристократии; во-вторых, формирование и деятельность местного самоуправления (земская система) начиная с 1864 г. строилась по принципу сословно-корпоративного представительства, когда на уездных съездах основные сословия (землевладельцы, крестьяне и городские жители) отдельно друг от друга по установленной свыше квоте выбирали своих представителей (глас-

---

¹³⁴ Наиболее широко в исторических исследованиях сравнительный метод стал применять О.Шпенглер. Его оценка этого метода звучит более чем весомо: «Сравнения могли бы стать благодатью для исторического мышления, так как они вскрывают органическую структуру совершающегося» (*Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. Новосибирск, 1993. С. 36*). В данной формулировке подчеркивается важнейшая функция всякого научного метода – помочь исследователю проникнуть в скрытую суть вещей.

ных) на уездное земское собрание. С 1906 г. по такому принципу¹³⁵ проводились выборы во все четыре Государственные думы. Сразу же после февральской революции оба этих способа формирования властных органов были упразднены: первый вместе с институтом монархии, второй — в силу ликвидации сословий и провозглашения принципа всеобщих и равных выборов в органы власти, в том числе и в местные.

На какой же основе происходит формирование и последующая деятельность органов государственной власти в постсамодержавной России?

На данный вопрос можно ответить совершенно определенно: государственный порядок в новой России стал строго подчиняться принципам и законам партийно-представительной демократии. Фактически с марта 1917 г. монархический режим в России сменился властью партийной системы или, точнее, властью определенных, наиболее влиятельных партийных центров и блоков. Именно политические центры или форумы основных партий определяли своих представителей в различные властные органы, направляли и держали под жестким контролем их последующую деятельность¹³⁶. Партийно-представительная система действительно становится базисом нового государственного порядка, определяет политическую жизнь. Не случайно, что для первых в истории всеобщих, прямых и равных выборов в Учредительное собрание Особым совещанием в конце мая – начале июня был определен принцип пропорциональности, т. е. принцип избрания депутатов по партийным спискам¹³⁷. Именно в соответствии с этим принципом в конце 1917 г. было избрано более 700 депутатов Всероссийского Учредительного собрания.

Какие же партии руководили Россией в 1917 г.? Это легко проследить, анализируя имеющий официальный статус партийный состав Временного правительства и руководящих органов Советов. Так, например, 16 июня в соответствии со строгими правилами партийного представительства был избран ВЦИК Советов рабочих и

---

¹³⁵ Только в этом случае из группы городских жителей в отдельную курию (словие) были выделены рабочие, и каждая курия самостоятельно определяла, как правило, по двух-трехступенчатой системе выборщиков на общее губернское избирательное собрание.

¹³⁶ Этим, в частности, объясняется необычайно активная работа различных партийных форумов; только партиями, входящими в правительственную коалицию в период с марта по октябрь, было проведено десять съездов и общероссийских конференций. Деятельность же руководящих центров (ЦК, совещаний руководства и т. п.) была практически непрерывной.

¹³⁷ Российское законодательство X–XX веков. Т. 9. М., 1994. С. 145–147.

солдатских депутатов, в котором 242 места из 320, т. е. 75,6%¹³⁸, принадлежало представителям двух партий — меньшевикам и эсерам. 24 июня был объявлен состав второго коалиционного Временного правительства, в котором меньшевикам, эсерам и примыкавшим к ним партиям принадлежало 8 мест из 15 (53%). Кроме того, данный партийный блок получил ключевой пост министра-председателя. Абсолютное же большинство мест получила партийная коалиция, которую образовали социалисты и кадеты (13 мест из 15). В целом такая же картина наблюдается и в конце сентября. В третьем коалиционном Временном правительстве у социалистов и кадетов (25 сентября) — 10 мест из 17 (59%)¹³⁹, а в Предпарламенте (2 октября) — 332 мест из 555 (60%)¹⁴⁰.

Доминирующее положение партий в политической жизни России создавало серьезное противоречие в постсамодержавном политическом процессе. Это противоречие выражалось в том, что сформировавшиеся в революционной ломке (отчасти стихийно) статус и роль политических партий в новых властных структурах абсолютно не соответствовали реальной силе и влиянию этих партий в российском обществе. По подсчетам В. В. Шелохаева, в 1917 г. количество членов всех российских партий составляло примерно 1,2–1,5% от общей численности населения страны. И вообще, по его мнению, «...многопартийность в России не имела прочной социальной базы, образно говоря, «висела в воздухе», не стала понятным и принятым массовым сознанием фактором политической жизни»¹⁴¹.

Кроме того, российские партии, многие из которых насчитывали 10 и более лет своей истории, тем не менее не имели опыта активной и полноценной политической деятельности, так как все эти годы либо действовали в подполье, либо занимались бесплодными дебатами в Государственной думе.

Но дело не только в объективной слабости российских партий. Дело в том, что сам по себе решительный и однозначный переход от сословно-корпоративной системы формирования государственных органов к партийно-представительной не соответствовал социальным, социокультурным и духовным реальностям российского общества. Ликвидация сословий законодательным актом Временно-

---

¹³⁸ Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. 3-е изд., доп. М., 1987. С. 383–384.

¹³⁹ Там же. С. 98–100, 383, 384.

¹⁴⁰ Там же. С. 414.

¹⁴¹ Шелохаев В. В. Многопартийность, «висевшая в воздухе» // Полис. 1993. № 6. С. 170–171.

го правительства, т. е. отмена юридических различий в положении различных групп населения, не означала, что одновременно изменяется формировавшееся столетиями сословно-корпоративное сознание, традиции выражения групповых интересов через соответствующие органы самоуправления и различные корпоративные объединения, созданные прежде всего на основе профессиональной, социокультурной, региональной общности. Все это в одночасье невозможно было заменить партийными структурами.

Полная легализация партий была, безусловно, прогрессивным явлением в политической жизни России, тогда как абсолютная замена сословно-корпоративного представительства на партийное имела негативные последствия. Примечательна в этой связи одна дневниковая запись В. О. Ключевского, ученого-историка, глубоко проникшего в своих исследованиях в тайны русской истории и русского общества: «Я не сочувствую партиям, манифесты которых сыплются в газетах. Я вообще не сочувствую партийно-политическому делению общества при народном представительстве. Это: 1) шаблонная репетиция чужого опыта, 2) игра в жмурки»¹⁴². Запись эта относится к 20 декабря 1905 г., т. е. к периоду, когда после Манифеста 17 октября в России стремительно стало появляться и организовываться множество политических партий. В реальной политической жизни за два месяца они, конечно, еще не могли себя проявить, но Ключевскому уже и тогда было все ясно, ибо он исходил не из опыта партий, а из их соответствия устоям российской жизни.

В бурных событиях 1917 г. это несоответствие и его негативное влияние на ход политического процесса стали ясными очень многим. На Государственном совещании в августе об этом говорили практически все ораторы, которые не были скованы руководителями партийными постами. Наиболее определенно об этом сказал М. В. Родзянко: «...За этот истекший период революции государственная власть опиралась исключительно на одни только классовые организации... в этом едва ли не единственная крупная ошибка и слабость правительства и (причина) всех невзгод, которые постигли нас»¹⁴³.

И видимо, не случайно в октябре 1917 г. инициатива переходит в руки политической силы, на знаменах которой в качестве центрального лозунга была провозглашена ликвидация классов, а значит и партий.

---

¹⁴² Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. Т. IX. М., 1990. С. 355.

¹⁴³ Государственное совещание. М.; Л., 1930. С. 105.

Аналогичные явления и процессы наблюдаются в политической жизни нашей страны и в конце 80-х – начале 90-х гг. После отмены в феврале 1990 г. шестой статьи Конституции СССР, которая закрепляла руководящую роль КПСС в советском обществе и тем самым юридически обосновывала правомерность однопартийной политической системы, в стране в короткие сроки появились сотни политических партий, существовавших до этого в виде политических клубов и общественных объединений.

Но партии создаются не для пропаганды различных идей, а для борьбы за власть. Эта аксиома политической жизни, давно ставшая общепринятой во многих странах, нашла свое подтверждение и в России. Весной 1990 г. в альтернативной борьбе на выборах народных депутатов России, несмотря на то что весь их состав избирался по мажоритарной системе, проявилась тенденция жесткой борьбы различных партийных платформ и лозунгов. В высший орган России впервые выбирались не просто граждане (или, как раньше, представители «блока коммунистов и беспартийных»), а кандидаты, которые не только не скрывали, но даже усиленно пропагандировали свои партийные взгляды. Уже на этих выборах происходит решающий политический сдвиг в порядке и принципах формирования системы высших органов представительной государственной власти: от квотно-распределительной системы по социальным, возрастным, половым и другим параметрам и под непосредственным контролем центральных и местных партийных органов к свободной борьбе различных партийных платформ и формированию в результате ее органов, состоящих из выразителей и представителей сложившейся (может быть и стихийно, сиюминутно) в данный момент в обществе палитры политических и социальных предпочтений.

Государственная Дума в декабре 1993 г. формировалась уже по новому избирательному закону, который вводил паритетную систему выборов: половина по мажоритарной системе, половина по пропорциональной системе (по партийным спискам). Такой же порядок сохранился и на выборах 1995 г.

И хотя статус депутата, избранного по партийным спискам, не ограничен так называемым принципом императивного мандата (депутат, выступивший против общего решения фракции, выбывает из выборного органа), анализ деятельности Думы показывает, что именно фракционное голосование является определяющим в принятии наиболее принципиальных решений. Таким образом, многопартийный принцип политической жизни в короткий срок становится

ся, бесспорно, доминирующим в высшей представительной власти России.

Но является ли партийная демократия наиболее адекватной формой отражения всей гаммы социальных интересов современного российского общества?

Многopартийная система в СССР и в России создавалась по аналогии с давно уже существующими партийными системами в развитых зарубежных странах¹⁴⁴. Но противоречия и проблемы, которые возникли у нас в ходе этого процесса, были вызваны не только неплюралистическим менталитетом советского человека и иной, чем на Западе, политической культурой, социокультурными традициями (с этим столкнулась, как мы показали выше, и первая российская многopартийность в начале XX в.), но и специфическими социальными явлениями в советском обществе в 70–80-х гг. На Западе формирование партий становилось результатом сложного и длительного процесса социальной стратификации, в ходе которого сначала выкристаллизовывались, закреплялись социальные, политические и другие интересы определенных общественных групп (по мере идентификации самих этих групп), а только потом проявлялась потребность и необходимость представления и защиты этих интересов в политической борьбе, на различных уровнях властных структур общества. И наиболее эффективной формой для реализации этой цели стали в общественной практике развитых стран в XIX – начале XX в. политические партии. В России все произошло наоборот: сначала в достаточно короткие сроки возникла многopартийная система, а затем эти партии стали искать свою социальную базу, свой социальный интерес, свой электорат. Этот поиск продолжается и по сей день, и осуществляется он в обществе, в котором социальная структура находится в состоянии ломки, социальные слои и группы перемешаны, идет болезненный процесс исчезновения одних и появления других слоев и групп, еще только осознающих свои интересы и ориентиры. В этом отношении становление современной российской многopартийности происходит в еще более неблагоприятных условиях, чем в 1917 г. Тогда в России все же существовала достаточно стабильная и сложившаяся социальная структура.

---

¹⁴⁴ Подробно о становлении многopартийности в современной России см.: *Краснов В. Н.* Система многopартийности в современной России (очерк истории). М., 1995; *Современный политический процесс в России: Учебно-справочное пособие.* Ч. I. М., 1995. С. 138–210; *Партии и политические блоки России.* М., 1993; и др.

Сегодня же доминирующими являются процессы расслоения, диффузии социальной сферы¹⁴⁵.

Еще на начальной стадии формирования многопартийной системы в СССР (России) некоторые западные аналитики, отмечая естественные недостатки роста новых политических структур, отмечали, что «все политические лидеры должны определенно решить для себя вопрос: какое именно место они отводят своей партии в будущей политической системе»¹⁴⁶. Но похоже, эти надежды не сбываются, ибо и сейчас отдаленная политическая перспектива мало кого волнует и никак не влияет на партийное строительство. Наоборот. Партии стали неотъемлемым атрибутом переходного процесса. Большинство из них и создано под переходное состояние общества, под обстановку политической нестабильности, непредсказуемости. Поэтому и в их программатике и особенно в стратегии и тактике доминируют потребности того или иного политического момента, конкретика обстоятельств борьбы за власть.

Отсюда и удивительные особенности или «парадоксы» современного российского партогенеза, выделяемые аналитиками.

Во-первых, это размытость, универсальность программатики разных партий, фактическое совпадение стратегических общественных ориентиров (многоукладная экономика, политический и идеологический плюрализм и т. д.).

Во-вторых, феномен Жириновского: лидер партии пользуется большей поддержкой, чем сама партия (по партийным спискам ЛДПР набирает существенное количество голосов, тогда как по мажоритарной системе представители этой партии почти все проваливаются).

В-третьих, происходит «деинституционализация» партий, понимаемая как «изменение регрессивного характера, выражающееся в полной или частичной утрате партией признаков политической организации, претендующей на завоевание политической власти»¹⁴⁷.

В-четвертых, парадоксы линейного спектра российской многопартийности: программатика и практическая деятельность партий

---

¹⁴⁵ Самсонова Т.Н. Сравнительный анализ многопартийной системы в современной и дореволюционной России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12, Социально-политические исследования. 1993. № 6. С. 22; Стариков Е.Н. Социальная структура переходного общества (опыт «инвентаризации») // Полис. 1994. № 4. С. 87–90.

¹⁴⁶ Фиш С. (США). На пути к многопартийной политической системе в России: взгляд с Запада // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1991. № 6. С. 63.

¹⁴⁷ Левчик Д.А., Заславский С.Е. Особенности партогенеза в России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 1995. № 6. С. 49.

настолько изменчивы и противоречивы, что часто невозможно точно определить место партий в общепринятой шкале политических координат: левые—центр—правые¹⁴⁸.

В-пятых, на относительно небольшом отрезке времени (полтора-два года) наблюдаются резкие колебания в рейтинге политических партий. Так, из восьми партий, преодолевших на выборах в Госдуму в декабре 1993 г. пятипроцентный барьер, через два года на аналогичных выборах в декабре 1995 г. пять партий («Выбор России», Аграрная партия России, ПРЭС, «Женщины России», Демократическая партия России) не смогли выдержать это испытание. Одновременно с этим накануне последних выборов в спешном порядке формируется новая партия «Наш дом Россия», которая легко преодолевает пятипроцентный барьер.

Анализ этих особенностей приводит некоторых авторов к выводу о том, что происходит не только «деинституционализация», но и «деградация» партийной системы в России¹⁴⁹.

Важнейшей характеристикой современного политического процесса в России является почти никогда не утихающее противоборство представительной власти и Президента¹⁵⁰. Это противоборство началось фактически сразу, с возникновением института президентской власти, и происходило сначала между Президентом и Съездом народных депутатов (Верховным Советом) и в некоторых своих аспектах напоминало столкновение Керенского и Советов.

Вообще институт президентской власти, который начал функционировать в России с июня 1991 г. и с возникновением которого создавалась вертикаль исполнительной (неколлегияльной) власти, как бы нарушал возникшую ранее систему плюралистической представительной демократии. Это создавало коренное противоречие в возникшей после июня 1991 г. политической системе в России, которое и обусловило постоянно обостряющуюся борьбу между Президентом и Верховным Советом (Съездом народных депутатов). В свою решающую фазу эта борьба вступает в декабре 1992 г. на VII Съезде

---

¹⁴⁸ Левчик Д.А., Заславский С.Е. Особенности партотрогенеза в России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 1995. № 6. С. 50.

¹⁴⁹ Там же. С. 54.

¹⁵⁰ Эти органы власти появились в России по аналогии с союзным уровнем. При этом следует иметь в виду, что и пост Президента СССР, и Съезд народных депутатов СССР создавались М. С. Горбачевым с определенными политическими целями. Первый — для сохранения власти КПСС в условиях перехода к многопартийной системе, второй — для большого маневра в сложных политических ситуациях. В России же и пост Президента, и Съезд народных депутатов сразу стали играть совершенно иную роль, так как попали под влияние различных политических сил.

народных депутатов. Накал борьбы удалось тогда ослабить компромиссным постановлением Съезда «О стабилизации конституционного строя Российской Федерации», а также отставкой с поста и.о. премьер-министра Е. Гайдара и утверждением на этот пост В. Черномырдина. На следующем, VIII Съезде (март 1993 г.) принятый ранее компромисс вновь нарушается и борьба разворачивается с новой силой. Этот Съезд в поисках выхода из ситуации принимает решение о всероссийском референдуме 11 апреля 1993 г. На IX (внеочередном) Съезде (28 марта 1993 г.) предпринимается попытка отпустить Президента от должности, которая (как, впрочем, и возникшая уже в ходе Съезда идея об отзыве Председателя Верховного Совета Р. Хасбулатова) завершается неудачей. После референдума, на котором 58,7% голосовавших ответили «да» на вопрос: «Доверяете ли Президенту Российской Федерации Б. Н. Ельцину?» — наступает временное затишье, которое оказывается затишьем перед бурей. После телевизионного выступления Б. Н. Ельцина 21 сентября 1993 г. противоборство Президента и Верховного Совета приобретает непримиримый характер и приводит к кровавой развязке 3–4 октября 1993 г.¹⁵¹

В чем заключалась суть этой борьбы? Чаще всего ее сводят к противоречиям разных ветвей власти (исполнительной и законодательной) в условиях формирования демократической системы. На самом деле все обстояло значительно сложнее. В противоборстве Президента и Верховного Совета при более детальном анализе просматривается столкновение между альтернативными моделями общественного управления. С одной стороны, это была власть Президента и его структур, которая строилась на основе персонафицированного централизованного контроля, с другой — власть партийно-клановой представительной демократии, прятавшей реальные рычаги персонафицированной власти за ширму коллегиальных решений. Различия в видении путей и форм преобразований российского общества имели в этой борьбе второстепенный характер, хотя и из пропагандистских соображений зачастую и выдвигались на передний план. В этом случае общество столкнулось не с противоречием между различными частями единого целого, а с конфликтом между двумя центрами сил, изначально претендующих на всю полноту федеральной власти в России. Тем самым российская

---

¹⁵¹ См. подробнее документы этого периода и комментарии к ним: Современный политический процесс в России: Учебно-справочное пособие. Ч. I. М., 1995. С. 22–41, 65–70.

история на новом витке своего развития продемонстрировала повторяющуюся особенность нашего политического развития: общественные противоречия разрешаются не путем компромисса, а революционным, насильственным способом. Отталкиваясь от этой констатации, резюмируем наш сравнительный анализ преобразовательных процессов в сфере высших органов государственной власти России в переходные периоды 1917 г. и конца 80-х – начала 90-х гг.

В обоих случаях наблюдается радикальное и быстрое изменение основы государственного управления, принципов формирования и обновления государственной системы. Авторитарный порядок решения политических и кадровых вопросов, дополненный корпоративными формами организации местной жизни, в течение очень короткого срока, заменялся властью многопартийной системы, подчиняющейся специфическим законам партийно-представительной демократии. Тем самым резко менялся не только организационный порядок государственной жизни, но и его духовно-идеологические основания. От единой государственной идеологии партии власти происходит быстрый переход к множеству противоборствующих идеологий, большинство из которых уходило своими корнями в идейный и практический опыт западной демократии.

Одновременно с этим радикально изменялись методы, система рычагов управления государством. От монархического или коммунистического режимов, где решающую роль играли персонифицированные институты власти или сословные корпорации, — переход к всесилию коллегиально-представительских органов, которые быстро становятся ареной столкновения партийных амбиций.

Процессы в сфере национально-государственных отношений.

Начнем наш анализ, как и в предыдущем случае, с процессов, происходящих во время революционных событий 1917 г.

Многие российские общественные деятели в начале XX в. прекрасно понимали, что в такой многонациональной стране, как Российская империя, никакие серьезные преобразования не могут затронуть сферу национально-государственного устройства и национальных отношений. Более того, как показали революционные события 1917 г., национальный вопрос в России является важнейшим фактором переходного процесса, а в ряде случаев и определяет ход тех или иных переходных мероприятий.

Поэтому закономерно, что российские политические партии, которые образовались в период первой революции и большинство из которых исходило из необходимости глубоких преобразований, не могли в своих программных документах обойти национальный вопрос.

Каково же содержание основных партийных программ? Рассмотрим для этого три господствовавшие в то время партийно-идеологические модели в национальном вопросе. Практически без существенных изменений эти модели через семь десятилетий «всплыли» на поверхность современной политической жизни в России.

Первая модель (монархисты и крайне правые): Россия должна оставаться единой и неделимой (нераздельной) монархической империей. Целостность Российского государства должна обеспечиваться приоритетом, главенствующей ролью русской народности, к которой относятся три славянских народа — великороссы, малороссы и белорусы¹⁵². Эта главенствующая роль непременно обеспечивается в пяти основных общественных сферах: в верховной государственной власти («Самодержавная власть Русского Монарха»), в религиозной сфере («свободно и достойно живущая Русская Православная Церковь»), в сфере делового общения («единый русский государственный язык»), в правовой системе («единый Русский закон») и в образовании («единая Русская государственная школа»). Только при обязательном выполнении этих пяти условий русского государственного единства в данной модели делалось допущение, что «национальные особенности отдельных групп населения могут свободно существовать и развиваться»¹⁵³.

Такое особое положение русской нации, по убеждению монархистов, обусловлено ее исторической ролью как собирательницы земли Русской, ибо, создавая великое и могущественное государство, именно эта нация вынесла «на своих плечах всю тяжесть» этого исторического дела¹⁵⁴. Поэтому, не отрицая необходимости предоставления нерусскому населению некоторых прав местного самоуправления, использования родного языка в некоторых сферах гражданской жизни, многие монархические организации делали упор прежде всего на подчиненное положение нерусских национальностей («кинородцев») русской, чтобы «первые считали за честь и за благо принадлежать к составу Российской империи и не тяготились бы своей зависимостью»¹⁵⁵, но при этом были бы не хозяевами, а

---

¹⁵² Программные документы политических партий России дооктябрьского периода. М., 1991. С. 197, 200.

¹⁵³ Там же. С. 203.

¹⁵⁴ Там же. С. 198, 217.

¹⁵⁵ Там же. С. 198. В программах правых партий мы находим и ряд других принципиальных положений. Так, например, всякая попытка отторжения от России какой-либо из ее окраин трактовалась в программе Русской монархической партии как измена родине (см.: там же. С. 202). В программе Русского народнического всеословного союза к этому выводу добавлялось еще положение о том, что всякие автономии являются первой ступенью к раздроблению единой России (см.: Там же. С. 215–216).

«челобитниками»¹⁵⁶. При определенных условиях монархисты допускали в России совещательный представительный орган — Государственную Думу, которая, по их мнению, должна способствовать сближению царя и народа, укреплению прямой, непосредственной поддержки царя народными избранниками, минуя бюрократию, подрывающую традиционные устои народной монархии, искажающую подлинную народную суть российского самодержавия¹⁵⁷. Но, признавая это, теоретики «Союза русского народа» выдвигали фундаментальное для них положение о том, что «Государственная Дума должна быть национально-русскою»¹⁵⁸.

С некоторыми оговорками можно сказать, что основные установки монархистов в национальном вопросе так или иначе реализовались в официальной политике царской власти. Часто, говоря об известном манифесте царя от 3 июня 1907 г., акцентируют внимание на том, что царь самолично изменил этим актом политический состав Думы в пользу правых сил (так называемый «третьеиюньский переворот»). Это правильно, но у этой акции была и другая цель. Она четко формулируется в одном из положений манифеста: «Созданная для укрепления государства Российского, Государственная дума должна быть русской по духу. Иные народности, входившие в состав державы нашей, должны иметь в Государственной думе представителей нужд своих, но не должны и не будут являться в числе, дающем им возможность быть вершителями вопросов чисто русских»¹⁵⁹.

Вторая модель (либералы): Наиболее полно позиция российских либералов в национальном вопросе выражена в программных документах конституционно-демократической партии, которая в либеральном политическом спектре играла ведущую роль. Кадеты считали наиболее приемлемой формой национального устройства новой России унитарное государство¹⁶⁰, в котором «помимо полной гражданской и политической равноправности всех граждан должно гарантироваться право свободного культурного самоопределения». Более того, они допускали наряду с общероссийской госу-

---

¹⁵⁶ Политические партии России (первая четверть XX в.): Справочник. М., 1993. С. 17.

¹⁵⁷ Программные документы политических партий России дооктябрьского периода. С. 198, 200.

¹⁵⁸ Там же. С. 198.

¹⁵⁹ Хрестоматия по истории СССР. 1861–1917. М., 1990. С. 329.

¹⁶⁰ Как известно, в качестве формы государственного устройства новой России кадеты предлагали сначала конституционную монархию (1906–1907 гг.), а позднее президентскую республику (1917 г.).

дарственной властью и представительными структурами существование «местной автономии и областных представительных собраний, обладающих правом участия в осуществлении законодательной власти по известным предметам, соответственно потребностям населения»¹⁶¹. Для Царства Польского и Финляндии кадетами предусматривалось особое автономное устройство с наличием собственных законодательных учреждений, но при обязательном условии их вхождения в состав Российского государства¹⁶².

Анализ программных документов кадетов показывает, что, оставаясь всегда последовательными государственниками, они все же понимали настроения широких масс населения национальных окраин и поэтому очень осторожно употребляли понятие «унитаризм»¹⁶³.

Представители же правого крыла российских либералов — октябристы — в этом отношении были более откровенными и прямолинейными. В своей программе они не только не побоялись в качестве исходного выдвинуть тезис о сохранении единства и нераздельности Российского государства, но и открыто отстаивали необходимость «исторически сложившегося унитарного характера... государственного строя» России, указывая при этом на то, что идея федерализма совершенно неприемлема к русскому обществу¹⁶⁴.

Вместе с этим октябристы, так же как и кадеты, все же исходили из признания «за отдельными национальностями самого широкого права на удовлетворение и защиту своих культурных нужд в пределах, допустимых идеей государственности и интересами других национальностей»¹⁶⁵. Они считали, что особое право на автономию принадлежит только Финляндии.

Третья модель (социалисты): позиция российских партий, выступающих за различные варианты социалистического переустройства общества, основывалась в национальном вопросе на общем для всех социалистов как в России, так и на Западе тезисе о праве наций на самоопределение. Этот тезис нельзя отнести к изначальным принципам

---

¹⁶¹ Программные документы политических партий России дооктябрьского периода. М., 1991. С. 169.

¹⁶² Там же. С. 171.

¹⁶³ Лидеры и теоретики партии кадетов, такие, как П. Б. Струве, П. Н. Милоков, Ф. Ф. Кокошкин и др., в своих научных трудах и публичных выступлениях рассматривали различные варианты решения национального вопроса в России (см.: *Шелухаев В. В.* Национальный вопрос в России: либеральный вариант решения // Кентавр. 1993. № 2, 3). Но в своих официальных партийных программах кадеты исходили целиком из идеи унитаризма.

¹⁶⁴ Программные документы политических партий России дооктябрьского периода. М., 1991. С. 183.

¹⁶⁵ Там же.

классического марксизма, так как для К. Маркса и Ф. Энгельса, которые коммунистическое общество рассматривали в качестве постепенно формирующегося в результате мировой коммунистической революции международного сообщества наиболее развитых государств, национальный вопрос имел второстепенное значение.

Национальная проблема для социалистов выдвинулась на передний план в конце XIX в., когда социализм стал считаться непосредственной целью революционных движений в таких относительно отсталых и многонациональных государствах, как Австро-Венгрия и Россия. В 1896 г. на Лондонском конгрессе II Интернационала лозунг о праве наций на самоопределение был впервые провозглашен в качестве одного из важнейших программных положений международного коммунистического движения.

Нельзя сказать, что все социалисты однозначно приняли этот лозунг. Левые германские социал-демократы и часть польских социал-демократов вообще не считали необходимым самоопределение наций в период революционного переустройства общества. Австрийские же социал-демократы выдвинули оригинальную концепцию культурно-национальной автономии, суть которой заключалась в предоставлении национальным регионам и компактно проживающим отдельным национальностям в большом многонациональном государстве местного самоуправления в вопросах языка, культуры и образования. Сторонники культурно-национальной автономии рассматривали ее не как модель для окончательного решения национального вопроса, а как промежуточную переходную форму сглаживания национальных противоречий в период глубоких социальных преобразований¹⁶⁶.

Русские же социалисты тезис о праве наций на самоопределение принимали целиком и включали в программы своих партий. Формулировалось в них это положение следующим образом:

Социал-демократы (Программа, принятая на 2-м съезде в июле–августе 1903 г.): «Право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства»¹⁶⁷.

Эсеры (Программа, принятая на Учредительном съезде в декабре 1905 – январе 1906 г.): «Возможно более широкое применение

---

¹⁶⁶ Национальный вопрос: опыт социал-демократии // Полис. 1991. № 2. С. 89–91.

¹⁶⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1983. Т. 1. С. 62.

федеративных отношений между отдельными национальностями, признание за ними безусловного права на самоопределение»¹⁶⁸.

В дальнейшем на основе этих общих формулировок стали вырабатываться более развернутые платформы и резолюции левых партий в национальном вопросе.

У радикальной части социал-демократов (большевики) тезис о праве наций на самоопределение был конкретизирован и уточнен на Поронинском совещании ЦК РСДРП, которое состоялось в сентябре–октябре 1913 г. В резолюции этого совещания мы находим два принципиальных момента, характеризующих позицию большевиков в тот период. Во-первых, самоопределение национальностей в составе империи они дополнили тезисом об отделении и образовании отдельных самостоятельных государств, однозначно отвергая при этом концепцию культурно-национальной автономии. Во-вторых, национальное самоопределение у большевиков было связано с принципом революционной целесообразности, с тем, что вопрос об отделении «с.-д. партия должна решать в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно с точки зрения интересов всего общественного развития и интересов классовой борьбы пролетариата за социализм»¹⁶⁹. Несмотря на то, что со времени Поронинской резолюции проходит несколько лет, насыщенных крупными событиями в национальной сфере, фактически в тех же формулировках и без каких-либо существенных дополнений позиция большевиков по национальному вопросу была изложена в специальной резолюции Апрельской конференции 1917 г.¹⁷⁰

Эсеры конкретизировали свою национальную программу на III съезде партии (май–июнь 1917 г.). В общей резолюции съезда был выделен специальный раздел — «Национальный вопрос». Здесь уже отсутствовал термин «право наций на самоопределение», и некоторую конкретизацию получили принципы автономии и федерализма, которые, по мнению эсеров, и должны были быть положены в основу национально-государственного устройства новой России. Эсеры высказывались «за форму федеративной демократиче-

---

¹⁶⁸ Программные документы политических партий России дооктябрьского периода. М., 1991. С. 124.

¹⁶⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. С. 446–447. Анализ цитируемого сборника приводит к интересному наблюдению: только в 1913 г., т. е. через 10 лет после основания партии большевиков, у нее впервые появилась специальная резолюция по национальному вопросу, которая была принята не на съезде или конференции, а на совещании.

¹⁷⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е. М., 1983. С. 503–504.

ской республики с территориально-национальной автономией в пределах этнографического расселения народностей и с обеспечением основными законами страны как прав национальных меньшинств в местностях со смешанным населением, так и вообще публичных прав для всех языков, на которых говорят трудящиеся массы в России»¹⁷¹. В этой и некоторых других формулировках эсеровской программы обнаруживается очевидная ее преемственность с концепцией культурно-национальной автономии.

Позиция умеренных социал-демократов (меньшевики), которые в 1917 г. оформились в самостоятельную партию, была очень неопределенной. На своей Всероссийской конференции в мае 1917 г. меньшевики так и не смогли «из-за недостатка времени» принять резолюцию по национальному вопросу, проект которой содержал либо общие требования о «гарантии культурного развития для национальных меньшинств», о «праве употребления родного языка в суде» и т. п., либо такие противоречивые термины, как «политическая автономия»¹⁷².

Таково содержание моделей национально-государственного переустройства постсамодержавной России, с которыми основные политические силы вступили в эпоху революционных событий 1917 г. Но соответствовали ли они реалиям тогдашнего российского общества?

Главным испытанием для любой доктрины или партийной программы является реальная жизнь. Именно это испытание и не выдержали в 1917 г. ведущие политические партии России.

В *монархических* планах сохранения единства и неделимости Российского государства просматривалось явное нежелание мириться с велением времени, с очевидными переменами в национальных условиях российского общества. Монархисты игнорировали развивающийся в течение нескольких десятилетий процесс национальной самоидентификации российских окраин, где в 1905–1907 гг. развертывалась деятельность национальных политических партий и движений, усиливалось стремление к автономизации в различных областях общественной жизни. Конечно, эта монархическая доктрина не могла оказать какого-либо заметного влияния на ход общественного процесса в период революционных преобразований.

Либералы не далеко ушли от монархического принципа унитарной монархии. Но их унитаризм, несмотря на некоторые демократические дополнения, выглядел еще более утопичным, чем у мо-

---

¹⁷¹ Программные документы политических партий России дооктябрьского периода. М., 1991. С. 157.

¹⁷² Там же. С. 98–99.

нархистов. Если последние готовы были пойти на определенные и жесткие меры для обеспечения унитарного характера Российского государства, то либералы оставались, по сути дела, на позициях абстрактного отстаивания принципа унитаризма, поскольку не предлагали никаких практических шагов для сохранения целостности реально распадающегося государства. Не случайно кадетская национальная доктрина многими воспринималась как монархизм, замаскированный неконкретными демократическими рассуждениями об автономии.

Не ясными как до, так и после февраля 1917 г. представлялись перспективы преобразований в национально-государственной сфере и для *социалистов*. Требование федерализма как центральный пункт национального раздела программы эсеров, несмотря на многие резолюции, оставалось абстрактной формулой, так как отсутствовали ответы по меньшей мере на два принципиальных вопроса: 1) каким конкретно представляется федеративное устройство новой России: субъекты федерации, границы и т. п.?; 2) как будут распределяться права между субъектами федерации и общероссийским центром? Оба этих вопроса должны были быть хотя бы в общих чертах прояснены перед началом преобразований, а не в ходе хаотичного и противоречивого революционного процесса, на что, по-видимому, и уповали эсеры.

Не лучше обстояло дело и у большевиков. Принцип о праве наций на самоопределение был положен ими на зыбкую основу революционной целесообразности. После этого данный принцип, и так висевший в воздухе из-за отсутствия механизма его реализации, неизбежно превратился из фундаментального и долгосрочного ориентира преобразовательного процесса в инструмент повседневной практики пролетарской власти.

Таким образом, либо ни одна политическая сила, претендовавшая на власть в постсамодержавной России, вообще не знала, как нужно преобразовывать национально-государственное устройство бывшей империи, либо эти силы ориентировались на теоретические модели, противоречащие реальным условиям российского общества в начале XX в. Поэтому не случайно дальнейший ход событий показал, что российские реформаторы данного периода в такой сложнейшей и тончайшей сфере общественных отношений, как национальная жизнь, оказались не рулевыми преобразовательного процесса, а в лучшем случае спасателями, которые в более или менее короткие сроки прибывают на место уже случившейся трагедии. В немалой степени это обуславливалось противоречиями и неясно-

стями в концептуальной разработке национального вопроса, что в полной мере отразилось в практической деятельности новой пост-самодержавной власти, которая, как известно, строилась исключительно по принципам и законам партийно-представительной демократии.

После кратковременного правления так называемого «однородного» Временного правительства в мае 1917 г. к власти пришла коалиция либералов и социалистов. Как и в других общественных сферах, в национально-государственной политике этой коалиции отличалась двумя качествами: 1) отсутствием четких ориентиров в решении преобразовательных задач (отчасти из-за этого решение многих насущных проблем откладывалось до созыва Учредительного собрания); 2) принципиальной несовместимостью партийных доктрин, которым строго следовали руководящие деятели коалиции. Отсюда отсутствие государственной воли, политика запоздалых, половинчатых решений или вообще отсутствие каких-либо практических шагов в национально-государственной сфере. Только этим можно объяснить то удивительное обстоятельство, что в двух Декларациях коалиционного Временного правительства о программе своей деятельности от 5 мая¹⁷³ и от 8 июля¹⁷⁴ даже в самом общем виде ни слова не говорилось о национальных проблемах.

А проблем этих было более чем достаточно. Уже в марте 1917 г. в ряде районов империи стали возникать общественно-политические организации, строящие свою деятельность на отстаивании национально-этнической идеи (например, Центральная Рада на Украине, Шура-и-ислам в Туркестане). Эти организации на первых порах прямо не выдвигали сепаратных требований, но стали настойчиво добиваться провозглашения автономии соответствующих территорий в составе России¹⁷⁵. Само по себе это уже создавало новую ситуацию в национально-государственных отношениях, что требовало определенных действий со стороны властей. Но как раз либо таких действий вообще не было, либо они вызвали недовольство на национальных окраинах. Кроме того, решение многих

---

¹⁷³ Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Революционное движение в мае–июне 1917 г. Июньская демонстрация. М., 1959. С. 229–230.

¹⁷⁴ Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Революционное движение в России в июле. Июльский кризис. М., 1959. С. 295–297.

¹⁷⁵ Летом и в начале осени аналогичные организации возникли в Белоруссии, Литве, Бессарабии и на других национальных окраинах бывшей Российской империи.

вопросов сопровождалось острыми разногласиями и конфликтами в самом Временном правительстве. Особенно показательны в этом плане отношения Временного правительства и Центральной Рады.

В начале лета Центральная Рада предприняла ряд шагов, направленных на реализацию ранее выдвинутых к Временному правительству требований о провозглашении автономии Украины. 4 июня Центральная Рада приняла специальную резолюцию, в которой говорилось о том, что в связи с фактическим отказом Временного правительства решать украинскую проблему «собрание Центральной Рады признало необходимым обратиться ко всему украинскому народу с призывом организовать и приступить к немедленному заложению фундамента автономного строя в Украине»¹⁷⁶.

Это означало, что Центральная Рада решила взять бразды правления на Украине в свои руки, мотивируя такой шаг тем, что в условиях бездействия центральной власти «стихийный рост украинского движения принимает все большие и большие размеры» и что это движение в таких условиях может развиваться «по нежелательному пути»¹⁷⁷.

Действия Центральной Рады вызвали прямую конфронтацию между представителями различных партий во Временном правительстве. Эсеры и меньшевики, которые проповедовали в национальном вопросе идеи автономизма и федерализма, пошли на уступки Центральной Раде и фактически согласились с автономией Украины. Такое решение вызвало решительный протест со стороны кадетов, которые оставались верными своей идее о единой и неделимой России. 4 июля 1917 г. министры-кадеты подали в отставку.

Созданное позже на основе новых компромиссов 3-е коалиционное правительство тем не менее не могло преодолеть главного: принципиальной разницы в понимании партиями стратегических целей и задач преобразования России.

---

¹⁷⁶ Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Революционное движение в мае–июне 1917 г. Июньская демонстрация. С. 460. Стихийный рост национальных движений наблюдался не только на Украине. По всей стране собирались съезды и проводились собрания, на которых обсуждались вопросы нового национально-государственного устройства. Выдвигались различные проекты. В качестве примера можно привести I съезд представителей народностей Поволжья (май 1917 г.), Съезд представителей народов и областей России (сентябрь 1917 г.) и др.

¹⁷⁷ Такое решение было принято от имени Временного правительства на переговорах с Центральной Радой 29 июня в Киеве делегацией в составе: И. Г. Церетели (меньшевик), М. И. Терещенко (беспартийный) и А. Ф. Керенский (эсер).

В полной мере эти различия проявили себя в процессе разработки проектов основных законов новой России, которые должны были быть вынесены на рассмотрение Учредительного собрания. Для этой цели при Временном правительстве была создана Особая комиссия под председательством либерально настроенного профессора русского государственного права Н. И. Лазаревского.

Анализ ряда документов, разработанных данной комиссией в октябре 1917 г., показывает, что их авторы ориентировались главным образом на кадетскую доктрину в национальном вопросе. Например, в Предварительном проекте статей законов по вопросу об автономии (федерации) допускалась только «областная автономия» при незыблемости принципа о единстве и нераздельности России¹⁷⁸. А в тезисах по вопросу о верхней палате предполагалось, что в будущем парламенте ее состав будет формироваться из «представителей местностей», но законодательные права и возможности этой палаты серьезно урезались и решающее слово в законодательном процессе предоставлялось нижней палате, которая избиралась от населения¹⁷⁹. Обсуждался также проект об однопалатной системе организации будущего российского парламента¹⁸⁰.

В целом работа этой комиссии оказалась малоэффективной. Протоколы ее работы свидетельствуют о том, что всего лишь за месяц до открытия Учредительного собрания (28 ноября) не было согласовано и даже в полной мере разработано ни одного основополагающего документа о будущем государственном устройстве России. На заседаниях 17 и 20 октября все еще дебатировались ключе-

---

¹⁷⁸ Учредительное собрание. Россия. 1918. Стенограмма и другие документы. М., 1991. С. 44.

¹⁷⁹ Там же. С. 51–52.

¹⁸⁰ Там же. С. 52–53. Удивительно, но факт: более чем за 100 лет до описываемых событий в одном из тайно созданных проектов Конституции России (Проект члена Северного общества декабристов Н. М. Муравьева) предусматривалось не только разделение Российского государства на тринадцать равноценных субъектов («держав»), образованных в основном по национально-этническому признаку (ст.43), но и создание двухпалатного парламента, в котором обе палаты имели одинаковые права и возможности (ст. 91). Одна из палат — Верховная Дума — должна была формироваться на основе равного представительства (по три человека от каждой державы — ст. 73). (Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. 1. М., 1951. С. 304–305, 310, 314). Таким образом, некоторые дворянские революционеры начала XIX в. в своих концепциях преобразования России оказались более дальновидными, чем реформаторы 1917 г., которые по своему социальному положению и политическим взглядам должны были быть ближе к общественным низам и действовали в условиях неизмеримо большего обострения национальных противоречий.

вые проблемы: структура и состав будущего парламента, принципы национально-государственного устройства и т. д.¹⁸¹

Но дело даже не в формальной неготовности документов. Во-первых, общая политическая и идеологическая направленность документов, которые разрабатывала комиссия при Временном правительстве, явно противоречила официально объявленной установке этого же правительства в национальном вопросе¹⁸². Во-вторых, — и это главное — эта направленность была заведомо неприемлема для левого большинства будущего Учредительного собрания, которое неизбежно должно было образоваться и образовалось в результате всеобщих и равных выборов.

Таким образом, печальный опыт Временного правительства кроме всего прочего свидетельствует о том, что умеренные российские реформаторы 1917 г. в национальной сфере, как, впрочем, и во многих других вопросах, не смогли выйти за рамки партийной догмы и построить свою политику, исходя из реальных общественных условий, с учетом настроений и чаяний широких народных масс.

Большевистское правительство, пришедшее к власти в октябре 1917 г., прекрасно понимало, что собственных партийных программ в национальном вопросе, суть которых сводилась к требованию права наций на самоопределение, явно недостаточно для решения насущных национально-государственных проблем. Тем более что после октября 1917 г. начался лавинообразный процесс отделения от большевистского центра различных районов бывшей империи, что в короткие сроки привело к полному развалу единого Российского государства на десятки самостоятельных образований.

В этих условиях Ленин и его сторонники предприняли крутой поворот в своих доктринальных и тактических установках и в первых же документах Советской власти на передний план в национальном вопросе выдвинули новую для себя идею федерализма. В данном случае большевики, как и в крестьянском вопросе, без особых колебаний пошли на прямое заимствование одного из важнейших программных положений партии эсеров.

---

¹⁸¹ Учредительное собрание. Россия. 1918. Стенограмма и другие документы. С. 39–50.

¹⁸² В Декларации 3-го коалиционного правительства от 25 сентября было официально объявлено о признании Временным правительством «за всеми народностями права на самоопределение» (Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общественно-национальный кризис. М., 1961. С. 235).

Правда, очень скоро стало ясно, что для России идея федерализма имеет не только сильные, но и слабые стороны. Несомненно, сильной стороной ее было то, что в противоположность насильственным методам сохранения унитарного государства федерализм был более гибким и прогрессивным способом обретения нового государственного единства в условиях распада и обострения национальных противоречий. Казалось бы, что в пользу федерализма свидетельствовал уже достаточно большой опыт федеративных отношений, который был накоплен в мире в XIX в.

Но основная практическая проблема в том-то и заключалась, что мировая практика формирования и функционирования федеративных общественных систем не подходила к реальным условиям России.

В начале XX в. существовали два явно выраженных типа федеративных государств. Во-первых, государства, формировавшиеся в процессе интенсивной колонизации европейцами малозаселенных территорий (США, Канада, Австралия). В ходе этой колонизации представители различных европейских наций, сохраняя некоторые черты национальной культуры, тем не менее попадали в некий «плавильный котел», из которого выходила новая единая нация. В этом случае формировавшееся федеративное государство представляло собой союз территорий, разделение которых не имело национально-этнической основы. К данному типу можно отнести и федерации, которые возникали в XIX в. в Латинской Америке (Аргентина, Бразилия). Население этих государств сформировалось в XVII–XVIII вв. в результате смещения испанцев и португальцев с аборигенами и завезенными сюда африканскими неграми. Во-вторых, федеративные государства, образовавшиеся в результате объединения территорий с различным национально-этническим составом населения, но находящимся на примерно одинаковом социально-экономическом и культурном уровне развития (Швейцария)¹⁸³.

Не трудно заметить, что Россия не относилась ни к одному из двух исторически сложившихся типов, поскольку представляла собой национально-государственное образование, сформировавшее-

---

¹⁸³ В XIX в. в мире образовалось несколько новых федеративных государств — Австрия, Бельгия, Германия, Индия, Малайзия, Пакистан и др., но и они в целом соответствовали именно этим типам. И только «социалистические федерации» — СССР и Югославия не умещались в рамки такой типологии, ибо только в этих государственных образованиях в течение нескольких десятилетий могли сосуществовать такие несовместимые по многим параметрам национальные субъекты, как Словения и Черногория в Югославии или Эстония и Таджикистан в СССР. Более подробно об исторических корнях федеративных государств см.: *Элейзер Д. Дж.* Сравнительный федерализм // Полис. 1995. № 5. С. 106–115.

ся путем объединения вокруг Московского государственного центра территорий и наций не только сохраняющих свою национальную идентичность, но и находящихся на качественно разных уровнях цивилизационного развития.

В связи с этим, обращаясь к идее федерации как к основному принципу построения нового социалистического государства на территории бывшей Российской империи, большевики столкнулись со сложной практической проблемой: каковы пути, механизмы и формы реализации федеративной идеи в специфических и уникально своеобразных условиях России? Судя по всему, этот вопрос оказался камнем преткновения и для эсеров, в программах которых идея федерализма имела в большей степени абстрактно-декларативное, чем практическое звучание. Но у них это было недостатком теории. У большевиков после октября 1917 г. данная проблема получила существенно практический характер. Не случайно первоначальные этапы большевистской политики в национально-государственной сфере явились не чем иным, как путем «проб и ошибок».

Об этом прежде всего свидетельствуют первые законодательные акты Советской власти. Так, содержащееся в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа (январь 1918 г.) фундаментальное положение о том, что «Советская Российская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как Федерация советских национальных республик»¹⁸⁴, вызвало много сложных практических вопросов. Например, таких: о каких конкретно «свободных нациях» или «советских национальных республиках» идет речь? Предполагается ли, что этот новый «свободный союз» территориально будет совпадать с бывшей Российской империей или одновременно с объединением будет идти и процесс самоопределения наций? И наконец, каковы механизмы и этапы этого «свободного объединения» наций, формирования советской федерации?

Данные вопросы не были сняты с повестки дня и в первой Советской Конституции (июль 1918 г.). Хотя в этом Основном Законе нового государственного строя понятие «федеративный» было включено в название нового государства — «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика»¹⁸⁵, в нем отсутствовал перечень субъектов федерации, а значит, не был определен такой

---

¹⁸⁴ Образование и развитие СССР как союзного государства: Сборник законодательных и других нормативных актов. М., 1972. С. 9.

¹⁸⁵ Там же. С. 14, 16 и др.

ключевой вопрос, как территориально-географическое пространство всей федерации, в самом общем виде говорилось об основных параметрах федеративных отношений, о распределении компетенции между центром и субъектами в решении политических и экономических задач¹⁸⁶.

Можно сделать вывод о том, что новые власти ни теоретически, ни практически оказались не готовы предложить конкретные и реальные проекты нового федеративного устройства в условиях фактически распавшейся Российской империи. И первые государственные акты большевиков свидетельствовали, что они вынуждены были занять выжидательную позицию в национальном вопросе. Только в 1922 г., после окончания гражданской войны и прихода к власти в национальных окраинах пробольшевистских сил, удалось вернуться к вопросу о федерации. Но созданная в декабре 1922 г. Союзная Федерация скоро превратилась в унитарное государство с жесткими централизованными механизмами политической и экономической жизни.

С огромным потрясающим сходством центробежные процессы в национально-государственной сфере теперь уже в рамках нового государства, созданного большевиками на территории бывшей Российской империи — Советского Союза — повторяются через семь десятилетий в конце 80-х — начале 90-х гг.¹⁸⁷ Данная повторяемость проявляется в различных аспектах.

Прежде всего бросается в глаза то обстоятельство, что оба процесса распада государства имеют две фазы. Во время первой фазы наблюдаются лишь отдельные сепаратистские тенденции и явления, как правило, умеренные и скрытые. Потом происходит крупное, революционное по своему характеру событие, которое как бы выполняет роль детонатора политических изменений, после чего начинается стремительный и лавинообразный распад многонационального государства. Из проведенного выше анализа процессов в национально-государственной сфере в начале XX в. не трудно заметить, что в качестве первой фазы выделяется период с марта по октябрь 1917 г., детонатором процесса становится большевистская революция, после которой Российская империя распадается на десятки автономных политических образований.

В современный период отечественной истории первые признаки негативных, центробежных тенденций проявляются уже в пер-

---

¹⁸⁶ Там же. С. 19–26.

¹⁸⁷ Богатый исторический и документальный материал, подтверждающий данный вывод можно найти в издании: Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? М., 1992.

вые годы горбачевской перестройки. В декабре 1986 г. крупный конфликт с национальной подоплекой происходит в Алма-Ате (Казахстан), где студенты и молодежь организуют демонстрацию протеста против назначения после смерти Д. А. Кунаева на пост первого секретаря республиканского ЦК русского функционера, присланного из центра. На следующий год первые столкновения между армянами и азербайджанцами происходят в Карабахе, в которых каждая из сторон отстаивала свое право на эту автономную республику, входящую в состав Азербайджана. В апреле 1989 г. массовая демонстрация происходит в столице Грузии — Тбилиси. Основное требование демонстрантов — предоставление больших гражданских свобод, в том числе большей самостоятельности республикам. Все данные выступления населения национальных республик удается подавить только с применением силы. В 1989 г. проблема межнациональных и межгосударственных отношений серьезно обостряется после прихода к власти в Прибалтийских республиках националистически настроенных Народных фронтов (или движений), которые сразу же проводят через республиканские Верховные Советы Декларации о суверенитете, в которых провозглашается верховенство республиканских законов над союзными. Вскоре аналогичные Декларации принимают Азербайджан, РСФСР и Молдавия¹⁸⁸.

Мощным детонатором национальных процессов стал неудавшийся путч 19–21 августа 1991 г. Этот путч привел к дискредитации союзного руководства, к подрыву общесоюзных партийных и силовых структур, в значительной степени обеспечивающих целостность государства. В этих условиях сохраняющий еще определенную власть Президент СССР М. С. Горбачев предпринимает ряд противоречивых политических шагов: с одной стороны, официально признаются Прибалтийские республики, ликвидируется большинство союзных министерств, закрываются глаза на самостоятельные действия России и других республик в ключевых сферах политической и экономической жизни; с другой — проводятся регулярные встречи руководителей республик, на которых рассматриваются различные варианты сохранения единого государства¹⁸⁹.

Решающую роль в ускорении распада СССР сыграло то объективное обстоятельство, что дальнейшее существование Союза ста-

---

¹⁸⁸ Богатый исторический и документальный материал, подтверждающий данный вывод можно найти в издании: Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? М., 1992. С. 30.

¹⁸⁹ См.: *Согрин В.* Политическая история современной России. 1985–1994: От Горбачева до Ельцина. М., 1994. С. 96–97.

ло противоречить экономическим интересам России. В октябре 1991 г. Б. Н. Ельцин после некоторых колебаний объявил на V съезде народных депутатов РСФСР о начале экономической реформы по либеральному («шоковому») варианту. Реализация этого варианта была возможна только при полном контроле финансовой и денежной системы, а значит, в четко фиксированном, локализованном экономическом пространстве России, обособленном от других советских республик, которые также встали на путь самостоятельного экономического развития, но решили играть по существенно иным правилам¹⁹⁰. Последний мощный толчок распаду СССР пришел (как и в 1917–1918 гг.) с Украины. 1 декабря 1991 г. на референдуме 70% украинских избирателей проголосовало за полную независимость Украины¹⁹¹. После этого распад СССР становится неизбежным, что фактически происходит 8 декабря 1991 г. в Белоруссии, где лидеры России, Украины, Белоруссии подписывают Соглашение, в котором констатируется, что «Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование»¹⁹².

Вопрос о причинах распада СССР в начале 90-х гг. с тех пор неизменно находится в центре научных и политических дискуссий. В. Согрин так формулирует одну из наиболее распространенных позиций: «Признавая значение субъективных факторов, просчетов и амбиций тех или иных лидеров в процессе распада СССР, нельзя сбрасывать со счетов объективные его причины. Одна из них по своему характеру универсальная: мировой опыт свидетельствует, что многонациональные государственные образования, подобные СССР, рано или поздно разрушались, рок распада висел над теми из них, которые управлялись «железной рукой», и над теми, в которых использовались либеральные методы...». То, что произошло в начале 1990-х гг. в СССР, можно рассматривать как реванш, взятый историей у революционно-интернациональной политической партии, и как свидетельство того, что «обвал Российской империи в 1917 г. отнюдь не был случайностью»¹⁹³. В. Согрин объясняет распад СССР некими общемировыми тенденциями и закономерностями разви-

---

¹⁹⁰ См.: *Май В. А.* Экономика и политика. Политическая история экономической реформы в России. 1985–1994 гг. М., 1995. С. 42–45.

¹⁹¹ См.: *Согрин В.* Политическая история современной России. 1985–1994: От Горбачева до Ельцина. С. 97.

¹⁹² Современный политический процесс в России: Учебно-справочное пособие. Ч. 1. С. 95.

¹⁹³ *Согрин В.* Политическая история современной России. 1985–1994: От Горбачева до Ельцина. С. 100–101.

тия империй. Такое обобщение вполне правомерно, поскольку подтверждается богатым историческим опытом. Но все же его недостаточно для полной интерпретации российских процессов. И прежде чем искать ответ на вопрос: «Почему всегда распадались империи?» — надо понять, в силу каких объективных причин и факторов эти, как правило, огромные и внутренне противоречивые государственные системы могли существовать в течение длительного времени (иногда несколько веков).

Эту относительную устойчивость империй можно объяснить только одним предположением: они имели мощные объединительные факторы, скрепы, которые на протяжении длительного времени создавали центростремительную силу внутри этих систем.

Сравнительное изучение истории различных империй показывает, что такими факторами выступали, во-первых, взаимные социально-экономические или геополитические интересы государственного ядра и периферии в совместном развитии и, во-вторых, авторитарная государственная власть в империи, которая позволяла жестко и быстро подавлять любые, в том числе и националистические, выступления против существующего государственного порядка.

Действие данных факторов совершенно определенно просматривается и в процессе формирования Российской империи. Разумеется, нельзя отрицать того, что расширение географического пространства Российского государства происходило с применением вооруженной силы и путем завоевания относительно самостоятельных территорий. Но зачастую важнейшим фактором было не насилие, а фактическое совпадение интересов, что не только обуславливало стремление России к овладению определенными периферийными районами, особенно теми, которые обеспечивали выход к морям и сырьевым запасам, но и толкало эти народы под патронаж России¹⁹⁴. Например, в конце XVIII – начале XIX в. совпали военно-стратегические интересы России и государств Закавказья. Православные Грузия и Армения, оказавшись зажатыми между Россией и мусульманской Турцией, разумеется, предпочли покровительство России взамен своей государственной независимости. Россия же в свою очередь заметно укрепляла собственные позиции на северном побережье Черного моря в противостоянии с той же Турцией и другими мусульманскими странами этого региона.

---

¹⁹⁴ Многочисленные подтверждения этому выводу можно найти в издании: Под стягом России: Сборник архивных документов. М., 1992.

Совпадение интересов России и других государств произошло в XIX в. и в Средней Азии. России необходимо было присоединение этого региона как по причинам военно-стратегическим (необходимость отодвинуть южные рубежи России дальше от срединных районов империи в обстановке усиления влияния в этом регионе мира Англии), так и экономическим (новые залежи полезных ископаемых и сырья, запасы продовольствия и т. д.). Но и народы этого региона, находящегося на весьма низкой ступени социально-экономического и культурного развития, видели совершенно очевидные преимущества от патронажа могучей и относительно развитой в экономическом отношении России. И подобные надежды очень скоро оправдались, ибо именно Россия принесла населению этого региона такие плоды цивилизации, как система здравоохранения и образования, с помощью русского языка приобщила его к мировым достижениям науки и культуры, способствовала достаточно быстрому и заметно-му повышению уровня жизни населения.

Проявлялось объединительное действие и другого фактора — авторитарной власти самодержавного российского монарха. В начале XIX в. в Российской империи окончательно сложился государственный режим, который создал в кадровом и идеологическом отношении ориентированные преимущественно на славянско-православный этнос военно-административную и правоохранительную системы и который оказался способным на протяжении многих десятилетий эффективно нейтрализовать и сглаживать национальные противоречия, своевременно пресекать различные проявления национализма.

Именно действие двух указанных выше факторов и стало в XVIII–XIX вв. объективной основой и движущей силой объединительного процесса на территории евроазиатского субконтинента, что в конечном итоге и привело к образованию Российской империи и к сохранению на протяжении длительного времени ее целостности. Вообще, исторический опыт свидетельствует, что стабильность и целостность Российского государства как имперской полиэтнической системы находились всегда в прямо пропорциональной зависимости от действия вышеуказанных факторов. Как только сила и значимость этих факторов начинали по объективным причинам ослабевать, так сразу же происходила дестабилизация национально-государственных отношений, набирали силу тенденции, ослабляющие и разрушающие целостность единого Российского государства.

Особенно заметно данные тенденции проявились в конце XIX – начале XX в., так как именно к этому времени произошло заметное ослабление сдерживающих, объединительных факторов.

В результате кардинальных перемен в мировой геополитической ситуации в конце XIX в. (фактический крах Османской империи, создание военно-политического блока России, Англии и Франции и т.д.) отпала жесткая необходимость военно-политического патронажа России над рядом национальных окраин. Одновременно с этим неизмеримо возрос экономический и социокультурный уровень многих окраинных регионов, что способствовало стремлению к более самостоятельному развитию. Изменился и этнический состав населения империи в сторону увеличения доли представителей нерусских национальностей. За три последних десятилетия XIX в. эта доля увеличилась на 7,5%. К концу века русские (включая малороссов и белоруссов) стали составлять только 65% от общего населения России¹⁹⁵.

В начале XX в. произошло также существенное ослабление авторитарной системы власти. В соответствии с рядом царских манифестов 1905–1906 гг. в России был создан представительный орган — Государственная дума, легализовалась политическая оппозиция, образовалась многопартийная система. В этих условиях в стране, особенно на окраинах, появились и фактически открыто начали действовать общественно-политические движения, проповедующие идеи национальной автономии, самостоятельности в различных областях общественной жизни.

Таким образом, и здесь мы обнаруживаем действие закона прямо пропорциональной зависимости силы объективных скрепляющих факторов и целостности российской имперской системы. Теперь только наблюдался обратный эффект: ослабление объединительных факторов в начале XX в. неизбежно привело к постепенному нарушению единства и целостности российского общества. Мировая война и революционные события 1914–1917 гг. заметно ускорили этот процесс.

Но здесь перед нами встает другой, не менее важный вопрос: почему в конце 1918 – начале 1919 г. произошел поворот в развитии разрушительных тенденций и началось постепенное объединение распавшегося государства?

---

¹⁹⁵ Подсчитано по: Энциклопедический словарь. Россия. Ф.А.Брокгауз и И.А.Эфрон. Спб., 1898. С. 86; Малый энциклопедический словарь. Ф.А.Брокгауз и И.А.Эфрон. Т. 4. Спб., 1909. С. 1244–1246.

Как отмечалось выше, сохранение унитарного Российского государства в том виде, каким оно сформировалось к началу XX в., по объективным причинам было уже невозможно. Но и цепная реакция распада и дробления бывшей империи в 1917–1918 гг. являлась другой крайностью. Государственную самостоятельность в результате этого распада получили не только те территории, которые ее когда-то имели, но и те, которые никогда ее не имели и год-два до этого о такой самостоятельности даже и не помышляли. Такой распад противоречил реальным интересам народов, которые населяли бывшую империю, затруднял и даже делал невозможным нормальную хозяйственную жизнь.

Поэтому, признавая объективный характер процесса ослабления взаимного социально-экономического и геополитического интереса как материального фактора обеспечения единства и целостности Российской империи в начале XX в., нельзя вместе с тем не понимать, что этот интерес на данном историческом этапе еще не исчерпал себя полностью и продолжал сохранять свой пусть и ослабленный потенциал. Ведь в течение многих десятилетий на огромном евроазиатском пространстве формировался единый хозяйственный организм с общей транспортной системой, с общественным разделением труда и кооперацией производства; национальные окраины продолжали еще нуждаться в технической и кадровой помощи со стороны России и т. д. Именно это и стало объективной базой для нового объединения Российского государства, которое осуществили большевики в 1921–1922 гг.

Для этого объединения в тех условиях существовал и еще один фактор. В процессе большевизации бывших национальных окраин в независимых государствах стали устанавливаться однотипные социально-политические режимы коммунистической ориентации. В соответствии с марксистской доктриной, которую проповедовали лидеры этих режимов, коммунизм рассматривался как общемировой процесс, неизбежно приводящий к образованию мирового коммунистического сообщества. В рамках этой логики существование независимых коммунистических государств, которые совсем недавно являлись частями единой империи, представлялось нецелесообразным и даже противоестественным.

Так, в новых условиях на российском национально-государственном пространстве возникло новое равновесие центростремительных и центробежных сил. Но это равновесие было вызвано уже другими, чем в XVIII–XIX вв., условиями и обстоятельствами и поэтому требовало новых форм государственного единства и це-

лостности. Как бы сама жизнь поставила перед большевиками задачу поиска между крайностями унитаризма и распада новых уникальных моделей национально-государственного устройства России. Решение этой задачи они пытались найти в идее федерализма. Но, к сожалению, такие попытки оказались неудачными.

В конечном итоге произошел возврат к новому унитаризму, и объективно назревшая проблема изменения формы национально-государственного единства России искусственно затушевывалась и на несколько десятилетий была загнана вглубь. Новое унитарное государство, возрожденное на основе еще не исчерпанного взаимного интереса центра и окраин, получило вторую важную скрепу — авторитарный коммунистический режим.

Нечего удивляться и тому, что в конце 80-х – начале 90-х годов старая проблема вырвалась наружу и привела к еще более разрушительным, чем в начале века, последствиям для единства Российского государства.

Таким образом, политическая демократизация российского общества в двух важнейших его сферах — в системе государственной управления и в сфере национально-государственного устройства — дважды в XX в. приводила к негативным, разрушительным результатам.

Какой же выход из сложившейся критической ситуации находило российское общество (а вместе с ним и российские реформаторы)? Таким выходом становилась *сильная централизованная власть*.

Следует заметить, что такая метаморфоза демократического процесса, фактически альтернатива этого процесса, рождалась внутри него самого. Под давлением объективного хода событий шел болезненный процесс переориентации и перерождения демократических лидеров и настроений в обществе в целом.

Подтвердим данный вывод анализом конкретных исторических фактов. Сначала 1917 год.

После июльских событий идея о необходимости сильной исполнительной власти в России становится центральной темой политических дискуссий. Так, 19 июля Временный комитет Государственной думы, обращаясь к Временному правительству, в открытой форме ставит вопрос о том, что стране нужна «твердая и сильная власть, которая сурово потребовала бы от каждого и всех выполнения своего долга»¹⁹⁶. В самом конце июля с требованием к Временному пра-

---

¹⁹⁶ Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Революционное движение в России 1917 г. Июльский кризис. С. 318.

вительству стать «сильной и независимой властью» выступил Девятый съезд Партии народной свободы¹⁹⁷.

К аналогичному выводу склоняются в этот период и лидеры умеренных социалистов, входящих в правительственную коалицию. Н. Д. Авксентьев (лидер эсеров) 13 июля призывал: «Мы не можем медлить с самыми решительными мерами и должны определенно продиктовать свою волю... Довольно дискуссий... Мы должны провести в жизнь диктатуру революционной демократии»¹⁹⁸. Ю. О. Мартов (лидер меньшевиков) необходимость диктатуры излагал в виде лаконичной формулы: «Временная политическая диктатура или полнота власти всех демократических слоев буржуазного общества является неизбежной фазой развития всякого глубокого переворота, преобразующего сословно-полицейское государство в современно-буржуазное»¹⁹⁹.

Что касается большевиков, то для них идея сильной власти (диктатура пролетариата) уже с апреля 1917 г. является практической задачей. VI съезд партии (конец июля – начало августа) прямо призвал к непосредственной подготовке к вооруженному восстанию «для взятия государственной власти в свои руки»²⁰⁰. Какова политическая цель этого восстания и какую форму приобретет новая власть, — прямо вытекало из марксистской доктрины, которую проповедовали большевики, — установление пролетарской диктатуры.

Тема «сильной власти» стала главной и на Государственном совещании в Москве, проходившем 12–15 августа 1917 г. На этом совещании выступило около 80 человек, и более половины из них прямо говорили о необходимости установления в России сильной исполнительной власти. Обнаружилось между тем два понимания такой власти. Одни отстаивали уже известное мнение о том, что этой сильной властью должно стать правительство Керенского путем придания ему дополнительных и даже неограниченных функций и полномочий. Другие в несколько завуалированной форме высказывались за передачу этой власти в руки военных, имея в виду прежде всего главнокомандующего русской армией Л. Г. Корнилова. Надо отметить, что впервые эта мысль прозвучала накануне Государственного совещания в резолюции Московского совещания общественных деятелей. В этой революции говорилось о том, что необходимо правительство, которое «решительно порвет со всеми сле-

---

¹⁹⁷ Политические деятели России. 1917: Биографический словарь. М., 1993. С. 380.

¹⁹⁸ Там же. С. 11.

¹⁹⁹ Там же.

²⁰⁰ Шестой съезд РСДРП(б). Протоколы. М., 1958. С. 256–257.

дами зависимости от каких бы то ни было комитетов, Советов и других подобных организаций»²⁰¹. Поскольку в то время мало кто еще верил, что Керенский способен на такой шаг, то в данной резолюции совершенно очевидно просматривалось предпочтение другим силам.

Приведенные факты убедительно свидетельствуют о том, что после июльских событий практически все влиятельные политические силы видели выход из сложившегося критического положения в усилении исполнительной власти, придания ей неограниченных, диктаторских полномочий. Можно предположить, что мало кто в то время задумывался над природой этой ситуации. Все исходило из реального опыта и эмпирического вывода о том, что созданная после крушения монархии демократическая коалиционная исполнительная власть и построенная снизу доверху система представительных органов в виде Советов не работает, она не способна решить ни одну из наболевших общественных проблем и даже усугубляет своими действиями катастрофическую ситуацию в стране. Таким образом, постсамодержавные структуры оказались как бы неадекватными политической ситуации, явились неэффективной государственной формой переходного периода.

Один из исследователей данной проблемы, М. М. Горинов, акцентирует внимание на экономической подоплеке этой ситуации. Он считает, что вследствие «слабости национальной буржуазии роль лидера-локомотива, тянущего общество по капиталистическим рельсам», стала выполнять «этакратия» (государственные деятели, не являющиеся сами буржуа), которая выполняла эту роль нерешительно и непоследовательно. Отсюда конфликты, социальная напряженность и т. д. В этих условиях, по мнению М. М. Горинова, решить проблемы России мог только жесткий авторитарный режим, диктаторское «государство развития», нацеленное на десятилетия социально-экономических реформ²⁰².

Думается, что экономика и политика в постсамодержавном процессе 1917 г. сплелись в единый клубок. Россия одновременно нуждалась как в политическом, так и в экономическом обновлении. Но оказалось, что без сильного государственного регулятора как механизма, одновременно и стимулирующего и сдерживающего переходный процесс, невозможно было, с одной стороны, сразу, непо-

---

²⁰¹ Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Революционная ситуация в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа. М., 1959. С. 362.

²⁰² Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994. С. 154.

средственно перейти от монархического режима к демократической системе власти, а с другой — провести неотложные социально-экономические преобразования в стране.

Именно поэтому в период с августа по октябрь 1917 г. различные политические силы переходят от дискуссий о диктатуре к реальным действиям. Так, получив в начале июля «неограниченные полномочия» от Советов, на путь усиления своей власти становится Временное правительство. Принимается целый ряд законов и постановлений, которые сам Керенский назвал «железными». 12 июля Временное правительство объявляет о введении смертной казни на фронте и об учреждении «военно-революционных судов». В соответствии с этой мерой избранные по жребию три офицера и три солдата могли принимать любые карательные решения вплоть до смертной казни. Эти приговоры немедленно вступали в силу и приводились в исполнение²⁰³. 13 июля закрывается государственная граница²⁰⁴. В этот же день вводятся ограничения свободы печати, по которым без суда могли закрываться любые газеты и редакторы привлекаться к судебной ответственности²⁰⁵. 21 июля министр внутренних дел И. Г. Церетели отправляет на места специальный циркуляр, в котором содержатся такие слова: «За попытки проводить какие бы то ни было противоречащие политике Временного правительства действия, а тем более за содействие и попустительство захватам и самочинным действиям каких-либо групп и контрреволюционным начинаниям я буду предавать виновных в том комиссаров суду. Нет места колебаниям и разрозненным действиям; спасти страну от распада может только сильная объединенная власть»²⁰⁶. И наконец, постановлением от 2 августа комиссарам на местах давалось исключительное право без суда принимать решение «о заключении под стражу лиц, деятельность которых представляется особо угрожающей обороне государства, внутренней его безопасности и завоеванной революцией свободе»²⁰⁷. Еще до этого, 28 июля, постановлением Временного правительства министрам военному и внутренних дел дается право запрещать собрания и съезды²⁰⁸. Ряд аналогичных

---

²⁰³ Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис. С. 300–301.

²⁰⁴ Там же. С. 304.

²⁰⁵ Там же. С. 300.

²⁰⁶ Там же. С. 319–320.

²⁰⁷ Там же. С. 329–330.

²⁰⁸ Там же. С. 326.

мер предпринимается Временным правительством и во второй половине августа.

Одновременно с этим происходит и другой процесс. Все более громко и открыто свои претензии на власть начинают предъявлять военные, которые на передний план выдвигают генерала Л. Г. Корнилова. Еще до Государственного совещания Л. Г. Корнилов представил во Временное правительство согласованную с Б. В. Савинковым записку, в которой излагалась программа выхода России из кризиса в условиях войны с Германией. Эта программа предусматривала создание «армии в окопах, армии в тылу и армии железнодорожников», т. е. подчинение военной дисциплине основных видов общественной деятельности²⁰⁹, а также введения смертной казни в тылу²¹⁰.

В 20-х числах августа между Корниловым и Керенским (напрямую и через посредников) велись интенсивные переговоры, на которых на первых порах реально вырисовывалась перспектива компромисса, предполагавшего уступки с обеих сторон. Уступки со стороны Керенского Корнилов сформулировал следующим образом: «1) передать всю власть военную и гражданскую в руки верховного главнокомандующего и 2) отставка всех нынешних министров, не исключая и министра-председателя...»²¹¹. В дальнейшем при организации нового государственного порядка Корнилов допускал установление как единоличной, так и коллективной диктатуры в зависимости от обстоятельств²¹². Со своей же стороны Корнилов обязывался не порывать полностью с демократическим лагерем и предлагал ввести в новое правительство представителей этого лагеря, в частности Керенского и Савинкова.

Как известно, такому компромиссу не суждено было воплотиться в действительность. Наоборот, события стали развиваться по пути открытой конфронтации сторон, что в исторической литературе получило название «корниловский мятеж». Почему же не смог-

---

²⁰⁹ Политические деятели России. 1917: Биографический словарь. С. 166.

²¹⁰ Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа. М., 1959. С. 422, 626 (примеч. № 215). Необходимо отметить, что данные предложения Корнилова, вызвавшие бурю негодования в демократическом лагере в августе 1917 г., через два-три месяца были реализованы большевиками, но уже в гораздо более жестких формах и громадных масштабах.

²¹¹ Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа. С. 428, 441.

²¹² Там же. С. 450.

ли договориться Керенский и Корнилов? Этот вопрос еще ждет своих исследователей²¹³. Но совершенно ясно одно: именно конфликт между Керенским и Корниловым предопределил трагический финал послефевральской демократии. Примечательны в этой связи слова В. А. Маклакова о корниловском мятеже: «Это больше, чем преступление. Это ошибка»²¹⁴.

Причем это была ошибка не только Корнилова, но и Керенского. Компромисс этих сил (на какой основе и на каких условиях — это другой вопрос) еще давал в той ситуации шанс создать новую более эффективную структуру власти. Вне этого компромисса возможности такой власти были очень призрачны.

После разгрома корниловских частей Керенский предпринимает отчаянную попытку стабилизировать положение. Создается Директория как прообраз сильного и независимого правительства. Но образование это изначально мыслится как временное, переходное. Вне коалиции Керенский по-прежнему не видит перспективы.

Дело в том, что кроме серьезных политических ошибок, которые допустил Керенский в июле–августе, было и еще одно обстоятельство, изначально не позволявшее ему организовать сильную государственную власть. Этим обстоятельством была догматическая вера в святость и всеисилие демократии. Керенский как бы попал в «доктринальную ловушку»: догмы революционной демократии не позволяли ему — представителю демократического лагеря — стать диктатором России. Этим революционно-романтическим вирусом были заражены многие деятели умеренных социалистических партий, которые много говорили о необходимости сильной власти, диктатуре, но мало что делали на практике.

Размышляя в эмиграции над причинами поражения демократии, один из ее лидеров, И. Г. Церетели, был вынужден сделать следующее признание (1929 г.): «...Была одна проблема, которая требовала решения в первую очередь и практическое разрешение которой оказалось не под силу революционной демократии. Это была проблема государства, проблема создания твердой власти, опирающейся на демократические настроения массы и способной защитить заво-

---

²¹³ Новые и интересные материалы по этому вопросу см.: *Штурман Д.* У края бездны. Корниловский мятеж глазами историков и современников // *Новый мир.* 1993. № 7. С. 219–227.

²¹⁴ История. Еженедельное приложение к газете «Первое сентября». 1994. № 43. С. 1.

евания революции не только от угрозы реакции, но и от атак левого максималистского меньшинства»²¹⁵.

Лидеры большевиков оказались в этой ситуации в лучшем положении. Проповедуя диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства, они не испытывали сомнений и противоречий ни в трактовке доктрины, ни при ее практическом воплощении.

Таким образом, если подвести итоги анализа политического процесса в России во второй половине 1917 г., то можно сделать вывод о том, что предпринимались попытки установления диктатуры по меньшей мере в трех вариантах:

Первый. Диктатура военных и верхушки буржуазии (с поддержкой кадетов) и при участии некоторых представителей демократического лагеря. Попытку установить такую диктатуру предпринял генерал Корнилов в конце августа. Достаточно быстрое поражение этих сил было обусловлено полным отрывом их от Советов, что в тех условиях делало нежизнеспособной любую политическую силу.

Второй. Диктатура Керенского как представителя демократического лагеря («демократическая диктатура»), имеющего хорошие контакты и влияние среди определенных буржуазных кругов и военных. Эта диктатура не состоялась, поскольку к этому оказался не готов прежде всего сам Керенский и его окружение.

Третий. Диктатура большевиков под прикрытием марксистского доктринального положения о диктатуре пролетариата как государственной форме перехода к социализму. Именно этот вариант диктатуры и реализовался на практике.

Возникает вопрос: существовала ли вообще в России в 1917 г. какая-то гипотетическая альтернатива большевистской диктатуре? Спор на эту тему ведется уже давно. Прежде всего различаются как бы два варианта, типа этой альтернативы: демократическая альтернатива большевикам и альтернатива в виде другой диктатуры. Что касается первого варианта, то он активно обсуждался и обсуждается в различных дискуссиях. И всегда находятся как сторонники, так и противники признания «демократической альтернативы». Сторонники данной идеи были и на первой свободной дискуссии по проблемам 1917 г., состоявшейся в октябре 1988 г.²¹⁶ и на дискуссии 1993 г., где эта тема обсуждалась уже более активно. Один из ее участников, Л. Г. Протасов, высказал твердое убеждение, что

---

²¹⁵ *Церетели И. Г.* Воспоминания о Февральской революции. Кн. 2. Париж, 1963. С. 415.

²¹⁶ Россия. 1917 год. Выбор исторического пути. М., 1989. С. 63, 102–103, 117.

есть основания «видеть в Учредительном собрании несостоявшуюся демократическую альтернативу большевистскому режиму»²¹⁷. Расчет здесь строится на том, что у социалистов (без большевиков) на Учредительном собрании было большинство мест.

Данный вывод вызывает серьезные сомнения. Власть социалистического большинства Учредительного собрания — это власть эсеров и меньшевиков. Спрашивается: что мешало им взять под контроль ситуацию в стране, когда на протяжении шести месяцев эта власть (в несколько иной форме) им уже принадлежала? Вообще в рассуждениях о возможности «демократической альтернативы» обнаруживается не столько опора на факты и реалии, сколько надежда на то, что история не могла не оставить для России шанс на более цивилизованный, чем большевистский, выход из катастрофической ситуации 1917 г.

К сожалению, необходимо констатировать, что в 1917 г. Россию могла спасти не «демократическая альтернатива» или какая-то разновидность коллегиально-демократической власти, а только та или иная разновидность диктатуры.

Такая сильная власть была необходима не только для того, чтобы наладить управление политической и хозяйственной жизнью в условиях разрухи, но и для того, чтобы остановить процесс распада самого государства на отдельные, политически независимые друг от друга части. Решая эти вопросы, большевики попали в сложную ситуацию: с одной стороны, рост национального самосознания окраин бывшей империи не позволял сразу объявить строительство нового унитарного государства, а с другой — провозглашенная ими более демократическая форма национально-государственного устройства — федерация также повисала в воздухе, так как никто не знал, как в условиях России можно создать федеративное государство. Жизнь решила и эту проблему. Начиная с 1922 г. происходит постепенный процесс унитаризации нового социалистического государства.

В любом случае история однозначно свидетельствует о том, что остановить прогрессирующий развал экономики, «собрать» распавшуюся империю стало возможно в 1919–1922 гг. не на демократической основе, а при помощи сильной диктаторской власти.

События в СССР к концу 80-х – началу 90-х гг. на новой исторической основе возрождают и эту тенденцию. Начинает проявлять себя специфическая и даже парадоксальная особенность процес-

---

²¹⁷ Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. Спб., 1994. С. 134.

са демократизации политической жизни: по мере возрастания роли представительных органов власти в принятии важнейших государственных решений (Съезда народных депутатов и Верховного Совета, избранных в 1989 г. на относительно свободных выборах), происходящего в условиях постепенного ослабления диктатора КПСС, под давлением конкретных и объективных обстоятельств политического и экономического развития страны усиливается исполнительная власть (Президент СССР и Правительство СССР). Эта тенденция явно нарастает в последний период существования союзного государства, когда вопрос о предоставлении дополнительных полномочий Горбачеву становится постоянным пунктом в повестке дня Съездов народных депутатов и заседаний Верховного Совета СССР. С еще большей силой действие данной тенденции обнаруживается в российском политическом процессе.

В развитии данной тенденции можно выделить несколько стадий. Первая — это учреждение поста Президента России и избрание на эту должность в 1991 г. Б. Н. Ельцина. Сама по себе эта акция проводилась по аналогии со структурами власти союзного центра, но одной из ее очевидных целей было укрепление не только исполнительной, но и всей государственной власти в России в условиях нарастающего противоборства с союзным центром. К этой же фазе следует отнести и первые месяцы функционирования президентской власти в России, когда реальные проблемы общественной жизни заставляли высшие представительные органы решать вопрос о предоставлении дополнительных полномочий Президенту России. Вторая фаза — это противостояние Ельцина и Верховного Совета (Съезда народных депутатов), логика и ориентиры которого привели не к оптимальному распределению полномочий между данными ветвями власти, а, наоборот, к победе одной (Президента) над другой. И наконец, третья фаза наступает после декабря 1993 г., когда в новой российской конституции уже законодательно закрепляется положение, в соответствии с которым Президент обладает значительно большими правами и полномочиями, чем представительная власть (Федеральное Собрание) и получает реальные властные рычаги влияния не только на исполнительную, но и на законодательную сферу государственной жизни.

Приведенные выше наблюдения и выводы имеют эмпирический характер и знакомы любому исследователю и просто наблюдателю современного политического процесса в России. Но в отличие от начала XIX в. в арсенале аналитиков сейчас есть целый ряд научных методов изучения политической жизни, и в частности такой, как ис-

следование общественного мнения по различным аспектам, которое при сопоставлении различных методик может дать достаточно достоверную картину многих скрытых линий развития политического процесса.

Возьмем, например, итоги опросов, которые регулярно проводит Фонд «Общественное мнение». Так, на вопрос (начало 1995 г.): «Как следовало проводить перестройку?» — 27% респондентов ответили: «Не разрушая социалистического строя», а 18% предпочли ответ: «Решительно развивая рыночные отношения в экономике, но не торопясь с введением демократии»²¹⁸, т. е. 45% из опрошенного населения России считают демократизацию советского общества неправильной акцией. В более конкретизированном виде та же общественная позиция набирает еще больше сторонников. Перед респондентами было поставлено два вопроса, на каждый из которых можно было дать только по одному ответу — «да» или «нет»: «Хотели бы Вы, чтобы вернулась жизнь, какой она была при Л. Брежнев?» и «Хотели бы Вы, чтобы вернулась жизнь, какой она стала при М. Горбачеве?» Суммарно утвердительно («да» и «скорее да») на первый вопрос («При Брежнев») ответили 55%, на второй («При М. Горбачеве») — лишь 10%²¹⁹. А что, по мнению российского населения, нужно было делать на самом деле? Для получения ответа на данный вопрос при проведении опроса Фондом «Общественное мнение» акцентировалось внимание респондентов на наиболее болезненных экономических проблемах. И сам вопрос был сформулирован следующим образом: «Являетесь ли Вы сторонником введения режима «жесткой руки» в экономических целях?». Зимой 1995 г. утвердительно на этот вопрос ответили 55%²²⁰. Причем сторонники «жесткой руки» представляют самые различные, даже полярные политические силы. Так, за «введение режима «жесткой руки» для защиты и поддержки частного сектора» высказываются 34% респондентов, а для защиты государственного сектора экономики — 49%²²¹. Разумеется, что сама формулировка «режим жесткой руки» является достаточно неопределенной, в связи с чем разными респондентами в нее может вкладываться разное содержание. Поэтому интересны ответы на вопрос, в котором данная проблема фор-

---

²¹⁸ Клямкин И. М., Лапкин В. В., Пантин В. И. Между авторитаризмом и демократией // Полис. 1995. № 2. С. 59.

²¹⁹ Общая газета. 1995. № 17. 27 апреля – 3 мая. С. 8.

²²⁰ Клямкин И. М., Лапкин В. В., Пантин В. И. Между авторитаризмом и демократией // Полис. 1995. № 2. С. 80.

²²¹ Там же. С. 77.

мулируется в широко употребительных понятиях. Так, на вопрос о том, как Вы относитесь к суждению: «Для спасения России нужна диктатура, а не демократия», только 25% респондентов ответили «согласен», а 49% — «не согласен»²²². Является ли это позицией достаточно широких слоев населения или негативные эмоции вызывает само понятие «диктатура»? Определенный ответ на данный вопрос дает исследование Экспертного института РСПП. Перед респондентами был поставлен эмоционально нейтральный, но по существу конкретный и понятный вопрос: «Как вы считаете, что сейчас России нужно больше: порядок или демократия?». Получилась совсем другая картина: «за порядок» — 75,5%, «за демократию» — только 8,7%²²³. То же самое подтверждает и мониторинг ВЦИОМ. Из предложенных 10 вариантов на вопрос: «Что в первую очередь Вы ждете от президента, за которого Вы могли бы проголосовать?» — наибольший рейтинг в апреле 1996 г. наряду с ответом: «Покончить с войной в Чечне» (57%) получил ответ: «Обеспечить укрепление закона и порядка» — 56%. Для сравнения, ответ: «Удержать Россию на пути реформ» — 15%²²⁴.

Резюмируя анализ фактов современной политической истории России, а также приведенные данные социологических опросов, получаем вполне определенный вывод: в отечественном политическом процессе в настоящее время существует тенденция усиления исполнительной государственной власти, тенденция, отражающая как объективную ситуацию в различных сферах общества, так и умонастроения и ожидания широких слоев населения.

* * *

Мы проанализировали в сравнительном плане ряд тенденций и особенностей политического развития России на двух переломных этапах ее истории в XX в. — в 1917–1920-х гг. и в конце 80-х — начале 90-х гг. Из этого сравнительного политологического анализа вытекают, на наш взгляд, два бесспорных вывода.

Первый. Два раза в XX в. политическая демократизация российского общества очень быстро приобретала деструктивный характер и приводила к разрушению важнейших, в том числе и жизнеспособных, структур и связей в различных социальных сферах. Новая демократическая система государственного управления, попытки соз-

---

²²² Клямкин И. М., Лапкин В. В., Пантин В. И. Между авторитаризмом и демократией // Полис. 1995. № 2. С. 83.

²²³ См.: Известия. 1995. 15 ноября.

²²⁴ См.: Сегодня. 1996. 18 апреля.

дания которой предпринимались усилиями постмонархических и постсоветских реформаторов, оказывалась неспособной управлять обществом в переломный период. Наоборот, в рамках этой системы наступала обстановка государственного, правового, хозяйственно-го хаоса и безвластия. Разрушительные и центробежные процессы начинались и в национально-государственной сфере. Государство и общество разваливалось по вертикали и по горизонтали. Все это сопровождалось прогрессирующей духовной и культурной деградацией широких слоев населения.

Второй. Остановить процесс общественного и государственного распада и деградации удавалось (относительно постсамодержавного периода об этом свидетельствуют исторические факты, а относительно современного этапа — как уже произошедшие события, так и тенденции, направленность которых становится все более очевидной) *только путем возврата к новому авторитаризму*, путем сосредоточения основных рычагов государственной власти в руках централизованных политических структур.

Думается, что ответы на возникающие в связи с этими выводами «почему?» позволят нам правильно определить сущность современного переходного процесса, его место в историческом генезисе российского общества, а также адекватные стратегические ориентиры преобразовательных процессов в современном российском обществе.

6. Социальная историческая динамика в системе «Россия – Восточная Европа – Запад»

Преобразования в современной России имеют не только внутреннее, национальное, но и международное измерение.

Распад мировой социалистической системы в конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого века впервые после второй мировой войны привел к кардинальному изменению геополитической картины мира. Важнейшим фрагментом этих перемен стала переориентация стран Восточной и Центральной Европы от военно-политического и экономического союза с СССР (Россией) к отчуждению отношений с этой великой державой и, наоборот, от конфронтационной позиции по отношению к Западу к сближению и даже военно-политическому союзу с США и НАТО. Конечно, такие глубокие сдвиги в международных отношениях не могут не стать предметом острых дискуссий как среди политиков, так и в научном сообществе.

Главный вопрос, который неизменно возникает в подобных дискуссиях на протяжении последних лет, состоит в следующем: *каковы причины* этих кардинальных перемен?

При всем многообразии концептуальных или конъюнктурных подходов и моделей, пытающихся дать ответ на искомый вопрос, все они имеют одинаковый изъян — причины перемен ищут исключительно в новейшей или даже современной истории. На самом же деле, думается, подлинные истоки глобальных социальных сдвигов в конце XX в. следует искать в контексте гораздо более масштабных и длительных ретроспективных сравнений.

Что касается взаимоотношений России и Восточной Европы, то их также трудно правильно понять и оценить только через призму последних десятилетий, необходимо заглянуть вглубь хотя бы двухвековой истории.

Восточная Европа расположена между Западом и Россией. Эта географическая реальность на протяжении многих веков создавала сложную систему взаимодействия данного региона с мощными соседствующими центрами мирового сообщества.

В последние два десятилетия отношения России и государств Восточной Европы претерпели кардинальные изменения. Из союзников по Варшавскому Договору и СЭВ эти страны в большинстве своем превратились по отношению к России в жестких политических и экономических партнеров. Такая метаморфоза привела, по сути, к полному замешательству во внешнеполитической деятельности России по данному направлению. В лучшем случае политика строится по принципу: «Не навреди!»

Нет понимания исторического места и роли восточноевропейского региона в системе взаимоотношений России и Запада, понимания того, что геополитическая переориентация Восточной Европы — это далеко не повое явление в мировой истории.

Действительно, если проанализировать историческую эволюцию взаимоотношений стран Восточной Европы и России на протяжении последних полутора веков, то можно легко выявить следующую закономерность — в периоды политической стабилизации и экономического подъема в России усиливается пророссийская ориентация Восточной Европы. В отношениях России и восточноевропейских стран начинают преобладать солидарность, консолидация, взаимопонимание, и одновременно с этим ослабляются связи этих стран с Западом.

И, наоборот, в кризисные периоды российской истории в ее отношениях с Восточной Европой наблюдаются прямо противо-

положительные тенденции и явления. Так, в конце XIX – начале XX вв., когда Россия вступила в полосу экономического бума и социально-политических реформ, ее связи со многими странами Восточной Европы заметно укрепляются. Ориентация различных слоев общества и политических сил (хотя и под разными идеологическими лозунгами) на Россию в противоборстве с австрийским и турецким влиянием и диктатом становится в этот период решающим фактором социально-политического развития восточноевропейского региона. Фактически в конце XIX в. Восточная Европа была поделена на две зоны влияния: Германии и Австро-Венгрии, которая охватывала часть Польши, Венгрии, Хорватию, Боснию и Герцеговину, и зона влияния России, которая охватывала Румынию, Болгарию, Сербию и Черногорию.

В этот период возрастает не только патронажное политико-государственное влияние России на государства, входящие в ее зону влияния, но духовно-идеологическое влияние и на другие государства Восточной Европы, в которых проживали преимущественно славянские народы. Это обстоятельство во многом и определило соотношение сил накануне Первой мировой войны. В конечном итоге и главной причиной этой войны стало неразрешимое мирным путем противоречие интересов Германии, которая стояла за спиной австрийской военщины, формально развязавшей войну, и России в восточно-европейском регионе, в частности, на Балканах.

Главная цель России в Первой мировой войне состояла, безусловно, в упрочении своих позиций на Балканах и всей Восточной Европе. В исторической литературе почему-то очень редко вспоминают о том, что в 1915–1916 гг. между союзниками Антанты были заключены два секретных соглашения: Англо-франко-русское соглашение 1915 г. и Сайкс-Пико договор 1916 г. В соответствии с этими соглашениями в случае победы над Германией (а в 1916 г. в этом уже никто не сомневался) к Российской империи присоединялись Константинополь (Стамбул) и оба средиземноморских пролива Босфор и Дарданеллы с примыкающими к ним районами европейской и азиатской частей Турции. После ленинского Декрета о мире, в котором провозглашался мир без аннексий и контрибуций, о правах России в Версале в 1918 г., конечно, никто не вспомнил.

Последующий период — 20–30-е гг. XX в. — это сложный и болезненный период социалистического переустройства России, сопровождающийся большими людскими потерями и экономической нестабильностью, приводит к усилению западного влияния в Восточной Европе. Это регион превращается в сплошной пояс автори-

тарных, прозападно- (в большей части — прогермански) ориентированных режимов и выполняет функцию «санитарного кардона» между Россией и западным миром. Три страны региона — Румыния, Венгрия и Болгария — участвовали во Второй мировой войне против СССР на стороне Германии; прозападные антисоветские режимы в этот период были в Польше и Чехословакии.

После Второй мировой войны картина геополитического взаимодействия в Европе принципиально меняется. Восточная Европа поворачивается в сторону Советского Союза — великой державы, одержавшей победу над фашистской Германией и вступившей в новую фазу своего общественного подъема. В этот раз консолидация СССР и Восточной Европы приобретает конкретные организационные формы, приводит к созданию в этом регионе ряда международных военно-политических и экономических структур (Варшавский договор, СЭВ).

На рубеже 80–90-х гг. XX в. в условиях распада СССР, экономического и социально-политического кризиса в России консолидация опять сменяется отчуждением, прозападная ориентация восточно-европейского региона опять становится реальностью.

Таким образом, мы совершенно отчетливо на протяжении, по крайней мере, полутора веков наблюдаем периодическую смену векторов геополитического притяжения Восточной Европы к одному из доминирующих на данном историческом этапе центру силы — Запад или Россия — (некие геополитические «качели»). Эти «качели» были в прошлом, и их действие следует ожидать в будущем.

Итак, на протяжении последних полутора столетий мы сталкиваемся, по сути, с двумя историческими моделями геополитической ориентации Восточной Европы по отношению России и Запада. Условно их можно назвать: модель «Консолидация» и модель «Отчуждение».

	Модель геополитической ориентации Восточной Европы	
	РОССИЯ	ЗАПАД
Вторая половина XIX – начало XX в.	«Консолидация»	«Отчуждение»
1918 – середина 40-х годов XX в.	«Отчуждение»	«Консолидация»
Середина 40-х – конец 80-х годов	«Консолидация»	«Отчуждение»
Конец 80-х годов — ?	«Отчуждение»	«Консолидация»

Анализ данной таблицы показывает, во-первых, что амплитуда смены указанных моделей геополитической ориентации во времени составляет примерно 30–50 лет, а во-вторых, сменяющие друг друга на длительном промежутке времени качественно различные периоды в отношениях России и Восточной Европы свидетельствуют о существовании объективно детерминированного механизма взаимодействия стран в этом регионе.

Сопоставим отмеченные колебания международных связей на европейском субконтиненте с существующими в мировой науке концепциями социальной динамики. Так, например, не трудно заметить, что определенные выше временные рамки смены типов взаимодействия Восточной Европы с Западом и Россией в целом совпадают, с одной стороны, с кондратьевскими волнами мировой (главным образом западноевропейской) конъюнктуры, а с другой — с циклами российских реформ-контрреформ. Тем самым динамика развития восточноевропейских стран, являющихся по многим объективным параметрам небольшими общественными системами, определяется, прежде всего, внешними источниками социальных детерминаций, зависит от конкретно-исторических взаимодействий или пересечений линий взаимодействия таких мощных центров силы, какими всегда были Западная Европа и Россия.

Таким образом, геополитическую ориентацию, как и внутреннее развитие восточно-европейских стран, следует рассматривать в качестве составной и по сути зависимой составляющей более глобальной динамической системы «Запад – Россия».

Данный тезис важен и для понимания современных перемен в восточноевропейском регионе. У этих перемен есть и современная, и историческая детерминанта; они обусловлены не только политической и социально-экономической конъюнктурой сегодняшнего дня, но и более глубокими, историческими тенденциями развития региона, его исторической социальной динамикой. Именно этим, в частности, можно объяснить и то, что заметное «полевение» политического руководства восточноевропейских стран в конце 90-х годов (по сравнению с радикальной антикоммунистической оппозицией, пришедшей к власти в конце 80-х – начале 90-х годов) не замедлило, а даже ускорило процесс консолидации Восточной Европы с Западом.

Рассматривая периодическую смену геополитических ориентаций Восточной Европы как целостной региональной системы, необходимо отметить, что внутри этой целостности существуют и значительные различия. В XIX в. в Европе сформировались две геополитические

тические дуги (или пояса): 1) Запад – Австро-Венгрия – Польша – Россия; 2) Россия – Болгария – Балканы (Сербия, Черногория), в каждой из которых сложились исторические предпосылки для притяжения определенных стран друг к другу. В числе этих предпосылок не последнюю роль играет конфессиональный фактор — католицизм и православие.

И если мы более внимательно проанализируем развитие отношений определенных восточно-европейских стран с тем или иным центром силы (Запад или Россия) на каждом историческом этапе, то увидим, что степень, интенсивность и характер этих отношений заметно отличаются. Например, в период советского влияния на Восточную Европу в 50–70-е годы такие страны, как Венгрия, Чехословакия, Польша (первый геополитический пояс), труднее всего поддавались диктату со стороны СССР. Не случайно именно в этих странах произошли наиболее крупные антиправительственные выступления, которые, как правило, удавалось подавить только при помощи советских войск.

Аналогичная картина наблюдается и в настоящее время. В условиях геополитической переориентации Восточной Европы на Запад именно страны первого пояса наиболее решительно встали на путь либеральных реформ, тогда как страны другого, пророссийского пояса (Болгария, Югославия, Румыния) двигаются в данном направлении значительно медленнее и осторожнее. Существенно отличаются по этим группам стран результаты и последствия рыночных реформ. Вместе с тем отмеченные различия в группе восточноевропейских стран не разрушают целостности этого региона в евроазиатской динамической системе, что мы и наблюдаем в последние 10 лет.

Рассмотренные выше важнейшие факторы социальной динамики в системе «Россия – Восточная Европа – Запад» и главный из них периодическая смена векторов геополитического притяжения Восточной Европы к одному из доминирующих на данном историческом этапе центру силы (геополитические «качели») дают возможность создать более сложную картину современных процессов.

Закономерности развития региона на широком историческом интервале позволяют современным политикам и идеологам посмотреть за горизонт сегодняшней политической конъюнктуры и наметить более долгосрочную стратегию развития. Из современной политической истории мы знаем, что подчас кардинальные перемены происходят очень стремительно и неожиданно. Еще 30 лет назад никто не мог предположить, что на наших глазах произойдет обвальный распад СССР и социалистического содружества. Точно так

же не стоит исключать из долгосрочной исторической перспективы возможность аналогичных катастрофических явлений и в других национальных и международных системах.

Достоверно же предугадывать эти катастрофы можно только на базе концептуальных моделей социальной динамики, в которых интерпретация исторической нелинейности общественного развития дополняется анализом современных преобразовательных тенденций.

РАЗДЕЛ 3

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОСОФСКО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ: ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

1. Отечественная политическая мысль в контексте мировой политологии: основные проблемы

Два последних десятилетия отечественной истории — это период сложных, болезненных и противоречивых перемен. И как всегда в трудные времена мы вспоминаем о высочайших достижениях духовной, интеллектуальной и политической культуры российской нации. Достижениях, которые на протяжении многих столетий обеспечивали самобытность и самодостаточность России, ее важное и достойное место в мировом сообществе.

Среди глубоких интеллектуальных традиций нашего народа особое место занимает *политическая мысль*, которая в своей исторической эволюции является наиболее полным, хотя и специфическим, отражением процесса возникновения и становления российской государственности, отражением многовекового социально-политического опыта такой значительной по своим пространственно-временным характеристикам общественной системы, какой является Россия.

По многообразию политических идей, концепций, подходов, накопленных на протяжении десяти веков в России, отечественная политическая мысль относится, без всякого сомнения, к величайшим достижениям интеллектуальной истории человечества.

Сегодня политическая наука в России переживает новый этап своего развития, связанного с институционализацией данной дисциплины, по крайней мере, в рамках высшего специального образования. Возродившись в конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого века в нашей стране в рамках достаточно радикальной реформы гуманитарного образования, политология как научная и образовательная дисциплины прошла непростой и противоречивый путь. На этом пути были и большие достижения, но и большие перекосы, связанные, главным образом, с некритическими компиляциями зарубежного опыта. Об одном из таких перекосов, например, пишет доктор политических наук И. М. Бусыгина: «...Политическая наука в России рискует превратиться в «закрытый цех», куда не допускают «непосвященных»». Болезнь эта, по мнению указанного автора, к нам пришла с Запада, что, в частности, подтверждается словами извест-

ного западного ученого Р. Дарендорфа о том, что «закрытые цеха» в науке оказываются «удобным обиталищем для тех, кто в них входит». В них, по мнению Дарендорфа, «посвященные играют в свои маленькие игры ... Биофизики обращаются к биофизикам, политологи — к политологам ...»²²⁵.

Как это не парадоксально, неприятие современной политологией междисциплинарного синтеза, который всегда был важнейшим принципом и инструментом получения новых научных достижений, обусловлен непониманием (или незнанием) ею исторических путей развития политологии, слабой разработкой такой базовой, исходной проблемы этой науки каковой является проблема объекта и предмета.

Думается, поэтому есть смысл порассуждать об этих и о некоторых других вопросах развития политической науки в России.

Становление политической мысли как научного знания. Один из вопросов, который обсуждается в литературе — это вопрос о том, когда политология стала наукой. Существует точка зрения, согласно которой этот момент следует отнести к середине – второй половине XIX века. По-видимому, данная позиция не достаточно обоснована. И дело даже не в том, что определение самого критерия «научности» является на сегодняшний день дискуссионной проблемой.

Дело в том, что изменения, которые происходят в развитии политологического знания в XIX веке и которые чаще всего связывают с переходом этого знания «из не-науки в науку», носят по отношению к этому знанию «внешний», а не «внутренний» характер. В этот период политология действительно конституируется как самостоятельная научная и образовательная дисциплина, усложняется ее структура, появляется множество новых направлений и областей исследования. Но перемены качественно не изменяют предметное поле и эвристическую функцию этого знания, ее фундаментальные основы в познании природы политических явлений и процессов.

Поэтому представляется более точным и продуктивным отнести «научность» политологического знания к самым ранним стадиям его развития. Именно с таких позиций, например, выступают и авторы одного из современных западных фундаментальных трудов о развитии политической науки «Политическая наука: новые направления». Уже упоминавшийся автор главы «Политическая наука: история дисциплины» — Г. А. Алмонд пишет: «Если поставить перед собой задачу построить графическую модель исторического раз-

---

²²⁵ См.: Бусыгина И. М. Судьба географических знаний в политической науке и образовании // Политические исследования (ПОЛИС). 2003. № 1. С. 153.

вития политической науки в форме кривой, отражающей прогресс в изучении политики на протяжении столетий, то начать ее следовало бы с зарождения политической науки в Древней Греции»²²⁶. Другое дело, подчеркивает далее Г. А. Алмонд, в конце XIX – начале XX вв. эта графическая кривая делает резкий скачек вверх²²⁷. Но этот скачек означает не переход «от не-науки к науке», а выработку политологией (как, впрочем, и другими гуманитарными науками) широкого арсенала новых методов исследования, которые неизмеримо расширили возможности познания политической жизни.

Действительно, представляются малоубедительными утверждения о том, что естественное знание (например, математика и физика) стало научным уже на самых ранних этапах своего развития (Античность), тогда как гуманитарное (политическое) знание в то же время было категорически ненаучным. Это неверно уже потому, что обобщения и выводы античных мыслителей как естественнонаучного, так и гуманитарного порядка формировались как взаимодополняющие элементы целостной картины мира, как взаимосвязанные части философских или космогонических систем (Платон, Аристотель).

Место и роль XIX века в историческом развитии политической мысли. Как сказано выше, научное развитие политической мысли началось с Античности. Но что дал для развития политологии XIX век? Этот век стал по многим параметрам переломным для развития политического знания, прежде всего в том отношении, что он создал новые мощные стимулы для плодотворного и широкого развития политологических исследований и концептуализации политического знания. Природу этих стимулов делает понятным анализ исторических особенностей этого века. Главная суть этих особенностей состоит в том, что именно на этом этапе мировой истории происходят кардинальные перемены в развитии мировых политических процессов, принципиально меняется политическая картина мира.

Во-первых, оперируя формационной терминологией, в этом веке окончательно в глобальном масштабе происходит смена общественно-экономических формаций. Вместо феодальной господствующей в мире становится капиталистическая. Тем самым не только в рамках отдельных национальных государств, но и в наиболее развитой, значит и влиятельной, зоне мира происходит пе-

---

²²⁶ Политическая наука: новые направления. Пер. с англ. М., 1999. С. 69.

²²⁷ См.: Там же.

реход от феодально-сословного «неполитического» общества к капиталистическо-классовой политизированной системе.

В этой новой системе возникает множество новых политических учреждений, которые существенно децентрализуют государственную власть и создают систему новых политических отношений и явлений.

Во-вторых, политическая жизнь становится наряду с частнохозяйственной, религиозно-конфессиональной, культурно-бытовой самостоятельной сферой общества и относительно самостоятельной частью жизни конкретного человека, для которого политический интерес становится таким же важным и понятным как, например, интерес имущественный. Во многих странах люди из самых разных социальных групп становятся непосредственными участниками политических процессов. Для реализации массовых политических интересов формируются политические движения, партии и организации.

В-третьих, политическая картина мира становится многообразной и многоуровневой. В мировом сообществе возникают, сосуществуют и взаимодействуют самые разные модели и формы государственного устройства и политического управления. Возникают мощные международные военно-политические блоки и группировки.

Мировой торгово-экономический рынок формируется окончательно и тем самым происходит раздел мира между великими державами. Это означает, что возникает глобальная система мировых не только экономических, но и политических связей, определенная мировая геополитическая система, изменить которую станет возможно только путем глобального столкновения между этими великими державами (что и происходит, причем дважды, в следующем XX веке).

В-четвертых, в XIX веке наиболее остро обозначилась проблема взаимодействия Запада и Востока, Запада и России. Несмотря на множество различных моделей интерпретации данной проблемы, включая и полярные (в России — западники и славянофилы), на протяжении всего века она не получает своего адекватного и окончательного решения и остается постоянной дискуссионной темой гуманитарного (в том числе и политологического) дискурса.

Эти и многие другие новые явления и процессы в политической жизни, которые мы наблюдаем в XIX веке, создавали объективную основу и необходимость для появления теоретических обобщений и концепций. В силу этих же обстоятельств в XIX веке происходит процесс дифференциации гуманитарного знания, в частности, фор-

мирование политической науки как самостоятельной научной и образовательной дисциплины.

Образовательные учреждения, специализирующиеся исключительно на политических дисциплинах, на Западе начинают возникать уже в середине XIX века. Первая самостоятельная кафедра политических наук была образована в 1856 г. в США при Колумбийском университете, которая в 1880 г. была преобразована в Школу политических наук Колумбийского университета. В 1871 г. создается Свободная школа политической науки во Франции, а 1895 г. является Лондонская школа экономической и политической науки.

Любопытно, что исторические факты свидетельствуют о том, что Россия в этом процессе не только не отставала, а даже по некоторым позициям и опережала Запад. В России уже с XVIII века в интеллектуальных кругах широко употреблялся термин «политическая наука». По Университетскому уставу 1804 г. в Московском, Казанском и Харьковском университетах было открыто отделение (факультет) нравственных и политических наук. С 1819 г. было введено присуждение ученых званий магистра и доктора политических наук. Позднее в связи с охранительной политикой самодержавного правительства в области образования понятие «политический» неизменно исключалось из названий факультетов, кафедр, учебных курсов, но, тем не менее, с 60–70-х гг. XIX в. проблемы и концепции политической науки занимают важное место в государствоведческих университетских курсах. Выходит в свет большое число солидных учебников и научных труды, содержание которых посвящается политологической проблематике и которые были широко известны не только в России, но и за рубежом.

Уникальные характеристики отечественной политической мысли (общемировые и национальные измерения политического знания). Существует важная и уникальная особенность исторического развития политической мысли в России. Эта особенность заключается в едином и целостном характере отечественной гуманитарной мысли, в которой философские, ***политические***, социально-экономические, литературно-художественные идеи, обобщения, образы взаимодополняли и взаимоопределяли друг друга. Важно отметить, что данная особенность характерна не только для ранних этапов развития гуманитарной мысли в России (что было бы вполне понятным), но и для ее поздних, достаточно зрелых этапов развития (XIX в.).

Зачастую указанную особенность развития гуманитарного знания в России, особенно применительно к XIX веку, трактуют как ее «отставание» от общемирового процесса дифференциации наук об

обществе. На самом деле представляется, что интегральный характер отечественной гуманитарной науки является отражением специфики национального менталитета, духовно-идеологической жизни в России, всегда отличающихся целостностью или «тотальностью» (Н. Бердяев) восприятия и интерпретации окружающих процессов и явлений. Природу этого феномена невозможно понять только в контексте взаимоотношения России и Запада, в рамках общепринятых сравнений и оценок «у кого раньше — у кого позже». Она раскрывается через анализ внутренних механизмов и пружин развития российского социума, уникального положения и уникальной судьбы России в мире.

Кстати, нужно отметить, что процесс дифференциации гуманитарного знания не следует преувеличивать даже по меркам сегодняшнего дня. Не так давно, в 1994 г. один из крупнейших современных политологов и социологов, И. Валлерстайн отмечал «...размытость границ между отдельными дисциплинами социальных наук». «Традиционные категории экономики, политологии, истории, социологии и антропологии, — писал он, — во многих отношениях потеряли свои различительные черты как предметные области, как области методологии, как конкурирующие эпистемологии»²²⁸.

Разумеется, эту оценку Валлерстайн относит к развитию гуманитарных наук на Западе. В России же, как я отметил выше, такое положение всегда было важнейшим принципом, характеристикой гуманитарного знания.

Не случайно, классическая триада социально-политических моделей нового и новейшего времени «консерватизм–либерализм–социализм» никогда не могла адекватно объяснить суть происходящего в России. Форма и характер государственного устройства, структура и механизмы социально–политических отношений, геополитические стратегии всегда имели не только и не столько общемировое, интернациональное, сколько российское, национальное измерение. Россия своим евразийским месторасположением, своей «срединной» исторической судьбой между Западом и Востоком как бы, с одной стороны, проявляла различия, специфику общемирового и национального, а с другой — соединяла, синтезировала эти два начала исторического процесса.

Эта «срединная» географическая и геополитическая реальность на протяжении многих столетий формировала не только особый тип

---

²²⁸ Валлерстайн И. Письмо членам Международной социологической ассоциации // Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология. 1995. № 3. С. 128.

государственности, но и особый тип интеллектуальной и ментальной культуры, в которой органично сливались, синтезировались как западноевропейские, так и восточно-азиатские традиции, идеологии, представления о мире и политике.

Поэтому западноевропейские политические идеи и теории, которые с конца XVIII – начала XIX веков стали активно проникать в Россию, проходили здесь кардинальную переработку в умах русских мыслителей и общественных деятелей. Иначе и не могло быть. Во-первых, политические теории являются не только рефлексией универсалий мировой социально-политической практики, но и локально-национальных политических порядков, политической истории отдельных стран и регионов. А, во-вторых, потому, что западноевропейские политические теории в принципе не могли быть экстраполированы на российскую «почву», на российскую политическую систему, поскольку они имели уникальный характер как по своему историческому становлению, так и по своей современной природе.

Данную особенность развития российской политической мысли (кардинальная переработка заимствованных западноевропейских политических идей) отмечают, например, исследователи декабристского движения. В частности, С. С. Ланда говорит о сложном и своеобразном преломлении в русском общественном сознании, у декабристов в том числе, либерального учения (Б. Констан), которое в России нашло в то время причудливое переплетение с традициями «верховников», с идеологией оппозиционной дворянской олигархии²²⁹.

Такая аберрация западноевропейских политических теорий в политической мысли России явно просматривается в ее развитии на протяжении всего XIX века. Ключ к пониманию этого феномена следует искать не только в специфике российских политических порядков, но и в политической мысли Востока, в которой содержатся матрицы неевропейского видения политики, политической жизни, видения, которое в различных формах на протяжении веков материализовалось в политической практике не только на Востоке, но и в России.

Дихотомии русской политической мысли. Важной характеристикой русской политической мысли является ее полемичность,

---

²²⁹ См.: Ланда С. С. Дух революционных преобразований... Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов. 1810–1825. М., 1975. С. 18–24 и др.

поэтому многовековой путь ее развития — это непрекращающийся идейный спор, столкновение чаще всего противоположных позиций по одному и тому же вопросу. Русская мысль не только ставила знаменитые вопросы, но и по-разному на них отвечала.

Не случайно, уже в русском средневековом сказочном эпосе и мифологии мы очень часто встречаемся (в мифологии других народов этого нет) с образом или сюжетом *развилки*, некоего пограничного камня, стоящего на пересечении дорог. Надписи на этом камне предупреждают о неизвестности, о возможной опасности и т. п., причем независимо, в какую сторону свернешь. Здесь мы сталкиваемся с ситуацией, в которой нет однозначно удачного, оптимального выбора. Поворот в любую (подчеркнем: *в любую*) сторону связан с трудностями, испытаниями, риском. Правда, в русских сказках, как правило, богатырь с риском для жизни свернувший в определенную сторону преодолевает все трудности и одерживает победу. Таковы как бы законы сказочного жанра.

Так и Россия как реальная социально–политическая система на своем многовековом историческом пути периодически упирается в некий пограничный камень, в пересечение дорог, в развилку. Как и в сказках нет однозначного выбора; куда не пойдешь — везде опасность и неизвестность. И в отличие от сказок абсолютно нет уверенности в том, что все обойдется благополучно.

Отсюда и политическая мысль в России, являясь специфической рефлексией социально-политических процессов, на протяжении веков развивается как дихотомический дискурс, как неоднозначный, непредсказуемый выбор между двумя началами, двумя полюсами, двумя «берегами».

Условно таких полюсов, или дихотомий можно выделить три.

Первая дихотомия основывается на понимании сути и статуса государства, с одной стороны, и всех остальных сфер общественной жизни (гражданское общество, церковь и др.), с другой. В рамках данной дихотомии на протяжении веков сталкивались позиции и мнения и по более конкретным проблемам — соотношение власти и собственности, авторитаризма и демократии, закона и индивида и т. д.

Вторая дихотомия относится к проблеме эволюции государства. С одной стороны, почвенническое охранительство, основанное на идее о органичном саморазвитии существующих государственных форм и политических отношений, с другой — радикальный революционный слом старых политических и социально-экономических порядков и создание принципиально новых. Промежуточные отно-

сительно этих двух полюсов отечественной политической и государственной мысли проекты консервативной или умеренной реформации оказывались или вообще не востребованными или на практике малорезультативными.

Третья дихотомия строилась на понимании роли и предназначения России в мировой политике, в системе международных (геополитических) взаимосвязей. С одной стороны, идея исключительности, доминантности России в мире («Россия — Третий Рим» и т. п.), с другой — идея о необходимости слияния с общемировым потоком социального прогресса, догоняющего развития исключительно по ориентирам и ценностям западного («более развитого», «ушедшего вперед») мира.

В реальном теоретико-идеологическом дискурсе все эти три дихотомии переплетались друг с другом, но сама полярность, дихотомичность подходов практически никогда не ослабевала и не сглаживалась.

Объект-предмет политического знания. Ключевой остается проблема *природы и специфики политического знания, которая конкретизируется и актуализируется в проблеме объекта и предмета этого знания.* Действительно, говоря, например, об историческом развитии отечественной или зарубежной политической мысли мы должны определить: об истории каких фрагментов интеллектуального опыта идет речь, когда мы говорим о *политической мысли.* Необходимо отметить, что данный вопрос, несмотря на то, что история политической мысли насчитывает много столетий, остается актуальным и не получившим однозначной трактовки и по сей день²³⁰.

Даже беглый просмотр многочисленных учебников по политологии, которые в последние годы появились на российском книжном рынке, а значит и в студенческих аудиториях, показывает, во-первых, отождествление объекта и предмета политического знания, что уже само по себе свидетельствует об отсутствии четкого понимания природы этого знания; во-вторых, мозаичность и даже путаницу в определениях объекта и предмета политологии.

Некоторые авторы находят выход из этой сложной ситуации в отождествлении предмета и объекта политологии с политикой, при-

---

²³⁰ Известные зарубежные систематизаторы гуманитарного знания — Р.Пэнто и М.Гравитц считают, что в истории политической науки следует выделять три варианта определения предмета этой науки. Для одних этим предметом является *государство*, для других — *власть*, для третьих — *политические отношения.* — См.: Пэнто Р., Гравитц М. Методы социальных наук. М., 1972. С. 186–187.

чем во всех ее многообразных проявлениях. Такой подход представляется не только неправильным, но и наивным. Далеко не все аспекты и проявления политики и тем более участие в политике имеют отношение к политологии как к науке. Домашние хозяйки ежедневно широко пользуются различными химическими препаратами, но это не означает, что они участвуют в научных исследованиях в области химии.

Как это не странно, большую помощь в прояснении данного вопроса может оказать как раз не современная литература, а исследования отечественных государствоведов и политических мыслителей XIX – начала XX вв.

Знакомство с этими исследованиями показывает, что у абсолютного большинства наших предшественников не было сомнения в необходимости научного определения предмета политических учений (теорий), как впрочем, и предмета любой другой научной дисциплины. Нелепость противоположного подхода показал в своем метафорическом пассаже В. М. Гессен: «Современные юристы нередко напоминают «астронома», который, решив изучать строение звезд, не знал, что такое звезда, направил свой телескоп не на небо, а на увешанную «звездами» грудь сановных особ...»²³¹.

Эта метафора касается, конечно, не всех ученых того времени. Многие из них хорошо понимали, что научное определение, например, предмета политических учений обусловлено пониманием природы политического знания, идентификацией политической науки (в том числе и ее исторического развития), ее предмета в общем контексте гуманитарных и, главным образом, юридических дисциплин. Разумеется, что исходным моментом в этом вопросе была классификация гуманитарных дисциплин.

Существовало два основных подхода.

В соответствии с *первым подходом* понятия «наука о государстве», «государственные науки (или наука)» и «политические науки» употреблялись как тождественные²³². Предмет научной дисциплины, обозначаемый этими понятиями, Н. К. Нелидов определяет следующим образом: «Изучение свойств, которыми отличается организация этого [государственного — М.Е.] начала и его де-

---

²³¹ Гессен В. М. О науке права // Введение в изучение социальных наук. Сборник статей. СПб., 1903. С. 112.

²³² См., например: Нелидов Н. К. Наука о государстве как предмет высшего образования // Временник Демидовского юридического лицея. Кн. III. Ярославль, 1872. С. 116, 129 и др.; Каченовский Д. И. Взгляд на историю политических наук в Европе. М., 1859. С. 18–19 и др.

тельность, раскрытие посредством этого изучения законов, которые управляют ходом государственной жизни вообще, и исключений из них, вызываемых местными, временными и национальными особенностями, вот задачи и содержание науки о государстве в ее целостности»²³³.

Наука о государстве (политическая наука), по Нелидову, это более общая наука, чем право, поэтому, по его мнению, «государственные науки, относительно юридических, должны занимать не только равное, но даже первенствующее значение»²³⁴. В системе государственных наук, по Нелидову, наука о государстве распадается на два больших отдела: науку государственного устройства и науку государственного управления, а последняя, в свою очередь, на *науку права* и науку внутреннего управления²³⁵.

В. М. Гессен еще более усиливает данную трактовку понимания роли и статуса политической науки в системе наук, изучающих государство. Он считает, что «правой задачей» данной науки «является не изучение того, что есть, а уяснение того, что должно быть»²³⁶. Поэтому и статус политической науки во многом определяется конкретно-историческими потребностями общественного развития. С конца XVIII в., по мнению Гессена, различные философские (правовые), социальные и прикладные направления изучения государства образуют «в слитном и не дифференцированном виде энциклопедическую науку о государстве, именуемую «Политикой» в классическом (т. е. как у Платона и Аристотеля) смысле этого слова»²³⁷. Характеризуя данный подход в целом, можно отметить, что определение основополагающего статуса политических наук совмещается с размытостью объект-предметного поля собственно научной политической проблематики, включением в это поле различных правовых, политэкономических, управленческих вопросов.

В соответствии со *вторым подходом* государство рассматривалось как объект и предмет исследования политических и юридических наук как двух самостоятельных и равноценных отраслей гума-

---

²³³ См.: Нелидов Н.К. Наука о государстве как предмет высшего образования // Временник Демидовского юридического лицея. Кн. III. Ярославль, 1872. С. 210–211.

²³⁴ Там же, С. 121.

²³⁵ См.: Там же. С. 211–212 и Нелидов Н.К. Система курса общего государственного права. Казань, 1874. С. 17.

²³⁶ Гессен В.М. Общее учение о государстве. Спб., 1912. С. 4–5.

²³⁷ Там же, С. 12–13.

нитарного знания, которые изучали это государство исходя из своих научных целей и принципов²³⁸.

К различным подходам к классификации гуманитарных наук примыкала еще одна важная научная проблема этих наук, затрудняющая, в частности, реальное объект-предметное размежевание политических и юридических наук.

Этой проблемой была научная трактовка власти.

Из самого названия общих юридических дисциплин (общая теория государства, общая теория государственного права и т. п.) следовало, что объектом исследования для них является государство. Но государство является объектом и для политических наук. Казалось бы, что объект-предметное размежевание юридических и политических наук должно быть основано на конкретизации аспектов, сторон, функций государства, которые изучаются теми или иными науками. Собственно, в приведенных определениях предметов юридических и политических наук и предпринимаются попытки выделить эти особые, специфические стороны или функции.

Но в чем заключается суть или природа государства?

Как раз ответ на этот вопрос и запутывал все дело, поскольку не столько государство как таковое, а его стержневая основа — **власть**, становилась фактическим общим предметом юридических наук и политической науки.

Посмотрим некоторые определения власти в контексте ее изучения этими науками.

А. Д. Градовский так определял суть этого вопроса: «Первым основным неоспоримым элементом каждого государства есть *власть* и власть не в смысле учреждений, а в смысле могущества, присвоенного государству»²³⁹. Разумеется, такая трактовка власти одинаково подходит под предмет изучения как юридической, так и политической науки.

---

²³⁸ В. Э. Вальденберг трактует два выделенных выше подхода как отражение исторического процесса дифференциации развивающегося гуманитарного знания. В период от Античности до Нового времени, по его мнению, «существовала всего одна наука, в которой государство рассматривалось со всех точек зрения, и эта наука называлась политикой», а в XIX в. «сначала мимоходом, а потом все чаще и сознательнее высказывается мысль о том, что должны существовать две государственные науки. Одна — общее учение о государстве...; другая наука — политика...». — См. *Вальденберг В. Э.* История политических учений как наука // *Право*. 1901. № 9. Стлб. 464. В целом, принимая такую трактовку исторической эволюции государствоведения, отметим, что в ряде моментов она упрощает действительную ситуацию.

²³⁹ *Градовский А. Д.* Вступительная лекция по государственному праву, читанная в Санкт-Петербургском университете 10 октября 1866 г. // *Градовский А. Д.* Собрание сочинений. В 9 т. Т. I. СПб., 1899. С. 7.

Такое двойственное толкование применимости понятия власти к предметной сфере разных наук еще более отчетливо проявляется в формулировках М. А. Рейснера. С одной стороны, по Рейснеру, «первым пунктом политической идеологии является ... понятие верховной власти, стоящей над человеком, не допускающей с его стороны по принципу никакого сопротивления», но — с другой, по мнению этого же автора, предметом общего учения о государстве (дисциплине в трактовках того времени понимаемой больше юридической, чем политической) является «массовое поведение людей», которые «воспринимают в свое сознание идею власти, которая заставляет их подчинять свою волю воле других людей, властителей или правителей»²⁴⁰.

Ф. Кокошкин пытается разрешить эту проблему путем употребления понятия «юридическое понимание государственной власти». Он пишет: «Понятие власти является центральным понятием государственного права. От того или другого юридического понимания государственной власти зависит и вся система нашей науки»²⁴¹.

Н. М. Коркунов для этого вопроса находит еще более замысловатую формулировку: «...Наука государственного права может быть определена как учение об юридических отношениях государственного властвования»²⁴².

Данные формулировки претендуют на нечто большее, чем просто расширение объект-предметного поля даже не юридической науки, а одной из ее дисциплин — государственного права и превращения ее в некую междисциплинарную теорию государства и власти, в которой юридические и политические аспекты переплетаются друг с другом.

Одним словом, отечественным государствоведам дореволюционного периода не удалось (в силу переплетения различных объективных и субъективных причин) в окончательном виде выделить объект-предметную область политической науки (в отличие, например, от юриспруденции), но они наметили (образно выражаясь) систему координат, в которой нужно искать ответ на искомый вопрос.

---

²⁴⁰ Рейснер М.А. Государство. Ч. I. Культурно-исторические формы. М., 1911. С. 12, 16.

²⁴¹ Кокошкин Ф. Лекции по общему государственному праву. Изд. 2-ое. М., 1912. С. 189.

²⁴² Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. I. СПб., 1893. С. 16.

Исходя из этой системы координат, а также опираясь на современные достижения политической науки²⁴³, можно сделать вывод о том, что **объектом** политологии является *власть* как отношение господства/подчинения между мыслящими субъектами или институтами, которые создаются этими субъектами. Более адекватным для определения объекта политологии может стать понятие «*система власти*», которое состоит из трех взаимосвязанных компонентов: 1) власть как система связей и отношений; 2) власть как структура, включающая в себя субъекты, институты, формы и т. п.; 3) рефлексия (идеи, концепции) власти как концептуальное осмысления и связей, и структур.

Данная интерпретация объекта политологии определяет и существо **предмета** данной науки. Таким предметом являются *законы* (закономерности, устойчивые тенденции) *динамики систем власти* как в актуализированном плане, так и в их реальном историческом генезисе, причем и на уровне системы как целостного и единого субстрата, и на уровне отдельных его аспектов (частей).

Данная объект-предметная идентификация политологии превращает ее в научную теорию с активными эвристической и прогностической функциями, создает прочную методологическую базу для органичного сочетания общенаучных, фундаментальных ее основ, с одной стороны, и прикладных, инструментально-исследовательских аспектов, с другой.

---

²⁴³ Возвращаясь вновь к оценкам современных разработок в этой области, следует констатировать, что, к сожалению, подходы и дискуссии дореволюционного периода никак не были учтены и использованы в конце прошлого века, когда политология была включена в перечень учебных дисциплин высшей школы и когда вопрос об определении предмета политической науки (политологии) со всей остротой встал перед авторами многочисленных учебников. Приведу одну из типичных формулировок предмета политологии (политической науки): «Политология это наука о политике и политическом управлении, о развитии политических процессов и систем, поведения и деятельности субъектов политики» — *Ирхин Ю. В., Зотов В. Д., Зотова Л. В.* Политология. М., 1999. С. 21. Справедливости ради нужно отметить, что среди российских политологов нашлись и такие, кто к вопросу об определении предмета подошел более конкретно. Два примера: 1) «Политология изучает отношения людей в рамках государства, т. е. по поводу власти» — *Панарин А. С.* Политология. М., 1997. С. 6–7; 2) «В широком смысле политология (как политическая наука) включает в себя все политическое знание, представляя собой комплекс дисциплин, изучающих политику, тогда как в более строгом значении политология (или общая теория политики) связана лишь со специфической группой закономерностей отношений социальных субъектов по поводу власти и влияния, исследуя особый тип механизмов отношений и взаимодействий между властвующими и подвластными, управляемыми и управляющими» — *Дегтярев А. А.* Предмет и структура политической науки // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 1996. № 4. С. 68. Не трудно заметить, что оба последних автора предмет политологии связывают с проблемой власти.

Компаративистика в историко-политологической науке. Сравнительные (или компаративистские) исследования следует отнести к одному из наиболее активно развивающихся направлений современного политического знания. Вместе с тем анализ публикаций по данной проблематике показывает, что доминирующим в них является понимание сравнительной политологии как дисциплины, объектом которой являются институты (структуры) и процессы политической жизни общества. Условно такое понимание можно назвать методом сравнения феноменов политической действительности. Между тем представляется, что для развития политической науки как теоретической дисциплины особое значение имеет применение метода сравнительного анализа, где объектом сравнения становятся феномены политической мысли. Необходимо отметить, что это направление компаративистики до сих пор остается новым и мало разработанным не только в политологии, но и в других гуманитарных науках. Именно как восполнение данного пробела следует воспринимать появление в последние годы целого ряда изданий, в которых отдельные гуманитарные науки (философия, право, социология) рассматриваются как компаративистские дисциплины²⁴⁴. А такой пробел в гуманитарной науке действительно существует. Об этом свидетельствует то, что даже по отношению к философии (истории философии), где, казалось бы, компаративистский метод (причем именно как метод сравнения феноменов мысли, а не как метод сравнения феноменов действительности) должен быть особенно распространен, его применение трактуется очень узко, как «сопоставление различных уровней иерархии (понятия, доктрины, системы) философского наследия Востока и Запада»²⁴⁵. Такая трактовка, по-видимому, отражает действительное состояние историко-философских исследований в данной области, хотя в современной литературе по историко-философским проблемам можно встретить рассмотрение компаративистского подхода и как части (стороны, аспекта) общенаучного сравнительно-исторического метода, который находит свое специфическое отражение в сфере философии²⁴⁶. Такое рассмотрение предполагает самые широкие и разнообразные формы и сфе-

---

²⁴⁴ См.: Сравнительная философия. Вып. 1. Сравнительная философия: Запад. Восток. Россия. Духовность. Синтез. Политкультура. М., 2000; *Марченко М.Н.* Сравнительное правоведение. Общая часть. Учебник для юридических вузов. М., 2001; Сравнительная социология: Избранные переводы / Под ред. И. Б. Орлова. М., 1995; и др.

²⁴⁵ *Шохин В.К.* Философская компаративистика // Новая философская энциклопедия. Т. IV. М., 2001. С. 245.

²⁴⁶ См.: История современной зарубежной философии. Компаративистский подход. Ч. 1. СПб., 1998. С. 13.

ры применения данного подхода (метода) в историко-философских исследованиях.

Использование сравнительного метода обусловлено гомогенным характером сопоставляемых объектов (феноменов). Для политологических исследований таким гомогенным базисом, основой является *политическая жизнь*, понимаемая как исторически обусловленный и социально закономерный способ устройства социума, как универсальная система непосредственных или опосредованных отношений господства/подчинения между людьми или структурами (институтами), ими созданными. Эта универсальная система, с одной стороны, поглощает в себе специфику исторических и национальных форм политической жизни, а с другой — позволяет находить «тождества» и «различия» в этой сфере человеческого общежития. Собственно различные типы классификаций этих «тождеств» и «различий», интерпретация их природы и эволюции и составляет основное содержание политической науки на протяжении нескольких столетий. Именно на этом и основано применение сравнительного (компаративистского) метода в сфере феноменов политической действительности.

Когда говорится о применении сравнительного метода в сфере феноменов политической мысли («абстрактные» сравнения), или иными словами — в историко-политологических, то следует иметь в виду, что в результатах этих сравнений (категории, концепции, теории) мы получаем не «чистые» «тождества» и «сравнения», а их синтез. При сравнении феноменов политической действительности исследователь выявляет их «эмпирические» сходства и различия, «очищая» тем самым эти феномены от частных, специфических особенностей, чужеродных элементов. При сравнении же феноменов политической мысли исследователь имеет дело с абстрактными объектами, которые, являясь теоретическими рефлексиями политической жизни, с необходимостью «схватывают» ее в единстве, синтезе сущностной природы и частных и особенностей.

Отталкиваясь от сделанных выше замечаний, можно определить следующие *задачи сравнительного метода* в исследованиях истории политической мысли:

1. Выявление важнейших тем или проблем политической мысли в различных исторических и социогеографических контекстах.
2. Классификация концептуальных интерпретаций важнейших феноменов политической действительности (государственное устройство, система власти, политические элиты, геополитика и т. д.).

3. Анализ концепций (парадигм) динамики (эволюции) политической мысли, выявление тенденций развития политических теорий, закономерностей в смене тем, концепций, подходов.

4. Изучение взаимовлияний политических теорий и школ, механизмов и типов взаимопроникновения, синтеза политических идей.

5. Исследование сложного и противоречивого процесса взаимодействия политической жизни и политической мысли, политической действительности и политической (теоретической) рефлексии.

Представляется, что реализация указанных задач приведет не только к развитию политологии как компаративистской дисциплины, но и будет способствовать актуализации политической науки в целом.

Это не только существенно расширит и углубит наше понимание общих тенденций и принципов развития мировой политологии как теоретической рефлексии глобальных политических процессов на различных этапах мировой истории, но и позволит понять специфику становления и развития политических идей и концепций в историческом контексте национальной государственности.

Важной проблемой является выделение предметных полей сравнительного анализа. В сравнительных исследованиях истории политической мысли можно выделить, по меньшей мере, три направления или предметных поля. *Первое предметное поле* — сравнительный анализ политической мысли в одной стране (или в контексте одной интеллектуальной и социокультурной традиции) на разных исторических этапах ее развития. Это направление можно определить как *локально-ретроспективную компаративистику* развития политической мысли. В рамках данного предметного поля выявляются магистральные темы политического анализа в рамках определенной интеллектуальной традиции, специфические особенности этого анализа.

Второе предметное поле — сравнительный анализ политической мысли в двух и более странах в один и тот же исторический период. Это направление определяется как *конкретно-историческая глобальная компаративистика* развития политической мысли. Такие исследования представляются особенно актуальными и эвристически значимыми в периоды социально-политических трансформаций, наиболее значительные из которых, как правило, имеют глобальный и локальный аспекты.

Третье предметное поле — сравнительный анализ политической мысли в двух и более странах на разных этапах истории. Это направление — *глобально-ретроспективная компаративисти-*

ка развития политической мысли. В рамках данного направления выявляются механизмы и векторы эволюции мировой политической мысли, динамика политических идей как отражение глобальных (трендовых) тенденций мировой политической и социально-экономической системы.

Применение сравнительного метода в рамках выделенных выше трех предметных полей, безусловно, позволит исследователям выйти на новые уровни теоретического осмысления сложных и противоречивых политических процессов в современном мире.

Роль и значение истории политических учений в развитии политической науки, в частности, и в развитии гуманитарных наук, в целом. Важным вопросом является правильная оценка роли и места истории политических учений в комплексе современных политических наук. Причем, эта оценка имеет значение не только для политологии, но для научного знания, в целом.

Поэтому, например, в XIX веке в России по отношению к философии права существовало мнение, что как учебная дисциплина она может существовать только как *история философии права*, т. е. как четко привязанное к историческому времени и персоналиям (или научным школам) изложение идей и концепций.

Именно понимание отечественными государствоведами XIX века особой роли истории философии права (истории политических учений) для развития государствоведческих и политических наук и позволило им уже тогда превратить университетский курс истории философии права (или истории политических учений) в **научную дисциплину, изучающую в целостном виде исторический процесс становления и развития политических идей, теорий, учений о государстве и государственной власти.**

В рамках этой научной дисциплины ставился ряд сложных научных задач. Среди них:

- Показать непрерывность, преемственность в развитии политической мысли.
- Показать последовательность, повторяемость (закономерность, логическую связь) смены политических теорий.
- Показать соотношение общих универсальных принципов и постулатов политической мысли и локально-национальных, местных, специфических идей и воззрений на власть, властные отношения.
- Показать взаимосвязь и взаимовлияние политической мысли и политической истории, теоретической и практической сторон политической (государственной) жизни.

Реализовать такие задачи заведомо не может научная дисциплина, ограниченная только рамками политологии (или теории политики) и тем более юридической науки; она с необходимостью должна анализировать философские, правовые, социологические аспекты процесса становления государственных и властных форм и отношений.

Как было показано выше, для всех наук, изучающих государство, проблема власти является центральной. Но если *юридические науки* акцентируют свое внимание на нормативно-институциональных аспектах функционирования власти, *исторические науки* (и прежде всего — политическая история) — на проблеме генезиса власти и ее институтов, как правило, в рамках определенных государственных систем, то *политические науки* сосредотачиваются на анализе природы власти, властных отношений, выявляют механизмы, закономерности и тенденции их развития.

В истории гуманитарной мысли эти три составляющие власти переплетены друг с другом. Поэтому история политических учений наука междисциплинарная, интегративная — не только политическая (и историческая) по названию, но и философская, правовая, теоретико-литературная и социальная. Понятие «политическая» в ее названии употребляется только в связи с тем, что именно «политическое» дает этой науке самое широкое и самое фундаментальное с научной точки зрения основание.

В условиях расширяющегося с конца XVIII – начала XIX вв. процесса дифференциации научного знания, история политических учений оставалась одной из немногих междисциплинарных скреп между целым рядом гуманитарных наук. Осуществлять эту функцию данной научной дисциплине позволяло то, что не только по названию, а главное — по реальному содержанию заложенного в ней идейного материала она представляла собой синтез истории, философии (философии права) и политической науки, периферийно затрагивая при этом и такие науки как социология, психология, культурология, литературоведение.

Функция синтеза имплицитно заложена вообще в любой научной истории идей. Причем в этой области научных исследований этот синтез охватывает не только междисциплинарность (идеи, концепции), но связывает идеи и реальную историю (контексты). Не случайно, в XX веке сформировалась и в настоящее время активно развивается как у нас, так и за рубежом самостоятельная научная дисциплина под названием «интеллектуальная история». Для этой дисциплины, по мнению Л. П. Репиной, «принципиальным стано-

вится учет взаимодействия, которое существует между движением идей и теми социальными, политическими, религиозными, культурными контекстами, в которых идеи возникают, распространяются и трансформируются»²⁴⁷. Именно эта *взаимосвязь эволюционирующих идей и постоянно развивающегося социального контекста* (как основа интеллектуальной истории) и создает новую методологическую базу для исследований социально-политической динамики как в глобальном, так и в национальном масштабах. В этой модели динамики уже нельзя изучать отдельно идеи, а отдельно факты, события, а можно исследовать их синтез, взаимодействие²⁴⁸.

Некоторые положения и оценки в представленных заметках имеют, разумеется, полемический характер. Это естественно для любой науки, поскольку конструктивный и аргументированный спор, дискуссия, столкновение мнений и точек зрения всегда были и всегда будут главным двигателем развития научного знания.

2. Проблема совместимости политологических категорий в научном диалоге России и Запада

В любом научном диалоге важнейшее значение имеет проблема идентичности содержания основных категорий, на основе которых излагается существо выдвигаемых гипотез и концепций. Все, кто когда-либо участвовал в научных дискуссиях, особенно среди гуманитариев, хорошо знает, что зачастую возникает ситуация, когда оппоненты, употребляя одни и те же категории (например, «государство», «власть», «политика» и т. д.), вкладывают в них существенно различное содержание.

Одной из причин этого является широкое употребление указанных категорий не только в контексте научных теорий, но и в политической публицистике, идеологических спорах и даже в обыденной

---

²⁴⁷ Ретина Л. П. Интеллектуальная история на рубеже XX–XXI веков // Новая и новейшая история. 2006. № 1. С. 16.

²⁴⁸ На то, что при изучении истории наук мы сталкиваемся не только с эволюцией идей, но и с развитием самих явлений, которые отражаются в этих идеях, обратил внимание при сравнении естественных и гуманитарных наук один из выдающихся государствоведов второй половины XIX – начала XX вв. — Н. М. Коркунов: «В науках, изучающих явления природы история научных теорий выясняет только фактор образования нашего знания о данном предмете. В науках, изучающих явления общест-венности, история научных теорий выясняет нам вместе с тем и один из соопределяющих факторов развития самих этих явлений общественности. В естественных науках история их развития нужна только для выяснения генезиса нашего знания о данной группе явлений; в науках общественных, кроме того, и для выяснения генезиса самих изучаемых явлений» — Коркунов Н. М. История философии права. 3-е изд. СПб., 1903. С. 2.

речи, в результате чего содержание этих категорий непомерно расширяется, складывается из самых разных представлений и ассоциаций не всегда искушенных в теории собеседников.

Вместе с тем существует и более серьезная причина несовместимости, неидентичности употребляемых политологических категорий. Она обусловлена различиями в философских и интеллектуальных традициях различных стран и регионов, связанными в свою очередь со специфическими политическими, социально-экономическими и социокультурными условиями их становления и развития.

Научные категории, являясь отражением совокупного социального опыта человечества, не могут вместе с тем не аккумулировать специфику конкретной социальной среды, в которой происходило научное осмысление социальных и политических процессов.

Возьмем, к примеру, во многих отношениях ключевое для политической науки понятие «*государство*».

В западной интеллектуальной традиции, начиная с эпохи Просвещения, когда собственно и появляются целостные социальные теории, «государство» (сфера всеобщего интереса) всегда понималась как антитеза «гражданского общества» (сфера частного интереса). Данная связка стала исходной теоретической посылкой для построения фундаментальных социальных теорий XIX века как в идеалистической (Гегель), так и в материалистической (Маркс) традициях.

Такое понимание государства было определено реальными политическими и социально-экономическими процессами в период с конца XVIII – начала XIX вв., происходящими в развитых странах Европы, где на развалинах феодально-аристократических порядков стало складываться капиталистическое общество с системой государственной правовой защиты политических свобод граждан, охраны и регламентации собственнических прав и т. д.

С совершенно иным пониманием государства мы сталкиваемся в восточной политической и философской мысли. Здесь в условиях абсолютистских (тиранических) типов управления обществом для государства не могло существовать какой-то другой равнозначной общественной субстанции, тем более в сферах частной жизни, частного интереса. Безусловно, доминирующим был интерес государства, власть пронизывала все остальные сферы общества.

Россия тяготеет именно к этой, восточной традиции, ибо здесь на протяжении столетий социально-экономические инновации проводились в рамках и при помощи абсолютистского монархического

режима и сословно–корпоративной системы. Исторически в России изменение соотношения власти и собственности не было связано с переходом от традиционного, феодального общества к капиталистическому. Соединение власти и собственности в руках монархического государства (или узкого слоя монархической аристократии) продолжало существовать и в период становления капиталистического рынка и во многом способствовало этому процессу. Важной самобытной особенностью исторического развития России, включая и начало XX века было то, что здесь формировалась специфическая система частной собственности и капиталистического рынка, в котором отношение собственника к государству всегда было более приоритетным, чем отношение собственника к собственности.

Многие российские историки и философы XIX в. обращали внимание на то, что в России исторически сложился особый статус права собственности. По мнению И. В. Киреевского, например, этот статус собственности на протяжении многих веков в России является как бы случайным или второстепенным по отношению к статусу личности. Это проявляется и в общине — основной территориально-бытовой и производственной ячейке аграрного российского общества — где «с увеличением числа лиц увеличивается и количество земли, а с уменьшением — уменьшается», и в помещичьем землевладении, при котором «отношение помещика к государству зависит не от поместья его, но его поместье зависит от его личных отношений...»²⁴⁹. Все это, по общему заключению Киреевского, означает, что в России «общество слагалось не из частных собственности, к которым приписывались лица, но из лиц, которым приписывалась собственность»²⁵⁰.

Данное явление русского общества дореволюционных веков, которое специфическим образом наблюдалось и в советский период его истории, заставляет задумываться над адекватностью стратегии современных экономических преобразований. Не в том ли причины целого ряда деструктивных и разрушительных последствий быстрого перевода советской экономики в рыночные условия, что при этом были полностью проигнорированы глубинные национальные традиции, и в частности, историческая традиция отношения власти и собственности, статуса собственности в системе общественных связей?

---

²⁴⁹ Ранние славянофилы. А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. и И. С. Аксаковы. М., 1910. С. 37–38.

²⁵⁰ Там же.

Как тут не вспомнить размышления великого русского ученого-естественника Д. И. Менделеева, напряженно думавшего о судьбе России, об обустройстве ее жизни: «Артельно-кооперативный способ борьбы со злом капитализма, со своей стороны, считаю наиболее обещающим в будущем и весьма возможным для приложения во многих случаях в России, именно по той причине, что русский народ, взятый в целом, исторически привык и к артелям и к общинному хозяйству»²⁵¹.

У некоторых же современных авторов специфические социально-экономические реалии российской истории вызывают совершенно другие ассоциации: «...В России как минимум со времен Ивана Грозного шло складывание *антиэкономики*, этого своеобразного *хозяйственного антимира*, внешне как будто и сходного с экономикой европейского типа, а на самом деле в корне, принципиально отличного от него»²⁵². Не трудно заметить, что за подлинную «экономiku» и подлинный «мир» принимается Запад. При этом невольно напрашивается следующая мысль: если эта российская «антиэкономика» смогла обеспечить существование огромного государства (и по территории и по населению) на протяжении нескольких веков, то не является ли такой тип экономики не «анти», а подлинной, наиболее адекватной для данной общественной системы. Не заводят ли нас сугубо экономические сравнения в определения «ловушки».

Действительно, по экономическим показателям Россия всегда отставала от Запада. Но если взять такой важный показатель могущества любого государства, как военно-политические победы, то получается иная картина: на протяжении XVIII–XX вв. Россия постоянно одерживала верх в наиболее критических ситуациях противостояния держав на мировой арене. Начало XVIII в. — победа над Швецией, конец XVIII в. — победа над Турцией, начало XIX в. — над наполеоновской Францией, начало XX в. — вероятная победа над Германией, середины XX в. — разгром гитлеровской Германии.

В данном перечислении названы побежденные Россией державы, которые в определенное время доминировали в Европе и даже вынашивали планы мирового господства. Конечно, у России были и военные поражения, например в Крымской войне или в русско-японской войне 1904–1905 гг., но на фоне стратегического успеха, который сопутствовал России на протяжении трех веков, эти поражения становятся исключением из правила.

---

²⁵¹ Менделеев Д. И. Границ познанию представить невозможно. М., 1991. С. 74–75.

²⁵² Косолапов Н. Россия: в чем же все-таки суть исторического выбора? // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 11. С. 13.

Отсюда следует, что и определение могущества государства, и сама проблема достижения большей экономической эффективности должны анализироваться на основе более широкого набора параметров. На данную мысль наводит и общественный опыт других стран, являющихся, как и Россия, сложными и долгоживущими политическими и социокультурными системами. Так, один из исследователей современного Китая приходит к следующему заключению: «Кризис европоцентристской модели модернизации стимулировал — и в мире, и в Китае — стремление рассматривать проблемы развития в более широком плане: не только как экономические или политико-экономические по преимуществу, но прежде всего как коренящиеся в общем контексте культуры.

Традиционному отождествлению развития с экономическим ростом было противопоставлено подчеркнутое внимание к роли духовных ценностей в определении темпов экономического роста и верификации его целей»²⁵³.

Таким образом, экстраполяция понятия «государство», в основе которого лежит бинарная природа власти и собственности, хорошо объясняет развитие социально-политических процессов на Западе, но может привести к искаженным представлениям о существовании социальной динамики восточных обществ, к числу которых в этом отношении можно отнести и Россию.

Понятие «государство» является не единственной категорией политической науки, содержание которой существенно различно в западной и российской политической и философской мысли.

Возьмем, к примеру, очень распространенное в современном политическом лексиконе пары понятий: «демократия» – «авторитаризм» или «демократический» – «авторитарный».

Представляется, что существо отраженных в данных категориях явлений общественной жизни, исторически сложившееся в западном опыте не соответствует и даже противоречит российским социальным и ментальным традициям. В этом легко убедиться, посмотрев политические энциклопедии и словари, регулярно издающиеся в западных странах. Трактовка понятий «авторитарный» и «демократический» в этих изданиях строится на двух принципиальных положениях: 1) авторитарный способ правления — это социальная

---

²⁵³ Бергер Я.М. Модернизация и традиция в современном Китае // Полис. 1995. № 5. С. 72.

аномалия; 2) авторитаризм — это антипод, противоположность демократии²⁵⁴.

Применение такой интерпретации авторитаризма и демократии к историческим реалиям России приводит к целому ряду несоответствий. Связано это с тем, что российская государственность в длительной исторической ретроспективе имеет по меньшей мере две уникальные характеристики.

Первая. *Устойчивость авторитарных форм государственно-го управления в рамках длительного (или даже очень длительного) исторического времени.*

Действительно, с самого начала зарождения российской государственности в IX–X вв. на протяжении многих столетий в России существовали авторитарные формы правления (княжеские феодальные монархии, сословно-представительная монархия, самодержавие). И даже в XX веке после восьмимесячного «демократического» хаоса в 1917 г., который лишь условно можно назвать республиканским способом правления, в стране опять фактически на семь десятилетий был установлен политический режим, который сами его создатели называли диктатурой.

Существуют различные объяснения данной исторической реальности. Чаще всего ее объясняют отсталостью российского общества и даже архаикой российской государственности. Но может существовать и другая интерпретация.

В соответствии с этой интерпретацией именно авторитарные формы управления российским обществом позволяли на протяжении многих столетий сохранять целостность огромной евроазиатской державы, находить приемлемые формы взаимоотношений центра и окраин, различных этнических и конфессиональных групп.

Можно привести много примеров, когда Россия в сложнейшие периоды своей истории выживала прежде всего при помощи национально-государственной централизации, унитаризации.

На современном этапе в качестве одного из преобразовательных ориентиров избран путь децентрализации или путь федерализации страны. Причем никто точно не знает, каким должно быть это новое федеративное устройство государства. Одна из сложнейших теоретических и практических трудностей, которые стоят перед нами, заключается в том, что накопленный в мире опыт федеративных от-

---

²⁵⁴ См., например: *Theimer Walter*. Lexikon der Politik. Politische Grundbegriffe und Grundgedanken. Tubingen, 1981. S. 35; Lexikon der Politik. Hrsg. von D. Nohlen und R.-O. Schultze. Band I. Munchen, 1995. S. 27.

ношений прямо не подходит к России, и тем самым, если мы хотим создать федерацию в России, мы должны опять же найти пути и формы преломления, адаптации федеративного принципа в уникальных условиях России. Пока же идет стихийный, неуправляемый процесс, которому придумали научный термин — «ассиметричная федерация», что на деле есть регионализация и дезинтеграция страны.

Регионы все больше в административном и экономическом отношении живут по своим собственным законам и правилам. Происходит это потому, что недееспособен центр. Фактически разрушена вертикаль государственной власти. Ослабление силы власти в центре приводит к ее усилению (и в ряде регионов — к авторизации) власти на местах. Авторитаризация же власти на местах происходит не столько потому, что местные лидеры реализуют свои амбиции, сколько потому, что по другому сейчас в регионах невозможно выжить. Процесс этот тупиковый. Анализ политической динамики России показывает, что страна начинала возрождаться как раз после того, когда силу набирала обратная тенденция.

Безусловно, нужно признать, что в современном мире существует тенденция расширения прав периферии по отношению к правам центральной власти. Но нужно иметь в виду, что во-первых, эта тенденция проявляет себя прежде всего в стабильных, развитых обществах, к числу которых Россия в настоящее время, к сожалению, не принадлежит, а во-вторых, никакое делегирование полномочий в едином государстве не должно приводить к ситуации, когда федеральные законы на местах никто не собирается выполнять.

Исторически достоверным является и то обстоятельство, что жесткая власть была более адекватна в России не только в экстремальных, но и в целом нормальных, спокойных условиях. Именно такая власть становилась опорой и основой национальной самостоятельности и идентичности и в политической, и в экономической, и в национально-государственной, и в духовной, и, во всех других общественных сферах. Она обеспечивала стабильность общества, наиболее оптимальное соотношение различных социальных интересов, власти и собственности.

Российский авторитаризм был не просто одной из разновидностей существовавшей еще с античных времен формы политической организации, типа власти, а имел глубокие, собственные национальные исторические корни. На этот счет один из забытых русских мыслителей конца XIX в. Р. А. Фадеев сделал очень меткое замечание: «Не русский народ вырастил из себя свою верховную власть,

как всегда происходило и происходит в свете, а, напротив, верховная власть создала русское государство и русский народ из распавшегося, уничтоженного и погибающего племени»²⁵⁵. Если в Европе оптимизация общественных структур и связей достигалась в результате естественноисторического процесса, в результате развития базисных субстанций, то в России те же самые результаты достигались военно-этангистским путем.

Вторая уникальная особенность российской государственности. *Уникальный исторический опыт синтеза центральной авторитарной власти и местной демократии.* Эта особенность российской государственности, заключается в том, что внутри системы центральной монархической (авторитарной) власти всегда существовали ячейки, элементы местной демократии. В. О. Ключевский, например, упоминает институт земских старост, избираемых населением и имеющих достаточно большие полномочия в решении многих вопросов повседневной жизни²⁵⁶. Именно такое особое устройство (тип) государства, в котором была органично соединена низовая представительная демократия и сильная власть центра, И. С. Аксаков считал «русским политическим идеалом», указывая при этом на то, что «со стороны правительства здесь нет уступки власти, а лишь возвращение власти в ее истинные пределы, где только она и может быть *вполне могущественна...*»²⁵⁷.

Задача верховной (авторитарной) власти — обеспечивать централизованный и жесткий контроль и принуждение в исполнении законов и правил общественного строя. Функция низовой (местной, земской) демократии состоит в создании условий для функционирования гражданского общества, в обеспечении нормального процесса реализации частных и коллективных (общинных) прав. В этом и суть самодержавия славянофильского типа — «много умов и одна воля», — в отличие от самодержавия бюрократического типа (полицейское государство) — «государство — это я» или от самодержавия западнического типа — «много умов и много волей»²⁵⁸.

Разумеется, что реальная общественная жизнь в России была далека от этого идеала. Но именно приближение или отдаление от него обуславливало степень общественной стабильности в стране. Не случайно в конце XIX – начале XX вв., тенденция самодержавия

---

²⁵⁵ *Фадеев Р. А.* Собрание сочинений. Т. 3. Ч. 1. СПб., 1889. С. 156.

²⁵⁶ См.: *Ключевский В. О.* Сочинения: В 9 т. Т. II. М., 1987. С. 331–332.

²⁵⁷ Теория государства у славянофилов: Сб. статей. СПб., 1898. С. 14.

²⁵⁸ *Киреев А.* Краткое изложение славянофильского учения. М., 1896. С. 32.

к излишнему и даже тотальному администрированию из центра вызвала критику практически всех общественных сил.

Проведенный выше анализ исторической специфики общественного развития России убеждает нас в том, что непосредственное применение западных политических концепций к интерпретации российского опыта не всегда правомерно. К сожалению, это проблема не только теории, но и практики.

В основе политической стратегии современных российских реформ как раз и лежали, на наш взгляд, ложные концептуальные предпосылки, в соответствии с которыми эффективное переустройство России возможно только на основе западных образцов. Нужно только при этом привести все в соответствие: *вместо* авторитаризма установить демократию, *вместо* государственного регулирования экономики создать свободный рынок, *вместо* коллективных форм собственности создать как можно больше отдельных частных собственников и т. д.

Всем очевидно, что данная стратегия на деле привела страну ко многим разрушительным последствиям. Нынешние и будущие российские реформаторы должны помнить об этих уроках. И думается, что наиболее оптимальные модели преобразований в России должны строиться на основе органичного увязывания мирового опыта, с одной стороны, и специфических и национальных особенностей и традиций — с другой.

3. Проблема «Россия – Запад» в отечественной философско-политической мысли 30–40-х гг. XIX в.

Проблема «Россия – Запад» — это проблема научной интерпретации взаимодействия двух мощных, долгоживущих и соседствующих (пограничных) общественных систем — России (Российского государства) и Западной Европы (Германии, Австро-Венгрии, Франции, Великобритании) на протяжении нескольких последних веков мировой истории²⁵⁹.

---

²⁵⁹ Проблема «Россия – Запад» в научной литературе имеет давнюю традицию и доминирующим в ней является компаративистский подход, в центре внимания которого находятся вопросы культурной и ментальной идентичности, специфики восприятия и объяснения окружающего мира. Из последних работ в рамках этого подхода следует выделить две — *Панарин А. С.* Политология. Западная и Восточная традиции. М., 2000 и *Подвойский Д. Г.* Антиномия «Россия – Запад» и проблема социокультурной самобытности. М., 2005. В данной статье в проблеме «Россия – Запад» акцент делается на **взаимодействии** двух общественных систем, через анализ которого, по мнению автора, можно приблизиться к ответам на вопросы: **«Чем и почему отличается Россия от Запада, на сколько эти отличия существенны в настоящем и могут ли эти отличия стереться в будущем?»**. Можно отметить, что это «вечные вопросы» для России.

У этого несколько векового взаимодействия есть два исторических водораздела. **Первый** — это XVII век, **второй** — война России и наполеоновской Франции, которая приходится на первые полтора десятилетия XIX века, а значит и три исторических периода — 1) до XVII в.; 2) XVII – начало XIX в.; 3) после 1814–1815 гг.

Во время первого периода европейские страны и Российское государство сосуществовали друг с другом, имели тесные связи, но развивались в основном автономно. В XVII в. происходит массированное проникновение в Россию западных ценностей и норм. В. О. Ключевский, который специально изучал данные процессы, оценивает их для дальнейшего развития России крайне негативно. «До XVII в., — писал он, — русское общество отличалось цельностью своего нравственного состава ... Западное влияние разрушило эту цельность ... Раскол, происшедший в русской церкви XVII в., был церковным отражением этого нравственного раздвоения, вызванного западным влиянием в русском обществе. Тогда стали у нас друг против друга два мировоззрения, два враждебных порядка понятий и чувств. Два лагеря»²⁶⁰.

Другие мыслители того периода (например, Б. Н. Чичерин) отнеслись к этим процессам более нейтрально. При географическом соприкосновении двух систем проникновение новейших политических и экономических идей и концепций, технических и научных достижений и т. п. из более передовой системы (Европа) в более слабую (Россия) является, по их мнению, естественным и неизбежным.

Одним словом, западное влияние на Россию — это объективный исторический процесс. Но реализовываться это влияние в реальных условиях может по-разному. Теоретически существует три модели такой реализации:

Первая модель: Безоговорочно принять (копировать) — одна крайность;

Вторая модель: Не принимать (изоляциялизм) — другая крайность;

Третья модель: Принять, но адаптировать на новой почве — срединный «третий» путь.

В реальности, западное влияние в России реализовывалось по срединному, «третьему» пути. Не было ни безоговорочного копирования, ни изоляционизма. Была сложная, мучительная, противоре-

---

²⁶⁰ Ключевский В. О. Западное влияние в России после Петра // Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 13–14.

чивая адаптация, критическая переработка западных ценностей на российской почве.

Не случайно, Петр I, хорошо знакомый как с экономико-техническими, так и с политическими достижениями Запада, энергично стал внедрять только технические новинки. Что же касается политической системы, то действия Петра были направлены прямо в противоположную сторону от западных образцов.

Такая избирательность в восприятии западных достижений в России была характерна и для последующих периодов русской истории. Складывается впечатление, что на границах России стояли своеобразные фильтры, которые пропускали экономико-технические и культурные новинки, а политические образцы неизменно задерживали.

Третий путь характерен не только для XVII–XVIII вв., но для XIX века. Но в начале этого века мы сталкиваемся с новым водоразделом в историческом взаимодействии России и Запада. После войны с Наполеоном Россия, вышедшая победительницей в противоборстве с наиболее мощной силой тогдашнего Запада (Наполеоновская Франция), уже не могла не воспринимать себя, по меньшей мере, как нечто равнозначное Западу²⁶¹. С этого исторического момента следует говорить не только о влиянии Запада на Россию, но и о влиянии России на Запад (во всяком случае, в политическом и идеологическом смыслах).

Существенным для того времени было и следующее обстоятельство. В 1812–1814 гг. русская монархия оказалась в решительной схватке на театре общеевропейской войны мощнее западной французской монархии. Получалось, что *отсталый*, во многом патриархальный государственный порядок оказался прочнее более *передового*, пропитанного западными демократическими ценностями Великой революции 1789–1792 гг., государственного порядка. Это означало, что в этом отсталом порядке было *нечто*, что позволило в военно-экономическом противоборстве на мировой арене того вре-

---

²⁶¹ Даже можно говорить, пожалуй, и о том, что в то время Россия являлась реальной доминантой европейской политики, а российский император Александр I — фактическим вершителем судеб не только Франции, но и всей Европы. Свидетельство очевидца и активного участника событий накануне взятия Парижа в марте 1814 г. М. Ф. Орлова: «Положение императора [Александра I — М.Е.] было необычайно достопримечательно. Величаво и важно говорил он всякий раз, когда приходилось защищать общие европейские выгоды, но был снисходителен и кроток, как скоро дело шло о нем самом и о его собственной славе. На деле участь мира зависела от него, а он называл себя только орудием провидения» — Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963. С. 6.

мени одержать верх²⁶². Не случайно, поэтому В. В. Зеньковский, анализируя русскую мысль после 1812 года, отмечает то, что в этот период «с новой силой вспыхивает тема русской «самобытности» — уже не во имя возврата к старой русской жизни, как это часто бывает в XVIII в., а во имя раскрытия «русской идеи», «русских начал», до ныне лежавших скрыто в глубинах народного духа»²⁶³.

Проникнуть в глубину таких фундаментальных вопросов как «русская идея» или «русские начала» невозможно было без философии. Поэтому закономерно, период 30–40-х гг. — это время расцвета философии в России. «Философия, — пишет Д. И. Чижевский, — была в России и раньше, как отдельная, одна из многих наук. Интересовались ею ограниченные круги учителей и учеников. «Сороковые годы» вовлекают в водоворот философствования не только все проблемы, но все слои общества ... Философия стала — по крайней мере в возможности — основной наукою; более того — философия стала особою формою человеческого бытия»²⁶⁴.

Благоприятным полем для философской полемики стал развернувшийся именно в это время знаменитый спор западников и славянофилов, который потом красной нитью проходит через всю интеллектуальную жизнь XIX века и не прекращается по сути и по сей день.

Не случайно в раздвоении русской мысли и стратегии государственной политики на западничество и славянофильство скрыта одна из загадок нашего интеллектуального развития. Эта загадка заключалась в кардинальном несоответствии, противоречии между теоретической интерпретацией этой проблемы (западники — славянофилы) и векторами, программами реальной государственной политики.

Так, на теоретико-литературном уровне интерпретации проблемы «Россия и Запад» противопоставление позиций было во многом условным, так как в качестве общей, объединяющей идеи признавался постулат о самобытности России и уникальности ее исторической судьбы.

Возьмем для примера две фигуры, представляющие раннюю и зрелую стадии западничества, для которых, казалось бы, идея самобытности России была мало приемлема, — В. Белинского и К. Кавелина. В трудах первого мыслителя мы можем найти множество

---

²⁶² В качестве ремарки отметим, что в решающем военном противостоянии на мировой арене Россия в XVIII веке взяла верх над Швецией, доминирующей в то время в Европе, а начале XX в. была в числе держав, победивших в Первой мировой войне.

²⁶³ Зеньковский В. В. История русской философии. Т. I. Часть I. Л., 1991. С. 143.

²⁶⁴ Чижевский Д. И. Гегель в России. Париж, 1939. С. 34.

суждений западнического характера. Здесь и призыв к русско-му народу «приобщиться к общей жизни человечества, составить часть великого семейства человеческого рода»²⁶⁵, и мнение о том, что «нам суждено сделаться европейскими русскими и русскими европейцами»²⁶⁶, и т. д. Но одновременно с этим постоянно звучит и другая мысль, другой лейтмотив: «...настало для России время развиваться самобытно, из самой себя...». Или: «...перенесенные на почву нашей жизни, эти (уже решенные в Европе. — *Авт.*) вопросы те же, да не те, и требуют другого решения»²⁶⁷.

Выделенные мысли В. Белинского относятся к 30–40-м гг. XIX в. Позже другой западник К. Кавелин, высказывает аналогичные суждения, которые в современных условиях звучат не только злобно, но и даже пророчески: «Образованный слой русского общества, за очень редкими исключениями, продолжает по-старому питаться чужими мыслями, действовать по чужим образцам. Мы до сих пор едва догадываемся, что наши взгляды — выводы из чужой жизни, и добродушно принимаем их за результат самостоятельного нашего развития. Вот где источник наших противоречий и разлады... Уравновесить умственные и нравственные силы с действительностью, соединить в одно гармоническое целое мысль и жизнь может отныне одно только глубокое изучение самих себя в настоящем и прошедшем. Других путей нет и быть не может»²⁶⁸.

Таким образом, философско-политический анализ искомой проблемы приводит в конечном итоге не к размежеванию, а к сближению различных концептуальных подходов, к симбиозу западничества и славянофильства.

Признавая русскую «самобытность» как реальную характеристику русского общественного развития, западники и славянофилы по-разному относились к ее использованию в реальных процессах. Западники думали о том, как эту «самобытность» совместить, слить с западными порядками, тогда как славянофилы думали как раз о том, как бы эту «самобытность» наоборот оградить, изолировать от западного влияния.

Таким образом, на уровне теоретических споров западничество и антизападничество имели очень тонкую, часто — едва заметную разграничительную грань. Но как только эти идеи начи-

---

²⁶⁵ Белинский В. Г. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. М., 1948. С. 24.

²⁶⁶ Белинский В. Г. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 4. М., 1979. С. 12.

²⁶⁷ Белинский В. Г. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3. М., 1948. С. 652, 666.

²⁶⁸ Кавелин К. Д. Наш умственный строй: Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 255.

нают экстраполироваться на практическую политику, так позиции становятся все более противоположными и даже антагонистичными. На передний план выходит подход «или – или». В реальной политической истории России весь XIX в. консервативные реформации с прозападными ориентациями сменяются контрреформациями охранительно-славянофильского типа.

Постоянно возникает как бы патовая ситуация: с одной стороны, идея самобытности, особого пути России не могла преодолеть абстрактный уровень историософского спора и трансформироваться в программу практических преобразований, и в этом смысле оказалась бесплодной для реальной жизни, а с другой, государственная политика металась между крайностями западничества и славянофильства и не могла найти «золотую середину», модель общественного развития, опирающуюся на уникальные особенности российского общества и российского народа. Это противоречие и в теории, и на практике так и не было преодолено на протяжении всего XIX в.

Более того, следует отметить, что на умонастроения и практические действия разных слоев российской элиты, в том числе и правящей, начиная с XIX века по настоящее время, большое влияние оказывали европоцентристские ориентации и ценности. Правильно замечает современный исследователь Н. С. Розов: «Тема «Россия и Европа» ... остается центральной и чуть ли не единственной в вопросах самоидентификации нашей страны. Эта черта проявляется повсеместно — от традиционного европоцентризма школьных и вузовских учебников практически по всем дисциплинам до забавной привычки сибирских начальников измерять свои таежные края в «бельгиях» и «голландиях» (но почему-то не в «сириях», «кениях» или «экваторах)»²⁶⁹.

Во второй половине XX в. в советской историографии для объяснения метаморфоз российской истории использовалась концепция «развилки» или «выбора пути» исторического развития России, которая подводит нас к выделению трех теоретических моделей интерпретации России (в контексте проблемы «Россия–Запад»):

первая модель: Россия — это **Запад** (часть Запада, может быть только отстающая в своем развитии часть Запада);

вторая модель: Россия — это **антиЗапад**, восточно-азиатская страна;

---

²⁶⁹ Розов Н. С. Геополитика, геоэкономика и геокультура: взаимосвязь динамических сфер в истории России // *Общественные науки и современность*. 2011. № 4. С. 117.

третья модель: Россия — это и не Запад, и не АнтиЗапад, особая, уникальная цивилизация, в которой могут быть угаданы лишь отдельные характеристики как Запада, так и АнтиЗапада.

При анализе данных моделей следует избегать отождествления России и Востока. Особый статус России обусловлен как раз тем, что она является пограничным регионом между Западом и Востоком. Через этот регион проходят не только торгово-экономические связи, но и многочисленные переплетающиеся линии взаимодействия, соприкосновения различных культур, ментальностей и традиций.

Поэтому, наиболее адекватной моделью, объясняющей многие перипетии исторического взаимодействия России и Запада как различных общественных систем, представляется третья модель.

При этом следует иметь в виду, что интерпретация проблемы «Россия – Запад» невозможна только в рамках и методологическими средствами «событийной» истории, поскольку Россия и Запад — это, по сути две разные исторические «материи», в которых в рамках очень длительного глобального тренда течет (во всяком случае, периодами) **разное (локальное) историческое время** и развитие которых детерминировано **разными по многим характеристикам национальными матрицами**. Может быть, именно такой подход (*глобальная история как совокупность нелинейно развивающихся локальных историй*)²⁷⁰ позволит выработать адекватную интерпретацию старой проблемы «Россия – Запад», которая окажется полезной и эффективной для современной практической политики.

4. Политическая мысль и политическая история: проблема взаимодействия в российском контексте XIX века

Проблема взаимодействия (или соотношения) социально-политических идей и концепций, с одной стороны, и конкретных социально-политических условий, обстоятельств, в которых появляются и развиваются эти идеи, с другой стороны, всегда была одной из важнейших, базовых в самых разных философских и социально-политических учениях, включая и учение Маркса.

В своей книге я хотел бы остановиться на данной проблеме в контексте истории политических учений как самостоятельной научной

---

²⁷⁰ См. интересную концепцию соотношения глобальной и локальной историй применительно к истории России — *Ионов И. Н.* Глобальная история и изучение прошлого России // *Общественные науки и современность.* 2011. № 5. С. 139–153.

и образовательной дисциплины, которая активно развивалась в России с 40-х гг. XIX века.

Два концептуальных подхода:

1) В рамках **первого** подхода (одним из его авторов можно назвать Б.Н. Чичерина) эволюция политической мысли трактовалась как процесс имманентно развивающихся субстанций.

Чичерин считал, что в основе своей этот процесс является циклическим. Во введении к своей пятитомной *«Истории политических учений»* (первый том вышел в свет в 1869 г.) Чичерин писал: **«Внимательное изучение политических теорий убеждает нас ..., что все ... разнообразие взглядов сводится к некоторым основным группам, которые постоянно повторяются в истории, а исследование самого содержания систем показывает, что эти группы соответствуют основным элементам государственной жизни»**. Далее Чичерин конкретизирует данный тезис: **«В истории политических учений мы встречаем четыре главные школы, которые возвращаются постоянно, в каждую эпоху развития политической мысли»**.

2) В конце XIX в. в России начинает формироваться другой (второй) подход. В основе данного подхода лежала критика идеалистической односторонности гегельянской схемы Чичерина, в которой игнорировались внешние условия развития политических учений. В рамках данного подхода политические идеи и концепции рассматривались как научная рефлексия политической действительности.

В числе авторов такого подхода следует назвать прежде всего М.М. Ковалевского, который в 1906 выпустил в свет трехтомный труд под названием *«От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. Роль государства и его отражение в истории политических учений»*. В качестве главной задачи своего труда Ковалевский видит задачу **«показать более тесную зависимость политической мысли от политической жизни»**.

Одной из важнейших обобщающих идей, к которым приходит Ковалевский в своем труде является идея повторяемости политических концепций на различных витках человеческой истории, но уже не как результат имманентного развития самих идей о государстве и государственных системах, а как рефлексия относительно повторяющихся политических условий. У такой концепции кроме Ковалевского были и другие авторы — например, историки Виппер и Свати-ков, государствовед Вальденберг, ученый-социалист Плеханов.

Следует отметить, что русский XIX век был чрезвычайно насыщен интеллектуальными исканиями и спорами. Но, пожалуй, можно во всем этом выделить главную, стержневую тему: «**Россия и Запад**». Мимо этой темы не прошел ни один крупный русский мыслитель того времени.

Конечно, в основе данной темы (или проблемы) «Россия и Запад» было стремление познать прежде всего Россию, а не Запад, который в данном случае выполнял роль отражательного зеркала, некоего мерила прогресса. И тем самым искомую формулу можно свести к вопросу: «Что такое Россия (на фоне Запада)?».

В ответе на данный вопрос уже в начале XIX в. столкнулись две позиции, две интерпретации. *Первая*: Россия — это страна, по ряду объективных причин отстающая от Запада, но имеющая все основания его догнать, пройдя ускоренными темпами путь Запада, реализовав его политический и социально-экономический опыт в российских условиях. *Вторая*: Россия — это общество, имеющее уникальную, самобытную природу, которая самоценна и самодостаточна для достижения высоких уровней общественного развития, но иными путями и способами, чем это сделал Запад.

Идеологом первой позиции в начале XIX в. выступил **Михаил Сперанский (1772–1839)**, второй — **Николай Карамзин (1776–1826)**. Обе позиции отталкивались от одной и той же основы — оценки реформ Петра I. В сопоставлении этих позиций сразу же проявилась несовместимость взглядов по таким вопросам, как «влияние Запада на Россию», «необходимость заимствования западного опыта» и т. д.

М. Сперанский оценивал прозападнические тенденции в преобразованиях Петровской эпохи как наиболее верный путь, ведущий к спасению России²⁷¹. Н. Карамзин же, наоборот, считал этот путь началом ее неизбежной гибели²⁷².

Итак, имеем два полюса: 1) ИЛИ — **идея радикальной реформы** с ориентацией на западноевропейские ценности социально-политической жизни (модель Сперанского); ИЛИ — **идея сохранения самодержавия** (абсолютной монархии) как условия стабильности российского общества (модель Карамзина).

Все развитие русской политической мысли первой половины XIX века — это споры и интерпретации вокруг этих полярных моделей. С определенными оговорками в круг этих споров можно вклю-

²⁷¹ См.: *Сперанский М. М.* Проекты и записки. М., 1961. С. 57.

²⁷² См.: *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 35.

чить и начавшуюся в 30-е гг. XIX в. полемику между западниками и славянофилами.

В преобразованном виде данная дихотомия русской политической мысли находит свое развитие и во второй половине XIX в. Здесь также без труда можно обнаружить два полюса: 1) ИЛИ — сформировавшаяся в рамках революционно-демократической идеологии **идея революции**, которая должна обеспечить социально-политическую радикальную модернизацию общества на социалистических началах. Идея социализма, имеющая западноевропейские корни, идеологами русских революционных демократов адаптировалась к российским условиям (сельская община). Позднее большевиками претворение этой идеи в жизнь, также как и у Маркса, стала связываться с борьбой пролетариата (условно — модель Ткачева²⁷³); ИЛИ — идея незыблемости самодержавия, системного сохранения российской абсолютной монархии, допуская при этом некоторые несистемные реформации и изменения (условно — модель Фадеева²⁷⁴).

Сравнивая циклы политической истории и циклы моделей политической мысли русского XIX века, не нужно искать их полного соответствия. В этих моделях политической мысли отразилась не конкретика политического процесса, не сложные и противоречивые его перипетии, а его динамика, его дихотомические циклы.

Конечно, в русской политической литературе XIX века мы находим огромное количество идей, которые находятся вне рамок этих полярных моделей, по своей идейной сути носят промежуточный характер (например, идеи русского либерализма). Но эти идеи не были самодостаточны и системообразующи. Их суть — это колебания между полюсами, крайностями.

Может быть именно поэтому стратегия, основанная на этих промежуточных идеях, в исторической перспективе оказалась и не реализованной. Не они, а другие, полярные идеи отражали главный, базовый вектор российской исторической динамики.

---

²⁷³ **Петр Ткачев (1844–1885)** в ряде работ середины 70-х гг. («*Революция и государство*», «*Народ и революция*» и др.) призывал к насильственному свержению существующей власти и построению общества, основанного на социалистических принципах (обобществление производства, прямое распределение продуктов труда и т. д.).

²⁷⁴ **Ростислав Фадеев (1824–1884)** в «*Письмах о современном состоянии России*» (написаны в 1872–1880 гг., изданы отдельной книгой в 1881 г.) выступал против реформ, которые проводились в России в 60–70-х гг. и предлагал проект народной (земской) монархии, в которой по его замыслу должны были органично соединиться самодержавная власть монарха и поддерживаемое всем народом местное (земское) самоуправление.

Именно поэтому среди концепций, с разных философских позиций интерпретирующих природу развития политического (а по сути, и шире — гуманитарного) знания, я отдаю предпочтение концепции Ковалевского. Эта концепция не только показывает, что вне контекста взаимосвязей политических условий невозможно понять, почему политическая мысль в истории развивается так, а не иначе, но и помогает правильно определить направления и этапы генезиса этого знания.

5. Политика, государство, власть в концепции русской истории В. О. Ключевского

Имя и труды выдающегося отечественного историка В. О. Ключевского (1841–1911) широко известны как у нас в стране, так и за рубежом. Но несмотря на регулярное издание его трудов, а также немалое количество научных исследований его наследия²⁷⁵, существенным недостатком остается изучение неисторических взглядов Ключевского и, в частности, его оригинальных и глубоких положений и обобщений, относящихся к политической жизни общества, к природе и функционированию государственной власти.

Действительно, внимательное прочтение трудов Ключевского приводит к выводу, что перед нами не только выдающийся историк, но и оригинальный мыслитель, в воззрениях которого происходит редкое по своей органичности и целостности сочетание, переплетение исторических и политических идей.

Не в последнюю очередь формирование мировоззренческих и научных взглядов Ключевского было обусловлено исторической эпохой, реальными обстоятельствами русской жизни, при которых происходило становление Ключевского как ученого и как гражданина.

Роль исторических условий и событий конца 50–60-х гг. XIX в. в России в формировании научных и политических взглядов Ключевского. Огромную роль в формировании личности Ключевского, по мнению его современников, имели политические события конца 50-х – начала 60-х гг. XIX века в России. М. К. Любавский указывает на символическое совпадение исторических событий и факта биографии Ключевского, которое произошло в 1861 году. Он пишет: «27 февраля 1861 года, неделю спустя после отпуска крестьян на волю, вышел на волю и наш Василий Осипович [имеется в виду

---

²⁷⁵ См. библиографию основных работ, посвященных личности и наследию В. О. Ключевского — *Щербань Н. В.* Памяти великого историка. К 165-летию со дня рождения В. О. Ключевского // Отечественная история. 2006. № 2. С. 87–88.

данное церковными властями разрешение Ключевскому оставить семинарию — *авторы статьи*]. Между этими двумя фактами, несомненно, была некоторая внутренняя связь, а не простое, случайное совпадение. В русской общественности поваяло новым, свободным духом, стали открываться заманчивые жизненные перспективы, широкое поприще для приложения способностей, и талантливого семинариста естественно потянуло на этот общественный простор»²⁷⁶.

На то, что сам факт совпадения поступления Ключевского в университет, а значит и начала его сознательной научной стези, с одной стороны, и момента отмены крепостного права и проведения в России серьезных социально-экономических преобразований, с другой — имел решающее значение для дальнейшего формирования личности Ключевского, указывают многие его современники. Приведем в этой связи только два высказывания: 1) «В. О. Ключевский поступил в университет как раз тогда, когда ликвидировалось вековое зло русской жизни, крепостное право. И это великое общественное событие оставило на историке сильное, неизгладимое впечатление» (П. Н. Милоков)²⁷⁷; 2) Ключевский «выступал на общественную арену, когда сильно было еще охватывающее общество возбуждение, поднятое реформой. Настроение тех годов отразилось и на его научных интересах ... В[асилий] О[сипович] хорошо помнил ту эпоху ...» (М. М. Богословский)²⁷⁸.

За четыре года учебы Ключевского на историко-филологическом факультете Московского университета в России были проведены шесть крупных реформ: крестьянская (или аграрная) (1861), университетская (1863), земская (1864), среднего образования (1864), судебная (1864), печати (цензуры) (1865). Эти реформы привели к существенным изменениям в социально-экономической, политической и культурной сферах российского общества.

Возникает вопрос: к каким же изменениям привели эти кардинальные социально-экономические и политические реформы в общественных настроениях, в интеллектуальной обстановке в России, и какое влияние оказали эти изменения на умонастроение начинающего ученого Ключевского?

---

²⁷⁶ *Любавский М. К.* Василий Осипович Ключевский // В. О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912. С. 7.

²⁷⁷ *Милоков П. Н.* В. О. Ключевский // В. О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912. С. 199.

²⁷⁸ *Богословский М. М.* Историография, мемуаристика, эпистолярная. (Научное наследие). М., 1987. С. 57.

Главной особенностью интеллектуальной жизни России начала 60-х гг. многие современники Ключевского считают спад характерного для 40-х и 50-х гг. XIX века накала и остроты противоборства славянофильства и западничества. «В образованных кругах московского общества шестидесятих годов Ключевский уже не застал ни прежнего интереса к немецкому идеализму, ни той борьбы, которую западники вели с «первыми славянофилами». Так оценивает ситуацию А. С. Лаппо-Данилевский²⁷⁹. П. Н. Милюков в своем анализе идет существенно глубже. По его мнению, дело состояло не только в ослаблении борьбы западников и славянофилов, но и в существенном изменении акцентов в их концепциях и воззрениях. Так, славянофильство, по оценке Милюкова в 60-х гг. «начинает привлекать исследователей самых разнообразных категорий не своим квасным национализмом, не своей метафизически-богословской доктриной, а своим обращением к изучению народа, его быта, его психического склада, материальных условий его жизни»²⁸⁰. Это, по Милюкову, приводит к формированию нового вектора, нового направления научных и публицистических исследований в области общественных явлений. «Бросить мертвый механизм бездушных юридических форм, обратиться к живому материалу, наполняющему формы, — таков, — по мнению Милюкова, — общий лозунг в эти годы»²⁸¹.

Такой новый вектор требовал, безусловно, и новых подходов к интерпретации различных аспектов общественного развития, в том числе и переосмысления места и роли политического в истории.

Место политического в концепции русской истории Ключевского. Не в последнюю очередь слабый интерес исследователей к политическим (или лучше — политологическим) воззрениям Ключевского был обусловлен упрощенной трактовкой его исторической концепции. Тогда как политический аспект общественного развития является системообразующим в концепции русской истории Ключевского.

О существовании и глубоком содержании такой концепции стали говорить уже его ученики и непосредственные последователи. Так, например, по мнению Б. И. Сыромятникова, «установить правильный взгляд на Ключевского возможно только в том случае, если мы выдвинем на первый план его значение, как *главы нового истори-*

---

²⁷⁹ Лаппо-Данилевский А. С. Исторические взгляды В. О. Ключевского // В. О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912. С. 100.

²⁸⁰ Милюков П. Н. В. О. Ключевский // В. О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912. С. 198.

²⁸¹ Там же. С. 198–199.

ческого направления, утвердившего новый метод в русской исторической науке»²⁸². Этот метод ученики и последователи Ключевского назовут «социологическим» или «историко-социологическим»²⁸³.

В отличие от своих учителей (С. М. Соловьев, Б. Н. Чичерин), которые в основе исторического процесса рассматривали юридическое, или государственное начало (родовую организацию русской, и прежде всего, древнерусской государственности), Ключевский анализирует развитие русской истории в совокупности трех начал, факторов — политического, социального и экономического. По мнению И. Бородина, этот новый подход или метод Ключевского привел к тому, что «на смену прежней прагматики или сухим формально-правовым построениям теперь появилась история НАРОДА, история ОБЩЕСТВА»²⁸⁴.

«Социология» Ключевского — это концепция об органических взаимосвязях различных сфер общества обществе, о разграничении этих сфер по их функциям и по обеспечению ими определенных общественных интересов.

В литературе встречается мнение о том, что «социологический» метод Ключевского отражал в определенном смысле предметное поле социологии конца XIX – начала XX века, которое было значительно шире современного понимания и включало в себя вопросы политического развития общества²⁸⁵. Следует отметить, что эта точка не совсем точна. Дело в том, что после введения в действие Университетского устава 1863 года политические науки, хотя и не без проволочек, получили статус самостоятельных образовательных дисциплин в рамках юридического факультета российских университетов. Студентам этих факультетов преподавались история философии права²⁸⁶, политическая экономия. Большие разделы современной политологии включались в курсы государственного и кон-

---

²⁸² Сыромятников Б. И. В. О. Ключевский и Б. Н. Чичерин // В. О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912. С. 60.

²⁸³ См.: В. О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912. С. 86 (Б. И. Сыромятников); С. 106 (А. С. Лаппо-Данилевский) и др.

²⁸⁴ Бородин И. Памяти В. О. Ключевского // Современный мир. 1911. № 5. С. 310. Формулировки М. М. Богословского: «Всего охотнее его [Ключевского] мысль направляется к истории общественных классов»; и далее – «Если бы нужно было определить главную, господствующую склонность Ключевского как историка, я бы назвал его историком общественных классов» — Богословский М. М. В. О. Ключевский как ученый // В. О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912. С. 37, 39.

²⁸⁵ См., например: Карагодин А. И. «Философия истории» В. О. Ключевского. Саратов, 1976. С. 25–37.

²⁸⁶ Современное название данной дисциплины — «история политических учений» или «история правовых и политических учений».

ституционного права. Ключевский, который в этот период (после 1863 г.) закончил свое обучение в Московском университете и приступил к преподавательской деятельности, конечно, не мог не знать и не учитывать в своих работах указанные выше новейшие течения в гуманитарных науках.

«Социологическими» метод и концепция Ключевского могут называться только условно; в них создана редкая для того периода времени модель интерпретации исторических (общественных) процессов как взаимосвязанной совокупности различных сфер — политической и экономической, прежде всего.

Очень интересно, например, понимание Ключевским соотношения этих сфер. «Политическая и экономическая жизнь, — пишет В. О. Ключевский, — не составляет чего-то цельного, однородного, какой-то особой сферы людской жизни ... Жизнь политическая и жизнь экономическая — это различные области жизни, мало сродные между собою по своему существу. В той и другой господствуют полярно противоположные начала: в политической — общее благо, в экономической — личный материальный интерес; одно начало требует постоянных жертв, другое — питает ненасытный эгоизм ... Между тем человеческое общежитие строится взаимодействием обоих вечно борющихся начал. Такое взаимодействие становится возможным потому, что в составе частного интереса есть элементы, которые обуздывают его эгоистические увлечения ... Следовательно, взаимным отношением обоих начал, политического и экономического, торжеством одного из них над другим, справедливым равновесием обоих измеряется уровень общежития ...»²⁸⁷.

Таким образом, важнейшим основанием «социологического» метода Ключевского является определение специфики и органической связи всеобщего, надличностного интереса, общего блага (*политическая сфера*), с одной стороны, и частного, личного, прежде всего — материального интереса (*экономическая сфера*), с другой.

Взаимовлияние политического и экономического («политического факта» и «экономического факта»). В своей историсофской концепции Ключевскому удалось (что является редкостью для мыслителей XIX века) выйти за рамки материалистического и идеалистического подходов в трактовке исторического процесса, в интерпретации соотношения политического и экономического. Характерно, что свой подход к данной проблеме Ключевский раскрыва-

---

²⁸⁷ Ключевский В. О. Курс русской истории // Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. I. М., 1987. С. 57–58.

ет на материале русской и мировой истории. Анализируя реальные исторические процессы, Ключевский делает вывод, что во многих случаях «господствующий капитал становится источником власти, его операции соединяются с привилегиями, его владельцы образуют правительство, экономические классы превращаются в политические сословия»²⁸⁸ и в этих случаях экономический фактор является, безусловно, первичным и определяющим по отношению к политическому и другим сферам общественной жизни. Или как пишет Ключевский: «Политические факты вытекают из экономических, как их последствия»²⁸⁹.

Вместе с тем, Ключевский показывает, что в реальной истории неоднократно наблюдались такие ситуации, когда экономические отношения формировались внешней силой, когда «страна подверглась завоеванию, которое ввело в нее новый общественный класс, изменив положение и отношение прежних, туземных»²⁹⁰. «Пользуясь правом победы, — пишет далее Ключевский, — этот класс берет в свое распоряжение труд побежденного народа. Перемены, какие происходят от этого в течение народно-хозяйственной жизни, являются прямыми последствиями политического факта...; и все эти новые экономические факты будут следствием предшествующих им фактов политических»²⁹¹. По мнению Ключевского, именно такие процессы создавали многие государства средневековой Европы, которые образовались из провинций Римской империи²⁹².

А в рамках какой схемы развивалась русская история? На этот вопрос мы находим у Ключевского прямой, хотя и сложный, ответ. Как один из наиболее глубоких знатоков русской истории, Ключевский считает, что «в истории нашего общества, по-видимому, господствовали смешанные процессы...; простейшие политические и общественные формации создавались посредством очень сложных процессов, короткие расстояния проходились длинными изви-

---

²⁸⁸ Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси // Ключевский В. О. О государственности в России. М., 2003. С. 7.

²⁸⁹ Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси // Ключевский В. О. О государственности в России. М., 2003. С. 7. «Политический факт» и «экономический факт» — это оригинальные термины Ключевского, которыми он подчеркивает, что основания для своих обобщающих теоретических выводов он находит в реальных событиях и процессах мировой и русской истории.

²⁹⁰ Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси // Ключевский В. О. О государственности в России. М., 2003. С. 7.

²⁹¹ Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси // Ключевский В. О. О государственности в России. М., 2003. С. 7–8.

²⁹² См.: Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси // Ключевский В. О. О государственности в России. М., 2003. С. 8.

листыми путями»²⁹³. Ключевский считает указанное обстоятельство «одной из самых характерных особенностей нашей истории»²⁹⁴. Представляется, что именно это реальное обстоятельство и не позволяет без очевидных натяжек объяснить русскую историю классическими (западными) моделями исторического процесса.

Рассмотренные выше исходные концептуальные позиции позволили Ключевскому сформулировать достаточно оригинальные и глубокие представления о политической власти, о государстве, а также по ряду других проблем, составляющих костяк современной политической философии.

Политическая власть и государство. Свое понимание политической власти Ключевский раскрывает на историческом примере появления Русского государства. Он показывает, что первоначально призванный на Русь «варяжский князь со всей дружиной» представляли собой лишь *вооруженную силу*, которая на первых порах принудительно сплачивала «бессвязные части» — разрозненные и часто враждебные друг другу славянские племена. Это удалось сделать только благодаря тому, что фактор вооруженной силы дополнялся реально существующим (экономическим, военным и др.) общим интересом, который существовал у этих разрозненных племен²⁹⁵. И как только, по убеждению Ключевского, «варяжский князь с дружиной» сумел стать «носителем и охранителем общего интереса ..., этот князь с дружиной из вооруженной силы превратился в политическую власть»²⁹⁶.

Таким образом, политическая власть для Ключевского — это организованная сила для представления и охранения *общего интереса* определенных социальных групп, сосуществующих и взаимодействующих на определенном географическом пространстве. Для России исторически это относится ко времени прихода на Русь Рюрика («варяжский князь») ²⁹⁷.

Правда, необходимо отметить, что для Ключевского, сила в основании власти должна иметь определенную функцию. Этой функцией является поддержание права; или иными словами, политическая

---

²⁹³ Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси // Ключевский В. О. О государственности в России. М., 2003. С. 11.

²⁹⁴ Там же.

²⁹⁵ См.: Ключевский В. О. Курс русской истории // Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. I. М., 1987. С. 160.

²⁹⁶ Там же.

²⁹⁷ Кстати, в 2012 году исполнилась «круглая» годовщина этому событию — 1150 лет, если брать за основу сообщение «Повести временных лет» о том, что Рюрик с дружиной приплыл на Русь из-за моря в 862 г. 5 марта 2011 г. Президент Российской Федерации Д. А. Медведев подписал Указ (№ 267) «О праздновании 1150-летия зарождения российской государственности».

власть является материальная, принудительная, т.е. физическая сила поддерживающая определенный правовой порядок²⁹⁸.

Одновременно с превращением объединительной вооруженной силы в *политическую власть*, по Ключевскому, разрозненный и слабо организованный властный конгломерат превращается в *государство*. Это две взаимосвязанные стороны одного исторического процесса. Ключевский иллюстрирует этот процесс опять же на примерах российской истории.

Для Ключевского общественное образование превращается в государство, только тогда, когда возникает общественное признание существующей власти. И дальнейшее существование государства связано с этим признанием. «Фактически, — пишет Ключевский, — государства основываются различным образом, но юридическим моментом их возникновения считается общественное признание властвующей силы властью права»²⁹⁹. Именно таким образом, по мнению Ключевского, было образовано Русское государство, или Киевское княжество — «первая форма русского государства»³⁰⁰.

Деспотическое государство, т.е. такое государство, в котором существующая власть узурпирована и существует вне и тем более вопреки общественному признанию — это, для Ключевского, аномальное государство. Тем самым Ключевский вырабатывает определение государства, согласно которому государство — это такое устройство национальной политической жизни, когда у власти есть признание и поддержка общества. Этим определяется и крайне негативное отношение Ключевского к абсолютной форме монархии. «Абсолютная власть без оправдывающих ее личных качеств носителя, — по убеждению историка, — обыкновенно становится слугой или своего окружения, или общественного класса, которого она боится и в котором ищет себе опору»³⁰¹.

---

²⁹⁸ См.: Ключевский В. О. Методология русской истории // Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. VI. М., 1989. С. 17.

²⁹⁹ Ключевский В. О. Курс русской истории // Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. I. М., 1987. С. 155. Основными элементами государства Ключевский считал *верховную власть, народ, закон и общее благо*. — См.: Ключевский В. О. Курс русской истории // Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. III. М., 1988. С. 16.

³⁰⁰ См.: Там же. С. 159.

³⁰¹ Ключевский В. О. Курс русской истории // Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. IV. М., 1989. С. 307. Встречается у Ключевского и более резкая характеристика: «Самовластие само по себе противно как политический принцип. Его никогда не признает гражданская совесть ...» — Ключевский В. О. Курс русской истории // Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. IV. М., 1989. С. 203. А в дневниковой записи от 9–12 декабря 1905 у Ключевского промелькнула вообще очень едкая характеристика российской монархии — «полное затхлое, черносотенное самодержавие» — Ключевский В. О. Дневники и дневниковые записи // Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. IX. М., 1990. С. 340.

Государство Ключевский считал высшей и наиболее совершенной ступенью социально-исторического процесса. На начальной стадии этого процесса формируется *семья* (физиологические основы кровной связи), затем — *род* (общее имущество, иерархическая соподчиненность во главе со старейшиной, круговая самооборона). На следующем этапе исторической эволюции общества возникает *племя* (единство языка, общие обычаи и предания). Потом из племен вырастает *народ* (к связям этнографическим присоединяется нравственная, сознание духовного единства, воспитанное общей жизнью и совокупной деятельностью, общность исторических судеб и интересов). И наконец, на завершающей (пятой) ступени возникает *государство*³⁰². «Народ становится государством, — пишет Ключевский, — когда чувство национального единства получает выражение в связях политических, в единстве верховной власти и закона»³⁰³. Вот именно это «единство власти и закона», т.е. когда любая (в том числе и монархическая власть) едина с законом, а значит — и ограничена им, и является у Ключевского базовым основанием для определения некоей общественной конструкции государством.

В ходе исторической эволюции, по концепции Ключевского, происходит трансформация людских союзов от их естественных видов (семья, род, племя) к искусственным, каковым является государство. Племя в этом случае как раз является «переходным состоянием, стоящими между естественными и искусственными союзами»³⁰⁴. Главной целью государства, как искусственного союза является, по Ключевскому, «1) *внешняя безопасность* и 2) *внутренний порядок*; или *общее благо*, в понятие которого и входят эти два интереса»³⁰⁵.

Другой важнейшей характеристикой государства для Ключевского является его органичная связь с народом. «Государство как на-

---

³⁰² См.: Ключевский В. О. Курс русской истории // Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. I. М., 1987. С. 42. По оценкам ряда исследователей схема эволюции историческим форм человеческого общежития у Ключевского (семья, род, племя, народ, государство) во многом схожа с соответствующей конструкцией М. Сперанского (семейство, род, гражданское общество, государство), который, в свою очередь, опирался на принципы «Философии права» Гегеля. — См.: Александров А. А. Реформатор В. О. Ключевский о М. М. Сперанском // Ключевский. Сборник материалов. Вып. 1. Пенза, 1995. С. 11; Черепнин Л. В. В. О. Ключевский // Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 2. М., 1960. С. 162; Медушевский А. Н. История русской социологии. М., 1993. С. 17, 171.

³⁰³ Ключевский В. О. Курс русской истории // Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. I. М., 1987. С. 42.

³⁰⁴ См.: Ключевский В. О. Методология русской истории // Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. VI. М., 1989. С. 10, 11, 12–13.

³⁰⁵ Ключевский В. О. Методология русской истории // Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. VI. М., 1989. С. 13.

родный союз, — пишет Ключевский, — почерпает свою силу в народной мощи и растет вместе с нею, содействуя и ее росту — таково первоначальное и естественное отношение между государством и народом»³⁰⁶. Российское государство на протяжении своей истории стремилось стать таким народным союзом, но реальность была другой³⁰⁷. Особенно резко дисгармония государства и народа в русской истории проявилось, по Ключевскому, в конце XVI – начале XVII в., что и стало главнейшей причиной Смуты. Тогда, как отмечает Ключевский, «московские люди» представляли себе, что «Московское государство, в котором они живут, есть государство московского государя, а не московского или русского народа. Для них были нераздельными понятия не государство и народ, а государство и государь известной династии; они скорее могли представить себе государя без народа, чем государство без этого государя»³⁰⁸. Именно в период Смуты эти представления были поколеблены. В условиях пресечения многовековой рюриковской династии и в чехарде различных правителей, люди увидели, что даже и тогда государство может существовать и «даже без государя». «Из-за лица, — пишет Ключевский, — проглянула идея, и эта идея государства, отделяясь от мысли о государе, стала сливаться с понятием народа»³⁰⁹.

*Примечательно, что в современном массовом сознании, включая и сознание политической элиты, государство отождествляется с правительством, с высшими органами управления страной. Ключевский же, как мы определили выше, придерживался другой точки зрения. Государство у него отождествляется с народом*³¹⁰, ибо

---

³⁰⁶ Ключевский В. О. Курс русской истории // Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. V. М., 1989. С. 408.

³⁰⁷ По мнению Г. Федорова, не случайно «в опыте своего построения русской истории» Ключевский приходит к твердому убеждению, что «не государство, не правительство и не властная личность, а народ, в смысле общественных групп и классов, — на переднем плане» — Федоров Г. Россия Ключевского // Наше наследие. 1991. III. С. 99. (Переиздание публикации 1932 г.). Такая позиция кардинально отличала Ключевского, например, от С. М. Соловьева, для которого на переднем плане истории выступало *государство*, или от Б. Н. Чичерина, у которого эту роль играла *историческая личность*.

³⁰⁸ Ключевский В. О. Курс русской истории // Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. III. М., 1988. С. 49.

³⁰⁹ Ключевский В. О. Курс русской истории // Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. III. М., 1988. С. 63.

³¹⁰ В последнее время возникли заумные дискуссии по поводу содержания слова «народ». В академических же кругах ни во времена Ключевского, ни значительно позже таких дискуссий никогда не было. Народ — это «люди, народившиеся на известном пространстве; ... жители страны, говорящие одним языком; обыватели государства, страны, состоящей под одним управлением ...» — Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2. М., 1994. Стлб. 1201 [Репринтное издание 1903–1909 гг.]; Народ — это «население, жители той или иной страны» — Словарь русского языка. В 4 т. Т. II. М., 1982. С. 388.

это народный союз, который «не может принадлежать никому, кроме самого народа»³¹¹. Русская история (например, периода Смуты начала XVII века) свидетельствует о том, что государство может существовать и без правительства (или с недееспособным, и даже антинациональным правительством). Но государство не может существовать без народа. В начале XVII века не правительство, а именно народ, выдвинув из своей среды мало известных до этого предводителей и собрав ополчение, вывел страну из беды и спас российскую государственность.

Вошедшая после Смуты на русский престол новая романовская династия начала свое становление уже в условиях других политических настроений и представлений, которые стали преобладать, как среди правящего класса, так и среди населения. Окончательно разделение понятий «государь» и «государство», по мнению Ключевского, произвел Петр I³¹².

Вместе с тем необходимо отметить, что гармонии «государства» (и «государя») и «народа» так и не удалось достичь на всем протяжении монархической истории России. Эта гармония в XIX веке оставалась недостижимым идеалом, желанной целью государственно-административных трансформаций как для конструктивных консерваторов (напр., Р. Фадеев), так и для умеренных (земских) конституционалистов (напр., Д. Шипов).

В вопросе о сущности государства Ключевский применяет, по сути, философский подход к анализу политической истории. *Сущее* (т. е. то, что реально происходило в русской и мировой истории) он анализирует через призму *должного* (т. е. через призму тех форм государства, которые представляются ему идеальными и наиболее совершенными). Реально существующий на различных этапах российской истории государственный порядок Ключевский оценивает на основании своих представлений о том, каким этот государственный

---

³¹¹ Ключевский В. О. Курс русской истории // Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. III. М., 1988. С. 48.

³¹² См.: Ключевский В. О. Курс русской истории // Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. IV. М., 1989. С. 193. Но нужно учитывать, что государство (даже его монархическая форма), созданное Петром, было очень далеко от совершенства. Ключевский это хорошо понимал: «Деятельность Петра, — пишет историк, — сплелась из противоречий самодержавного произвола и [государственной] идеи общего блага; только он никак не мог согласить эти два начала, которые никогда не помирятся друг с другом» — Ключевский В. О. Разрозненные афоризмы [1889–1899 гг.] // Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. IX. М., 1990. С. 431.

ный порядок на самом деле должен быть³¹³. Такое сопоставление сущего и должного в рамках философского анализа истории является фундаментальным, предметообразующим подходом для современной философии политики.

Рассматривая данный оригинальный подход Ключевского к пониманию статуса государства в обществе, необходимо иметь в виду, что трактовка государства наиболее продуктивна именно в контексте философско-политического анализа, который выработал две важнейшие парадигмы (интерпретации) категориальной пары «государство–гражданское общество» — западную и восточную (в философии политики государство невозможно рассматривать без его взаимосвязи с гражданским обществом). Эти философско-политические парадигмы основаны на понимании того, что государство и гражданское общество — это две взаимно обусловленные субстанции целостного социума, возникшего на определенной исторической ступени развития человеческого общества. По классическим определениям Гегеля, государство («сфера всеобщего интереса») и гражданское общество («сфера частного интереса») не могут существовать одно без другого. Гражданское общество необходимо для воспроизводства человеческой жизни, а государство — для обеспечения устойчивого и безопасного существования гражданского общества. Но интерпретация статуса и соотношения этих субстанций может быть различной.

В западной парадигме — «государство–гражданское общество» — это дихотомия двух самостоятельных частей целого. Здесь главное — эти части, а не целое; динамика самостоятельных частей определяет развитие и состояние целого и создает поле для плюрализма в политике, идеологии и т. д. (теоретическая рефлексия неоднородного, многослоевого социума). В западной традиции было две версии — идеалистическая (Гегель) и материалистическая (Маркс). В первой государство определяет гражданское общество (Гегель «Философия права», 1821); во второй, наоборот, гражданское обще-

---

³¹³ Необходимо отметить, что о трагическом несовпадении сущего и должного в историческом развитии государства Ключевский начал задумываться уже в молодые годы. Так, например, в дневниковой записи от 18 июня 1868 г. (историку — 27 лет) мы читаем: «Высший пункт, который наметило себе человечество как цель трудного процесса определения человеческих отношений, но которое оно еще далеко не вполне достигло даже в лучших своих обществах, есть благоустроенное государство и свободная личность. Но эти цели, намеченные сознанием, еще вполне принадлежат к области упований, и разве преувеличивающий глаз способен усмотреть в действительности слабые признаки их осуществления» — *Ключевский В. О. Дневники и дневниковые записи // Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. IX. М., 1990. С. 292.*

ство определяет государство (Маркс и Энгельс «Немецкая идеология», 1846).

Согласно *восточной парадигме* «государство — гражданское общество» есть одно (единое) целое, которое определяет части; динамика этого целого определяет развитие частей, их взаимодействие (теоретическая рефлексия монизма в политике и власти).

Ключевский по сути предлагает третью, смешанную («западно-восточную») парадигму феномена «государство — гражданское общество», в которой идеалом государственного устройства российского общества являлась такая система, в которой образуется органичная связь власти и народа, государства и гражданского общества.

Политический (государственный) порядок. Понятие «политический (или государственный) порядок» — это оригинальное понятие Ключевского. У этого порядка, по Ключевскому, есть две доминанты — *право* и *политика*. Право (или догматика права) — это совокупность «общих форм и принципов государственного порядка», тогда как политика — «это совокупность разнообразных практических средств достижения государственных целей»³¹⁴.

Сущность политического порядка особенно четко проявляется в его соотношении с экономическим порядком. С одной стороны, историк проводит четкое различие между политическим и экономическим порядком, считая, что в них «господствуют полярно противоположные начала»³¹⁵. Первый для него — это сфера общего блага, общих интересов, которая основана на власти и повиновении, второй — это сфера личной свободы и личной инициативы³¹⁶.

Но, с другой стороны, Ключевский подчеркивает жесткую соподчиненность этих порядков, или сфер общества. И ключ этой соподчиненности, по Ключевскому, следует искать именно в политическом порядке. Он пишет: «Политический порядок в своем окончательном виде всегда отражает в себе совокупность и общий характер частных людских интересов и отношений, которые он поддерживает и на которых сам держится»³¹⁷. Такое диалектическое понимание соотношения политического и экономического, материально-

---

³¹⁴ Ключевский В. О. Курс русской истории // Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. II. М., 1988. С. 367. У Ключевского есть и еще одно афористическое определение политики: «Политика должна быть не более и не менее, как прикладной историей» — Ключевский В. О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993. С. 6.

³¹⁵ См.: Ключевский В. О. Курс русской истории // Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. I. М., 1987. С. 56.

³¹⁶ Там же. С. 57.

³¹⁷ Там же. С. 336–347.

го выходит уже за рамки теории политики, или политологии, а является предметным полем философии политики, где важны смыслы (природа явлений, процессов в их целостности и взаимодействиях), а не формы или механизмы.

Анализируя средневековый период развития Руси, Ключевский обращает внимание на формирование особой формы соотношения власти и собственности. Дело в том, что становление российского государства в XIII–XIV вв. происходило в виде колонизации новых территорий вокруг Московского центра. В ходе этой колонизации на новые территории переносилось не только политическое управление центра, но и происходила экономико-хозяйственная и культурная экспансия ресурсов этих территорий (уделов). Достигалось это тем, что местный князь сосредотачивал в своих руках не только политическую, но и экономическую власть, становясь не только верховным правителем этой территории (удела), но собственником экономико-хозяйственного и людского потенциала этого удела³¹⁸. Ключевский уже не только как историк, но и как политический философ прозорливо уловил, что такой «удельный порядок» создавал изначальную матрицу российской государственности «власть-собственность», от различных конфигураций которой будет в определяющей степени зависеть состояние российского государства и общества на всем протяжении ее последующей истории³¹⁹.

Ключевский обращает также внимание и на то, что удельный порядок формировал не только определенную систему власти и собственности, но и соответствующий этой системе «взгляд на государство». Этот взгляд сводился к простому представлению населения о том, что *государство* есть «*хозяйство* московских государей племени Ивана Калиты»³²⁰. Смутное время привело к созданию новой политико-государственной и экономической системы в России, что, в свою очередь, обусловило и кардинальную смену представлений о государстве. «Фамильная московская община, — пишет Ключевский, — стала национальным союзом русского народа во имя всенародного блага, московский государь-хозяин — верховным блюстителем этого блага, а его дворовые слуги и земельные работники — его

---

³¹⁸ См: *Ключевский В. О.* Курс русской истории // Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. I. М., 1987. С. 336–366.

³¹⁹ См. подробнее: *Моцелков Е. Н.* Переходные процессы в России: Опыт ретроспективно-компаративного анализа социальной и политической динамики. М., 1996. С. 53–71.

³²⁰ *Ключевский В. О.* Бедствия гораздо больше, чем книги и лекции, обучили людей истории // Родина. 1991. № 1. С. 61 (Публикация Р. Киреевой и А. Дубровского).

подданными. Таким образом, Смутное время заменило в общественном сознании *династическое* понимание Московского государства пониманием *национально-политическим*»³²¹.

Остается только добавить, что, конечно, в такой характеристике российской государственности, сформировавшейся в период выхода России из Смутного времени Ключевский допускает элемент идеализации действительного положения дел. Но здесь опять проявляется его неизменный подход как политического философа к определению «идеальных форм», к отстаиванию и раскрытию должного, вопреки сущему.

Политика, власть и нравственность. Ключевский был одним из первых русских ученых XIX века, кто поставил в отечественной общественной мысли проблему соотношения власти, политики и нравственности. По его твердому убеждению, политическая власть не может возникнуть, а тем более развиваться вне нравственного поля, вне нравственных устоев и традиций народа. «Политическая крепость, — писал Ключевский, — прочна только тогда, когда держится на силе нравственной»³²². Огромную роль в становлении и укреплении этой «нравственной силы» а истории русского государства, по мнению Ключевского, принадлежит русской православной церкви. В устройении политического и правового порядка на Руси в первые века становления государственности, церкви удалось осуществить «три дела»: 1) «сделать гражданский закон проводником нравственного начала»; 2) «построить гражданский союз, в котором закон опирался бы на нравственное чувство и даже им заменялся»; 3) «настроить личную волю к отречению от своих законных прав во имя нравственного чувства»³²³. Высшей целью церкви в ее делах, считал Ключевский было «заменить принудительные требования права свободной потребностью в правде»³²⁴. Конечно, как и указанные выше «три дела», так и общая высшая цель деятельности церкви на государственном поле никогда полностью в истории России не были реализованы. Но обозначенные Ключевским нравственные основы государственного порядка можно считать крите-

---

³²¹ Ключевский В. О. Бедствия гораздо больше, чем книги и лекции, обучили людей истории // Родина. 1991. № 1. С. 61 (Публикация Р. Киреевой и А. Дубровского).

³²² Ключевский В. О. Значение преподобного Сергия для русского народа и государства // Ключевский В. О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1990. С. 75.

³²³ Ключевский В. О. Содействие церкви успехам русского гражданского права и порядка // Ключевский В. О. Православие в России. М., 2000. С. 342.

³²⁴ Ключевский В. О. Содействие церкви успехам русского гражданского права и порядка // Ключевский В. О. Православие в России. М., 2000. С. 342.

рием его прочности и благополучия. Чем ближе мы приближаемся к реализации этих нравственных основ в государственной жизни, тем прочнее и гуманнее власть, государство, и наоборот.

Серьезные негативные последствия для нравственных основ русского общества и государства было нанесено, по мнению Ключевского, проникновением на Русь западных ценностей и норм, которое произошло в XVII веке. «До XVII в., писал Ключевский, — русское общество отличалось цельностью своего нравственного состава ... Западное влияние разрушило эту цельность ... Раскол, происшедший в русской церкви XVII в., был церковным отражением этого нравственного раздвоения, вызванного западным влиянием в русском обществе. Тогда стали у нас друг против друга два мировоззрения, два враждебных порядка понятий и чувств. Два лагеря»³²⁵. Это раздвоение красной нитью прошло через всю последующую русскую историю, то затухая, ослабевая на время, то обостряясь с новой силой. Остается оно и сегодня.

Предпочтения и прогнозы Ключевского по поводу политико-государственного развития России. На протяжении всей своей жизни Ключевский занимал отстраненную позицию по отношению к реальным политическим процессам в России, старался, как правило, воздерживаться от высказываний и оценок конкретных политических событий. Все его усилия были направлены, главным образом, на преподавательскую и научную деятельность. Один из его биографов — С. О. Шмидт — пишет: «Ключевский — человек замкнутого характера, не склонен был к участию в общественно возбуждающих действиях, да и сверстники его, чуя огромность и не-

---

³²⁵ Ключевский В. О. Западное влияние в России после Петра // *Ключевский В. О.* Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 13–14. В одной из своих работ конца XIX в. Ключевский так характеризует последствия западного влияния для России: «Сложилась знаменательная антитеза, вошедшая характерным элементом в мировоззрение значительной части русского общества: пылливый и своевольный разум, пытающийся святотатственно проникнуть в заповедные тайны бытия и мироздания и переделать по-своему и то и другое, противопоставлен был разуму, плененному в послушание веры и руководимому Откровением; при этом было признано, что первый есть дух западной латинской науки и жизни, в второй составляет душу восточного греко-русского православия ...; два братски родственных мира, западный и восточный были поссорены; два понимания, обращенные на совершенно различные предметы и подлежащие поддерживать друг друга, поставлены были в отношении взаимного отрицания ...; две благотворнейшие силы человеческого духа, вера и разум, самой природой своей предназначенные к дружному союзничеству и на союзе которых держится полнота и гармония духовной жизни, превратились в противоположные житейские направления, в несходные и несоизмеримые мировоззрения ...» — *Ключевский В. О.* Западное влияние и церковный раскол в России XVII в. // Ключевский В. О. Очерки и речи. Второй сборник статей. Пг., 1918. С. 409–410.

обычность его дарования, оберегали своего научно столь перспективного товарища и не втягивали его в свои не безопасные для будущности дела»³²⁶.

Не случайно, в достаточно обширном научном наследии Ключевского мы находим лишь небольшое количество суждений и выводов ученого о наиболее рациональном, с его точки зрения, государственном устройстве России. Так, рассуждая в дневниковых записях от 12 декабря 1905 г. о возможных вариантах принятия стратегических решений на предстоящем Учредительном собрании (тогда эта идея носилась в воздухе), Ключевский приходит к выводу, что у этого собрания нет рациональной перспективы. По его мнению, либо это собрание должно подтвердить Манифест 17 октября, но в этом случае оно является никчемным; либо установить старый самодержавный порядок, но тогда оно станет реакционным; либо оно должно под нажимом революции упразднить всякую монархию, но тогда оно сольется с революцией³²⁷. Из контекста записей Ключевского видно, что для него неприемлемы все три указанных варианта. Что же тогда было для Ключевского наиболее рациональной государственной моделью для России? Похоже, такой моделью была конституционная монархия. В этом смысле весьма характерно положение Ключевского от 1897 г. в его «Кратком пособии по русской истории»³²⁸: «В непрерывном взаимодействии правительственной власти и народного представительства, крепнущего в борьбе с ее преобладанием, и заключается залог будущего развития государства и усвоения правительством культурных начал конституционной монархии»³²⁹.

Но какую конституционную монархию хотел видеть Ключевский в России? Похоже, его идеал был далек от западных образцов. Об этом, в частности, свидетельствует и его крайне отрицательное отношение к политическим партиям (на основе которых построены были уже в конце XIX в. западные парламентские системы).

---

³²⁶ Шмидт С. О. Ключевский и культура России // Ключевский. Сборник материалов. Вып. 1. Пенза, 1995. С. 329.

³²⁷ См.: Ключевский В. О. Дневники и дневниковые записи // Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. IX. М., 1990. С. 340.

³²⁸ Следует отметить, что это произведение Ключевского в период с 1897 по 1917 г. выдержало 8 изданий, и поэтому в нем не могло содержаться случайных, не устоявшихся мыслей.

³²⁹ Ключевский В. О. Краткое пособие по русской истории. М., 1992. С. 184. Данная позиция обусловило то, что позднее он примкнул к партии кадетов, хотя по ряду вопросов был левее кадетов. — См.: Щербань Н. В. Памяти великого историка. К 165-летию со дня рождения В.О. Ключевского // Отечественная история. 2006. № 2. С. 82.

«Я вообще, — пишет в этой связи Ключевский, — не сочувствую партийно-политическому делению общества при организации народного представительства. Это: 1) шаблонная репетиция чужого опыта, 2) игра в жмурки»³³⁰.

Вопрос о том, на какой основе должно строиться народное представительство, был ключевым для Ключевского. Партийный принцип, как видно из его отношения к российским партиям, он отвергал. Не приемлемой он считал и сословную, в том числе и земскую основу³³¹. Решение этого вопроса, по мнению Ключевского, должно исходить из явно выраженных групп интересов, которые кристаллизуются в «общественных классах» и здесь не должно быть никаких импровизаций. «Жизнь, — утверждает Ключевский по этому поводу, — должна сама создавать свои формы, прилаженные к наличным условиям места и времени»³³².

В основе такого подхода Ключевского к построению различных форм политического устройства России на различных этапах ее истории, и особенно в начале XX века, лежала чрезвычайно важная, как с научно-методологической, так и с практической точек зрения мысль ученого о самобытном характере политико-правовых систем. «...*Право, формы власти, политические учреждения*, — по твердому убеждению историка, — никогда не переходят целиком из эпохи в эпоху, из союза в союз. Были попытки искусственного, механического усвоения чужих политических и юридических форм; эти попытки были только историческими опытами, чрезвычайно драгоценными для нас, ибо они доказывают только невозможность перенесения этих элементов; под чужими влияниями политические и юридические формы и отношения изменяются, но они не переносятся»³³³.

---

³³⁰ Ключевский В. О. Дневники и дневниковые записи // Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. IX. М., 1990. С. 355.

³³¹ См.: Ключевский В. О. Дневники и дневниковые записи // Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. IX. М., 1990. С. 351–352; Ключевский В. О. Состав представительства на Земских соборах Древней Руси // Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. VIII. М., 1990. С. 337.

³³² Ключевский В. О. Дневники и дневниковые записи // Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. IX. М., 1990. С. 352.

³³³ Ключевский В. О. Методология русской истории // Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. VI. М., 1989. С. 67. В другом месте Ключевский из своих исследований мирового исторических процессов делает характерный вывод: «Один и тот же политический порядок имел неодинаковую судьбу в разных местах и приводил к разным последствиям ...»; [этот порядок, обеспечивая общественное благополучие в одном месте] «... на иной почве не принимался, портился, разрушал спокойствие и благосостояние целого общества и уступал место другому, казавшемуся худшим...» — Ключевский В. О. Сергей Михайлович Соловьев // Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. VII. М., 1989. С. 308, 309.

Говоря о политических взглядах и предпочтениях Ключевского, необходимо иметь в виду, что, во-первых, они на протяжении его жизни претерпели определенную эволюцию³³⁴, а во-вторых, что Ключевский никогда не был политиком, или даже политическим публицистом; в своих обобщениях политических процессов он выступает как оригинальный политический философ. «Ключевский, — считал русский мыслитель первой половины XX века Г. Федоров, — был слишком сложен, чтобы вложиться в направление»³³⁵.

***

Суммируя положения и выводы Ключевского по поводу интерпретации проблемы политического, которые можно по крупницам собрать в его богатейшем научном наследии, посвященном анализу исторического процесса России, можно так сформулировать политико-государственный идеал Ключевского: **государство должно быть высшей и наиболее совершенной исторической формой человеческого общежития. Политическая власть в таком государстве имеет безусловную и полную поддержку народа, а деятельность государства как народного союза основана на самобытных традициях государственной жизни, на высоких нравственных принципах и направлена на обеспечение общего блага (внешней безопасности и внутреннего порядка).**

В заключение остается только добавить два соображения.

Первое. Многие работы и выступления Ключевского последних лет его жизни были пронизаны глубоким пессимизмом относительно будущего России. Об этом, в частности, свидетельствует один из современников историка — П. Б. Струве. После встречи и беседы с Ключевским в 1908 г. Струве, называя историка «одним из мудрейших и ученейших русских людей»³³⁶, пишет следующее: «Я по-

---

³³⁴ См.: *Шаханов А. Н.* Русская историческая наука второй половины XIX – начала XX века. Московский и Петербургский университеты. М., 2003. С. 177–178.

³³⁵ *Федоров Г.* Россия Ключевского // Наше наследие. 1991. III. С. 98. (Переиздание публикации 1932 г.).

³³⁶ Такая оценка вполне созвучна с мнением других современников и последователей Ключевского, которые считали, он не просто выдающийся ученый-историк, а «историк-реформатор». В. Пичета считал, что научные идеи Ключевского можно вообще охарактеризовать как *революционные*: «Ключевский произвел историко-методологическую революцию...» — *Пичета В.* Исторические взгляды и методологические приемы В. О. Ключевского // Известия Общества славянской культуры. Т. 1. Кн. 1. М., 1912. С. 15. По мнению же Сыромятникова Б. И. Ключевский принадлежит «к числу немногих избранных натур, призванных прокладывать новые пути человеческой мысли» — *Сыромятников Б. И.* В. О. Ключевский и Б. Н. Чичерин // В. О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912. С. 59.

разился тому, как мрачно он смотрит на судьбы России, какими безысходными противоречиями полна для него современная наша политическая жизнь»³³⁷.

В определенном смысле в этом пессимизме было закодировано и предчувствие Ключевского предстоящих тяжелых испытаний для России. Предчувствие, которое, к сожалению, оправдалось через шесть лет после смерти историка в катастрофических изломах 1917 года, и вина за которые в очень большой степени ложилась на несовершенную российскую власть конца XIX – начала XX в.

Второе. Вызывает удивление и восхищение и то, что именно историк (а не государствовед или философ) в конце XIX – начале XX в. ясно и наглядно объяснил, как нужно устраивать и поддерживать власть в России. Это было сделано не в специальном научном политико-философском трактате и даже не в отдельной научной статье, а было мастерски вплетено в канву научных исследований отечественной истории разных эпох. Многие поэтому и поняли его глубокие и прозорливые политические выводы и положения, как нечто относящееся к прошлому, как теоретическое обоснование конкретных исторических событий и процессов.

На самом деле, это был совет и наказ великого ученого-историка настоящим и будущим властителям России. Это было глубоко продуманное и обоснованное понимание одним из глубочайших знатоков русской истории и русской жизни того, как должна строиться российская власть, способная оградить общество от революций и гражданских войн и обеспечить устойчивое и динамичное развитие России, ее ведущее политическое и экономическое положение в мире.

Тогда, в начале XX века, советы и наказания Ключевского не были услышаны и поняты, но актуальными и полезными они остаются и для сегодняшнего дня России.

---

³³⁷ Струве П. Б. *Patriotica*: Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 117.

РАЗДЕЛ 4

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ ПРАВА В РОССИИ: ПУТИ РАЗВИТИЯ

1. История философии права: судьба университетской дисциплины

Ретроспективную систематизацию и обобщение научных идей и концепций следует, по-видимому, отнести к имманентным характеристикам развития любой отрасли научного знания, которые проявляют себя уже на первоначальных этапах становления этого знания.

При этом важно понять роль и место изучения исторической эволюции научных идей в системе гуманитарного знания. Дело в том, что у любой науки есть ее наиболее современные результаты и достижения, а есть еще и растянутый во времени процесс получения этих результатов. Знание новейших научных результатов и достижений необходимо и достаточно для применения их на практике, для их реализации в различных сферах современной практической жизни, а вот для дальнейшего развития самой науки, кроме этих результатов, необходимо еще знание и понимание истоков, этапов, тенденций и направлений эволюционирования научного знания, т. е. необходимо знание истории науки. Применительно к математике, например, данная мысль очень хорошо выражена в словах выдающегося французского ученого Г. Пуанкаре: «Лучший метод для предвидения будущего развития математических наук заключается в изучении истории и нынешнего состояния этих наук»³³⁸.

Но по сравнению с «точной» наукой, каковой является математика, для гуманитарных наук ее собственная история имеет особое значение. Без истории «современные достижения» этих наук могут легко превратиться в эклектическую и противоречивую совокупность различных концептуальных и парадигмальных конструкций,

---

³³⁸ Пуанкаре Г. Наука и метод. Одесса, 1910. С. 16. Такую точку зрения разделяют и многие современные ученые. Приведем для примера высказывание одного из видных со-временных политологов Х.-Д. Клингеманна: «Обращение к прошлому, анализ истоков по-литической науки, изучение ее дискурса — направлений, теорий и методов — помогает понять ее настоящее и предвидеть будущее» — Клингеманн Х.-Д. Сравнительный анализ развития политической науки в Западной Европе // Полис. 2008. № 3. С. 97.

у каждой из которых на самом деле есть свои авторы и есть своя «история».

Для гуманитарных наук ее история — не только история знания, но и изучаемых объектов. Если естественные науки имеют дело с практически неизменяющимися объектами; если для них познание этих объектов есть изучение все более глубоких пластов и связей этих объектов, то гуманитарные науки имеют дело с изменяющимися объектами, и поэтому история гуманитарных наук есть в тоже время и история этих объектов. На это обстоятельство обратил внимание один из выдающихся государствоведов второй половины XIX — начала XX века. Н. М. Коркунов: «В науках, изучающих явления природы, история научных теорий выясняет только фактор образования нашего знания о данном предмете. В науках, изучающих явления общественной жизни, история научных теорий выясняет, нам вместе с тем, и один из соопределяющих факторов развития самих этих явлений общественной жизни. В естественных науках история их развития нужна только для выяснения генезиса нашего знания о данной группе явлений; в науках общественных, кроме того, и для выяснения генезиса самих изучаемых явлений»³³⁹.

Чрезвычайно интересна и познавательна судьба научной дисциплины под названием «история философии права», которая сформировалась в Германии в конце XVII — начале XVIII века и уже тогда занимала видное место в университетском образовании и интеллектуальной жизни. В XVIII веке история философии права распространяется в других странах, в том числе и в России. С 30–40-х годов XIX века история философия права (под разными названиями) преподается в России как одна из важнейших университетских дисциплин. Причем, название этой дисциплины было включено не только в перечень учебных курсов, но и кафедр юридических факультетов.

Российские ученые-государствоведы в полной мере использовали полученные выводы в области философии и юриспруденции, накопленные в Европе (и прежде всего в Германии), но курсы истории философии права, которые читались в университетах России на всем протяжении XIX века, не являлись в большинстве своем простым заимствованием, компиляцией зарубежных образцов, а строились и развивались на специфических концептуальных и идейных основах.

---

³³⁹ Коркунов Н. М. История философии права. 3-е изд. СПб., 1903. С. 2.

Содержание данной дисциплины состояло в изучении исторической эволюции идей и концепций о политике, власти, государстве, отношениях личности (гражданина) и государства. Для подготовки юристов данная дисциплина, которая преподавалась в совокупности с другой, имеющей также философский характер — «энциклопедией права» считалась чрезвычайно важной, поскольку давала студентам общие (философские) знания, представления о природе, системе причинных связей, принципах и механизмах политической и правовой жизни общества, и базировалось на понимании таких главенствующих понятий, как «государство», «власть», «политика», «право», «гражданин». В других университетских курсах (гражданское право и гражданское судопроизводство, уголовное право и уголовное судопроизводство, финансовое право, международное право и др.) на теоретической базе истории философии права и энциклопедии права изучались уже конкретные законодательные системы, правовые институты и процедуры. Таким образом, история философии права вместе с энциклопедией права закладывали универсальный, метафизический базис юридического образования, тогда как конкретные правоведческие курсы давали лишь практические знания.

Такая система университетского образования (во всяком случае, на юридических факультетах) просуществовала в России до конца 1918 – начала 1919 года³⁴⁰. После этого само понятие «история философии права» надолго исчезало из университетской и академической жизни.

Только почти через три десятилетия, в 40-е годы XX века, для нужд юридического образования уже в новых социалистических условиях начинают разрабатываться курсы под названием «история политических и правовых учений». Сравнительный анализ текстов показывает, что эти «новые» курсы представляли собой, нечто иное, как переделанные на новый лад старые, дореволюционные курсы истории философии права.

---

³⁴⁰ В декабре 1918 года было принято постановление Народного Комиссариата Просвещения об упразднении в университетах юридических факультетов. В марте 1919 года этим же органом было принято решение о закрытии и историко-филологических факультетов и вместо упраздненных прежних гуманитарных факультетов постановлялось создание в университетах нового факультета общественных наук (ФОНа) в составе трех отделений: политико-юридического, экономического и исторического. Деятельность ФОНов началась в середине 1919 года. С ликвидацией юридических факультетов были закрыты и просуществовавшие 34 года кафедры энциклопедии права и истории философии права.

Конечно, практически никаких ссылок на прежние курсы не делалось. Преемственная нить научного процесса по идеологическим соображениям умышленно прерывалась. Богатейшее теоретическое наследие российских историков философии права XIX — начала XX века выводилось из поля новых научных исследований. Об этом наследии тогда, в 40-е годы прошлого века, предпочли просто забыть. Таким же забытым, малоизученным и невостребованным для науки и образования это наследие оставалось на всем протяжении советской истории нашего общества³⁴¹.

Об этом свидетельствует и тот факт, что из многих десятков источников данного периода, упомянутых в настоящей книге, их современные переиздания можно пересчитать по пальцам, а практически все остальные — труднодоступные издания или библиографические редкости³⁴². Поэтому и многие выдающиеся исследования в области истории философии права прошлых периодов совершенно не используются в современном образовательном и научном процессе.

Получается, что многочисленные современные учебники и учебные пособия по истории политических (и правовых) знаний, в том числе и многократно переиздававшиеся, появились якобы на пустом месте и не опираются на глубокую историческую традицию отечественных исследований.

Как уже указывалось выше, причины такого интеллектуального разрыва, конечно, следует искать в нашей истории XX века. С началом установления советской власти практически вся гуманитарная наука предшествующих периодов (особенно XIX века) была признана идеологически вредной для развития новой социалистической науки и культуры.

Кардинально было перестроено гуманитарное образование, из которого исключили все ранее действующие программы и курсы. Из университетов и институтов уволены многие профессора и пре-

---

³⁴¹ Этот мощный пласт отечественной философской мысли специально еще никем не исследовался. Отдельные положения о развитии истории философии права в России можно найти в некоторых трудах, посвященных истории философии в России. См., напр.: *Каменский З.А.* История философии как наука в России XIX и XX веков. М., 2001; *История русской философии*. Под ред. проф. Маслина М. А. М., 2001; *Пустарнаков В. Ф.* Университетская философия в России. Идеи. Персоналии. Основные центры. СПб., 2003.

³⁴² Для примера можно привести труды выдающегося российского государственоведа Н. М. Коркунова (1853–1904). Так, его «Русское государственное право» в период с 1893 по 1913 год выдержало 8 изданий, «Лекции по общей теории права» в 1894–1914 гг. — 9 изданий, а «История философии права» в 1896–1915 гг. — 6 изданий. Но в современных, в том числе и столичных, библиотеках книги Коркунова сохранились лишь в единичных экземплярах и до сих пор ждут своего переиздания.

подаватели старой школы. Большая их часть впоследствии погибла в годы революционного перелома либо оказалась в эмиграции. Были закрыты многие университетские кафедры, практически все научные периодические издания, в которых публиковались исследования и материалы по социально-политической и юридической проблематике.

К 80–90-м годам прошлого века, когда в нашей стране стали появляться условия для более или менее объективных исследований в области социальных и политических наук, книжное и журнальное наследие дореволюционной эпохи в библиотечных фондах прошло через многочисленные чистки и изъятия. С остатками этого наследия можно было познакомиться только в немногих спецхранах столичных библиотек, но для этого нужно знать, что искать. А знали об этом очень немногие.

Понимая все эти исторические обстоятельства, автор настоящей книги поставил перед собой задачу возвращения из забвения имен многих блестящих отечественных ученых, их выдающихся книг и идей, связанных прежде всего с развитием в России на протяжении столетия самостоятельной учебной и научной дисциплины — истории философии права.

Думается, что сделать это нужно, по меньшей мере, по трем причинам.

Во-первых, необходимо восстановить непрерывность интеллектуального процесса, историческую нить творческой преемственности, без которой невозможно плодотворное развитие современного научного знания, в том числе и в области истории философии права (истории политических учений).

Во-вторых, анализ научного наследия отечественных историков философии права XIX – начала XX века нужен для того, чтобы современные исследователи могли познать и использовать в своей работе те немалые (без преувеличения — выдающиеся) научные результаты, которые были достигнуты в этой области уже более столетия тому назад. Это особенно важно потому, что большинство историко-политологических исследований того периода выходили не только за рамки описания, изложения и даже систематизации философско-политических и правовых учений разных эпох и народов, а ставило и решало сложные научные задачи о предмете науки, ее методологии, законах и тенденциях исторического развития философско-политической мысли и т. д.

В-третьих, любая наука, научная теория на каждом этапе своего развития не просто решает определенные задачи, достигает в сво-

ем поиске конкретных результатов, но и ставит вопросы, формулирует нерешенные научные проблемы, которые в силу разных обстоятельств решить пока нельзя. Это ориентиры для будущих исследований. Революционный разлом 1917 года не позволил услышать и тем более решить эти задачи непосредственным преемникам научных школ отечественного государственоведения конца XIX – начала XX века. Но может быть это нужно сделать нам, уже в начале XXI века?

2. История философии права как академическая дисциплина в университетском образовании России (XIX – начало XX в.)

В начале XIX в. в Российской империи начинает формироваться система университетского образования. Наряду с Московским университетом, основанным в 1755 г., в 1804–1805 гг. открываются еще два университета — Казанский и Харьковский³⁴³.

В 1804 г. учреждается Университетский устав, в котором впервые устанавливается единая для всех российских университетов структура факультетов, кафедр и основных учебных курсов.

Одной из ключевых гуманитарных дисциплин российского университетского образования с самых начальных стадий ее формирования следует признать *историю философии права*, которая на протяжении 100 лет (с начала XIX по начало XX в.) в своем развитии проходит целый ряд этапов.

I

На начальных этапах становления истории философии права в российских университетах содержание учебных курсов во многом опиралось на труды западноевропейских (главным образом — германских) авторов.

Существует подробный обзор мировой литературы по истории философии права, который составил выдающийся государствовед XIX века — П. Г. Редкин. Из этого обзора следует, что первые сочинения, в которых, по мнению Редкина, «зарождается история философии права», появляются в самом конце XVII – в первые десятилетия XVIII вв. Авторами этих сочинений были Буддей, Людовици, Томазий, Вернгер, Рейнгард, Барбейрак, Глазер. Во второй поло-

---

³⁴³ Кроме этих университетов в начале XIX в. в прибалтийских окраинах Российской империи существовало еще два университета — Дерптский (с 1802 г., современный г. Тарту, Эстония) и Виленский (с 1803 по 1832 гг. в г. Вильна, современный г. Вильнюс, Литва).

вине XVIII – начале XIX в. Редкин отмечает сочинения Шауссена, Гебауэра, Гюбнера, Гарран-де-Кулона, Кондорсе. Велькерома. Особо Редкиным выделяется сочинение берлинского профессора Раумера «Историческое развитие понятий права, государства и политики», которое вышло двумя изданиями в 1826 и 1832 гг. Кроме этого, называются работы Штала «Философия права через исторический взгляд» (1838) и Вернкенига «История философии права, начиная с Гуго Гроция» (1839). И — как «самое основательное сочинение» — отмечаются трехтомная книга Бусса и Геппа «История и система государственной науки» (1839), а также вышедшее в 1842 г. сочинение Росбаха «Периоды истории философии права»³⁴⁴. В конце своего обзора в виде небольшого списка Редкин выделяет «главнейшие строго-систематические сочинения по истории философии права». Примечательно, что третьим в этом списке (после Штала и Варнкенига) Редкин указывает труды русского ученого Неволлина³⁴⁵.

Действительно, уже во второй половине 30-х гг. XIX в. в университете Святого Владимира в Киеве профессор **К. А. Неволлин** первым в России составил и прочитал курс по истории философии права. В 1839–1840 гг. в Киеве этот курс был опубликован в виде двухтомника под названием «Энциклопедия законоведения»³⁴⁶.

Для нас наиболее интересен второй том этого труда — «История философии законодательства». Здесь Неволлин систематизирует в рамках очень продолжительного исторического периода от Древнего мира до начала XIX в. многочисленные идеи и концепции в области права и политики и считая их в совокупности самостоятельной наукой под названием — «философия законодательства».

В Петербурге в конце 30-х — начале 40-х гг. курс с изложением исторической эволюции политико-правовых идей читает **П. Д. Калмыков**. В 1845 г. этот курс издается (в рукописном виде) под названием «Историческая часть энциклопедии законоведения», в котором он выделяет два направления. Первое (практическое), по его представлениям, находит свое отражение «в положительных зако-

---

³⁴⁴ См.: *Редкин П. Г.* Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще. Т. I. СПб., 1889. С. 325–335.

³⁴⁵ См.: Там же. С. 334–335.

³⁴⁶ Второе издание сочинения Неволлина вышло в свет в Петербурге в 1857 г. Современное переиздание труда Неволлина вышло в Петербурге в 1997 г. В. П. Мещерский, вспоминая преподавательскую деятельность Неволлина в Училище Правоведения в 1855–1857 гг., пишет: «Он преподавал нам историю законодательства и энциклопедию законоведения, для которой изданная им книга славилась в Германии чуть ли не более, чем у нас» — *Мещерский В. П.* Воспоминания. М., 2001. С. 32.

нах и учреждениях», второе (теоретическое) — «в литературных сочинениях мыслителей»³⁴⁷.

Калмыков отмечает, что по содержанию его курс относится ко второму, теоретическому направлению, которое в немецкой традиции называется историей философии права.

Другим важным достижением в области исторического изучения политико-правовых учений в России этого периода следует считать лекции **Н. И. Пилянкевича**, которые читались им в Киевском университете во второй половине 40-х гг. XIX в.³⁴⁸, но опубликованы были только в 1870 г. (хотя первая неудачная попытка их опубликования относится к 1849 г.). Несмотря на то, что этот курс был во многом построен на заимствованиях из немецких и французских сочинений конца 20-х – начала 40-х гг. XIX в., он признается достаточно полной и удачной систематизацией политико-правовых учений от Древности до Нового времени, от Платона и Аристотеля до Гегеля, содержащей анализ основных европейских школ и течений.

В печатном виде курс Пилянкевича вышел в свет в 1870 г., т. е. в то время, когда были опубликованы и другие, более зрелые труды по данной проблематике, но для слушателей Университета Святого Владимира они прозвучали, а значит и были включены в интеллектуальную жизнь — уже во второй половине 40-х гг.³⁴⁹. Поэтому в контексте творческой эволюции историко-политических идей в России XIX в. курс Пилянкевича должен быть поставлен сразу вслед за курсами Неволлина и Калмыкова.

В числе первых отечественных исследований по истории политических учений следует назвать оригинальный (и достаточно объемный) труд профессора Харьковского университета **А. Стоянова** «Методы разработки положительного права и общественное значение юристов от глоссаторов до конца XVIII столетия» (1862), в котором автор предпринимает достаточно подробный и солидный обзор множества учений и направлений в юридической и политической науке Западной Европы в период с XII по XVIII вв.

---

³⁴⁷ См.: *Калмыков П. Д.* Историческая часть энциклопедии законоведения. СПб., 1845. С. 3.

³⁴⁸ В 1844 г. К. А. Неволлин был переведен в Петербургский университет и оставшуюся после этого вакантную кафедру юридической энциклопедии университета Св. Владимира в 1846 г. занял Н. И. Пилянкевич.

³⁴⁹ Здесь уместно привести одну любопытную реплику Н. М. Коркунова: «Развитию науки способствуют не одни печатные труды, но в равной, а у нас пожалуй еще в большей степени и университетские курсы». См.: *Сборник государственных знаний*. Т. III. СПб., 1877. С. 23.

Кардинальные сдвиги в преподавании истории философии права происходят после введения Университетского устава 1863 г. В соответствии с этим уставом на юридических факультетах образовывалась *кафедра энциклопедии права*, в задачу которой входило чтение двух основных курсов: 1) *энциклопедия юридических и политических наук* и 2) *история философии права*³⁵⁰.

Закономерно в связи с этим, что на начальные периоды действия Устава 1863 г. приходится формирование и чтение наиболее фундаментальных курсов по истории философии права — курсы Б. Н. Чичерина (в Московском университете) и П. Г. Редкина (в Петербургском университете). В 1869 г. выходит в свет первый том (впоследствии пятитомной) «Истории политических учений» **Б. Н. Чичерина**. В основу этого издания были положены лекции ученого, которые читались им в начале 60-х гг. в Московском университете. До 1877 года вышло в свет четыре тома, в которых Чичериным проводится подробный анализ политических учений от первых мыслителей Античности до политических теорий немецких идеалистов XIX века³⁵¹.

У современников мы можем встретить самые различные (в том числе и резко отрицательные) оценки труда Чичерина. Но бесспорно одно: по широте охвата персоналий (больше 70) и направлений политико-правовой мысли этот труд, несомненно, является наиболее солидным и фундаментальным не только для второй половины XIX в., но и для всей дореволюционной науки как в России, так и за рубежом³⁵².

Практически в те же годы, что и Чичерин, но только в Петербургском университете аналогичный лекционный курс начинает читать П. Г. Редкин. В 1866 г. в Петербурге слушателями лекций Редкина было составлено и выпущено рукописное издание «История философии права», в котором кратко излагались основные разделы его курса. Позднее в 1889–1891 гг. начальные главы этих лекций (политическая мысль Античности) в развернутом виде были опубликова-

---

³⁵⁰ См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Отд. 1. Т. 38. С. 623.

³⁵¹ Пятый, заключительный том труда Чичерина вышел в свет в 1902 г.

³⁵² При этом в современном формате на сегодняшний день переиздан только первый том труда Чичерина (СПб., 2006).

* Эту книгу П. Г. Редкина (правда, в рукописном формате) следует признать первым изданием в России, которое имело название «История философии права» (1866). В печатном варианте таким изданием стала книга Н. И. Пилянкевича (1870).

ны в многотомном издании под названием «Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще»³⁵³.

Изучение исторической эволюции идей и концепций о государстве, власти, праве в 60–70-е годы становится отдельным учебным и научным предметом. Появляются разные названия этого предмета, среди них наиболее принятые — «история философии права» и «история политических учений». Эти названия, в частности, и нашли свое отражение в двух наиболее выдающихся курсах этого периода — курсах Чичерина и Редкина.

Различие в названиях по сути одного и того же курса связано было не столько с тем, что содержательно или даже концептуально они отличались друг от друга, сколько с влиянием на эту ситуацию правительственной политики в области образования. Суть этой политики состояла в стремлении самодержавного правительства исключить понятия «политика», «политическое» из названий учебных курсов и кафедр, за чем скрывалось более серьезное намерение подменить анализ и преподавание существующих многоплановых политико-правовых явлений и процессов изучением статичных правовых форм или философских конструкций. Не случайно именно курс Чичерина называется «История политических учений»³⁵⁴, поскольку в период написания и издания первой части его автор был в опале, не преподавал в университете и был в этом смысле достаточно свободен, тогда как Редкин, являющийся действующим университетским профессором, не мог игнорировать официальные формулировки.

---

³⁵³ Редкин планировал это издание в составе 14-ти томов, но в свет вышло только семь. Издатели седьмого тома в предисловии упоминают о том, что лекции Редкина по средневековой, новой и новейшей истории философии права сохранились и готовы к опубликованию. Но осуществить издание этих томов ни тогда, ни позднее, так и не удалось.

³⁵⁴ Есть все основания полагать, что именно Чичерин ввел в 1869 г. в научное обращение (не только в России, но и на Западе) сам термин *«история политических учений»*. Во всяком случае, в подробнейшем обзоре мировой литературы по истории философии права и государствоведению, который составил Редкин в 1-м томе «Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще» (а в его компетентности в этом вопросе вряд ли можно сомневаться), в названиях указанных трудов такого термина нет. Наряду с наиболее распространенными словосочетаниями *«история философии права»* и *«история наук о государстве»* встречаются, например, такие — *«историческое развитие понятий о праве, государстве и политике»* у Раумера (1826), *«история политической литературы»* у Блэки (1855) — См.: Редкин П. Г. Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще. Т. I. СПб., 1889. С. 316–351. Понятия *«история политических учений»*, *«история политических теорий»*, *«история политических идей»* стали появляться в названиях работ западных авторов только в конце XIX в. (Ф. Поллок, Г. Кох, А. Мишель).

Похоже, эти названия имели условный, внешний характер. Не случайно, Чичерин, например, уже через много лет после опубликования первого тома своей «Истории», упоминая свою теорию о циклическом чередовании четырех школ в общественной мысли, и совершенно определенно имея в виду свою «Историю политических учений», говорит уже об «истории философии права»³⁵⁵.

Примечателен в этом плане опыт Демидовского юридического лицея в Ярославле. С 1872 по 1874 г. в составе дисциплины «энциклопедия права» здесь читался курс истории философии права (П. Е. Астафьев). Устав училища 1874 г. эту дисциплину из числа изучаемых исключил. Но в 1886 г. она опять была восстановлена, но уже под названием «История политических учений» (читал Е. Н. Трубецкой). В начале XX в. дисциплине было возвращено название «История философии права» (читали Ф. В. Тарановский и Б. А. Кистяковский)³⁵⁶.

В 1884 г. выходит новый (и последний в дореволюционной истории) Университетский устав. В соответствии с ним на юридических факультетах университетов³⁵⁷ образовывается 12 кафедр, среди них **кафедра энциклопедии права и истории философии права**³⁵⁸.

Официальное закрепление истории философии права как самостоятельной учебной дисциплины и включение этого понятия в название одной из университетских кафедр дает толчок к появлению в конце XIX – начале XX вв. в России достаточно большой серии учебников и учебных пособий с одноименным названием.

Учебные курсы и труды по истории философии права, появившиеся в конце XIX – начале XX вв., можно разделить на три категории: *первая* — это общие учебники и учебные пособия, охватывающие эволюцию политико-правовых идей от Античности до современности; *вторая* — работы, в которых исторические рамки материала охватывали период Нового времени, когда и разрабатываются наиболее фундаментальные идеи и концепции политико-правовой науки; и *третья категория* — это работы, посвященные анализу

³⁵⁵ Чичерин Б. Н. Философия права. СПб., 1998. С. 35.

³⁵⁶ См.: Имени Демидова. Ярославский университет в его прошлом и настоящем. Ярославль, 1995. С. 121.

³⁵⁷ В конце XIX века в Российской империи (без Финляндии) было 9 университетов — Московский (1755), Юрьевский (1802), Казанский (1804), Харьковский (1805), Петербургский (1819), Св. Владимира в Киеве (1834), Варшавский (русский, 1862–1915), Новороссийский в Одессе (1865) и Томский (1878). До 1917 г. было открыто еще 2 университета: Саратовский (1909) и Ростовский (1915 — на базе переведенного из Варшавы русского университета).

³⁵⁸ См.: Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. № 92. 29 августа 1884 г. С. 1704. Впервые словосочетание «история философии права» вносится в название одной из университетских кафедр.

политико-правовых идей определенного исторического периода или конкретной персоналии.

К *первой категории* следует (в хронологическом порядке) отнести следующие труды: «Краткий очерк истории философии права» **Н. Потапова** (Киев, 1890); «Очерки истории философии права» **С. А. Бершадского** (СПб., 1892); «Историю философии права» **Н. М. Коркунова** (1896)³⁵⁹; сокращенный вариант вышедших 4-х томов «Истории политических учений» **Б. Н. Чичерина** под названием «Политические мыслители древнего и нового мира» (М., 1897); «Лекции истории философии права» **В. Ф. Залесского** (Казань, 1902); «Историю философии права» **Г. Ф. Шершеневича**, которая вышла в 4-х выпусках, сначала в Казани в 1904–1905 гг., а затем в 1907 г. в Петербурге³⁶⁰; вышедший в Харькове в 1907 г. «Курс истории философии права» **К. Н. Яроша**; вышедшее в 1908–1912 гг. в Харькове в нескольких выпусках (некоторые из них имели повторные издания) учебное пособие **А. Н. Фатеева** под названием «История общих учений о праве и государстве».

Следует также отметить, что на основе крупных работ по общей истории философии права, создаются конспективные учебно-методические пособия: в 1900 г. студентом Петербургского университета **П. Я. Лефевром** был составлен и издан «Повторительный курс истории философии права (По курсам профессоров Н. М. Коркунова, С. А. Бершадского, Зверева, Гейера и др.)», в 1908 г. в Петербурге выходит пособие **Е. Владимирова** «Существенные черты истории философии права. Составлено по университетской программе, преимущественно, по курсу проф. Н. Коркунова», а в 1910 г. в Одессе учебное пособие **Яворского Н. Д.** «История философии права. Краткий курс, составленный применительно к университетской программе». Выходили и другие подобные пособия³⁶¹.

---

³⁵⁹ В 1915 г. вышло 6-е издание данного труда Н. М. Коркунова, но современного его издания, к сожалению, до сих пор нет.

³⁶⁰ Данный труд, наряду с курсом Коркунова, относился к числу наиболее популярных университетских учебников конца XIX – начала XX вв.

³⁶¹ Дореволюционную традицию историко-политологических исследований продолжили ряд авторов, которым удалось после 1917 г. выпустить в свет несколько книг: **Спекторский Е. В.** Пособие к лекциям по истории философии права. Киев, 1918; **Ладъженский А. М.** Общественно-политические идеалы древнего мира, средних веков и нового времени. Харьков, 1919; **Бошко В. И.** Очерки развития правовой мысли. М., 1925; **Рейснер М. А.** История политических учений. Т. 1. М., 1929. На этом серьезные исследования в области истории политических учений в нашей стране прерываются на два десятилетия, пока в конце 40-х гг. в СССР не начали разрабатываться курсы «Истории политических и правовых учений применительно к нуждам юридического образования».

Ко *второй категории* работ российских ученых конца XIX – начала XX в. следует отнести ряд учебных пособий по истории философии права, которые охватывали не весь исторический контекст от древности до современности, а только период Нового и Новейшего времени. В их числе следует выделить следующие:

- Курс по истории философии права Нового времени **Е. Н. Трубецкого** (первая часть впервые была опубликована в Киеве в 1893 г.³⁶²); лекции по истории философии права **П. И. Новгородцева**, которые впервые были изданы литографическим способом в 1897 г. в Москве, а затем переиздавались под разными названиями и в различных составах (наиболее полный вариант 1908–1910 гг.; курс лекций по истории политических учений Нового времени **М. М. Ковалевского** (СПб., 1911, литографическое издание).

К *третьей категории* работ российских историков политико-правовых учений следует отнести исследования, посвященные анализу политических учений определенного исторического периода (страны) или конкретной персоналии.

Подобные работы начали появляться еще в 60-е гг. Достаточно в этой связи назвать книгу Ю. Г. Жуковского «Политические и общественные теории XVI века». (СПб., 1866).

В рассматриваемой категории трудов историко-политологического характера необходимо одну выделить работу, посвященную анализу политических воззрений конкретного мыслителя. Речь идет о монографии **А. С. Алексева** «Макиавелли как политический мыслитель» (1880). В ней наряду с многогранным анализом взглядов Макиавелли дается по существу научная модель изучения и интерпретации творчества отдельных политических мыслителей и политических школ. Данная модель включает в себя три ступени анализа: сначала дается систематическое изложение политического учения мыслителя путем последовательного выделения его наиболее важных положений и выводов; затем раскрываются политические и социальные условия, при которых складываются воззрения рассматриваемого ученого; и наконец, показывается место ученого в истории политических учений, для чего анализируется система взаимовлияний идей ученого и его предшественников (современников), а также последователей.

---

³⁶² Данный курс Е. Н. Трубецкой начал читать в Демидовском юридическом лицее в 1886 г., затем продолжил в Университете Св. Владимира в Киеве и в Московском университете. Курс публиковался частями в 1893–1899 гг.

Уже на примере двух рассмотренных выше работ, видно, что данные исследования отличались от общих учебных курсов по истории философии права более широким и углубленным применением различных сравнительных и аналитических подходов. Эти подходы были развиты и в ряде других работ подобного рода. Для примера можно выделить большой очерк **А. С. Яценко** под названием «Политические учения в Англии в XVIII веке и в начале XIX века» (М., 1912) и книгу **Кузнецова К. А.** «Опыты по истории политических идей в Англии (XV–XVII в.)» (Владивосток, 1913).

Кроме специальной литературы по истории философии права (истории политических учений) в конце XIX – начале XX в. в России выходит большое число трудов, в состав которых включались обширные обзорно-аналитические разделы по указанной проблематике. В числе этих трудов следует назвать следующие: «Указ и закон» (1894) Н. М. Коркунова, «Русское государственное право» (1897) А. С. Алексеева, «Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение» (1903) Н. Н. Палиенко, «Очерк развития индивидуалистического направления в истории философии государства» (1904–1907) А. Н. Фатеева, «Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве» (1902) П. И. Новгородцева, «От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. Роль государства и его отражение в истории политических учений» (1906) М. М. Ковалевского, «История политических идей в России в XVIII в. в связи с развитием ее культуры и ходом ее политики» (1900–1902) А. С. Лаппо-Данилевского, «Древнерусские учения о пределах царской власти. Очерки политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века» (1916) В. Э. Вальденберга и др.

Представленный краткий обзор трудов и учебных курсов по истории философии права (истории политических учений) свидетельствует о том, что к концу XIX в. в России сформировался ряд университетских школ по данной учебно-научной дисциплине: школа Московского университета (*М. М. Ковалевский, П. Н. Новгородцев, Г. Ф. Шершеневич*), школа Петербургского университета (*С. А. Бершадский, Н. М. Коркунов*), школа Казанского университета (*В. Ф. Залесский*), школа Харьковского университета (*К. Н. Ярош, А. Н. Фатеев*).

К этому необходимо добавить, что преподавание истории политических учений (истории философии права) как отдельно, так и в рамках курса государственного права в конце XIX века проводилось в Варшавском университете (*А. Л. Блок*), в Новороссийском уни-

верситете в Одессе (*К. А. Кузнецов*), в Демидовском (Ярославском) юридическом лицее (*Е. Н. Трубецкой, Б. А. Кистяковский*)³⁶³.

К концу XIX века российские школы истории философии права по своему научному уровню не уступали достижениям западной науки. Подтверждением такому выводу может стать, например, рекомендательный список литературы по истории философии права, составленный Шершеневичем во втором издании своей «Истории философии права» (СПб., 1907). Данный список, кстати, Шершеневич предвещает характерным замечанием о том, что по сравнению с зарубежными источниками «русская литература по истории философии права представляется довольно богатой»³⁶⁴.

В этот список (16 авторов) Шершеневич включает 8 трудов российских ученых: *К. А. Неволлин*. История философии законодательства (1839); *Н. И. Пилянкевич*. История философии права (1870); *Б. Н. Чичерин*. История политических учений. Т. 1 (1869); *С. А. Бершадский*. Очерки по истории философии права. Вып. 1 (1892); *Н. М. Коркунов*. История философии права (1895); *В. Ф. Залесский*. Лекции по истории философии права (1900); *П. Н. Новгородцев*. Из лекций по истории философии права. Учения нового времени XVI–XVIII вв. (1904); *М. М. Ковалевский*. От прямого народовластия к представительному от патриархальной монархии к парламентаризму. Роль государства и его отражение в истории политических учений. В 3 т. (1906)³⁶⁵.

Подытоживая исторический обзор становления истории философии права (истории политических учений) в России в XIX – начале XX в., можно выделить три основных этапа.

Первый: 30-е гг. XIX в. – 1863 г. Появление первых отдельных курсов и трудов по истории политических учений (истории философии права), начало преподавания этой дисциплины или отдельных ее фрагментов в университетах (как правило, в рамках юридического образования).

Второй: 1863–1884 гг. История философии права (история политических учений) преподается как обязательная дисциплина на юридических факультетах университетов, входит в название одной из кафедр. Выходят фундаментальные учебники по данной дисциплине.

---

³⁶³ Более подробный персональный состав университетских школ государственного управления в XIX-начале XX вв. в России см.: *Корф С. А.* Русское государственное право. Ч. I. М., 1915. С. 12.

³⁶⁴ См.: *Шершеневич Г. Ф.* История философии права. 2-е изд. СПб., 1907. С. 26.

³⁶⁵ См.: Там же. С. 26–27.

плине (Чичерин, Коркунов) и ряд научных исследований по различным аспектам и проблемам данной дисциплины.

Третий: 1884–1917 гг. Понятие «история философии права» включается в название одной из университетских кафедр юридического факультета. Выходит большое количество общих и специальных трудов и учебных курсов по истории философии права (истории политических учений). Исследования отечественных ученых в данной области по своему научному уровню не уступают достижениям западной науки.

Существуют также еще две важнейшие содержательные проблемы, которые встанут перед каждым историком теоретической мысли. Первая — это главная проблема (или задача) всякого историка — отбор материала. Для историка философии права — это задача *отбора текстов* (персоналий, школ, направлений). Вторая — это проблема *интерпретации (критики)* отобранных текстов.

История философии права относится к той области исторических знаний, где подбор (или отбор) фактов, в данном случае ими являются тексты (персоналии), является исходной и очень важной задачей исследования. Этот отбор не может не иметь отпечаток субъективных предпочтений автора, но, тем не менее, в его основе должны быть объективные критерии значимости тех или иных текстов (персоналий) для развития данной области знания как применительно к конкретной эпохе, так и в исторической перспективе.

К числу таких критериев следует отнести два основных: 1) получение новых научных результатов (обобщений, концепций, подходов и методов анализа и т. д.), которые лучше и точнее объясняют явления и процессы в политической сфере общества; 2) степень влияния этих результатов на дальнейшее развитие самой политической науки (появление научной школы, последователей, использование этих результатов в других теориях и т. д.).

Именно использование этих критериев при формировании любого исторического обзора философско-политических и правовых учений и определяло содержательный корпус большинства учебных курсов и трудов по истории философии права (истории политических учений) в России в XIX – начале XX в. Эти критерии определяли также и обязательный минимум текстов (персоналий), без которого не может этот обзор быть признан научным, так как без этого минимума он не дает правильного представления об основных исторических вехах и достижениях в развитии философско-политических наук.

Для выявления этого минимума (ограничимся при этом только зарубежной политической мыслью до конца XVIII в.) проведем сравнительный анализ четырех источников, которые отражают подходы к данному вопросу в различных университетских центрах (научных школах) России конца XIX – начала XX в.: 1) **Чичерин Б. Н.** Политические мыслители древнего и нового мира. М., 1897 (Книга являлась выжимкой из вышедших к тому времени четырех томов «Истории политических учений»); 2) **Лефевр П. Я.** Повторительный курс истории философии права. По курсам профессоров Н. М. Коркунова, С. А. Бершадского, Зверева, Гайера и др. СПб., 1900; **Шершеневич Г. Ф.** История философии права. В 4 вып. Казань, 1904–1905; **Яворский Н. Д.** История философия права. Краткий курс, составленный применительно к университетским программам. Одесса, 1910 (Автор пособия указывает, что в его основу положен обзор 15 источников по истории политических учений и истории философии как отечественных, так и зарубежных авторов).

Итак, каков же этот минимум персоналий зарубежной политической мысли в представлении отечественных историков политических учений конца XIX – начала XX в.? Он состоит из 10 основных³⁶⁶ (включены во все 4 источника) и 5 дополнительных³⁶⁷ (включены в 3 из 4 источников): **Платон, Аристотель, Цицерон, Фома Аквинский, Томас Мор, Макиавелли, Боден, Гуго Гроций, Гоббс, Пуфендорф, Спиноза, Лейбниц, Локк, Монтескье, Руссо.**

Подбор этого ряда персоналий содержит в себе два важнейших обстоятельства. *Во-первых*, эти 15 персоналий символизируют наиболее важные и перспективные идеи и концепции в мировой истории философских и политических учений, а *во-вторых*, именно они в своей совокупности создают непрерывную преемственную нить философско-политической мысли на протяжении двух тысячелетий человеческой истории.

Другой важной проблемой научного анализа историко-политологического процесса является критика (интерпретация) текстов (источников). М. Хайдеггер писал: «Естественно-научному эксперименту соответствует в историко-гуманитарных науках критика источников»³⁶⁸.

Действительно, как для научного исследования, так и для создания учебных курсов в области истории философии права (исто-

---

³⁶⁶ Полуужирный шрифт.

³⁶⁷ Полуужирный курсив.

³⁶⁸ Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 45.

рии политических учений), простого изложения (пересказа) в хронологическом порядке содержания политических идей и концепций явно недостаточно. Автор такого изложения сам придерживается, как правило, определенных научных и мировоззренческих позиций и поэтому с необходимостью экспериментирует с текстами, интерпретирует их со своих позиций, критикует их отдельные положения.

Такая интерпретация включает в себя различные варианты исторической периодизации историко-политологического процесса, группировку текстов и теорий по направлениям и школам, выделение в них главных и второстепенных моментов, оценки и констатации влияния тех или иных теорий на внешнюю среду и т. д. Все это вместе создает в каждом серьезном научном исследовании *определенную схему или модель историко-политологического процесса*, корни которой, как правило, уходят в соответствующие философские и правовые основания. Б. Н. Чичерин называл это «законом исторического развития политической мысли»³⁶⁹.

Факт состоит в том, что разные историки исходили в своих исследованиях из разных «законов» и для понимания их исходных посылок необходим анализ многообразных подходов к вопросам объекта, предмета и метода истории философии права, которые складываются в российском университетском образовании и науке в XIX – начале XX в.

II

Важной характеристикой отечественных исследований XIX – начала XX в. в области истории философии права (истории политических учений) является то, что в них обзорная часть органично дополняется аналитической, концептуальной, где в центре внимания находилась проблема «объект-предметного поля»³⁷⁰.

---

³⁶⁹ Чичерин Б. Н. История политических учений. Т. 1. СПб., 2006. С. 34.

³⁷⁰ Во избежание путаницы следует отметить, что современное содержание понятия «предмет науки» (*понимание и объяснение природы определенной совокупности явлений, их взаимосвязей*) в литературе второй половины XIX – начале XX вв. многие обозначили через понятие «задача науки». Тогда как содержание также употребляемого понятия «предмет» в то время фактически отождествлялось с современным содержанием понятия «**объект науки**» (*определенная совокупность явлений, изучаемых данной наукой*). См. напр.: Кареев Н. И. Из лекций по общей теории истории. Теория исторического знания и исторического процесса. Ч. I. Историки. Изд. 2-ое. Петроград, 1916. С. 23. И даже те авторы, которые для обозначения определенной совокупности явлений, изучаемых конкретной наукой, употребляли понятия «объект», все равно для обозначения познавательно-интеграционной функции научной дисциплины использовали термин «задачи науки». См., напр.: Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Вып. 4. М., 1912. С. 762. Далее в данном разделе понятия «объект» и «предмет» будут употребляться в современном значении.

Первые подходы к определению предмета дисциплины, изучающей историческую эволюцию политических и правовых знаний, содержатся в курсах Неволлина и Калмыкова. Если Неволлин обращает внимание на непрерывность и преемственность развития «философских систем»³⁷¹, то Калмыков прямо формулирует предмет «исторической энциклопедии законоведения», суть которого есть «изложение постепенного развития общих, коренных истин права, от первого из обнаруженных до настоящего выражения в современных юридических памятниках вообще». В ходе этого изложения показывается, «как эти истины возникли, совершенствовались, развивались и достигли настоящего значения».

Впервые по научному к проблеме определения предмета истории политических учений подошел Б.Н.Чичерин. Во введении к своей «Истории политических учений» он дает оригинальную интерпретацию истории политических учений как науки, а также раскрывает внутреннюю природу и конкретное содержание *политического учения* в его исторической эволюции.

Политическое учение, по Чичерину, это прежде всего учение о государстве³⁷². Но каковы элементы этого государства, какова его структура? Государство, по мнению Чичерина, состоит из четырех взаимосвязанных элементов:

1) общественная *власть* («необходимая общественная сила, подчиняющая себе силы частные»; «она дает обществу бытие, ибо без нее нет единства, нет целого, а есть только разрозненные члены»³⁷³);

2) *свобода* (или «*свободное лицо*») «с его правами, с его интересами...»³⁷⁴;

3) *закон* («общие правила, истекающие из разума и налагающие на человека нравственное принуждение или обязанность»³⁷⁵);

4) *общее благо*, которое «состоит именно в гармоническом развитии и соглашениях противоположных элементов общежития»³⁷⁶.

Отражение или осмысление каждого из этих элементов государства в политической мысли и обуславливает, по Чичерину, появление тех или иных политических учений и теорий. Но есть ли какой-либо порядок, закономерность в выдвижении на передний план в

---

³⁷¹ См.: Неволлин К. А. Энциклопедия законоведения. Спб., 1997. С. 112.

³⁷² См.: Чичерин Б. Н. История политических учений. Ч. I. М., 1869. С. 5.

³⁷³ Там же. С. 6.

³⁷⁴ Там же. С. 7.

³⁷⁵ Там же.

³⁷⁶ Там же.

различные исторические эпохи определенного политического учения? Чичерин ответил на этот вопрос утвердительно: «Внимательное изучение политических теорий, — писал он, — убеждает нас..., что все... разнообразие взглядов сводится к некоторым основным группам, которые постоянно повторяются в истории, а исследование самого содержания систем показывает, что эти группы соответствуют основным элементам государственной жизни»³⁷⁷. Таким образом, Чичерин пришел к выводу, что «в истории политических учений мы встречаем четыре главные школы, которые возвращаются постоянно, в каждую эпоху развития политической мысли. Эти четыре школы можно назвать: общежительную, нравственную, индивидуальную, идеальную»³⁷⁸.

Уточняя свою теорию, Чичерин предостерегал от упрощенного его понимания в смысле буквального циклического повторения политических идей в мировой истории. Как истинный гегельянец, Чичерин представлял этот циклический процесс в виде восходящей спирали. По его мнению, истинный «закон исторического развития политической мысли» состоит в следующем: «Постоянное повторение в истории одних и тех же учений указывает на присутствие одних и тех же элементов, но не означает совершенного их тождества. Что прежде существовало в зародыше, то в последствии является во всей своей полноте своих определений. Общий закон развития вещей состоит в том, что из первоначального единства выделяются различия, и затем различия опять сводятся к единству»³⁷⁹. Следует отметить, что формулируя «закон исторического развития политической мысли», Чичерин видел в нем отражение более «общего закона развития вещей», всемирной истории в целом³⁸⁰. «Человечество, — писал он, — отправляется от первоначального единства, развивает из него противоположные определения и опять сводит их к единству, стремясь к высшей гармонии жизни. История политиче-

---

³⁷⁷ Там же. С. 4.

³⁷⁸ Там же. С. 8.

³⁷⁹ Чичерин Б. Н. История политических учений. Ч. I. С. 10. Следует отметить, что примерно за десятилетие до Чичерина к мысли о необходимости выявления универсального в развитии политических наук пришел Д. И. Каченовский. См.: Каченовский Д. И. Взгляд на историю политических наук в Европе. М., 1859. С. 18–21.

³⁸⁰ Один из теоретиков истории литературы того времени (дисциплины, по своим задачам во многом родственной и пересекающейся с историей политических учений), В. В. Сиповский так определил предмет своей науки: «Историей литературы мы назовем науку, изучающую ...произведения в их генетической и закономерной последовательности, ...изучающую простые и сложные явления литературной жизни, построившая законы, которыми обусловлено зарождение, создание и судьбы этих явлений» // Сиповский В. В. История литературы как науки. СПб., б. г. С. 60.

ских учений с поразительной ясностью и в малейших подробностях подтверждает этот закон, который один дает ключ к пониманию всемирной истории, а потому — к разрешению главных вопросов, занимающих человечество»³⁸¹.

Примерно в то же время, когда Чичерин работал над первым томом своей «Истории политических учений», в Петербургском университете читал лекции по истории философии права П. Г. Редкин, который предложил оригинальное определение предмета своего курса? Отправным моментом для такого определения была его классификация гуманитарного знания и идея взаимосвязи различных гуманитарных наук. Редкин все гуманитарные науки делил на три области: 1) науки юридические и правовые, 2) науки социальные и общественные, 3) науки политические или государственные³⁸².

Все эти три области, по мнению Редкина, тесно связаны между собой, и поэтому особенно важно определить связь между юридическими и политическими науками. Редкин охарактеризовал эту связь следующим образом: «Науки политические или государственные могут в некотором, по крайней мере, отношении иметь и такой обширный смысл, что в их состав входят и науки юридические, ибо право, юридическая жизнь, входят в состав жизни государства вообще, есть одна из сторон жизни государственной, политической. Но никак нельзя сказать и наоборот, чтобы в состав юридических наук входили и политические, ибо в состав юридической жизни не входят все стороны государственной жизни»³⁸³.

Отсюда и многозначная трактовка Редкиным истории философии права. Эта дисциплина для него есть прежде всего юридическая наука, «хотя и не чисто юридическая, а вместе социальная и политическая»³⁸⁴. Наиболее точное название своего курса Редкин сформулировал следующим образом: «История философии пра-

---

³⁸¹ Чичерин Б. Н. История политических учений. Ч. I. М., 1869. С. 11. Здесь нельзя не заметить очевидное совпадение идей двух независимо друг от друга творящих и стоящих по сути на противоположных политических позициях мыслителей XIX в. — Б. Н. Чичерина и К. Н. Леонтьева. Идеи о циклическом развитии политической истории Чичерина мы изложили выше. Теперь мысли Леонтьева: «Что такое процесс развития?... Этому закону подчинены и государственные организмы, и целые культуры мира. И у них очень ясны ... три периода: 1) *первичной простоты*, 2) *цветущей сложности*, 3) *вторичного сместительного упрощения*». (Леонтьев К. Н. Византизм и славянство // Леонтьев К. Н. Избранное. М., 1993, С. 68, 75). Мысли Чичерина опубликованы в 1869 г., мысли Леонтьева — в 1875 г.

³⁸² См.: Редкин П. Г. Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще. СПб., 1889. Т. I. С. 35–36.

³⁸³ Там же. С. 8–9.

³⁸⁴ Там же. С. 199.

ва есть вместе историческая, философская и юридическая, общественная и политическая специальная наука»³⁸⁵. Поэтому «полное и точное название или заглавие наших предстоящих лекций по истории философии права может быть выражено так: *История философии права, общества и государства в связи с историей философии вообще*»³⁸⁶.

Редкин выдвинул идею о том, что историю государственной мысли (теорию государства) можно научно изучать только в единстве социального развития. «Право, — писал он, — необходимо осуществляется в обществе и государстве; немислимо ни право вне общества и государства, ни общество и государство без права»³⁸⁷. Тем самым наука под сокращенным и условным названием «история философии права» — это история философских теоретических учений и норм о взаимосвязанном и взаимообусловленном развитии правовых, социальных и государственных элементов человеческого бытия.

Курс Редкина, так же как и курс Чичерина, есть научное, систематизированное осмысление всемирной истории человечества на основе изучения базовых, опорных ее элементов: права, общества, государства. Государство здесь выступает как системообразующая, скрепляющая основа, которая позволяет функционировать праву и сохраняет общество как упорядоченную и подчиняющуюся каким-то общим правилам совокупность людей. Исходя из этого такой науке больше подходит название «политическое учение», понимая под политикой «науку о целесообразном устройстве и управлении государством»³⁸⁸.

---

³⁸⁵ Редкин П. Г. Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще. СПб., 1889. Т. I. С. 235.

³⁸⁶ Там же. С. 203.

³⁸⁷ Там же. С. 309.

³⁸⁸ Там же. С. 67. Чичерин говорил о том, что в определенном отношении «политика, завершая цикл общественных наук, дает им окончательное и высшее освещение» // Чичерин Б. Н. Курс государственных наук. Ч. III. Политика. М., 1898. С. 15.

Во многих трудах по истории философии права мы находим оригинальные формулировки предмета данной дисциплины. Вот некоторые примеры таких формулировок: 1) «Философы создавали идеальное право, не зная, что такое право в действительной жизни и как применяются его нормы» — Шершеневич Г. Ф. История философии права. Вып. 1. Казань, 1904. С. 20; 2) «История философии права есть исследование причин возникновения тех разнообразных этических теорий, которые послужили основанием современных учений о праве и государстве» — Бершадский С. А. Очерки истории философии права. Вып. 1. СПб., 1892. С. 3; 3) «История философии права пытается установить не различия в «материальном» понимании права, а оттенки в «отношении» конкретных исторических эпох к правовой идее — как бы единообразна не была основная сущность последней... истории философии права ... как истории правовых принципов» — Кузнецов К. А. История философии права. Античная Греция. Одесса, 1917. С. 8, 9.

В государствоведческой литературе конца XIX – начала XX в. встречаются и работы, специально посвященные проблеме предмета истории политических учений. Автор одной из таких работ А. С. Алексеев предмет истории политических учений (или теорий) определял как совокупность двух важнейших компонентов: 1) закономерность, логическая нить исторического развития политической мысли как всемирный процесс; 2) связь политических теорий и политической истории, «теорий государства в их исторической последовательности» с конкретно-историческими условиями «государственного быта», «с нравственным складом народа», «с экономической обстановкой», с «политической атмосферой», т. е. со всей совокупностью объективных условий, в которых появились эти теории³⁸⁹. Причем связь эта является двусторонней: влияние политической теории на политические порядки и наоборот.

Близко к трактовке А. С. Алексеева предмета истории политических учений (истории философии права) примыкала позиция Е. В. Спекторского. Он считал, что история философии права, «как составная часть истории этической философии, входит в историю культуры, именно в историю духовной культуры... Она не может давать простой перечень имен и сочинений с кратким пересказом их содержания. Не может она также давать, так сказать, портретную галерею философов, характеристику их личности и творчества, давать портреты философов, оторванные от окружающей их обстановки и от исторических условий, вызвавших их учения. Она не судит философских учений. Она просто старается понять и объяснить, как и почему в известное время возникли именно данные проблемы, и какова была их позднейшая судьба»³⁹⁰.

Другой теоретик истории политических учений — В. Вальденберг, определяя «историю политических учений как такую науку, которая ставит своей целью изучить исторический процесс в развитии учений о задачах государства и о средствах к осуществлению этих задач»³⁹¹, также считал, что для этой науки «идея закономерности», «идея развития по закону причинности» является базовой³⁹². Но это исходное положение привело его, тем не менее, к выводу

---

³⁸⁹ См.: Алексеев А. С. Задачи и методы истории политических теорий // Юридический вестник. 1880. Т. III. С. 465, 471, 475.

³⁹⁰ Спекторский Е. Пособие к лекциям по истории философии права. Киев, 1918. С. 11.

³⁹¹ Вальденберг В. Э. История политических учений как наука // Право. 1901. № 9. Стлб. 466.

³⁹² Там же.

прямо противоположному, чем вывод Алексева. Вальденберг писал: «Предметом политических учений являются чисто теоретические проблемы, в разрешении которых принимают участие не политические партии и общественные классы, но политические направления и философские школы, и которые мы рассматриваем вне их связи с какими бы то ни было исторически сложившимися политическими формами и экономическими организациями»³⁹³. По Вальденбергу, получалось, что история политических учений — это поле чисто умозрительного дискурса, в котором закон причинности действует только между идеями и теориями, не связанными с внешними условиями и обстоятельствами и не зависящими от них³⁹⁴.

Из сказанного выше видно, что к началу XX века в российском государствоведении начинают формироваться ряд концептуальных подходов к интерпретации проблемы взаимодействия истории и политики, теории (политических учений) и реальной политической истории.

3. Методология философско-политологических исследований (разработки отечественных ученых XIX – начала XX в.)

Разработка методологических вопросов является важной ступенью и определенной степенью зрелости в развитии любой области научного знания. Изучение трудов отечественных ученых-гуманитариев второй половины XIX – начала XX вв. свидетельствует о повышенном и постоянно возрастающем интересе к данному направлению научных исследований³⁹⁵.

---

³⁹³ Вальденберг В. Э. История политических учений как наука // Право. 1901. № 9. Стлб. 471.

³⁹⁴ Во многих трудах по истории философии права мы находим оригинальные формулировки предмета данной дисциплины. Вот некоторые примеры таких формулировок: (1) «Философы создавали идеальное право, не зная, что такое право в действительной жизни и как применяются его нормы» (*Шершеневич Г. Ф.* История философии права. Вып. 1. Казань, 1904. С. 20); (2) «История философии права есть исследование причин возникновения тех разнообразных этических теорий, которые послужили основанием современных учений о праве и государстве» (*Бершадский С. А.* Очерки истории философии права. Вып. 1. СПб., 1892. С. 3); (3) «История философии права пытается установить не различия в «материальном» понимании права, а оттенки в «отношении» конкретных исторических эпох к правовой идее — как бы единообразна не была основная сущность последней... истории философии права ... как истории правовых принципов» (*Кузнецов К. А.* История философии права. Античная Греция. Одесса, 1917. С. 8, 9).

³⁹⁵ В начале раздела уместно кратко сказать об исторической эволюции содержания понятия «методология». Это понятие стало употребляться для обозначения науки о методах (*Methodenlehre*) в германских университетских курсах еще в XVIII веке, но позже (со второй половины XIX века) получило более широкое содержание,

Разработка проблем методологии как важное направление развития гуманитарного знания. Некоторые ученые того времени связывали это с глубокими и кардинальными переменами, которые происходили в развитии науки на рубеже XIX и XX веков и которые затрагивали не только содержательные аспекты научных исследований, но и такие стороны науки, как ее социальный статус, ее эвристические и прогностические возможности и т. д.

Так, например, российский ученый того времени А. Горбунов в 1906 г. оценивал ситуацию в научной среде следующим образом: «За последнее время в научном мире наблюдается усиленный интерес и внимание к методологическим проблемам. Вряд ли можно назвать такую область обществоведения и государствоведения, которую не затронула бы «переоценка ценностей» и методологические основы которой не подверглись бы и более или менее коренной переработке. Вряд ли можно преувеличить значение этого умственного течения. Достаточно напомнить, что оно выдвинуло, между прочим, проблему должного, которая в той или иной форме, под тем или другим наименованием, проникла в политические, юридические, экономические и социальные дисциплины»³⁹⁶.

Другой юрист-теоретик того времени — Васильковский Е. В., подчеркивая факт повышения интереса его современников к методологическим вопросам, указывал также еще и на то, что этот интерес является свидетельством перехода научного знания (в данном случае — правоведения) на более высокую ступень своего развития. «В истории юриспруденции, — пишет он, — повторяется тот наблюдаемый в других науках факт, что применение научных методов исследования предшествует точной формулировке их. В течение целых веков и даже тысячелетий производились построение и класси-

---

синонимичное понятие «теория». Именно в этих двух взаимосвязанных значениях оно и чаще всего употреблялось в научных исследованиях и в университетских курсах в России в конце XIX-начале XX в. Появилось еще и третье его значение: метод как практический прием исследования или методика. Итак, исторически было выработано три значения методологии: 1) методология как теория; 2) методология как совокупность методов и 3) методология как совокупность методических приемов, техника исследования. — См.: *Смоленский Н. И.* Из опыта ведения курса по методологии истории // Новая и новейшая история. 2007. № 2. С. 133; *Вайнштейн О. Л.* Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX–XX вв. М., 1979. С. 205. В этих трех значениях понятие «методология» употребляется и в современной науке, хотя и существует мнение о том, что «понятия «теория» и «метод» следует ограничить друг от друга» (Н. Конеген, К. Шуберт). — См.: *Методические подходы политологического исследования и метатеоретические основы политической теории.* Комментированное введение. М., 2004. С. XI.

³⁹⁶ *Горбунов А.* Методологические основы дисциплин, изучающих деятельность государства. I. Часть историческая. Вып. 1. М., 1906. С. 1.

фикация юридических понятий, тогда как сущность и значение употребляемых при этом логических приемов сознаны вполне только в недавнее сравнительно время»³⁹⁷.

Метод — это не то, что прямо и непосредственно вытекает из задач и содержания науки. И это не происходит само собой. Методы создаются учеными. Поэтому научное знание на каком-то этапе своего развития может существовать и без метода, точнее — без научно осмысленного метода. В своих лекциях по методологии русской истории (1884/1885 акад. год) В. О. Ключевский указывает на существенный недостаток, «каким отличается изучение нашей истории». «Недостаток этот, — по мнению ученого, — *отсутствие метода*»³⁹⁸.

Действительно, в последние два-три десятилетия XIX века начинают выходить крупные работы по методологии различных областей гуманитарного знания, переводятся наиболее важные зарубежные работы в этой области³⁹⁹.

Уже в то время в разработке методологических вопросов применительно к гуманитарной области начинают формироваться два взаимосвязанных направления (или пласта) подходов и трактовок, по сути — два различных понимания методологии.

Первое — это понимание методологии как совокупности приемов научного изучения *«реальных объектов»*, общественных институтов и учреждений, общественных процессов и явлений.

Второе — это понимание методологии как совокупности приемов научного изучения *«идеальных объектов»*, *«объектов мысли»*, различных текстов, произведений, документов и т. п.

Государствоведение — научная и образовательная дисциплина, в рамках которой в то время изучались политические проблемы и процессы, оказалось такой областью гуманитарного знания, где оба указанных выше методологических подхода тесно взаимодействовали и дополняли друг друга. Это обуславливается тем, что

---

³⁹⁷ Васьковский Е. В. Цивилистическая методология. Ч. I. Учение о толковании и применении гражданских законов. Одесса, 1901. С. 347. Здесь и далее мы делаем ссылки на первоначальные издания анализируемых трудов, хотя целый ряд из них имеет и современные (вполне научные) переиздания.

³⁹⁸ Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. VI. М., 1989. С. 5.

³⁹⁹ См., например: Метод в науках. СПб., 1911; Пуанкаре Г. Наука и метод. Одесса, 1910; Менгер К. Исследование о методах социальных наук и политической экономии в особенности. СПб., 1894; Лансон Г. Метод в истории литературы. М., 1911; Бернгейм Э. Введение в историческую науку. М., [1908]; Сеньобос Ш. Исторический метод в применении к социальным наукам. М., 1902; Фриман Э. Сравнительная политика и единство истории. СПб., 1880 и др.

объектом государственного управления является государство, государственная и политическая жизнь, в которых становление и развитие государственных учреждений и отношений происходит в тесной связи и под воздействием политических и правовых учений. Знать государственную жизнь общества — значит знать не только систему государственных учреждений, но и систему права, систему государственных и политических идей и проектов, на которых и основана деятельность учреждений.

Другой особенностью государственного управления является то, что эта область знания по своей сути является исторической, ретроспективной, поскольку адекватное понимание природы современных государственных отношений невозможно без знания исторической эволюции государственных начал.

В силу этих особенностей изучение в государственном управлении действующих правовых форм и учреждений на самых ранних стадиях развития этого знания (как за рубежом, особенно в Германии, так и в России) сопровождается серьезным изучением истории права, эволюции теоретических представлений о государстве, праве, власти.

Одним из первых произведений, где указанная выше характеристика стала непосредственным объектом анализа, следует назвать книгу профессора Харьковского университета **А. Стоянова** «Методы разработки положительного права»⁴⁰⁰ и общественное значение юристов от глоссаторов до конца XVIII столетия» (Харьков, 1862). Можно сказать, что именно с этой книги в российском государственном управлении собственно и начинается разработка методологических проблем.

В этом труде Стоянов формулирует ряд важнейших положений: 1) о сущности научного метода; 2) об отношении метода науки и предмета науки; 3) о структуре метода права.

Что касается первого положения, то наряду с некоторыми метафорическими определениями научного метода — «оружие науки», «пульс науки»⁴⁰¹, Стоянов высказывает важное положение об объективной обусловленности и необходимости методологической разработки научного знания. «Экономия времени и сил, — пишет он, — составляет едва ли не первое условие для всякой человеческой деятельно-

---

⁴⁰⁰ В дореволюционном правоведении в понятие «*положительное право*» включались юридические нормы, выразившиеся в обычаях, судебной практике, законодательстве, в противовес свободно развивающемуся субъективному правосознанию. См.: Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. М., 1914. С. 282.

⁴⁰¹ Стоянов А. Методы разработки положительного права и общественное значение юристов от глоссаторов до конца XVIII столетия. Харьков, 1862. С. XIII, 267.

сти. Осуществить такую экономию в научной работе есть назначение метода»⁴⁰².

Но Стоянов понимает, что метод является не просто инструментом, упорядочивающим научное знание. Таким инструментом он становится потому, что тесно связан с самим содержанием этого знания. «Способ разработки научного материала, — пишет ученый, — является естественным последствием основного воззрения на сущность его. Идея метода есть верное зеркало, где обозначается общая идея предмета знания»⁴⁰³. Таким образом, *метод* науки (*способ* разработки научного материала, путь отыскания истины) взаимосвязан с *предметом* науки (понимание и объяснение природы определенной совокупности явлений, их взаимосвязей).

Метод, по Стоянову, не просто мыслительная логическая конструкция еще и потому, что он обусловлен и определен самим историческим ходом развития этого знания. «Наиболее совершенный метод, — пишет он, — есть тот, который разрабатывает положительное право, как *органическое целое, образовавшееся путем историческим и состоящее в самой близкой связи с действительной жизнью народа*. Другими словами, в понятии совершенного метода должны заключаться элементы: систематический, исторический и практический»⁴⁰⁴.

Основное содержание книги Стоянова и посвящено подробно рассмотрению понятий и представлений о методе, которые «проявлялись и преемственно развивались между юристами различных школ в западно-европейской науке»⁴⁰⁵, или, как сам Стоянов определяет историческую географию своих исследований — «от средневековой Болонью до современных нам Марбурга и Геттингена»⁴⁰⁶.

В вышедшей в 1863 г. в «Современнике» пространной обзорной рецензии на книгу Стоянова Ю. Жуковский, прямо не полемизируя с рецензируемым автором, расставляет все же несколько иные акцен-

---

⁴⁰² Стоянов А. Методы разработки положительного права и общественное значение юристов от глоссаторов до конца XVIII столетия. Харьков, 1862. С. VI. Метод, по Стоянову — это «ученые приемы, способ разработки научного материала» — Там же. С. XXIII.

⁴⁰³ Стоянов А. Методы разработки положительного права и общественное значение юристов от глоссаторов до конца XVIII столетия. Харьков, 1862. С. VII.

⁴⁰⁴ Стоянов А. Методы разработки положительного права и общественное значение юристов от глоссаторов до конца XVIII столетия. Харьков, 1862. С. XI. (Из контекста книги Стоянова ясно, что в основе систематического метода им понималась теория, исторического метода — связь жизни народа с историей, а практического метода — связь с действительной жизнью).

⁴⁰⁵ Там же. С. XXIV.

⁴⁰⁶ Там же. С. 266.

ты в формулировках сущности метода. «Метод, — пишет Жуковский, — есть тот логический путь, коим известная отрасль знания доходит до открытия простых и постоянных законов, по которым происходят явления, и следовательно, до возможности предсказывать будущие явления... Существенным признаком науки является обладание общими и постоянными законами явлений, а метод означает лишь то отношение, в которое становится ум к предмету, или путь, которым он трудится»⁴⁰⁷. Жуковский отмечает в методе, прежде всего и главным образом, его логическую, умственную основу, тогда как Стоянов к теоретико-логической прибавляет его историко-практическую функцию. Тем самым уже в 1862–1863 гг. Стояновым и Жуковским были обозначены два подхода к методологии знания (и к теории вообще), которые будут проявляться и развиваться в отечественной гуманитарной науке в последующие десятилетия.

Исследование методологических вопросов в государствоведении в начале 70-х гг. было продолжено В. Сергеевичем в его, вышедшей в 1871 г., книге «Задача и метода государственных наук. Очерки современной политической литературы».

В качестве исходного пункта своего анализа Сергеевич формулирует свое понимание сути метода: «Под методой, — пишет он, — разумею мы те приемы, которыми ученые пользуются, устанавливая ту или другую научную истину; иначе, иначе, это тот путь, которым надо следовать для решения задачи науки»⁴⁰⁸.

Книга Сергеевича практически полностью посвящена историческому анализу методологических исследований в западно-европейском государствоведении. Примечательно, что данный анализ автор предваряет следующим характерным замечанием: «В немецкой литературе вопрос о методе не получил той обработки, которого первостепенной его важности следовало бы ожидать. Сколько нам известно, немецкая литература не представляет ни одного специального сочинения, посвященного этому предмету»⁴⁰⁹.

Сергеевич как бы ставит перед российской наукой задачу восполнить данный пробел. Но сначала, по его замыслу, необходимо рассмотреть те подходы и разработки, которые все же имеются в западно-европейской литературе.

Такой обзор он начинает с немецкой литературы. Здесь он делает акцент на том, что немецкоязычные авторы активно разрабаты-

---

⁴⁰⁷ Современник. Т. ХСVI. СПб., 1863. С. 285–286.

⁴⁰⁸ Сергеевич В. И. Задача и метода государственных наук. Очерки современной политической литературы. М., 1871. С. 47.

⁴⁰⁹ Там же.

вают «**чисто философскую методу**», которая в свою очередь подразделяется на «**метод рационалистический**» и «**метод диалектический**». Первый метод Сергеевич связывает прежде всего со школой Канта (Гросс, Роттек и др.), второй — с Гегелем. Оба этих чисто философских метода, основанных на абсолютных посылах идеалистического мышления (категорический императив практического разума Канта или абсолютная идея Гегеля), применялись при изучении государства, или, как уточняет Сергеевич, «к созданию системы идеального государственного права»⁴¹⁰. По его замечанию, данная методологическая система была ничем иным, как «плодом логического выведения всех отдельных норм из одного высшего начала и без всякого содействия опыта»⁴¹¹.

Другим методологическим подходом в немецкой литературе Сергеевич считает «попытки соединения философской методы с наблюдением», или опытом. Такие попытки он связывает с философскими системами Арена, Шталя и Штейна. Общая оценка этой методы Сергеевичем (он называет ее «**соединенной** методой») негативна. «... Сама мысль соединенной методы, — считает он, — заключает в себе противоречие: философская дедукция имеет придти к долженствующему быть, наблюдение же может привести только к знанию существующего, которое не всегда совпадает с долженствующим быть. Невозможно примерить результаты этих двух совершенно различных и несоизмеримых между собой приемов разбивает все попытки соединенной методы»⁴¹².

В немецкой литературе Сергеевич выделяет также и сторонников «методы чистого наблюдения в области философского государственного права»⁴¹³. К ним он относит Захарию и Эшера. Но и эту методу Сергеевич оценивает как несостоятельную.

Свою общую негативную оценку разработки методологических подходов в немецкой литературе Сергеевич оправдывает и подкрепляет тем, что и сами немецкие ученые были неудовлетворенны развитием данной научной области. «Мы не впадем в преувеличение, — пишет он, — если скажем, что через всю немецкую литературу проходит сознание неудовлетворительного состояния немецкой литературы. Благодаря отсутствию одной общей методы, всеми признаваемой, почти каждый из новых, вступающий в область политических ис-

---

⁴¹⁰ *Сергеевич В. И.* Задача и метода государственных наук. Очерки современной политической литературы. М., 1871. С. 57.

⁴¹¹ Там же. С. 58.

⁴¹² Там же. С. 154.

⁴¹³ Там же. С. 156.

следований, заявляет о тщетности усилий своих предшественников, начинает работу сызнова и воздвигает свое собственное здание, к которому его преемники относятся ровно с таким же недоверием, с каким и он отнесся к трудам своих предшественников. Подтверждение этому можно найти в любой истории политических учений»⁴¹⁴.

Совершенно по другому Сергеевич оценивает методологические разработки французских и английских ученых. Выделяя в этой связи труды прежде всего О. Конта, Дж. Ст. Милля и К. Льюиса, Сергеевич считает, что «самый вопрос о методе»⁴¹⁵ обратил здесь на себя гораздо большее внимание и получил более обстоятельную обработку, чем в Германии»⁴¹⁶.

Обобщенно Сергеевич методологический прием, который был разработан этими учеными, называл «**положительной** методой»⁴¹⁷. В основе ее — приоритет опыта («наблюдений»), но наблюдений не хаотических, произвольных, а только тех, которые «связываются друг с другом каким-нибудь, хотя и гипотетическим, законом»⁴¹⁸. Теории социальной статики и динамики, разработанные указанными выше учеными, как раз и выявляли такие связующие и системообразующие законы.

Из анализа трудов французских и английских ученых Сергеевич сделал два важнейших методологических вывода:

1) В основе методологии политических наук (научных исследований в области политики) должно лежать **выявление закономерной связи** между политическими процессами и явлениями при помощи опытных, эмпирических приемов.

2) Не правомерно упрощенное перенесение статистических и динамических закономерностей, выявленных в живой природе, на область социальных и политических явлений. Здесь Сергеевич обращает внимание и подчеркивает не только различие природной и социально-политической сред, но и указывает на различие предметной области естественных и социальных наук. «Наука о государстве, — пишет он, — не может быть названа в строгом смысле наукой точной». И это объясняется не потому, что в социальной среде

---

⁴¹⁴ Сергеевич В. И. Задача и метода государственных наук. Очерки современной политической литературы. М., 1871. С. 171–172.

⁴¹⁵ Сергеевич здесь под методом подразумевает «приемы исследования в области политики» — См.: Сергеевич В. И. Задача и метода государственных наук. Очерки современной политической литературы. М., 1871. С. 178.

⁴¹⁶ Там же.

⁴¹⁷ Там же. С. 181.

⁴¹⁸ Там же. С. 182.

не действуют «постоянные законы», а «только по причине крайней сложности этих явлений, и проистекающей отсюда невозможности привести в известность все данные, от которых они зависят»⁴¹⁹.

Повышенный интерес отечественных ученых-гуманитариев 60-х – начала 70-х гг. кроме всего прочего к данной теме свидетельствовал также и о их стремлении упорядочить и систематизировать накопленный к тому времени материал в гуманитарных, в частности, в государствоведческих науках. Они хотели, чтобы гуманитарные науки и по форме и изложению содержания походили на естественные науки. Хотели, чтобы, как и в последних, они представляли собой не просто наукообразный набор фактов и положений, а некую научную систему, в которой эти факты являлись бы почвой для формулирования научных закономерностей, строгих выводов, постулатов и т. д.

Пожалуй, наиболее открыто данное стремление выразилась в вышедшей еще в конце 60-х гг. книге **А. И. Стронина** «История и метод» (1869). Свою исходную посылку А. Стронин формулирует следующим образом: «... История, или вообще науки нравственные, должны ожидать своего возрождения от естествознания, ... они должны сблизиться с ним, стать на почву его, ... историк должен быть вместе с естествоиспытателем, ... он должен усвоить приемы естествоиспытания»⁴²⁰. Реализовать эту задачу, по Стронину, возможно используя в полной мере в гуманитарных исследованиях главный метод естествознания, каковым является *индукция*.

Суть этого метода, по определению Стронина, состоит в движении мысли «от множественности к единству, от частных к обобщениям». Этим же путем должен идти и историк. При изучении истории «этот путь предписывает, основываясь на наблюдении фактов, событий, восходить к их закону, обобщению, а не наоборот...»⁴²¹. Причем, применение индукции к исследованию исторического процесса должно быть нацелено, — по мнению Стронина, — на установление всеобщих законов мировой истории. «История как наука, — пишет он, — должна иметь целью не столько отыскание законов то жизни французов, то жизни немцев, то жизни средневековой, то жизни древней, сколько вообще законов общественной жизни, законов всех времен и всех народов»⁴²².

---

⁴¹⁹ *Сергеевич В. И.* Задача и метода государственных наук. Очерки современной политической литературы. М., 1871. С. 216.

⁴²⁰ *Стронин А. И.* История и метод. СПб., 1869. С. 20.

⁴²¹ Там же. С. 21.

⁴²² Там же. С. 31.

Важный вопрос, который встает перед Строниним, это вопрос о том, в какой степени методы естествознания применимы в общественных науках. Может ли это применение носить прямой, механический характер?

Стронин отвечает на этот вопрос отрицательно. «Метод естествознания, — пишет он, — далеко не может быть усвоен обществознанием вполне»⁴²³. Это связано прежде всего с тем, что у Стронина возникает серьезное сомнение в возможности отождествления законов естественных и социальных. «Остается еще определить, что такое надо понимать ... под ... законом социальным, и точно ли он то же самое, что закон натуральный», — задается вопросом Стронин. По другому, рассуждает он далее, пожалуй, и не может быть, так как «между жизнью природы и жизнью общества есть большое различие: это — постоянная неизменчивость отношений первой и постоянная изменчивость отношений второй»⁴²⁴.

Вместе с тем, несмотря на сомнения и оговорки Стронина по поводу возможности отождествления законов природы и общества, в своей достаточно объемной книге он излагает подробную, насыщенную богатым фактологическим материалом, механистическую систему применения методов и подходов естествознания к общественным наукам.

Надо сказать, что идея универсальности естественнонаучной методологии в отечественной гуманитарной науке имела своих (хотя и не многочисленных) сторонников⁴²⁵.

Гораздо более важное стимулирующее значение для дальнейших методологических исследований в гуманитарных науках имела мысль Стронина о том, что для развития этих наук нужно использовать классическую методологию, в течении многих столетий вырабатывающуюся естествознанием, но это использование не может быть прямым, буквальным, нужна адаптация этих методов в новой, другой научной среде.

Методология в государствоведческих науках. С конца 1880-х гг. методология становится обязательным и важным разделом университетского курса государственного права, проблематика которого в то время, как известно, охватывала многие общие вопросы государствоведения и политики.

---

⁴²³ Стронин А. И. История и метод. СПб., 1869. С. 47.

⁴²⁴ Там же. С. 52.

⁴²⁵ Отметим только двух авторов: Алексеев Н. Н. Науки общественные и естественные в историческом взаимоотношении их методов. М., 1912; Спекторский Е. В. Проблемы социальной физики в XVII столетии. Т. 1. Варшава, 1910; Т. 2. Киев, 1917.

Можно выделить два главных направления в изучении государствоведомы вопросов методологии.

Первое направление. *Интерпретации взаимосвязей общенаучных методов и методов государственствования.*

Отправным положением для таких интерпретаций стало признание логической природы всякой методологии. «Наука о путях и средствах исследования, — пишет Б. А. Кистяковский, — называется методологией. Она составляет часть логики. Как основные принципы логики одни и те же для всякого правильного мышления, так и основные принципы методологии одинаковы для всех научных дисциплин»⁴²⁶. В своей более поздней работе (1916 г.) Кистяковский, развивая свою мысль об общелогической природе любого научного знания выделяет три основные проблемы, с которыми неизбежно сталкивается логика и методология социальных наук. Первая проблема заключается, — по его мнению, — в вопросе о том, «как образовать социально-научные понятия». Вторая «заключается в вопросе о том, насколько применимо причинное объяснение к социальным явлениям». И наконец, третья проблема логики и методологии социальных наук, по Костяковскому, заключается «в определении роли и значения норм социальной жизни»⁴²⁷.

Первые две проблемы — проблема понятийного аппарата и проблема детерминации — «это, по мнению Кистяковского, проблемы общие для социальных и естественных наук. В каждой из этих научных областей они лишь приобретают особую модификацию. Только третья проблема нуждается в социально-философском рассмотрении»⁴²⁸. Связано это прежде всего с тем, что здесь недостаточно выявления только причинных связей и зависимостей. Здесь, по Кистяковскому, встает «проблема оценок и значения целей для того или иного хода социального процесса»⁴²⁹.

Другие авторы, исходя из логической природы методологии, акцентировали свое внимание на том, как работают в области государственствования общенаучные методы — анализ (индукция) и синтез (дедукция). Н. К. Ренненкамф, подробно описывая сущность этих

---

⁴²⁶ Кистяковский Б. А. Государственное право (общее и русское) [лекционный курс в 1908/1909 акад. году] // Кистяковский Б. А. Философия и социология права. СПб., 1998. С. 430.

⁴²⁷ Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916. С. 26–27.

⁴²⁸ Там же. С. 28–29.

⁴²⁹ Там же. С. 27.

методов⁴³⁰, делает вывод: «Анализ и синтез, как всеобщие методы науки, должны действовать и действуют при посредстве наблюдения исследуемых явлений, и в правоведении»⁴³¹.

В современных определениях понятийных пар «анализ-синтез» и «дедукция-индукция» существует большая путаница. Где-то, и то и другое называется «методом»⁴³², где-то анализ и синтез определяется через понятие «способ»⁴³³, где-то же и анализ, и индукция, например, определяются через понятие «процедура»⁴³⁴. Получается, что более четкие и ясные определения этих понятий мы находим в энциклопедических изданиях вековой давности. Так, в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона в статье «Метод» ее автор Э. Радлов утверждает, что нужно четко различать «анализ-синтез» как «приемы мысли», с одной стороны, и «дедукцию-индукцию» как методы познания, с другой. Это разные вещи, хотя между ними и существует тесная взаимосвязь. «Методом, — пишет Радлов, — следует называть такое видоизменение аналитического или синтетического мышления, которое специально приноровлено к известному объекту»⁴³⁵. Радлов считает, что употребление понятия «метод» за рамками пары «дедукция-индукция» вообще не правомерно. Так он указывает на «часто встречающееся неправильное употребление слова метод; например, говорят об историческом, догматическом, этнографическом методах, имея в виду то видоизменение индукции и дедукции, которое происходит в зависимости от применения их к истории, к положительному богословию, к правоведению, к этнографии»⁴³⁶. Правда, в вышедшем позже Малом энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона такой подход несколько смягчается. Здесь уже «метод» определяется как «способ и порядок

---

⁴³⁰ См.: *Ренненкамф Н. К.* Юридическая энциклопедия. 2-е исправ. изд. Киев-СПб., 1898. С. 245–251. (Здесь даются такие определения этих методов: «Анализ (или метод разложения, исследует частные положения, разлагает данное явление на элементы и в каждом стремится найти связь его с последующим и предыдущим) лежит в основе индукции. Синтез (или метод построения, выходит из положений общих, уже существующих или принятых и к ним подводит все зависящие от них положения и факты) лежит в основе дедукции» — См.: там же. С. 245; См. также: *Залесский В. Ф.* Лекции истории философии права. Казань, 1902. С. 409).

⁴³¹ Там же. С. 251.

⁴³² См.: *Кондаков Н. И.* Логический словарь. М., 1971. С. 27, 117, 176.

⁴³³ См.: Словарь философских терминов. М., 2004. С. 12, 507.

⁴³⁴ См.: Новая философская энциклопедия. М., 2001. Т. I. С. 97; Т. II. С. 118.

⁴³⁵ Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. СПб., 1896. Т. XIX. С. 192.

⁴³⁶ Там же. С. 193.

исследования предмета для получения наиболее полного и соответствующего истине результата»⁴³⁷.

Таким образом, можно составить следующую схему (таблицу) соотношения содержания понятий «анализ-синтез» и «дедукция-индукция»:

Универсальные <i>приемы мысли</i> , умозрительные операции с различными элементами, объектами	Познавательные (логические) <i>методы</i> , как структурно и содержательно разработанные (построенные) способы, пути открытия истины
АНАЛИЗ (<i>Расчленение единого целого на части, элементы</i>)	ДЕДУКЦИЯ (<i>От «общего» к «частному»</i>)
СИНТЕЗ (<i>Соединение частей, элементов в единое целое, систему</i>)	ИНДУКЦИЯ (<i>От «частного» к «общему»</i>)

Ряд авторов рисуют более сложную и многоступенчатую логическую схему научного исследования, которой должен руководствоваться государствовед и в которую анализ и синтез включаются как важнейшие и необходимые ступени познания.

Так например, по схеме А.Рождественского, «юрист должен с несомненностью установить *наличность* изучаемого им положительного материала, а также произвести его точное и подробное *описание*». На второй ступени научного исследования ученый как раз и переходит «к *анализу*, или *разложению*, изучаемого им материала на его составные элементы, производя такое разложение до тех пор, пока не получатся *простые* части, не допускающие дальнейшего деления». Производя такой анализ, исследователь должен (и это уже третья ступень) «все добытые им результаты *расположить в ряды* по сходным признакам, или, что то же, *классифицировать* результаты этого анализа. И наконец, далее, уже на четвертой ступени исследования необходимо «произвести *синтез* исследуемого юридического материала, возведя его к *общим понятиям*»⁴³⁸.

У Е.В.Васьковского логическая схема построения научной теории (имеется в виду, прежде всего, правоведение) включает семь ступеней: 1) *Анализ* (разложение на составные части, простые элементы); 2) *Синтез* (соединение нескольких элементов в один сложный факт); 3) *Абстракция (или отвлечение)* (выделение из сложно-

⁴³⁷ Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. [Репринт. изд. 1907 г.]. М., 1994. Т. 3. С. 555.

⁴³⁸ Рождественский А. Основы общей теории права. М., 1912. С. 151.

го явления одного или нескольких его элементов); 4) *Детерминация* (прибавление к добытым посредством абстракции элементам новых элементов); 5) *Дефиниция* (облечение полученных понятий словесной формой, т. е. изложение их содержания словами); 6) *Классификация* (соединение тех предметов, которые сходны, и отделение тех, которые несходны); 7) *Терминология и номенклатура* (обозначение установленного и точно определенного понятия термином)⁴³⁹.

Имея в виду данные ступени логического познания, Е. В. Васьковский разрабатывает методологическую систему применительно к области гражданского права, но в своих основах опирающуюся на общие подходы к работе с оригинальными текстами («произведениями человеческого духа»). Поэтому, в определенном смысле эта система является универсальной по отношению к самым разным текстам. Автор выделяет три фазы реализации этой системы: 1) *критика* («занимается ... проверкой подлинности юридических норм»); 2) *толкование или интерпретация* («совокупность приемов, применяемых к произведениям человеческого духа с целью понять их»); эта фаза делится на два вида — а) «*толкование в тесном смысле, или изъяснение*» и б) «*логические развитие*» и 3) догматика — «когда толкование разъяснило смысл наличных норм, а логическое развитие извлекло из них ряд других, скрытых норм, в результате получается громадная масса материала, в которой трудно разобраться и которую еще труднее удержать в памяти. Вследствие этого является необходимость упростить. Упорядочить и преобразовать этот материал. Эту задачу и преследует догматика»⁴⁴⁰.

Признавая основополагающий характер общенаучных методов для научных исследований в области государственного управления, ученые XIX – начала XX века понимали, что для этой области науки нужны свои, особые методы. Так, Ренненкампф, который особо подчеркивает методологическое значение анализа и синтеза как общенаучных методов для правоведения и государственного управления тем не менее пишет: «Так как каждая отдельная область предметов, независимая от их общих условий, представляет свои особые, специальные черты, но всеобщие научные методы, в приложении к правоведению, должны употреблять специальные приемы и способы, соответствующие природе права»⁴⁴¹.

---

⁴³⁹ См.: Васьковский Е. В. Цивилистическая методология. Ч. I. Учение о толковании и применении гражданских законов. Одесса, 1901. С. 324–329.

⁴⁴⁰ См.: Васьковский Е. В. Цивилистическая методология. Ч. I. Учение о толковании и применении гражданских законов. Одесса, 1901. С. 1–15, 18, 26–30, 316.

⁴⁴¹ Ренненкампф Н. К. Юридическая энциклопедия. 2-е исправ. изд. Киев-СПб., 1898. С. 251.

Второе направление. *Разработка системы методов изучения государства и права, общих методов государствоведения.*

Ряд авторов (Романович-Славатинский, Владимирский-Буданов, Ранненкампф, Шершеневич, Рождественский, Жилин) формирование данной системы начинают с *догматического*, или *систематического метода*. Данный метод призван «сгруппировать и комментировать действующее положительное право, насколько оно прикладно и обязательно в данный момент времени» (А. В. Романович-Славатинский)⁴⁴². Этот метод «исследует и обрабатывает всю совокупность права как систему, для чего систематически соединяет отдельные нормы существующего юридического порядка, на основании внутренней их связи и по логическим законам сходства и различия, господства и подчинения, в одно целое ...» (Н. К. Ренненкампф)⁴⁴³.

По мнению Г. Ф. Шершеневича, задача, которая ставится перед догматическим методом «достигается посредством довольно сложного процесса, который состоит в описании, обобщении, классификации норм, а также в составлении юридических определений»⁴⁴⁴.

Другой метод, который выделяется указанными выше авторами, называется ими *историческим*, или *генетическим*. Этот метод, по характеристике А. В. Романовича-Славатинского исследует «как генетически наслаивались действующие нормы положительного права, устанавливаясь и развиваясь постепенно, по мере исторического развития народа»⁴⁴⁵. По мнению Н. К. Ренненкампфа, исторический метод «исследует происхождение, развитие и изменение как отдельных институтов, так и всей совокупности права известного государства в связи с общей историей государства, авторитетом которого водворялся порядок и утверждалось право»⁴⁴⁶. Шершеневич и Жилин прямо считают этот метод общесоциологическим, так как он направлен на изучение законов, по которым «происходят соци-

---

⁴⁴² Романович-Славатинский А. В. Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии, сравнительно с государственным правом Западной Европы. Ч. 1. Киев-СПб., 1886. С. 6.

⁴⁴³ Ренненкампф Н. К. Юридическая энциклопедия. 2-е исправ. изд. Киев-СПб., 1898. С. 255.

⁴⁴⁴ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Вып. 4. М., 1912. С. 768.

⁴⁴⁵ Романович-Славатинский А. В. Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии, сравнительно с государственным правом Западной Европы. Ч. 1. Киев-СПб., 1886. С. 6.

⁴⁴⁶ Ренненкампф Н. К. Юридическая энциклопедия. 2-е исправ. изд. Киев-СПб., 1898. С. 255.

альные явления»⁴⁴⁷, на изучение «явлений социальной жизни в их историческом развитии»⁴⁴⁸. Знание законов социальной жизни, которое достигается применением исторического метода, по мнению Шершеневича, дает возможность предвидеть, «возможность достигать определенных результатов путем сочетания общественных сил по социальным законам»⁴⁴⁹. Основанное на применении исторического метода изучение явлений в их эволюционном развитии, добавляет Жилин, дает возможность «не только раскрыть генезис явлений, но также и правильно понять их сущность, значение и смысл в настоящем»⁴⁵⁰.

Оба метода — догматический (систематический) и исторический (генетический) взаимосвязаны и взаимодополняют друг друга. Такой вывод, в частности, делает Рождественский, который обосновывает его на примере изучения юристами отношений собственности. «... Ведь для того, чтобы изучать историческим путем, например, институт собственности, — пишет Рождественский, — нужно сначала знать, что такое собственность; но, с другой стороны, чтобы безошибочно установить это понятие, весьма полезно проследить, какова была собственность в своем зачатке, как она развивалась и какие пережила изменения прежде, чем дошла до своего законченного в данный исторический момент состояния. То же самое следует сказать и по поводу других юридических институтов»⁴⁵¹.

Другим важным методом в правоведении (и государствоведении), получившим свою разработку в работах отечественных ученых XIX – начала XX вв. является *сравнительный метод*.

Важный толчок к развитию этого метода дает полемика по этой проблематике, которая произошла между Сергеевичем и Ковалевским в 1879–1880 гг. Формальным поводом для этой полемики стала книга Э. Фримана «Сравнительная политика и единство истории», немецкий оригинал которой увидел свет в 1873 г., а его русский перевод в 1880 г.

Фриман в своей книге, констатируя, что «установление сравнительного метода изучения было величайшим интеллектуальным успехом нашего времени»⁴⁵², выделяет ряд областей применения этого метода. В числе этих областей он называет и сравнительную

---

⁴⁴⁷ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Вып. 4. М., 1912. С. 797.

⁴⁴⁸ Жилин А. А. Учебник государственного права. Ч. I. Пг., 1916. С. 10.

⁴⁴⁹ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Вып. 4. М., 1912. С. 797.

⁴⁵⁰ Жилин А. А. Учебник государственного права. Ч. I. Пг., 1916. С. 10.

⁴⁵¹ Рождественский А. Основы общей теории права. М., 1912. С. 152.

⁴⁵² Фриман Эд. Сравнительная политика и единство истории. СПб., 1880. С. 1.

политику, или сравнительное государственное устройство, под которым он разумет «сравнительное изучение государственных учреждений и форм правления»⁴⁵³.

Главная цель сравнительного метода в указанной области, по Фриману, это поиск сходных черт. Само же это сходство, по его мнению, может иметь, по меньшей мере, три причины, или три источника: 1) как результат прямого заимствования или подражания; 2) как следствие одинаковых условий и обстоятельств; 3) как следствие общности происхождения, единого генетического корня⁴⁵⁴.

Характеристики сравнительного метода, данные Фриманом, стали для Сергеевича основой для формирования *концепции сравнительного изучения истории* как особого и нового направления междисциплинарных гуманитарных исследований в России.

Сравнительный метод, в понимании Сергеевича, создает основу для научного анализа и интерпретации социальной действительности, поскольку позволяет установить повторяющиеся, закономерные связи между явлениями и фактами истории. «Ничто так не приводит к убеждению в существовании общих законов развития человеческих обществ, — пишет Сергеевич, — как наблюдение сходных явлений у народов, которые развивались без малейшего влияния друг на друга»⁴⁵⁵. Сергеевич также указывает и на существование ограничительных свойств сравнительного метода, которые связаны с тем, что он не открывает новые факты, а только проясняет, «проливает новый свет» на уже открытые, известные⁴⁵⁶.

М. М. Ковалевский предлагает свою трактовку сравнительного метода, в которой просматривается определенное развитие взглядов Фримана и Сергеевича, рассматриваемых им как единомышленников. Ковалевский вводит понятие *«историко-сравнительный метод»*⁴⁵⁷, который он отличает от сравнительного (или сопоставительного) метода Фримана и Сергеевича.

---

⁴⁵³ Фриман Эд. Сравнительная политика и единство истории. СПб., 1880. С. 13.

⁴⁵⁴ См.: там же. С. 16, 21–22.

⁴⁵⁵ Сергеевич В. И. Государство и право в истории // Сборник государственных знаний. Т. VII. СПб., 1879. С. 47. Сравнительный метод всегда подробно рассматривался в мето-дологическом разделе курсов государственного права. Авторы этих курсов давали разные, но в целом очень схожие определения этого метода. Наиболее общее и типичное: «Сравнительный метод состоит в параллельном исследовании явлений в разные эпохи и у разных народов путем сопоставления их» — см.: Жилин А. А. Учебник государственного права. Ч. I. Пг., 1916. С. 11.

⁴⁵⁶ См.: там же. С. 49.

⁴⁵⁷ См.: Ковалевский М. М. Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права. М., 1880. С. 9. Более поздний, дополненный вариант концепции ученого см.: Ковалевский М. М. Сравнительно-историческое пра-

Ковалевский обращает свое внимание на эволюцию политико-государственных институтов и отношений в исторических рамках развития *одного* народа. Он считает, что такое изучение может дать всемирно-исторический масштаб для исследования, так как, по его мнению, в истории каждого народа существует «этнографическое смещение с другими», что и приводит к смешению различных (в том числе и политико-государственных) традиций, форм жизни и т. д.⁴⁵⁸ По мнению Ковалевского, применение сравнительного метода к такому материалу наряду с ответами на вопросы — как и почему одна ступень развития сменяет другую (закон социальной эволюции) имеет еще и эвристическую функцию, так как может показать исторический ход, процесс развития права. «Историко-сравнительный метод, — пишет Ковалевский, — является не только средством к построению совершенно новой науки — истории естественного роста человеческих обществ, но и необходимым приемом изучения истории права того или другого народа»⁴⁵⁹.

Ковалевский выделяет два типа методологии: 1) оперирование только известными фактами для их объяснения, интерпретации; 2) оперирование известными фактами для получения новых. Второй тип методологии позволял уже исследователям выходить за рамки только эвристических выводов и создавать эвристические модели развития политико-социальных и правовых форм. Тем самым М. М. Ковалевский открывал путь для нового направления компаративистских государствоведческих исследований, мощное развитие которого мы наблюдаем уже в XX веке.

Некоторые авторы видели у сравнительного метода и еще одну его важную задачу. По мнению Романовича-Славатинского в центре внимания этого метода всегда должны находиться «индивидуальные особенности отечественного государственного строя, типич-

---

воведение и его отношение к социологии. Методы сравнительного изучения права // Сборник по общественно-юридическим наукам. Вып. 1 / Под ред. Ю. С. Гамбарова. СПб., 1899. А. А. Жилин трактует историко-сравнительный метод как соединение исторического и сравнительного методов: «Исторический и сравнительные методы часто применяются в связи друг с другом. Поэтому говорят также об историко-сравнительной методе...» — См.: *Жилин А. А.* Учебник государственного права. Ч. I. Пг., 1916. С. 11.

⁴⁵⁸ См.: Там же. С. 14.

⁴⁵⁹ *Ковалевский М. М.* Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права. М., 1880. С. 22. В. В. Ивановский историко-сравнительный метод называет «позитивной индукцией», подчеркивая тем самым то, что этот метод опирается, прежде всего, на эмпирический (историко-фактологический) материал, тогда как другие методы используют индукцию как чистую логику» — *Ивановский В. В.* Учебник государственного права. Казань, 1908. С. 70.

чески отличного от западно-европейского...»⁴⁶⁰. «Не отвлеченный космополитизм, но живой национальный характер политического мировоззрения, — подчеркивает далее этот автор — должен быть результатом этого изучения»⁴⁶¹.

Примечательно, что ряд исследователей того времени большое значение придавали тому обстоятельству, что сравнительный метод создает условия для более широкого использования в научных исследованиях индукции⁴⁶². В этом отразилась одна важная национальная черта нашего интеллектуального развития. Индуктивный метод (вывод общих положений из частных) был особо характерен и более понятен для российского научного и художественного мышления XIX века, в гораздо большей степени, чем западноевропейскому.

Ф. В. Тарановский, хорошо знавший западную правовую науку того времени, сделал такое интересное заключение: «В нашем отечестве ... нет специальных и постоянных кафедр по сравнительному правоведению, но зато все юридические дисциплины, как исторические, так и догматические, преподаются в наших университетах сравнительно. Такой способ преподавания утвердился у нас еще в шестидесятые годы»⁴⁶³.

Следующим методом, который включается в систему методологии государствоведения, является *критический метод*. Этот метод государствоведы второй половины XIX – начала XX вв. относили к области политики.

«Критический метод, или политика права, — пишет Шершеневич, — предполагает три последовательных момента: 1) сознание удовлетворенности действующего правопорядка, в целом и в частях; 2) постановка идеала как цели, в направлении которой должно быть произведено преобразование права; 3) изыскание соответствующих мер для перехода от существующего к желаемому»⁴⁶⁴. По определению Жилина суть критического метода состоит «в оценке тех или иных явлений с точки зрения определенного идеала и отыскание средств для устранения дефектов настоящего и приближения

---

⁴⁶⁰ Романович-Славатинский А. В. Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии, сравнительно с государственным правом Западной Европы. Ч. 1. Киев-СПб., 1886. С. 9.

⁴⁶¹ Там же.

⁴⁶² См.: Залесский В. Ф. Лекции истории философии права. Казань, 1902. С. 397; Ивановский В. В. Учебник государственного права. Казань, 1908. С. 70–73.

⁴⁶³ Тарановский Ф. В. Сравнительное правоведение в конце XIX века. Варшава, 1912. С. 25.

⁴⁶⁴ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Вып. 4. М., 1912. С. 800.

к идеалу в будущем»⁴⁶⁵. Жилин в качестве синонима термину «критический метод» употребляет понятие «политический метод»⁴⁶⁶.

В числе других методов государственоведения ученые того времени именно разработку критического метода признавали особенно злободневной задачей, поскольку считали его в определенном смысле важнейшей и наиболее высокой ступень познания правовой и политической жизни общества. Шершеневич, например, устанавливает такую иерархию методов правоведения: «Задача установления норм права обслуживается догматическим методом, задаче объяснения служат методы исторический и социологический, наконец, оценка норм достигается при помощи критического метода»⁴⁶⁷. Шершеневич считает, что в разработке критического метода вообще состоит главная общественная роль и предназначение юридической науки в современном ему обществе. Всякая наука вслед за обществом призвана постоянно обновляться. «И не в догматике, — пишет указанный выше автор, — должно происходить это обновление, не заменой догматики социологическими исследованиями, не путем разных приемов свободного толкования, а именно в критике существующего, в политике должествующего»⁴⁶⁸.

В. М. Гессен, так же как и Жилин, критическую составляющую методологии называет политическим методом⁴⁶⁹. Он говорит о необходимости «политической разработки вопросов государственного права, предполагающей свободную и всестороннюю оценку его институтов с точки зрения их соответствия коренным принципам современного правосознания»⁴⁷⁰. Но правда, в отличие от Шершеневича, Гессен считает, что «для такой разработки еще не приспело время»⁴⁷¹.

В итоге, суммируя различные подходы в трудах отечественных ученых XIX — начала XX вв., получается следующая система (иерархия) общих методов государственоведения⁴⁷²:

---

⁴⁶⁵ Жилин А. А. Учебник государственного права. Ч. I. Пг., 1916. С. 12.

⁴⁶⁶ См.: там же. С. 13.

⁴⁶⁷ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Вып. 4. М., 1912. С. 765.

⁴⁶⁸ Там же. С. 805.

⁴⁶⁹ Гессен В. М. Общее учение о государстве. СПб., 1912. С. 42.

⁴⁷⁰ Там же. С. 41.

⁴⁷¹ Там же.

⁴⁷² У некоторых авторов в систему методов государственоведения, кроме выделенных выше четырех основных, включались и ряд других. А. В. Романович-Славатинский и Жилин, например, называют еще *философский метод*, в функцию которого входит сличение норм действующего права с началами общими, философскими — См.: Романович-Славатинский А. В. Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии, сравнительно с государственным

1. Догматический
<i>Установление политико-государственных (правовых) норм</i>
↓↑
2. Исторический (генетический)
<i>Объяснение происхождения и этапов развития (эволюции) политико-государственных (правовых) норм</i>
↓↑
3. Сравнительный (историко-сравнительный)
<i>Интерпретация природы существующих политико-государственных (правовых) норм</i>
4. Критический
<i>Оценка (критика) политико-государственных (правовых) норм с точки зрения должествующего (идеала)</i>

3. Сравнительная
Интерпретация
госуда

В литературе того периода можно встретить любопытную трактовку исторической обусловленности различных методов государственного права. Так, один из крупных историков русского права — М. Ф. Владимирский-Буданов — считал, что в истории российской юриспруденции методы являются еще и исторически сменяющимися друг друга господствующими в обществе формами правосознания. До XVIII века, по его мнению, «господствовал догматический метод изучения преимущественно римского права». В XVIII веке начинается усиленная разработка и обоснование «естественного права», что приводит уже к преобладанию философского изучения права. Такое изучение проводилось тогда под сильным влиянием германской исторической школы права. Но позднее уже в XIX веке в следствии стремления преодолеть крайности исторического подхода, которые заключались в возврате в современную жизнь форм права, уже прожитых в другие исторические эпохи, «возникает необходимость историко-сравнительной методы в изучении права»⁴⁷³. Не трудно заметить, что в эту схему хорошо вписывается появление в конце XIX века критического метода, как отражения нарастающей

правом Западной Европы. Ч. 1. Киев-СПб., 1886. С. 6. Н. К. Ренненкамф выделяет в своей системе *экзегетический метод*, который состоит в истолковании текстов источников права; он исследует смысл юридического положения на основании словесного его выражения, независимо от его догматической связи и исторического образования» — См.: Ренненкамф Н. К. Юридическая энциклопедия. 2-е исправ. изд. Киев-СПб., 1898. С. 254.

⁴⁷³ См.: Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права [1886]. Ростов-на-Дону. 1995. С. 31–32.

неудовлетворенности широких слоев общества существующими политико-государственными порядками в России.

Специальные методы и методические приемы в истории философии права. На всем протяжении процесса разработки общей методологии государственного управления в ее недрах и на ее основе происходило осмысление методологических подходов, относящихся к истории философии права (истории политических учений), развивающейся как отдельная и самостоятельная научная и образовательная дисциплина. Важнейший вклад в эти исследования внесли работы П. Г. Редкина.

В своих лекциях по истории философии права, прочитанных им в Петербургском университете в 1863–1878 гг. высказывается целый ряд глубоких и оригинальных методологических идей. В своем окончательном виде эти идеи увидели свет в первом томе многотомного издания «Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще» в 1889 г. В качестве отправного тезиса Редкин развивает идею Стоянова об органической связи метода и предмета науки применительно к истории философии права. П. Г. Редкин считает эту связь принципиально важной для правильного и глубокого понимания природы и содержания историко-политологического знания.

Ученый определял метод (или как он писал — методу) как «такой способ изложения, который соответствует внутреннему содержанию, материи науки и которым этому содержанию придается соответствующая форма, внешний вид, образ»⁴⁷⁴. По Редкину, метод — это не внешне привнесенная процедура, а то, что определяется конкретным содержанием конкретного научного знания. Это, уточняет ученый, «способ изложения науки, соответствующий ... ее предмету и содержанию»⁴⁷⁵.

Далее Редкин выдвигает идею о том, что наиболее органичным и плодотворным методом исследования истории философии права (истории политических учений) является *историко-генетический метод*. «Метода, вполне соответствующая предмету и содержанию нашей науки, — пишет Редкин, — определяется следующим образом: *ею должно быть представлено историко-генетическое развитие философии права, как науки*. Это значит, что история философии права должна представить генезис, происхождение, становление и постепенное образование философии права, как науки. Поэтому изложение истории этой науки не должно быть просто только хронологическим, т. е. обращающим внимание только на время появления одной философской систе-

---

⁴⁷⁴ Редкин П. Г. Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще. Т. I. СПб., 1889. С. 236.

⁴⁷⁵ Там же.

мы за другою, а не на генетическую связь между всеми системами, т. е. на происхождение последующей системы из предыдущей, или на развитие предыдущей системы последующею»⁴⁷⁶.

Исследователь истории политических идей, по мнению Редкина, не может также удовлетвориться выявлением только генезиса развития этих идей, так как «при чисто-генетической методе обращается внимание только на самое это развитие, а не последовательность времени, в которое оно совершается»⁴⁷⁷. Тем самым, по заключению Редкина, в исследовании истории политических идей необходимо органично связать генезис (сами изменения) предмета и содержания научной дисциплины с историческим временем, в котором ее предмет и содержание имели реальное развитие. Или иными словами, история политических учений — это определенное изменение определенных политических идей в определенном историческом времени.

Выдвигая идею историко-генетического метода, Редкин подчеркивает, что его приверженцами являются ныне большею частью преподаватели истории философии в германских университетах, ибо они ставят главной задачей для истории философии показать, как философия постепенно развивается во времени, проявляясь в разных философских системах, находящихся во внутренней связи между собой, вследствие чего каждая последующая философская система, с одной стороны. Восполняет пробелы, недостатки предыдущей, а с другой стороны. Своими собственными проблемами и недостатками вызывает новую, следующую за ней философскую систему⁴⁷⁸.

Вместе с тем Редкин далек от мысли о том, что историко-генетический метод уже занял господствующее положение в научной и преподавательской сферах. Не случайно, посвящает много места критическому разбору ряда методов, с его точки зрения устаревших, но еще проявляющих себя в исследованиях.

В числе таких методов он выделяет следующие:

1. *Лексикографический*, т. е. изложение в алфавитном порядке предметов философского учения или самих философов;
2. *Хронологический*, следующий только порядку времени появления одной за другою различных философских систем⁴⁷⁹.

---

⁴⁷⁶ Редкин П. Г. Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще. Т. I. СПб., 1889. С. 279.

⁴⁷⁷ Там же. С. 237.

⁴⁷⁸ Там же. С. 238.

⁴⁷⁹ Не трудно заметить, что на основе именно такого хронологического метода (еще в 1889 г., признанный П. Г. Редкиным непригодным для истории философии права) написаны большинство наших современных учебников по истории правовых и политических учений.

3. *Субъективный* метод, состоящий в том, что излагатель вносит в историю философии только те философские учения, которые подходят под личное представление и понятие о философии, а прочие произвольно отбрасывает.

4. *Объективный*, способ, при котором излагатель вносит только такие философские системы, какие имеют притязание на целостное мировоззрение.

5. *Диалектический*, или тот способ, по которому излагатель развивает философские системы, как ступени диалектического развития абсолютной идеи или самосознания самого абсолюта⁴⁸⁰.

Историко-генетический метод, по мнению Редкина. Преодолевает все недостатки приведенных выше методов, включая в себя их рациональные зерна⁴⁸¹.

На основе теоретико-методологических разработок отечественных ученых в государствоведении, в целом, и в истории философии права (истории политических учений), в частности, получили свое развитие ряд подходов, которые уже можно отнести к области ме-

---

⁴⁸⁰ См.: Редкин П. Г. Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще. Т. I. СПб., 1889. С. 238.

⁴⁸¹ Формулировки Редкина сути историко-генетического метода, приведенные выше, относятся к 1889 г. Необходимо отметить, что к этим формулировкам ученый прошел достаточно длительный путь творческой эволюции. Так, в рукописном издании «Истории философии права» (1866), которое является конспектом его лекций, составленными его слушателями, мы находим большой критический обзор существовавших «способов изложения» философии (См.: Редкин П. Г. История философии права. СПб., 1866. С. 35–75). Здесь он говорит о разработке «исторического метода» как некоего симбиоза *субъективного* и *объективного* способов изложения философских идей (См.: Там же. С. 65). «Исторический метод, — по словам Редкина, — признавая историческое развитие в целом, принимает и ступени этого развития, но только не в смысле моментов. Вот почему исторический метод изложения есть тот, который основан на форме науки, соответствующей содержанию. Вот почему этот способ есть истинно методический» (Там же. С. 75). В другом, более позднем (также рукописным) издании книги Редкина «Энциклопедия юридических и политических наук» (1873) имеется достаточно обширный раздел «Методы изложения нашей науки» (См.: Редкин П. Г. Энциклопедия юридических и политических наук. СПб., 1873. С. 48–76). Здесь Редкин, говоря о наиболее важном методе, вводит термин «генетический». «Этот метод, — пишет он, — состоит в развитии содержания нашей науки ..., т. е. того, как оно само развивается поступательно в самой действительности, в самой реальности ...» (Там же. С. 67). В 80-е гг. у Редкина уже происходит слияние двух составляющих — исторического и генетического — в единый историко-генетический метод. Необходимо отметить, что во второй половине 60-х гг. XIX в. другим выдающимся российским государствоведом — Б. Н. Чичериным — был написан (и издан в 1869 г.) 1-й том «Истории политических учений», во Введении которого и в содержании самого тома автор, прямо не говоря о своих методологических пристрастиях, тем не менее развивает четкую методологическую схему исторического развития политических учений, основанную на гегельянской спирали мировой истории.

тодики анализа и интерпретации историко-политологического материала.

Так в 1880 г. А. С. Алексеев в своей работе «Задача и метода истории политических теорий», наряду с анализом вопроса о предмете (задаче) истории политических учений, разрабатывает ряд методических приемов анализа и интерпретации оригинальных политологических текстов.

Всего он выделяет четыре таких приема.

Первый. *Адаптация текста к современному языку.* «Излагая воззрения изучаемого им писателя, — пишет Алексеев, — исследователь не может ограничиться передачею этих воззрений своими словами, как то делает большинство современных критиков. Он должен перевести, так сказать, язык писателя на современный язык, истолковать его воззрения и сделать их доступными современному обществу»⁴⁸².

Второй. *Рассмотрение текстов как целостной системы взглядов.* Исследователь системы взглядов определенного автора, по мысли Алексеева, должен «по возможности рельефно обрисовать его основную мысль и раскрыть ту нить, которая объединяет его воззрения в одно логическое и систематическое целое»⁴⁸³.

Третий. *Понимание взаимосвязи двух сторон интеллектуально-го процесса: самой идеи, теории, с одной стороны, и реальных условий жизни, с другой.* Важно, — пишет Алексеев, при интерпретации текстов «понять ту связь, которая существует между ... теорией и политическим бытом данной эпохи; необходимо также показать, как и почему этот строй и эти идеи отразились на его учении, необходимо выяснить себе, какую именно стороной современный ему политический быт повлиял на направление его размышлений ...»⁴⁸⁴.

Четвертый. *Знание и понимание личности автора текста.* Знание текста невозможно без знания личности автора. «Необходимо, — пишет Алексеев, имея в виду автора текста, — изучить его личный характер, его частную жизнь, его общественную и литературную деятельность, ту ближайшую обстановку, среди которой он вращался, одним словом, необходимо изучить его биографию; ... вдохновение, личные симпатии автора, его религиозные и полити-

---

⁴⁸² Алексеев А. С. Задача и метода истории политических теорий // Юридический вестник. 1880. Т. III. С. 478.

⁴⁸³ Там же.

⁴⁸⁴ Алексеев А. С. Задача и метода истории политических теорий // Юридический вестник. 1880. Т. III. С. 478–479.

ческие убеждения, ... [которые] влияют самым решительным образом на его научные выводы»⁴⁸⁵.

По Алексееву, изучение отдельных политических теории по предложенной им четырехзвенной методике — это только первая ступень изучения истории политических учений. Следующая и более высокая ступень исследовательского процесса — это выявление преемственной связи между отдельными политическими теориями, которая и лежит в основе динамики историко-политологического процесса. Этот вопрос, конечно, относится уже не к вопросам методических приемов, а к теоретико-методологической области.

В понимании динамики историко-политологического процесса, Алексеев расходится с подходами в этой области многих отечественных ученых того времени, в частности Редкина. Эта полемика была не открытая, но явная. «Смена философских систем, — пишет Алексеев, — не обуславливает собой смены политических теорий и нельзя поэтому группировать последние по философским учениям»⁴⁸⁶. Алексеев выдвигает другое основание детерминации историко-политологического процесса. Он пишет: «Политические теории вызываются политическими требованиями, которые в свою очередь стоят в связи с государственным бытом данной эпохи. Периоды в истории политической мысли совпадают поэтому с периодами государственных учреждений»⁴⁸⁷.

В 1911 г. был опубликован русский перевод книги Гюстава Лансона «Метод в истории литературы». В ней была предложена более развернутая, чем у Алексеева, система методов изучения оригинальных текстов⁴⁸⁸. Эта система нацеливалась на литературные произведения конкретных авторов, но понимание литературы представлялось расширительным и распространялось на любые творческие тексты, в том числе и политологической проблематики.

Система Лансона состоит из 9 операций (или приемов), которые должен использовать исследователь для досконального изучения и понимания текста.

Так, что, по Лансону, означает «знать текст»? Это значит —

1. Установить подлинность текста, в смысле правильности его отнесения к определенному автору.

---

⁴⁸⁵ *Алексеев А. С.* Задача и метода истории политических теорий // Юридический вестник. 1880. Т. III. С. 479, 481.

⁴⁸⁶ Там же. С. 484.

⁴⁸⁷ Там же. С. 484.

⁴⁸⁸ Свою методику Лансон относит прежде всего к литературному процессу, но ее содержание свидетельствует о том. Что он имеет более универсальные приложения, относящиеся в том числе и к историко-политологическим исследованиям.

2. Удостовериться в том, что первоначальный текст не искажен позднейшими приписками и исправлениями.

3. Установить дату написания и опубликования текста, а по возможности и то и другое относительно его частей.

4. Понять, изменялся ли текст самим автором (в том числе, по мере выхода различных его изданий).

5. Восстановить процесс (этапы) создания текста (черновики, наброски, варианты и т. д.).

6. Расшифровать языковые, грамматические и другие специфические тонкости, особенности текста.

7. Установить различие (сходство) между индивидуальным языком автора текста и обычным языком его современников, сравнивая эмоционально-психологический строй личности и эмоционально-психологический строй данной эпохи.

8. Изучить биографию автора, обстоятельства его жизни, особенно в период создания текста.

9. Определить успех и влияние текста на эпоху (имея в виду, что влияние не всегда совпадает с успехом)⁴⁸⁹.

Методологические схемы Алексеева и Лансона относились уже к третьей разновидности понимания методологии (*методология как совокупность методических приемов*) и тем самым как бы замыкали большой исторический этап продуктивного развития вопросов методологии в отечественной и мировой гуманитарной науке на протяжении XIX — начала XX в., создавая тем самым многообещающие предпосылки для развития данной проблематики в будущем.

4. История философии права как интегративная наука

При всем разнообразии трактовок предмета истории философии права (истории политических учений), которые мы находим у российских ученых второй половины XIX — начала XX века, в них просматривается одна общая и принципиально важная мысль — эта дисциплина относится к интегративному знанию⁴⁹⁰.

---

⁴⁸⁹ См.: Лансон Г. Метод в истории литературы. М., 1911. С. 24–26.

⁴⁹⁰ Автор настоящей работы считает этот термин предпочтительно адекватным, чем наиболее модный и распространенный — «междисциплинарное знание», который подразумевает разработку научных проблем «на стыках наук», «в пограничных областях наук» и т. п., объединяя при этом усилия ученых и специалистов из различных областей науки. Безусловно, где-то такие междисциплинарные исследования и принесли весомые результаты. Но чаще всего речь идет о псевдомеждисциплинарности, когда для получения гранта или другого дополнительного финансирования представители разных наук механически складывают свои результаты и оформляют их в единый научный проект. Определение понятия «интегративное знание» («интегративная наука») будет дано ниже.

Такой вывод подтверждается приведенными выше формулировками предмета истории философии права (истории политических учений). И хотя в них указанная дисциплина разными авторами включается в состав разных наук, все авторы говорят о невозможности и ограниченности раскрытия и объяснения предмета данной дисциплины только задачами (предметом) этих наук.

Б. Н. Чичерин, например, рассматривая историю политических учений как составную часть гегелевской восходящей спирали движения всемирного исторического разума, указывает при этом, что в данном случае мы имеем дело с исторической эволюцией не только политических идей и концепций, но и с находящим в них отражением «общего закона развития вещей». Эта теоретическая посылка приводила Чичерина к заключению о том, что «... история политических учений занимает середину между ... философским ходом мысли и практическим развитием государственных учреждений»⁴⁹¹.

П. Г. Редкин, относя историю философии права к юридической науке, тем не менее указывает, что эта дисциплина «не чисто юридическая, а вместе социальная и политическая»⁴⁹². В других местах Редкин обращает внимание на то, что история философии права является также и философской, и исторической наукой⁴⁹³.

Авторы, считающие историю философии права (историю политических учений) составной частью этической философии (напр., Е. В. Спекторский), вместе с тем, ставили перед ней более обширные и многоплановые задачи, чем это традиционно делается по отношению к философии⁴⁹⁴.

Анализ предмета истории философии права показывает, что задачи этой дисциплины выходят далеко за рамки сущего, анализа существующих явлений общественной, политико-государственной жизни, они включают в себя и проблему должного⁴⁹⁵, задачу построения идеальных моделей этой жизни.

---

⁴⁹¹ Чичерин Б. Н. Философия права. СПб., 1998. С. 35.

⁴⁹² Редкин П. Г. Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще. Т. 1. СПб., 1889. С. 199.

⁴⁹³ См.: Редкин П. Г. Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще. Т. 1. СПб., 1889. С. 202.

⁴⁹⁴ Как известно, противостояние в позициях по поводу отнесения политико-правовых учений или к юридической, или к философской наукам складывается еще в конце XVIII–XIX в. (Гуго Гроций – Гегель).

⁴⁹⁵ Следует отметить, что акцент на философские представления о лучшем (идеальном) политико-правовом порядке, как основе предмета истории философии права, делали многие государствоведы XIX – начала XX века. Приведем только три формулировки, по времени разнесенные более, чем на 20 лет. 1) «История философии права есть исследование причин возникновения тех разнообразных этических теорий,

Итак, предмет истории философии права включает в себя соотношение, взаимосвязь сущего и должного. Но если рефлексия по поводу сущего возможна в рамках, в аспектах отдельных наук (право, политология, история), то рефлексия по поводу должного возможна только как соединение, синтез этих наук, а также и философии, т. е. как интегративное исследование.

Здесь нужно вспомнить емкую формулировку предмета истории философии права, которую дал Г. Ф. Шершеневич: «История философии права имеет своей задачей изложение последовательного образования представлений о правовом порядке в его сущности и в идеале»⁴⁹⁶. Шершеневич не случайно включает в свое строгое и лаконичное определение такое достаточно широкое и размытое понятие «правовой порядок». Это понятие является симбиозом правового и политического, поскольку любой «правовой порядок» (особенно в начале XX века) возможен, прежде всего, в национально-государственных рамках, где правовая и политическая системы определяют и дополняют друг друга.

Теперь понятно, почему философско-правовая история по сути тождественна истории политических учений⁴⁹⁷. Важнейшим объектом для данных дисциплин являлась не политика (институты, структурные элементы, учреждения и процедуры), а политическое (природа государственной жизни, связей, отношений в государстве, т. е.

которые послужили основанием современных учений о праве и государстве» — *Бершадский С. А.* Очерки истории философии права. Вып. 1. СПб., 1892. С. 3; 2) «История философии права является изложением некоторых основных идеалов общественной жизни, в их последовательной смене и внутреннем развитии» — *Новгородцев П. И.* Политические идеалы древнего и нового мира. Вып. 1. М., 1914; 3) При изучении истории философии права «мы находимся в лаборатории, в которой человечество выработало идеалы должного и лучшего, которым оно руководится в своем прогрессировании» — *Ярош К. Н.* Курс истории философии права. Харьков, 1907.

⁴⁹⁶ *Шершеневич Г. Ф.* История философии права. Вып. 1. Казань, 1904. С. 20. Здесь уместно отметить, что П. И. Новгородцев свои очерки истории философии права назвал «Политические идеалы древнего и нового мира» (1910–1914). Другие авторы в формулировку предмета истории философии права в качестве ключевого вместо понятия «идеал» включали другие философские понятия. 1) История философия права «имеет в виду проследить из века в век философские усилия человеческого ума проникнуть в сущность «правды и справедливости», определить критерий права» — *Ярош К. Н.* История естественного права. Ч. 1. «Естественное право» у греков и римлян. СПб., 1881. С. 1; 2) «История философии права как история меняющихся оценок правовой идеи» — *Кузнецов К. А.* История философии права. Античная Греция. I. От Гомера до Сократа. Одесса, 1917. [В сноске слова в названиях выделены автором — М. Е.].

⁴⁹⁷ Современные юристы не стали вдаваться в эти диалектические сложности и назвали исторический курс очень просто — «История политических и правовых учений».

в том понимании, которое было впервые сформулировано Карлом Шмиттом в 1927 году в первом варианте его знаменитой статьи «Понятие политического») ⁴⁹⁸.

Здесь также уместно акцентировать внимание на ключевой термин «политическое учение», которое ввел в научный оборот Б. Н. Чичерин. По его мысли, оно является учением о государстве, отличается от «политической идеи» или от «политической теории» тем, что в реальной истории политических учений всегда соединяются два уровня или идейных пласта — 1) учение о существующем государстве с его симбиозом правовых и политических аспектов и функций; 2) критика этого существующего государственного порядка с позиций определенного идеала и конструирование порядка лучшего, идеального ⁴⁹⁹.

П. И. Новгородцев давал свою, достаточно оригинальную, модель сущего и должного в рамках истории философии права. Политика, которую Новгородцев именуется «макиавеллизмом» есть «область ежедневных тревог и забот, иногда борьбы и интриг, столкновение интересов и страстей» ⁵⁰⁰. Этому направлению мысли и действий противостоит философия (или утопия), которая стремится к изучению идеалов. Для нее важна «возвышенная жизнь духа», она ищет образцы «неведомого совершенства и завидного счастья». Оппоненты в связи с этим называют такие философские мечтания «утопией» ⁵⁰¹. Но «если, — пишет далее Новгородцев, макиавел-

---

⁴⁹⁸ Концепция К. Шмитта имеет много сторонников и в современной науке. «Самое главное, — по мнению современного британского ученого Ш. Муффа, это различие между «политикой» и «политическим»... Существование данной дистинкции [различия — М. Е.] предполагает признание двух разных подходов: политологического, чей объект есть сфера «политики», и политико-теоретического, являющегося полем философского исследования; последний занимается не фактами «политики», но сущностью «политического» — *Муфф Ш.* Политика и политическое [2006] // Политико-философский ежегодник. Вып. 1. М., 2008. С. 88.

⁴⁹⁹ Кстати, русское слово «учение» во многих языках переводится как «доктрина» — the doctrine (англ.), la doctrine (франц. и испан.), но доктрина (от латинского глагола *docere* — обучать) — это не беспристрастное теоретизирование, а теория, указывающая путь к лучшему, более совершенному, она содержит ориентиры и программу не только понимания, но и действий. На этот смысловой оттенок слова «доктрина» указывает, например, такое словосочетание как «военная доктрина». Любопытно, что в древнегреческой философии слово «метод» означал «путь знания», «учение», т. е. «учение» и «метод» воспринимались как синонимы и рассматривались как нечто, указывающее направление, ориентиры познания. — См.: *Вайнштейн О. Л.* Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX–XX вв. М., 1979. С. 205.

⁵⁰⁰ *Новгородцев П. И.* Политические идеалы древнего и нового мира. Вып. 1. М., 1914. С. 2.

⁵⁰¹ См.: Там же. С. 2–3.

лизм мы охарактеризовали, как философию на службе у политики, то утопизм мы можем обозначить как политику, совершенно подчиненную философии и воспринявшую от нее дух бесконечных стремлений. Между этими двумя крайними типами лежит целый ряд промежуточных звеньев, и они-то составляют преимущественное содержание истории философии права»⁵⁰².

В этой связи становится очевидным упрощенный характер современных подходов в определении предмета истории политических учений, в соответствии с которыми происходит прямое перенесение предмета этой науки (политологии) на предмет истории политических учений. В результате такого «перенесения» история политических учений становится «ретроспективной политологией», или совокупностью политических идей и теорий, взятых в их исторической эволюции.

Как показано выше, в трудах отечественных государствоведов XIX – начала XX века содержится существенно иное представление о предмете истории политических учений (истории философии права). В этом представлении мы находим синтез, по меньшей мере, четырех уровней анализа.

Во-первых, это выявление и изучение развития нормативно-институциональных аспектов функционирования политико-государственных систем (сфера правовой науки).

Во-вторых, это определение и описание тенденций и форм развития политико-государственных институтов и отношений (сфера политической и социальной истории).

В-третьих, это анализ природы государства, власти, властных отношений, выявление противоречий и механизмов развития (сфера политической науки).

И наконец, в-четвертых, это оценка и прогнозирование развития политико-государственных систем, построение идеальных форм и моделей для такого развития (сфера философии).

Реализовать такие задачи заведомо не может научная дисциплина, ограниченная только рамками политологии (или теории политики) и тем более юридической науки; она с необходимостью должна анализировать философские, правовые, социологические аспекты процесса становления государственных и властных форм и отношений.

---

⁵⁰² *Новгородцев П. И.* Политические идеалы древнего и нового мира. Вып. I. М., 1914. С. 3.

Как было показано выше, для всех наук, изучающих государство, проблема власти является центральной. Но если юридические науки акцентируют свое внимание на нормативно-институциональных аспектах функционирования власти, исторические науки (и прежде всего — политическая история) — на проблеме генезиса власти и ее институтов, как правило, в рамках определенных государственных систем, то политические науки сосредотачиваются на анализе природы власти, властных отношений, выявляют механизмы, закономерности и тенденции их развития.

В истории гуманитарной мысли эти три составляющие власти переплетены друг с другом. Поэтому история философии права (или ее более общепринятое название — история политических учений или история политических и правовых учений) — это наука интегративная. То есть, не только политическая (и историческая) по названию, но и философская, правовая, теоретико-литературная и социальная. Понятие «политическая» в ее названии употребляется только в связи с тем, что именно «политическое» дает этой науке объектную идентичность, так как ее исследовательский поиск направлен на такие политические феномены, как государство, власть, политические отношения.

В условиях процесса дифференциации научного знания, который наиболее активно проходил в гуманитарной науке в XIX – начале XX века, история философии права оставалась одной из немногих интегративных скреп между целым рядом гуманитарных наук. Осуществлять эту функцию данной научной дисциплине позволяет то, что не только по названию, а главное по реальному содержанию заложенного в ней идейного материала представляет собой синтез истории, философии (философии права) и политической науки, периферийно затрагивая при этом и такие науки, как социология, психология, культурология, литературоведение.

Функция синтеза имплицитно заложена вообще в любой научной истории идей. Причем, в этой области научных исследований синтез охватывает не только идеи, концепции, но связывает идеи и реальную историю (контексты). Не случайно, в XX веке сформировалась и в настоящее время активно развивается — как у нас, так и за рубежом — самостоятельная научная дисциплина под названием «интеллектуальная история». Для этой дисциплины, по мнению Л. П. Репиной, «принципиальным становится учет взаимодействия, которое существует между движением идей и теми социальными, политическими, религиозными, культурными контекстами, в которых идеи возникают, распространя-

ются и трансформируются»⁵⁰³. Именно эта взаимосвязь эволюционирующих идей и постоянно развивающегося социального контекста (как основа интеллектуальной истории) и создает новую методологическую базу для исследований социально-политической динамики, как в глобальном, так и в национальном масштабах. В этой модели динамики уже нельзя изучать отдельно идеи и отдельно факты, события, но можно исследовать их синтез, взаимодействие.

Характеризуя предметную область философии права, Шершеневич привел такую метафору: «Философия права ... это как бы мост, перекинутый от философии к правоведению»⁵⁰⁴. Думается, что эту метафору можно употребить и применительно к истории философии права (истории политических учений). Только здесь мост соединяет не два берега, а несколько. В частности, нельзя забывать о самой исторической науке, с которой и начинается название искомой дисциплины.

Более 100 лет назад отечественные государствоведы спроектировали и начали строить этот «мост», но закончить это строительство им тогда, к сожалению, не удалось. Да и по сей день концептуальная интерпретация истории политико-правовых учений, как интегративного научного знания, то есть создание теории этой научной дисциплины (теории истории философии права/истории политических учений)⁵⁰⁵ остается актуальной, но еще нереализованной научной проблемой.

***

В последние десятилетия мы стали свидетелями масштабной интеграции ученых из различных областей научного знания для разработки моделей минимизации и ликвидации возрастающих глобаль-

---

⁵⁰³ *Репина Л. П.* Интеллектуальная история на рубеже XX–XXI веков // Новая и новейшая история. 2006. № 1. С. 16.

⁵⁰⁴ *Шершеневич Г. Ф.* Философия права. Т. I. Часть теоретическая. Общая теория права. М., 1911. С. 26. «Такою постановкою, — считал Шершеневич, — устраняется спорный вопрос, следует ли философию права признавать юридическою наукою или философскою» — Там же (сноска).

⁵⁰⁵ Достаточно серьезную попытку объяснить и обосновать историю философии как отдельную науку предпринял З. А. Каменский. Он выделял, в частности, две главные разновидности истории философии — 1) рефлексия об историко-философском процессе, которая, по сути, является учением о его закономерностях; и 2) историография как учение о целях, формах и методах историко-философского исследования. — См.: *Каменский З. А.* История философии как наука в России XIX–XX вв. М., 2001. С. 250–253, 309–331. Концепция Каменского, к сожалению, не получила своего развития и вообще мало известна (упомянутая книга Каменского, умершего в 1999 году, вышла тиражом 200 экз., другая же книга этого автора, не менее значимая для нашей темы — «Методология историко-философского исследования», М., 2002 — была отпечатана вообще тиражом 100 экз.). Но думается, что целый ряд его концептуальных положений могли бы стать основой для создания теории историко-философского процесса, в том числе и применительно к развитию истории философии права.

ных угроз существованию человечества. Вместе с тем, сохраняется устойчивая тенденция дифференциации наук (или сохранения незыблемости дифференцированного научного знания). Происходит это вопреки тому, что, по меньшей мере, уже полвека (а может быть, и больше) объективные потребности человеческого существования (экономики, окружающей среды, сохранения и воспроизводства человеческой жизни) и самой науки требуют не создания (отпочкования) новых обособленных областей знания, а интеграции научного знания. Может быть, даже речь идет о создании новой единой интегративной науки, которая смогла бы охватить и концептуально объяснить единство природы, общества и человека, объяснить сущность этого единства, механизмы и тенденции его развития⁵⁰⁶.

Сейчас важно определить объект-предметные области гуманитарных наук, где становление интегральных теорий является особенно органичным и актуальным.

Одна из таких областей, по нашему убеждению, лежит в пересечении политики, права и морали. Историческая дифференциация гуманитарного знания, начавшаяся в Новое время и продолжающаяся по инерции по сей день, привела по законам абстракции к разведению политики, права и морали по разным областям науки. Политика была отнесена к предметной области политических наук, право — к юриспруденции, мораль — к этической философии, этике. Указанные науки достигли на протяжении многих десятилетий и даже столетий своего развития существенных достижений в изучении и понимании данных общественных феноменов. Но, видимо, в этом процессе объективно существуют свои пределы, за которые данные науки выйти не в состоянии. Не случайно, кстати, каждая из них (особенно, политология и правоведение) до сих пор не имеют общепринятого предмета, общепринятого понимания сущности искомых феноменов. Все современные учебники по политологии и праву начинаются с констатации, что в этих науках нет более многозначных и неопределенных понятий, чем «политика» и «право».

---

⁵⁰⁶ В научных кругах давно уже считается модным и прогрессивным так называемая междисциплинарность, когда разрабатываются проблемы «на стыках наук», «в пограничных областях наук», объединяя при этом усилия ученых и специалистов из различных областей науки. Безусловно, где-то такие междисциплинарные исследования и принесли весомые результаты. Но чаще всего речь идет о псевдомеждисциплинарности, когда для получения гранта или другого дополнительного финансирования представители разных наук механически складывают свои результаты и оформляют это в единый научный проект. Сейчас стоит другая, гораздо более сложная задача. Задача не сложения разных наук (теорий), а задача создания новой, другой (интегративной) науки (теории).

РАЗДЕЛ 5

ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ И ПРАВА КАК НАПРАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

1. Философия политики и права: прошлое, настоящее и будущее университетской дисциплины

В конце 2008 года Ученым советом Московского университета было принято решение о создании на философском факультете новой кафедры — **кафедры философии политики и права**.

Данное решение было продиктовано необходимостью целостного и систематизированного изучения и преподавания философских проблем политики и права, используя в полной мере исторические достижения гуманитарного знания в данной области, а также привлечения соответствующих новейших разработок современной философии, политологии и теоретического правоведения.

Наиболее разработанной в указанной проблематике следует признать **философию права**, которая как университетская дисциплина появляется (напр. в Германии) в конце XVII века. В России уже во второй половине XVIII века философия права преподается в Московском университете (С. Е. Десницкий, И. А. Третьяков, Я. И. Шнейдер), в 30–60-х гг. XIX в. в Московском, Петербургском университетах, Университете св. Владимира в Киеве (К. А. Неволин, П. Г. Редкин, Б. Н. Чичерин)⁵⁰⁷. Особенно активно философия права развивается во второй половине XIX – начале XX в. и связана с работами таких ученых и университетских профессоров как Б. Н. Чичерин, В. С. Соловьев, Н. М. Коркунов, Л. И. Петражицкий, Е. Н. Трубецкой, П. Н. Новгородцев, Г. Ф. Шершеневич, В. М. Гессен, Б. А. Кистяковский, С. А. Котляревский, М. М. Ковалевский, И. В. Михайловский, В. Э. Вальденберг, И. А. Ильин, Н. Н. Алексеев.

Всплеск в развитии философии права не в последнюю очередь связывается с образованием в российских университетах, начиная с Университетского устава 1863 г. специальных кафедр, которые читали курсы по философии права (истории философии права). По Университетскому Уставу 1884 г. в составе 12 кафедр юридического факультета в российских университетах образуется кафедра энци-

---

⁵⁰⁷ См.: *Пустарнаков В. Ф.* Университетская философия в России. Идеи. Персоналии. Основные центры. СПб., 2003. С. 96, 137.

клопедии права и *истории философии права*. Нужно иметь в виду, что *энциклопедия права* в то время трактовалась как «философское введение в курс юридических наук, читаемое на первом курсе юридического факультета»⁵⁰⁸ и в этом понимании фактически сливалась с философией права. Значение этого курса для университетского образования в конце XIX – начале XX в. трудно переоценить, поскольку, в условиях отсутствия в университетах философских факультетов и даже полноценных кафедр философии, этот курс (энциклопедия права — философия права) давал фактически единственную возможность донесения до студентов философских знаний.

Книг, в название которых включалось бы понятие «философия права», за 30–40 лет до 1917 г. вышло немного, но богатейшая проблематика философии права разрабатывалась в научных трудах, которые назывались «Общая теория права», «Теория права и государства» и т. п.

В постсоветский период у нас в стране философия права получает свое новое развитие как научная и образовательная дисциплина. Она становится обязательным предметом, правда в основном в юридических высших учебных заведениях и на юридических факультетах университетов. На философских факультетах (например, в МГУ) эта дисциплина появляется только благодаря усилиям энтузиастов, и то, как факультативная дисциплина.

Выходит целый ряд научных монографий и учебников, написанных, правда, как правило, юристами (В. С. Нерсесянц, Д. А. Каримов, В. Н. Жуков, Э. В. Кузнецов, Б. М. Мальков, Г. И. Иконникова, В. П. Лященко, К. К. Жюль и др.⁵⁰⁹). Юристам же принадлежит авторство статей «Философия права» в большинстве (в том числе, и в философских) энциклопедических изданиях. А единственный в России журнал «Философии права» выпускается в Ростове-на-Дону Ростовским юридическим институтом МВД России. Появляется и ряд серьезных изданий, посвященных изучению философии права в России⁵¹⁰.

---

⁵⁰⁸ См.: Малый энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. Т. 4. М., 1994. Стлб. 2150. (Репринт изд. СПб., 1909).

⁵⁰⁹ См.: *Нерсесянц В. С.* Философия права. 2-е изд. М., 2006; *Иконникова Г. И., Лященко В. П.* Философия права. М., 2007; *Кальной И. И.* Философия права. СПб., 2008; *Жюль К. К.* Философия и социология права. 2-е изд. М., 2005; *Бачинин В. А.* Энциклопедия философии и социологии права. СПб., 2006 и др.

⁵¹⁰ См.: *Кузнецов Э. В.* Философия права в России. М., 1989; *Жуков В. Н.* Русская философия права: Естественно-правовая школа первой половины XX века. М., 2001 и др. Здесь же следует указать и такое издание: *Русская философия права: философия веры и нравственности: Антология.* СПб., 1997.

Проблемы, или даже разделы, философии права все чаще включаются и в состав курсов социальной философии, а также спецкурсов (например, на философском факультете Московского университета).

Вместе с тем, вопрос о том, частью какой науки является философия права — философии или правоведения, остается дискуссионным и по сей день. Примечательным в этой связи представляется позиция признанного специалиста в области философии права В. С. Нерсесянца. Так вот в Юридической энциклопедии этот автор определяет философию права как общетеоретическую *юридическую* дисциплину⁵¹¹, тогда как в Новой философской энциклопедии тот же автор философию права трактует уже просто как научную дисциплину⁵¹². Остается только отметить, что оба указанных выше энциклопедических издания вышли в свет в 2001 году. Некоторые авторы прямо определяют философию права как самостоятельный раздел философии⁵¹³. Другие находят выход из ситуации в диалектическом подходе и делают вывод о том, что философия права «представляет собой единство философского и юридического знания»⁵¹⁴.

Теперь, о **философии политики**. Данный термин в научном контексте у нас в стране используется уже несколько десятилетий. Можно, например, вспомнить в этой связи о существовании еще в 70-е гг. прошлого века Секции философии политики и международных отношений в Философском обществе СССР, которая выпускала различные сборники научных работ по данной проблематике⁵¹⁵. В 90-е и 2000-е гг. выходит ряд научных книг с искомым названием (А. С. Панарин, Э. А. Поздняков, И. А. Гобозов, А. Г. Дугин), а также разрабатывается ряд учебных курсов «Философия политики» на философских факультетах университетов (напр., на факультете философии и политологии СПбГУ).

---

⁵¹¹ См.: Юридическая энциклопедия / Под общ. ред. Б. Н. Топорнина. М., 2001. С. 1156.

⁵¹² См.: Новая философская энциклопедия. Т. 4. М., 2001. С. 227. В предыдущем издании Философской энциклопедии в соответствующей статье философия права определялась как «общетеоретическое учение о праве» (автор статьи — известный юрист, академик В. Туманов) — См.: Философская энциклопедия. Т. 5. М., 1970. С. 354.

⁵¹³ См.: Словарь философских терминов / В. Г. Кузнецов. М., 2004. С. 635 (Чичнева Е. А.).

⁵¹⁴ *Иконникова Г. И., Лященко В. П.* Философия права. М., 2007. С. 8. Такая точка зрения не является новой, Д. А. Керимов, например, считал, что «философия права представляет собой сложный симбиоз общей философии и социологии права» — *Керимов Д. А.* Предмет философии права // Государство и право. 1994. № 7. С. 4.

⁵¹⁵ См., напр.: Мировое сообщество: философия политики и политические процессы. М., 1991.

В научной литературе термин «философия политики» часто пересекается с термином «политическая философия». Отношение к вопросу о соотношении этих терминов среди современных ученых различное. Одни не видят в них особых различий и употребляют их фактически как тождественные, другие такие различия находят в том, что «философию политики» рассматривают как часть философии, философского знания, а «политическую философию» относят к области политической науки⁵¹⁶. Думается, что второй подход более продуктивен, поскольку приближает нас к интерпретации проблемы соотношения философии и политики. «Философия политики» может трактоваться как приложение философии к области политической жизни, тогда как «политическая философия» является саморефлексией политики, ее «внутренним» знанием о самой себе. Первая решает вопросы, которые ставит перед философией политика, тогда как вторая решает вопросы, которые ставит перед политикой философия. Но на эти разные вопросы, могут быть даны одинаковые ответы. Поэтому «философия политики» и «политическая философия», в любом случае, это сильно пересекающиеся, взаимосвязанные области научного знания, поскольку в их соотношении фиксируется не разница смыслов, а только разница детерминации мысли, направленности мысли⁵¹⁷.

Взаимодействие философии политики и политической философии создает поле для научного диалога философии и политики. Кто из этих сторон сегодня более активен в этом диалоге, сказать трудно. Ясно, что концептуализация политики, исследование ее фундаментальных, сущностных оснований, поиск целей и смысла политики, были и остаются важнейшей и пока плохо разработанной философской проблематикой. Да и современная политика все реже ставит перед философией смысловые вопросы. Конечно, в данном случае имеется в виду не реальная политика (и политики) — отсюда ждать этих вопросов наивно, а политическая наука. Но, представля-

---

⁵¹⁶ Существует и прямо противоположная точка зрения, согласно которой «политическая философия» — это «философская дисциплина, одна из основных областей философского знания о человеке и обществе» — Политология. Энциклопедический словарь. М., 1993. С. 283.

⁵¹⁷ См. о современных вариантах интерпретации соотношения философии права и политической философии: *Алексеева Т. А.* Политическая философия: От концепций к теориям. М., 2007. С. 15–18, а также: Политическая философия в России. Настоящее и будущее (Материалы «круглого стола», проведенного журналом «Вопросы философии» совместно с факультетом политологии МГИМО и журналом «Полис») // ПОЛИС. 2002. № 4. С. 3–30 (особенно выступления Т. А. Алексеевой, М. В. Ильина, Б. Г. Капустина).

ется, что сегодня для многих молодых (и не только молодых) политологов, профессиональные интересы которых устойчиво ориентируются на технологии и приложения, метафизические проблемы являются малоинтересными и неперспективными.

Проблемы взаимоотношений философии и политики остро и всесторонне обсуждались еще в 1996 г. на «круглом столе», который организовал журнал «Вопросы философии». Когда читаешь материалы этого «круглого стола», то осознаешь, что данная проблематика и спустя 14 лет остается не менее, а может быть даже более злободневной и дискуссионной⁵¹⁸.

Спор о соотношении философии политики и политической философии специфическим образом отразился в современной справочно-энциклопедической литературе. Так, в профильных энциклопедиях по гуманитарным наукам — Новой философской энциклопедии (4 т., 2001) и Политической энциклопедии (2 т., 1999) — мы не находим статьи под названием «Политическая философия». Нет такой статьи и в других многочисленных современных словарях и энциклопедиях. Как будто, такого понятия (дисциплины) в современной науке вообще не существует.

Нет никаких следов научной дисциплины «Политическая философия» (как, впрочем, и «Философия права») и в новой Номенклатуре специальностей научных работников, которую Минобрнауки РФ ввел в действие с 1 января 2010 г. Лучше других, видимо, структуру современного гуманитарного знания понимают в Российском гуманитарном научном фонде, в Классификаторе которого для конкурсов 2010 г. эта дисциплина выделена отдельно в политических науках — «03.210 Политическая философия». В этом же Классификаторе в юридических науках значится (правда, в группе других дисциплин) и «Философия права» — «03.410 — Философия права. Теория права и государства, методы их изучения. История учений о праве и государстве. Сравнительное правоведение».

Следует также отметить и то обстоятельство, что в последние годы в самой философской науке все более употребительным и значимым становится термин «философия политики». Отметим только два факта: появление в Новой философской энциклопедии статьи «Философия политики» (А. С. Панарин, Т. 5, 2001) и секции «Философия политики» на V Российском философском конгрессе (Новосибирск, август 2009), тогда как, на предыдущем, IV конгрессе в

---

⁵¹⁸ См.: Философия и политика (Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 1996. № 1. С. 3–41.

Москве (2005 г.) в числе секций была секция «Политическая философия».

Философия политики вошла с 1 января 2010 г. в состав новой редакции «ваковской» специальности по политическим наукам 23.00.01 — теория и *философия политики*, история и методология политической науки, сделав ее фактически междисциплинарной. По целому ряду тем, входящих в паспорт данной специальности, соискателям докторских и кандидатских степеней по политическим наукам придется в своих исследованиях привлекать серьезный массив философских знаний.

Созданием в Московском университете кафедры философии политики и права делается важный шаг в сторону интеграции целого ряда гуманитарных наук, единого образовательного и научно-исследовательского поля, в котором интегрируются проблемы политики и права. Нельзя сказать, что это абсолютно новое изобретение. В российской высшей школе уже существует целый ряд отдельных учебных программ (напр.: УМК В. И. Пернацкого и Е. Н. Базурина в Волго-Вятской академии государственной службы, 2006), или разделов с названием «Философия политики и права» в программах более общих курсов (напр.: раздел 20 в программе курса «Социальная философия» проф. В. Г. Федотовой в Высшей школе экономики, 2000). А во второй половине 90-х гг. в перечень «ваковских» специальностей научных работников по разделу «Философские науки» входила специальность 09.00.10 («Философия политики и права»), по которой диссертационные советы присуждали ученые степени кандидата и доктора философских наук.

Важным новаторским элементом в создании новой кафедры философии политики и права в МГУ является постановка **концeнтyальной задачи в создании интегративной философской теории политики и права**. Это задача не *сложения* разных научных теорий (междисциплинарность), а задача *создания* новой, другой (интегративной) теории.

Мы видим несколько направлений реализации данной задачи:

- институционализация философии политики и права как нового направления университетского философского образования; определение ее места, роли и эвристических функций в контексте вызовов современной цивилизации;
- осмысление основных этапов и направлений исторической эволюции философских интерпретаций политики и права, особенно в аспекте взаимодействия этих двух феноменов общественной жизни;

- анализ онтологических, гносеологических, аксиологических, антропологических, социокультурных и прогностических проблем философии политики;
- анализ онтологических, гносеологических, аксиологических, антропологических, культурологических и праксиологических проблем философии права;
- исследование философских проблем взаимодействия политики и права, к числу которых можно отнести такие как норма и нормативность в политике и праве, взаимовлияние и взаимограничение политики и права в современном общественном развитии; взаимосвязь политического и правового факторов в минимизации и разрешении национальных, региональных и глобальных проблем современного общества.

Отдельным направлением деятельности кафедры философии политики и права философского факультета МГУ является **философское (историософское)** осмысление исторических и современных характеристик и путей развития российской цивилизации, которая по своим объективным характеристикам может и должна стать благоприятным исследовательским полигоном для приложения интегративных гуманитарных теорий.

Научная теория российской цивилизации основывается на уникальной исторической природе и уникальных пространственно-временных характеристиках российской общественно-политической системы, на особых и долгоживущих тенденциях и традициях в политической, социально-экономической, духовно-идеологической и ментальных сферах национальной общественной жизни. Глубокое изучение этой системы уже поставило перед гуманитарной наукой ряд фундаментальных проблем. Выделим, для примера, две такие проблемы.

Первая. Проблема критерия прогресса. Является ли материально-экономическая компонента безусловной доминантой общественного прогресса, или следует признать, что для развития некоторых уникальных общественных систем (например, для России, Китая) не меньшее значение имеет духовно-идеологическая компонента (а определенном отношении и политико-правовая компонента)?

Вторая проблема связана с траекторией социально-политической динамики общественных систем. Историческое развитие России невозможно объяснить и даже показать только в схемах линейно-поступательного развития. Здесь траектория более сложная, связанная с переплетением линейных трендов со спиральным, циклическим развитием. Наверное, неслучайно, и первые циклические те-

ории (не идеи, а теории) и появились в России (Леонтьев, Данилевский). В этих циклах мы также обнаруживаем специфические переплетения экономики и политики, политики и права, политики и морали.

Таким образом, интегративная теория России не только сможет объяснить перипетии национального развития, но и даст интерпретацию ряду фундаментальных вопросов гуманитарного знания.

Научная теория российской цивилизации будет, кроме всего прочего, способствовать созданию положительного образа России в мире, что отвечает особенностям современного этапа мирового развития, движению к многополярности, к увеличению всемирного разнообразия при укреплении взаимопонимания и сотрудничества. Такая разработка призвана противостоять всякого рода экстремистским и односторонним взглядам на Россию и ее место в мире.

Думается, что у философского осмысления политико-правовой реальности существуют хорошие перспективы, так как именно оно может стать в современных условиях одним из базовых источников и оснований для научной интерпретации определяющих процессов и тенденций общественной жизни.

2. Интеграция гуманитарного знания как актуальная задача (постановка проблемы)

В последние десятилетия мы стали свидетелями масштабного сотрудничества ученых из различных областей научного знания для минимизации и ликвидации возрастающих глобальных угроз существованию человечества. Вместе с тем, мы продолжаем идти по пути дифференциации наук (или сохранения незаблемости дифференцированного научного знания), не понимая, что время для этого уже прошло. По меньшей мере, уже полвека (а может быть, и больше) потребности жизни (экономики, окружающей среды, сохранения и воспроизводства человеческой жизни) и самой науки требуют не создания (отпочкования) новых обособленных областей знания, а интеграции научного знания, а может быть даже и создания *новой единой интегративной науки*, которая после Античности на новом неизмеримо более высоком витке развития человеческой цивилизации смогла бы охватить и концептуально объяснить единство природы, общества и человека, объяснить сущность этого единства, механизмы и тенденции его развития.

В научных кругах давно уже считается модным и прогрессивным, так называемая, междисциплинарность, когда разрабатываются проблемы «на стыках наук», «в пограничных областях наук», объ-

единя при этом усилия ученых и специалистов из различных областей науки. Безусловно, где-то такие междисциплинарные исследования и принесли весомые результаты. Но чаще всего речь идет о псевдомеждисциплинарности, когда для получения гранта или другого дополнительного финансирования представители разных наук механически складывают свои результаты и оформляют это в единого научного проекта.

Сейчас стоит другая, гораздо более сложная задача. Задача не *сложения разных наук*, а задача *создания новой, другой науки*. Реальные результаты на этом уже имеются. Ярким примером этого являются синергетические теории. Все три основные парадигмы синергетики (парадигма самоорганизации, парадигма динамического хаоса, парадигма сложности) направлены на создание новых интегративных теорий, которые не столько используют возможности классических наук, сколько путем создания оригинальных эвристических концепций дают этим наукам новые дополнительные возможности и инструменты. Используя их, эти классические науки получают открытия в областях, которые до этого были для них камнем преткновения⁵¹⁹.

Кроме синергетики в науке в последние годы получили стремительное развитие такие научные направления *теория наномира* и *теория сетевого общества*, которые по традиции квалифицируются пограничными, междисциплинарными областями, тогда как это есть уже «островки» нового интегрального научного знания. Результаты в них получаются не путем сложения (умножения) возможностей классических наук — математики, физики, химии, биологии и др., а путем разработки новых категориально-методологических подходов и концепций.

По мнению ряда ученых, мир с настоящее время находится пороге революционного скачка в науке, который в свою очередь приведет к кардинальным изменениям в технике, технологии, образе жизни людей, в системе глобальных политических и экономических отношений. Такой скачок сопоставим со сдвигами, которые пережила человеческая цивилизация и научное знание на рубеже XIX и XX вв. и последствия которого ощущались на протяжении всего предыдущего столетия. Вот мнение чл.-корр. М. Ковальчука: «Можно сказать, что нано является фундаментом, на котором будет строиться новая цивилизация. Она придет на смену той, которая была заложена учеными прошлого века. Тогда, говоря образно, висевшая

---

⁵¹⁹ См., например, статью В. Янчилина в газете «Поиск» (№ 40, 2 октября 2009).

над человечеством 300 лет картина, написанная Ньютоном, сменилось на полотно кисти Эйнштейна, Резерфорда, Бора. Углубляясь все дальше в тайны природы, ученые открыли, что материя состоит из атомов. Это новое знание создало атомную энергию и основанную на ней новую экономику, промышленность, вооружение, изменило даже общественное сознание, А как следствие, возникла новая геополитическая картина мира»⁵²⁰.

Таким образом, переход к интегративной науке и сделанным с ее помощью научным открытиям неизбежно приведет к сдвигам, по меньшей мере, в трех плоскостях существования и развития человеческой цивилизации:

Во-первых, интегративные теории приведут к революционным изменениям в фундаментальных представлениях, либо в какой-то области мироустройства, либо к кардинальным изменениям всей научной картины мира;

Во-вторых, достижения интегративной науки создадут качественно иные возможности практического применения научных знаний в области техники, технологий, промышленности, в сфере воспроизводства человеческой жизни;

И, в-третьих, эти сдвиги приведут к изменениям глобального миропорядка, к новым политическим и экономическим отношениям между государствами и народами.

Интегративные теории приведут к изменению облика и самой науки, поскольку в их основе окажется синтез математики, естествознания, гуманитарных и социальных наук, который приведет к созданию нового категориального аппарата, новой концептуально-методологической системе научного познания.

Осознание таких перспектив идет очень медленно, поскольку оно наталкивается на сложившиеся десятилетиями корпоративные и административные структуры управления дифференцированной наукой.

В США, например, в последние годы на нанонауку государство выделяет миллиарды долларов, создаются мощнейшие научные центры, усилия которых направляются на исследования в интегративных областях.

Но в целом, процесс дифференциации наук, начавшийся в Новое время и особенно бурно проходивший в XIX веке, оказался удивительно устойчивым и продолжается до настоящего времени. Он за-

---

⁵²⁰ Интервью члена-корр. РАН М. Ковальчука // Российская газета (Федеральный выпуск). № 4046 от 18 апреля 2006 г.

трагивает не только области естествознания, но и (причем, в значительно большей степени) гуманитарные и социальные науки.

В России процесс дифференциации гуманитарного знания в последние десятилетия не только не замедляется, а даже разрастается. Проявляется это, как в научной, так в образовательной сферах. Примечательна в этой связи судьба философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, который за последние полвека «породил» три новых факультета. Сначала в 1966 г. от него «отпочковался» *факультет психологии*, затем в 1989 г. — *социологический факультет*, и наконец в 2008 г. — *факультет политологии*.

В связи с образованием последнего факультета следует сказать несколько слов о политологии как науке в России. Считается, что она сейчас переживает новый этап своего развития, связанного с институционализацией данной дисциплины, по крайней мере, в рамках высшего специального образования⁵²¹. Но кажущиеся достижения, порой оборачиваются реальными проблемами. Возродившись в конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого века в нашей стране на волне достаточно радикальной (и не всегда взвешенной) реформы гуманитарного образования, политология как научная и образовательная дисциплины прошла непростой и противоречивый путь. На этом пути были и большие достижения, но и большие перекосы, связанные, главным образом, с некритическими компиляциями зарубежного опыта. Один из таких перекосов как раз связан с затянувшимся процессом дифференциации наук, в который оказалась и втянута политология.

Как, это не парадоксально, неприятие современной политологией междисциплинарного синтеза, который всегда был важнейшим принципом и инструментом получения новых научных достижений, обусловлен непониманием (или незнанием) ею исторических путей развития политологии, слабой разработкой такой базовой, исходной проблемы этой науки каковой является проблема объекта и предмета.

Итак, вся наука, в том числе и гуманитарная, стоит сейчас на пороге круглого поворота в своем развитии — поворота от дифференциации и интеграции научных знаний, появлению **интегративных теорий**.

В каких областях, проблемных полях гуманитарного знания можно прогнозировать в ближайшем будущем появление таких интегративных наук?

---

⁵²¹ В 2009 г. на базе ряда политологических кафедр факультета философии и политологии был создан факультет политологии СПбГУ.

Одна из интегральных областей современной гуманитарной науки лежит в пересечении политики, права и морали. Историческая эволюция дифференцированного знания, начавшаяся в Новое время и продолжающаяся по инерции по сей день, привела по методу абстракции к разведению *политики, права* и *морали* по разным областям науки. Политика была отнесена к предметной области политических наук, право — к юриспруденции, мораль — к этической философии, этике. Указанные науки достигли на протяжении многих десятилетий и даже столетий своего развития существенных достижений в изучении и понимании данных общественных феноменов. Но видимо, в этом процессе объективно существуют свои пределы, за которые эти науки выйти не в состоянии. Не случайно, кстати, каждая из этих наук (особенно, политология и правоведение) до сих пор не имеют общепринятого предмета, общепринятого понимания сущности искомых феноменов. Все современные учебники по политологии и праву начинаются с констатации, что в этих науках нет более многозначных и неопределенных понятий, чем «политика» и «право».

Это не случайно. Разные науки, отдельно друг от друга изучают политику, право и мораль как отдельные и самодостаточные сущности, тогда как в реальности эти *три регулятора общественной жизни* взаимодополняют и взаимообуславливают друг друга.

Регуляторы эти работают эффективно только тогда, когда существует ясное и точное знание того, к каким идеальным моделям общественных отношений нужно стремиться. Поэтому исследователь должен адекватно определить существующий порядок вещей (*сущее*), а затем создать идеальную модель (модели) этого порядка (*должное*). Именно в этом взаимном переплетении сущего и должного и лежит главная проблема современной общественной жизни, и найти адекватные (идеальные) решения этой проблемы невозможно силами отдельных наук (политологии, юриспруденции, этики). Здесь нужна интегративная теория.

Переход науки к интегральным теориям невозможен без кардинальных преобразований в образовательной сфере. Время таких преобразований совпало (случайно, а может быть и нет) с переходом российской высшей школы к новому поколению образовательных стандартов. Эти стандарты по своим заданным сверху параметрам имеют много спорного и противоречащего национальным образовательным традициям. Вместе с тем, в них есть некоторые новшества, которые могли бы быть использованы для внедрения в учебный процесс наряду с классическими дисциплинами фундаменталь-

ных знаний интеграционного характера. В числе этих положительных новшеств можно выделить два: увеличенная по сравнению с базовой вариативная часть дисциплин, которые могут определяться самим вузом и большая доля (50 процентов) самостоятельной работы студентов, которая должна планироваться, направляться и контролироваться преподавателями.

Во многом эти еще только внедряющиеся в российской школе новшества уже на протяжении ряда лет успешно реализуются в Московском университете. Важной организационной формой обучения студентов интегративному знанию является создание соответствующих учебных подразделений (факультетов). По инициативе Ректора МГУ В.А.Садовничева в университете созданы и успешно работают факультет наук о материалах, факультет биоинженерии и биоинформатики, физико-химический факультет, факультет глобальных процессов, высшая школа современных социальных наук и ряд других.

Современное образование, особенно в системе классических университетов, не может не учитывать реальную потребность общественной жизни в развитии интегративных теорий. Потребность, которая будет неуклонно возрастать.

3. Философия политики как современная университетская дисциплина

Попытки философского осмысления политики такие же древние, как и сама философия, и сама политика. Другое дело, что выделение этого направления философствования в отдельную дисциплину, и тем более, появление специального названия для этой дисциплины, имеет уже не столь продолжительную историю.

В современной литературе существуют, как известно, для обозначения этой дисциплины два понятия — «политическая философия» и «философия политики», о соотношении которых уже давно идут споры.

Мне, например, импонирует позиция не по отождествлению этих названий, а их разделение по следующему принципу: «политическая философия» — это составная часть политической науки, а «философия политики» — это часть философии.

Последняя («философия политики») может трактоваться как приложение философии к области политической жизни, тогда как «политическая философия» является саморефлексией политики, ее «внутренним» знанием о самой себе. Первая решает вопросы, которые ставит перед философией политика, тогда как вторая решает вопросы, которые ставит перед политикой философия. Но на эти раз-

ные вопросы, могут быть даны одинаковые ответы. Поэтому «философия политики» и «политическая философия», в любом случае, это сильно пересекающиеся, взаимосвязанные области научного знания, поскольку в их соотношении фиксируется не разница смыслов, а, прежде всего, разница детерминации мысли, направленности мысли.

О каких же вопросах идет речь? Еще в ходе журнальных дискуссий 90-х гг. Т. А. Алексеева сформулировала 3 таких вопроса, на которые должны быть даны философские ответы: 1) вопрос о причинах; 2) оценка настоящего; и 3) прогноз будущего. Наверное, могут быть сформулированы и другие вопросы, на которые ответы могут дать только философы, независимо от того сама философия ставит их перед собой, или перед ней эти вопросы ставят другие науки. В частности, такие интересные вопросы формулирует М. М. Федорова в предисловии своей книги «Классическая политическая философия».

Но можно ли среди всех этих вопросов выделить один, главный? Думаю, что можно и нужно. Это будет вопрос, связанный с проблемой должного, проблемой идеала. **Главный вопрос** современной философии права можно сформулировать следующим образом: *«Можно ли средствами и возможностями философии адекватно прогнозировать и самое главное — конструировать (моделировать) политическое будущее?»*.

Философия политики делает акцент на **должном**, тогда как политология (политическая наука, отчасти — политическая философия) — на **сущем**. Данное отличие создает предметную базу как для концептуального разведения «политики» и «политического», так и для их внутреннего единства. Увидеть будущее политики невозможно без понимания политического прошлого и настоящего.

Взаимодействие философии политики и политической философии создает поле для научного диалога философии и политики. Кто из этих сторон сегодня более активен в этом диалоге, сказать трудно. Ясно, что концептуализация политики, исследование ее фундаментальных, сущностных оснований, поиск целей и смысла политики, были и остаются важнейшей и пока плохо разработанной философской проблематикой. Да и современная политика все реже ставит перед философией смысловые вопросы. Конечно, в данном случае имеется в виду не реальная политика (и политики) — отсюда ждать этих вопросов наивно, а политическая наука. Но, представляется, что сегодня для многих молодых (и не только молодых) политологов, профессиональные интересы которых устойчиво ориенти-

руются на технологии и приложения, метафизические проблемы являются малоинтересными и неперспективными.

Проблемы взаимоотношений философии и политики остро и всесторонне обсуждались еще в 1996 г. на «круглом столе», который организовал журнал «Вопросы философии». Когда читаешь материалы этого «круглого стола», то осознаешь, что данная проблематика и спустя много лет остается не менее, а может быть даже более злободневной и дискуссионной⁵²².

Вместе с тем, в многообразной междисциплинарной проблематике современного научного диалога в области гуманитарных наук категориальная пара «философия — политика» представлена очень слабо и это является **главным недостатком** современного этапа развития, как философии, так и политической науки.

Главная задача дальнейшего развития современной философии политики (и политической философии) состоит в ее интеграции с философией права (теоретическим правоведением). Данная научная интеграция должна преодолеть обособленность в развитии гуманитарных наук и, в частности, обособленное изучение теоретических основ политики и права отдельными науками, тогда как в реальной общественной жизни эти феномены являются взаимозависимыми и взаимообусловленными социальными регуляторами.

Вместе с тем, историческая эволюция дифференцированно-го знания, начавшаяся в Новое время и продолжающаяся по инерции по сей день, привела по методу абстракции к разведению *политики* и *права* по разным областям науки. Политика была отнесена к предметной области политических наук, право — к юриспруденции. Указанные науки достигли на протяжении многих десятилетий и даже столетий своего развития существенных достижений в изучении и понимании данных общественных феноменов. Но видимо, в этом процессе объективно существуют свои пределы, за которые эти науки выйти не в состоянии. Не случайно, кстати, каждая из этих наук (особенно, политология и правоведение) до сих пор не имеют общепринятого предмета, единого понимания сущности искомым феноменов. Многие современные учебники по политологии и праву начинаются с констатации, что в этих науках нет более многозначных и неопределенных понятий, чем «политика» и «право».

Это не случайно. Разные науки (политология и правоведение), отдельно друг от друга изучают политику и право как отдельные и

---

⁵²² См.: Вопросы философии. 1996. № 1. С. 3–41.

самодостаточные сущности, тогда как в реальности они взаимно дополняют и взаимно обуславливают друг друга.

Политика и право как социальные регуляторы работают эффективно только тогда, когда существует ясное и точное знание того, к каким идеальным моделям общественных отношений нужно стремиться. Поэтому исследователь должен адекватно определить существующий порядок вещей (*сущее*), а затем создать идеальную модель (модели) этого порядка (*должное*). Именно в этом взаимном переплетении сущего и должного и лежит главная проблема современной общественной жизни и гуманитарной науки, но найти адекватные (идеальные) решения этой проблемы невозможно силами отдельных наук (политологии, юриспруденции, этики).

Это можно сделать, только создав *интегративную философскую теорию политики и права*.

4. Философско-политическое и философско-правовое знание в контексте исторической эволюции системы наук (постановка проблемы)

В истории научного знания взаимодействуют два главных процесса — интеграции и дифференциации наук. Изначально (с времен Античности) научное знание имело интегрированный характер. В нем доминировали прежде всего *философия* как наиболее общее знание об основаниях, существенных, фундаментальных характеристиках и принципах объективной реальности (бытия), познания этого бытия человеком и бытия самого человека как мыслящего и одухотворенного существа. Другой сферой научного знания была *юриспруденция*, которая изучала (и применяла на практике) сущностные характеристики и функции государства, систему социальных и поведенческих норм. Существование этих относительно самостоятельных сфер научного знания было обусловлено объективными потребностями становящегося общества и развитием государственных систем, необходимостью их познания и управления.

Эти две сферы научного знания интегрировали в себе все остальные сферы и именно из них (философии и юриспруденции) или на их стыке в эпоху Нового времени начинает формироваться весь спектр отдельных гуманитарных (и социальных) и естественных наук. Из интегрированного античного научного знания появляется современная система дифференцированных наук. Наиболее наглядным образом данный процесс нашел свое отражение в

становлении университетского образования как в Европе, так и в России.

В данной статье этот процесс показывается на примере формирования таких научных дисциплин как *философия права, история философии права, политическая философия / философия политики, политология / политическая наука, философия политики и права*.

Конституирование указанных научных дисциплин происходило по мере выделения отдельного, самостоятельного объект-предметного поля каждой из них. Историческая эволюция этого процесса имеет три этапа.

Первый этап (XVII–XVIII в.) связан с выделением из фундаментального научного базиса философии и юриспруденции *философии права и истории философии права*.

На втором этапе (XIX в.) окончательно оформляются *политическая философия/философия политики и политология/политическая наука*.

И наконец на третьем, современном этапе (XX–XXI в.) формируется *философия политики и права*.

Дадим краткую характеристику каждой из этих дисциплин, включающую описание, определение их объект-предметных полей, их эволюцию в контексте исторической дифференциации наук.

Первый этап.

Философия права — научная дисциплина, изучающая наиболее общие (философские) принципы и основания права и правовых отношений. Спор о том, отраслью или разделом какой из двух наук — философской или юридической является философия права, идет уже очень давно (изначально эти позиции связываются с двумя классическими мыслителями — Гегелем и Г. Гроцием), но неразрешенным он остается и по сей день.

Сам термин «философия права» начал активно употребляться только в XVIII веке, но философско-правовые идеи и теории восходят уже к античным философам. В относительно самостоятельную систему знания философия права начинает оформляться в философских учениях Просвещения и немецких идеалистов (Кант, Гегель). Здесь она трактуется как естественное право. Следует отметить, что классическая работа Гегеля «Философия права» (1821) имеет следующее полное название — «Естественное право и наука о государстве в очерках. Основы философии права». В этом труде, кстати, Гегель однозначно трактует философию права как

неотъемлемую часть философии. Начиная с конца XVII в. философия права (главным образом, как теория естественного права) на систематической основе преподаваться в европейских (прежде всего, в германских) университетах. Весомый вклад в развитие философии права внесла в Германии историческая школа права, представители которой (Гуго, Савиньи, Пухта) критиковали естественно-правовую доктрину.

Именно как естественное право, философия права начинает преподаваться в основном немецкими профессорами во второй половине XVIII в. в Московском университете. Сильная традиция трактовки философии права с естественно-правовых позиций сохраняется в России в XIX и в начале XX в. (В. С. Соловьев, П. И. Новгородцев, Б. А. Кистяковский, Л. И. Петражицкий, Е. Н. Трубецкой, И. А. Ильин и др.). Представители данной традиции отстаивали системообразующий характер моральных и нравственных основ в праве. Особую позицию занимал Б. Н. Чичерин, который признавая естественное право ядром философии права, вместе с тем, выступал против смешения права и нравственности. В конце XIX века заметную роль в России играли и государственоведы, которые выводили философию права за рамки морально-этических норм (юридический позитивизм) (Н. М. Коркунов, А. Ф. Шершеневич, А. Д. Градовский, Д. И. Кавелин и др.).

Следует отметить, что теория естественного права и юридический позитивизм являются двумя важнейшими и наиболее мощными тенденциями развития философии права в XIX–XX вв. не только в России, но и за рубежом.

Определяя объект-предметное поле философии права, многие современные исследователи находят выход из неразрешенного спора о философской или юридической природе философии права в указании на то, что с самого начала она действует на «стыке» философии и юриспруденции, является симбиозом этих наук. Достаточно общим является мнение и о том, что философию права нужно понимать как междисциплинарную отрасль научного знания, что, безусловно, справедливо применительно к исторической эволюции данной дисциплины, которая в XVIII–XIX вв. действительно интегрировала новейшие достижения философии, правоведения и политологии для объяснения сущности правовых явлений и процессов в условиях, когда гуманитарное знание еще, в сущности, не было дифференцировано и когда для многих гуманитарных наук такие понятия как «право», политика», «государство», «власть» были общими категориальными универсалиями.

В XVIII–XIX вв. конструкции философии права и философско-правовые интерпретации социальной реальности были актуальны и достоверны для определенного времени и определенных исторических условий. По мере изменения этих условий на место одним приходили другие интерпретации. Поэтому достаточно влиятельным (во всяком случае, в России) было суждение о том, что не может существовать единой и универсальной философии права, а наиболее продуктивно (особенно в образовательных целях) изучать историю этих меняющихся представлений и интерпретаций о праве, государстве, власти, т. е. изучать историю философии права. Не случайно, наверное, что в российских университетах в XIX веке не было курса «философия права» и тем более кафедр философии права, а преподавался (правда, с разными названиями) в качестве обязательного и важнейшего курса истории философии права.

В XX веке философия права приобретает статус и значение самостоятельной научной и образовательной дисциплины, но ее интегративная функция остается важнейшей и на современном этапе.

История философии права — научная дисциплина, возникшая первоначально как учебный курс в германских университетах в начале XVIII века. Содержание данного курса состояло из изложения исторической эволюции идей и учений о государстве, власти, политике, праве. Первые печатные труды по истории философии права в Западной Европе (в основном в Германии) выходят в свет в XIX веке — «Философия права через исторический взгляд» Штала (1832), трехтомная «История и система государственной науки» Бусса и Геппа (1839), «История философии права, начиная с Гуго Гроция» Вернкенига (1839), «Периоды истории философии права» Росбаха (1842). В это же время курс истории философии права читается и в России, профессором К. А. Неволыным в Киевском университете. В 1839–1840 гг. этот курс был опубликован в виде двухтомника под названием «Энциклопедия законоведения» (второй том этого труда имеет название «История философии законодательства»). Одновременно с этим в Петербургском университете курс «Историческая часть энциклопедии законоведения» читает П. Д. Калмыков (в 1845 г. выходит рукописное издание), а в Киевском университете Н. И. Пилянкевичем, который назывался им уже «История философии права» (печатный текст данного курса под указанным названием увидит свет только в 1870 г., хотя первая неудачная попытка опубликования относится к 1849 г.).

По Университетскому уставу 1863 г. на юридических факультетах были созданы кафедры энциклопедии права, за которыми было закреплено чтение в качестве обязательных курсов истории философии права. Такие систематизированные курсы в 60-е гг. XIX в. читали П. Г. Редкин (Петербургский университет) и Б. Н. Чичерин (Московский университет). В 1869 г. Чичерин выпустил в свет первый том своего фундаментального (в последствии, пятитомного) труда, который назвал «История политических учений».

Следует отметить, что на протяжении XIX века как в России, так и за рубежом вышло в свет огромное количество трудов (учебных университетских курсов), которые наряду с базовым («История философии права») имели и другие названия, общепризнанно являющихся равнозначными («история политических учений», «история политических наук», «история общих учений о праве и государстве», «философские учения о праве и государстве» и др.). Авторами этих трудов (наряду с упомянутыми выше) были такие российские ученые как Д. И. Каченовский, Ю. Г. Жуковский, А. С. Алексеев, К. Н. Ярош, С. А. Бершадский, Н. Н. Трубецкой, Н. М. Коркунов, В. Ф. Залесский, П. И. Новгородцев, Г. Ф. Шершеневич, А. С. Лаппо-Данилевский, А. Н. Фатеев, М. М. Ковалевский, В. Н. Сперанский, К. А. Кузнецов, В. Э. Вальденберг и др.

Зарубежными авторами по истории философии права (истории политических учений) в XIX – начале XX в., книги которых хорошо знали в России, в том числе и по русским переводам, являлись Ф. Шталь, Р. Фон Моль, Р. Блэки, П. Жанэ, А. Гейер, И. Блунчли, Г. Кох, Ф. Полок, Л. Штейн, А. Лассон, А. Мишель, Р. Трейман и др.

В нашей стране история философии права прекратила свое существование в 1918–1919 гг. после закрытия юридических факультетов и многих кафедр университетов. И только в 40-е гг. XX века для нужд юридического образования уже в новых социалистических условиях начинают разрабатываться курсы под названием «история политических и правовых учений», ставший в университетов для подготовки юристов обязательным. В конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. после создания кафедр и отделений политологии стал разрабатываться и преподаваться курс «истории политических учений», закрепленный для подготовки политологов как обязательный в государственных образовательных стандартах. В течение нескольких десятилетий у нас в стране вышло в свет достаточно большое количество книг и учебников под названием «История политических и правовых учений» или «История политических уче-

ний». Среди авторов этих изданий следует выделить Н. М. Азаркина, С. А. Дробышевского, В. Д. Зотова, Л. В. Зотову, И. Ю. Козлихина, О. Э. Лейста, В. П. Малахова, О. В. Мартышина, В. С. Нерсеянца, А. А. Чанышева и др.

Предметное поле истории философии права (истории политических учений) стало дискуссионной проблемой уже в XIX веке, но к общему суждению ученые не пришли и по сей день. Не в последнюю очередь это связано с тем, что данная дисциплина по своему содержанию и функциям относится к интеграционным («междисциплинарным») сферам научного знания. Наряду с ретроспективным изучением общих идей и учений о политике, праве, государстве и власти, в ней мы находим синтез, по меньшей мере, *четырёх* уровней анализа: во-первых, это выявление и изучение развития нормативно-институциональных аспектов функционирования политико-государственных систем (сфера правовой науки); во-вторых, это определение и описание тенденций и форм развития политико-государственных институтов и отношений (сфера политической и социальной истории); в-третьих, это анализ природы государства, власти, властных отношений, выявление противоречий и механизмов развития (сфера политической науки); в-четвертых, это оценка и прогнозирование развития политико-государственных систем, построение идеальных форм и моделей для такого развития (сфера философии).

Реализовать такие задачи заведомо не может научная дисциплина, ограниченная только рамками политологии (или теории политики) и тем более юридической науки; она с необходимостью должна анализировать философские, правовые, социологические аспекты процесса становления государственных и властных форм и отношений.

Поэтому история философии права (или ее более общепринятые в настоящее время названия — история политических учений, история политических и правовых учений) — это наука интегративная — не только политическая (и историческая) по названию, но и философская, правовая, теоретико-литературная и социальная.

В условиях процесса дифференциации научного знания, который наиболее активно проходил в гуманитарной науке в XIX – начале XX в., история философии права оставалась одной из немногих интегративных скреп между целым рядом гуманитарных наук. Осуществлять эту функцию данной научной дисциплине позволяет то, что не только по названию, а главное — по реальному содержанию заложенного в ней идейного материала она представляет собой

синтез истории, философии (философии права) и политической науки, периферийно затрагивая при этом и такие науки как социология, психология, культурология, литературоведение.

Понятия «политическая», «правовая» в ее названии употребляются только в связи с тем, что именно они дают этой науке объективную идентичность, так как ее исследовательский предметный поиск направлен на философскую (наиболее общую) интерпретацию сложнейших взаимодействий политики, государства, права, на выявление сущего для его сопоставления с должным, с идеальными и наиболее совершенными моделями политического.

Второй этап.

Политическая наука (Политология) — в современном употреблении данные понятия считаются идентичными, хотя этимологическая разница существует. Заключается она в том, что «наука» — это объективное логически обоснованное знание о сущем, тогда как «логос» (от др.-греч. — слово, *учение*) предполагает еще и знание о должном. В разных национальных научных школах в соответствии с определенными традициями иногда при словоупотреблении отдается предпочтение первому или второму понятию.

Объект-предметное поле политической науки (политологии) однозначно не определено и имеет ряд концептуальных моделей, среди которых можно выделить три главные: 1) государство; 2) власть; 3) (политические) отношения. Иными словами, политология — это наука о государстве, либо политология — это наука о власти, либо политология — это наука о политических отношениях. Существуют и смешанные объект-предметные конструкции политической науки.

Вместе с тем, необходимо отметить, что уже давно идет спор о том, может ли изучение политических феноменов вообще быть научным. По сути, это непрекращающийся спор с Юмом, который еще в 1741 г. выступил с утверждением, что «политика может быть сведена к науке».

Формирование теоретических представлений о государстве, власти и политических отношениях, а также концептуальных разработок о влиянии, управлении этими феноменами общественной жизни относятся к самым ранним этапам истории человеческой цивилизации. Первые научные труды по данной проблематике появляются в период Античности (Платон, Аристотель, Цицерон и др.). В XVI в. крупный вклад в развитие политической науки сделали Н. Макиавелли, М. Лютер и Ж. Боден. В 1603 г. И. Альтузиус опубликовал

сочинение «Упорядоченная методическая политика», которое можно считать первым опытом учебника по политической науке. Позже в XVII–XVIII вв. политическая наука получила свое развитие в трудах Г. Гроция, Т. Гоббса, Д. Локка, Ш. Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, Э. Берка, Д. Милля, А. де Токвиля и др. На рубеже XIX–XX вв. огромное влияние на развитие политической науки оказали работы М. Вебера, Э. Дюркгейма, Г. Моска, В. Парето, Б. Кроче и др.

В России с 1804 г. на протяжении определенного времени в университетах существовало отделение (факультет) нравственных и политических наук, присуждалась научная степень доктора политических наук. Позже на основе прогрессивного Университетского устава 1863 г. была даже предпринята попытка отделить в преподавании политические науки от юриспруденции. Данная попытка на деле оказалась робкой и непоследовательной, но и она, тем не менее, привела к появлению целого ряда трудов и учебных курсов, в которых проводился научный анализ политических проблем. Авторами таких работ были Б. Н. Чичерин, Н. М. Коркунов, М. М. Ковалевский, М. Я. Острогорский и др.

В США и Западной Европе развитие политической науки происходило более успешно и интенсивно, чем в России. Во второй половине XIX в. политическая наука начинает выделяться в самостоятельную учебную (университетскую) дисциплину. В 1857 г. в Колумбийском университете (США) создается кафедра истории и политической науки. В 1872 г. во Франции начинается функционировать специальная Свободная школа политической науки. В 1880 г. аналогичная школа создается в Колумбийском университете. В 1895 г. Школа экономики и политической науки создается при Лондонском университете. Позднее в этих и других странах создается целая сеть отдельных подразделений (факультетов), деятельность которых была направлена на преподавание политической науки, а также на реализацию издательских и научных проектов в этой области. В конце XIX-начале XX в. получает признание и распространение и сам термин «политическая наука». Не в малой степени этому способствовал вышедший в свет в 1896 г. капитальный и ставший позже классическим труд Г. Моска «Элементы политической науки».

Произошедшие в конце XIX – первой половине XX века институциональные и структурные изменения в области политической науки, некоторыми учеными были истолкованы как исходный рубеж для развития собственно политической науки, тогда как до это-

го следует говорить лишь о развитии политической мысли или политических идей. На самом деле это было не «рождение» политической науки, а конституирование ее места в новой дифференцированной системе гуманитарных наук, которая как раз и формируется на рубеже XIX и XX вв. В этой новой системе большое значение начинает предаваться разграничительным объект-предметным линиям, что для политологии означало разрыв интеграционных связей с философией и юриспруденцией, идейными и методологическими средствами которых политология продуктивно пользовалась на протяжении предшествующих веков.

В 1948 г. в Париже под эгидой ЮНЕСКО состоялся международный симпозиум по проблемам политической науки, на котором были приняты общие рекомендации по определению предметных рамок данной науки, а также по принципам и направлениям ее преподавания. Немного позднее экспертами, обобщившими материалы конгресса, было предложено четыре основных направлений политологических исследований: 1) *политическая теория* (в том числе и история политических идей); 2) *политические институты* (конституция, центральное управление, региональное и местное управление, публичная администрация, экономические и социальные функции управления, сравнительное изучение политических институтов); 3) *партии, группы и общественное мнение* (политические партии, группы и ассоциации, участие граждан в управлении и администрации, общественное мнение); 4) *международные отношения* (международная политика, политика и международные организации, международное право). Тем самым, в мировом политологическом сообществе было принято консолидированное для того времени решение о неких рамках исследовательского поля политической науки. В последствие эти рамки постоянно уточнялись и расширялись.

На конгрессе 1948 г. было принято решение употреблять термин «политическая наука» в единственном числе, включив, тем самым, в единое объект-предметное поле различные энергично развивающиеся в то время субдисциплины — политическую социологию, политическую философию, политическую географию и др. В 1949 г. под эгидой ЮНЕСКО была создана Международная ассоциация политической науки, а политология как самостоятельная научная и учебная дисциплина была введена в программы ведущих университетов США и Западной Европы.

Во второй половине XX века политическая наука существенно расширяет свой исследовательский диапазон, создаются новые направле-

ния и формы политологического анализа, к которому привлекается широкий набор методологических и методических подходов (включая, математические). Достаточно энергично в этот период начинают развиваться такие направления политической науки как политическая география, геополитика, хронополитика, политическая глобалистика и экополитология, политическая социология, политическая психология, этнополитология, сравнительная политология, политическая конфликтология, прикладная политология. В 70–90-е гг. выходят многотомные обобщающие труды по политологии: восьмитомное «Руководство по политической науке» под редакцией Ф. Гринстейна и Н. Полби (1975), четырехтомный «Трактат по политической науке» под редакцией М. Гравитц и Ж. Лека (1985) и др. В 1996 г. под редакцией Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна выходит в свет оксфордское издание «Новое справочное издание по политической науке», которое признается наиболее удачным энциклопедическим обзором современной мировой политологии (русский перевод 1999 г. под названием «Политическая наука: новые направления», научный редактор Е. Б. Шестопал). Среди ведущих имен современной политической науки следует также назвать А. Алезина, Ч. Р. Алкера, Г. А. Алмонда, Д. И. Альта, Д. И. Аптера, А. Б. Аткиесона, Б. Бэрри, Д. Берг-Шлоссера, Э. Г. Карминаса, Д. Л. Сингранелли, Р. Дж. Далтона, М. Догана, Г. Друри, П. Данливи, К. Гоулдмана, Р. И. Гудина, Б. Грофмана, Р. Хоффербергера, Р. Хакфельда, Д. И. Джексона, Р. О. Кеохейна, Г.-Д. Клингеманна, С. Липсета, П. Мэра, Д. Маджоне, К. Макгроу, Ж. де Мера, У. И. Миллера, Б. Нельсон, К. Оффе, Ф. У. Паппи, Б. Пареха, Б. Г. Питерса, Ч. Рейджина, Б. Ротстайна, К. фон Байме, Б. Р. Вейнгаста, Л. Уфйтхеда, В. Райта, А. М. Янга и др.

В современной России возрождение политологии как научной и образовательной дисциплины началось в конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого века, когда в университетах открываются специализированные кафедры и отделения, учреждаются ученые степени кандидата и доктора политических наук, выходят в свет учебники и монографии по политологии (Т. А. Алексеева, М. А. Василик, К. С. Гаджиев, М. В. Ильин, М. А. Мельвиль, А. С. Панарин, В. П. Пугачев, А. И. Соловьев и др.). Позже в российских университетах открываются отдельные факультеты политологии (МГИМО, Высшая школа экономики, МГУ имени М. В. Ломоносова, СПбГУ и др.).

Философия политики (Политическая философия) — философская наука (научно-образовательная дисциплина) о наиболее общих (философских) основаниях политики. К числу таких оснований следует отнести проблемы сущности политики как соци-

ального феномена, как специфического регулятора общественной жизни, соотношения сущего и должного, рационального и нерационального в политике. В своем современном состоянии данная наука (и особенно как университетская образовательная дисциплина) в свое содержание включает онтологические, гносеологические, аксиологические, антропологические, социокультурные, эпистемологические, праксиологические и прогностические проблемы политики.

Философское осмысление политики относится к самым начальным этапам интеллектуальной истории человечества. В античных и средневековых философских системах данное направление философствования являлось составной и неотъемлемой частью единой и целостной метафизической картины мира. В трудах философов XVI – начала XIX вв. (Н.Макиавелли, Т.Гоббс, Дж. Локк, Ш.-Л. Монтескье, И. Кант, Г.Гегель, Дж. С. Милль и др.) политика становится непосредственным и очень важным предметом философского анализа. Дальнейшее развитие идеи политической философии нашли свое развитие в XIX – начале XX вв. у таких мыслителей как А. де Токвиль, К.Маркс, Г.Спенсер, В.Парето, Г.Моски, М.Вебер, А.Мишель, Л.Дюги и др.

В российских университетах в XIX – начале XX в. в качестве обязательных предметов преподавались энциклопедия права и история философии права, которые рассматривались как философское введение в юриспруденцию и содержали большой объем философско-политических проблем. В этих курсах в систематизированном и ретроспективном виде излагались проблемы государства, власти, политики и т.д.). В числе российских мыслителей, которые внесли наибольший вклад в научную разработку данной проблематики следует отнести Б.Н.Чичерина, П.Г.Редкина, В.С.Соловьева, Л.И.Петражицкого, М.М.Ковалевского, П.И.Новгородцева, И.А.Ильина, Б.П.Вышеславцева, С.Л.Франка, С.И.Гессена, Н.А.Бердяева и др.

В XIX веке в процессе дифференциации социальных и гуманитарных наук постепенно начинает происходить выделение (институционализация) политико-философской проблематики из философского знания и формирование ее как относительно самостоятельной дисциплины. В связи с этим появляются и специальные названия (термины) для обозначения этой новой самостоятельной дисциплины; и в числе первых — термин *«политическая философия»*. Так, в частности, был назван двухтомный труд англичанина Г.Броугема, который вышел в свет в 1842–1843 гг.

В XX веке политическая философия превращается в фундированную отрасль политико-философского знания. Такие западные ученые, как К. Шмитт, Л. Штраус, Х. Арндт, И. Берлин, Дж. Ролз, О. Хеффе создают целый ряд научных трудов, которые для политической философии в настоящее время принято считать классическими. Ключевыми понятиями для политической философии XX века стали «свобода», «власть», «справедливость». Именно эта понятийная триада и определяет предметное поле, основные направления и проблемы политико-философской мысли последних десятилетий.

Во второй половине XX века для обозначения философского анализа политики начинает активно использоваться термин «*философия политики*».

Данный термин в научном контексте у нас в стране используется уже несколько десятилетий. Можно, например, вспомнить в этой связи о существовании еще в 70-е гг. прошлого века Секции философии политики и международных отношений в Философском обществе СССР, которая выпускала различные сборники научных работ по данной проблематике. В 90-е и 2000-е гг. выходит ряд научных книг с искомым названием (А. С. Панарин, Э. А. Поздняков, И. А. Гобозов, А. Г. Дугин), а также разрабатывается ряд учебных курсов «Философия политики» на философских факультетах университетов.

В научной литературе термин «философия политики» часто пересекается с термином «политическая философия». Отношение к вопросу о соотношении этих терминов среди современных ученых различное. Одни не видят в них особых различий и употребляют их фактически как тождественные, другие (восходит к И. Берлину) такие различия находят в том, что «философию политики» рассматривают как часть философии, философского знания, а «политическую философию» относят к области политической науки. Хотя в некоторых, в том числе и справочных изданиях «политическая философия» относится к философскому знанию. Думается, что второй подход более продуктивен, поскольку приближает нас к интерпретации проблемы соотношения философии и политики. «Философия политики» может трактоваться как приложение философии к области политической жизни, тогда как «политическая философия» является саморефлексией политики, ее «внутренним» знанием о самой себе. Первая решает вопросы, которые ставит перед философией политика, тогда как вторая решает вопросы, которые ставит перед политикой философия. Но на эти разные вопросы, могут быть

даны одинаковые ответы. Поэтому «философия политики» и «политическая философия», в любом случае, это сильно пересекающиеся, взаимосвязанные области научного знания, поскольку в их соотношении фиксируется не разница смыслов, а только разница детерминации мысли, направленности мысли.

Взаимодействие философии политики и политической философии создает поле для научного диалога философии и политики. Кто из этих сторон сегодня более активен в этом диалоге, сказать трудно. Ясно, что концептуализация политики, исследование ее фундаментальных, сущностных оснований, поиск целей и смысла политики, были и остаются важнейшей и пока плохо разработанной философской проблематикой. Да и современная политика все реже ставит перед философией смысловые вопросы. Конечно, в данном случае имеется в виду не реальная политика (и политики) — отсюда ждать этих вопросов наивно, а политическая наука. Но, представляется, что сегодня для многих молодых (и не только молодых) политологов, профессиональные интересы которых устойчиво ориентируются на технологии и приложения, метафизические проблемы являются малоинтересными и неперспективными.

В настоящее время размежевание предметных полей философии политики и политической философии (и теоретической политологии, «теории политики») окончательно еще не произошло и не понятно, произойдет ли оно в обозримом будущем. Не исключено, что эти дисциплины в современном гуманитарном знании будут и далее развиваться как две взаимосвязанные и взаимодополняемые парадигмы философского обобщения политики.

Третий этап.

Философия политики и права — новое направление социально-гуманитарного знания, связанное с синтезом двух развивающихся ранее относительно самостоятельно философских дисциплин — философии политики (политической философии) и философии права.

Объективной основой такого синтеза является то, что политика и право в действительности являются двумя важнейшими взаимосвязанными регуляторами современной общественной жизни. Вместе с тем, историческая эволюция дифференцированного знания, начавшаяся в Новое время и продолжающаяся по инерции по сей день, привела по методу абстракции к разведению **политики и права** по разным областям науки. Политика была отнесена к предметной области политических наук, право — к юриспруденции. Указан-

ные науки достигли на протяжении многих десятилетий и даже столетий своего развития существенных достижений в изучении и понимании данных общественных феноменов. Но видимо, в этом процессе объективно существуют свои пределы, за которые эти науки выйти не в состоянии. Не случайно, кстати, каждая из этих наук (особенно, политология и правоведение) до сих пор не имеют общепринятого предмета, единого понимания природы искомым феноменов. Многие современные учебники по политологии и праву начинаются с констатации, что в этих науках нет более многозначных и неопределенных понятий, чем «политика» и «право».

Это не случайно. Разные науки (политология и правоведение), отдельно друг от друга изучают политику и право как отдельные и самодостаточные сущности, тогда как в реальности они взаимно дополняют и взаимно обуславливают друг друга.

Политика и право как социальные регуляторы работают эффективно только тогда, когда существует ясное и точное знание того, к каким идеальным моделям общественных отношений нужно стремиться. Поэтому исследователь должен адекватно определить существующий порядок вещей (*сущее*), а затем создать идеальную модель (модели) этого порядка (*должное*). Именно в этом взаимном переплетении сущего и должного и лежит главная проблема современной общественной жизни и гуманитарной науки, но найти адекватные (идеальные) решения этой проблемы невозможно силами отдельных наук (политологии, юриспруденции, этики).

Таким образом, объективно назрела необходимость в создании интегративной философской теории политики и права, которая бы не *сложением* разных научных теорий (так называемая, междисциплинарность), а *созданием* новой, другой теории.

Для становления такой теории можно выделить следующие первоначальные задачи:

- институционализация философии политики и права как нового направления университетского философского образования; определение ее места, роли и эвристических функций в контексте вызовов современной цивилизации;
- осмысление основных этапов и направлений исторической эволюции философских интерпретаций политики и права, особенно в аспекте взаимодействия этих двух феноменов общественной жизни;
- анализ онтологических, гносеологических, аксиологических, антропологических, социокультурных и прогностических проблем философии политики;

- анализ онтологических, гносеологических, аксиологических, антропологических, культурологических и праксиологических проблем философии права;
- исследование философских проблем взаимодействия политики и права, к числу которых можно отнести такие как норма и нормативность в политике и праве, взаимовлияние и взаимоограничение политики и права в современном общественном развитии; взаимосвязь политического и правового факторов в минимизации и разрешении национальных, региональных и глобальных проблем современного общества.

В настоящее время развитие философии политики и права осуществляется учеными различных учебно-научных центров как в России, так и за рубежом, в том числе и на созданной в 2008 году на философском факультете Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова специальной кафедре философии политики и права.

***

Представленные выше характеристики философско-политических и философско-правовых дисциплин показывают главный вектор их исторической эволюции. Этот вектор состоит в формировании внутри дифференцированной научной системы тенденции к интеграции, научному синтезу. Этот новый вторичный (после Античного) научный синтез был обусловлен необходимостью объяснения новейших тенденций и явлений, которые возникли в реальном бытии в конце XIX–XX вв. Во многом это было обусловлено и выдающимися достижениями самих дифференцированных наук, многие открытия которых уже невозможно было адекватно интерпретировать только в рамках этих наук.

Получилось так, что обратный интеграционный процесс начал происходить (хотя и до сих пор недостаточно активно) в области естественно-научного знания, и практически не затрагивал область гуманитарного знания, где процесс дифференциации, вопреки требованиям жизни, наоборот продолжился. В этом затянувшемся процессе научной дифференциации не только отдельные гуманитарные науки, но и отдельные научные дисциплины (и даже субдисциплины) оказались обособленными друг от друга. Это представляется особенно странным, поскольку отсутствие целостного характера научной интерпретации общественных процессов не соответствует не только объективным потребностям жизни, но и внутренним законам развития са-

мих гуманитарных наук. Эти науки в преподавании и научных исследованиях отгородились друг от друга, но до сих пор не выработали собственного понимания предмета данной науки и испытывают большие трудности в определении базовых понятий, которые относились бы только к какой-то одной науке, но не относились к другой.

Выход из создавшегося положения — формирование интегративных научных теорий, в которых произошел бы синтез эвристических и методологических достижений и возможностей существующих гуманитарных наук. Одна из таких теорий — это философия политики и права, которая опирается, в частности, на более, чем вековой (только в России) исторический опыт и достижения такой научной и образовательной дисциплины как история философии права.

1. Политическая модернизация в России: современные дискуссии и национальный исторический опыт (сравнения, размышления, версии)

Прошло уже немало времени с того момента, когда Президент РФ Д. А. Медведев сначала в своем ежегодном (2009) Послании Федеральному собранию, а затем в статье «Россия, вперед!» провозгласил *модернизацию* страны главным лозунгом и стратегической целью современного национального развития. Но вопросы «что делать?» и «как делать?» для реализации этой задачи, дискутируются и по сей день.

Оставим в стороне критику самого термина «модернизация». Укажем только, что теория модернизации (в рамках которой и стал активно использоваться искомый термин) была разработана в мировой политической и социологической науках в 1950–60-е годы. Эта теория описывала процесс перехода общества от доиндустриальной (аграрной, традиционной) стадии развития к индустриальной и постиндустриальной и в основном предназначалась для описания процессов в странах «третьего мира». Позднее в политическом (прежде всего, в околонульном) дискурсе понятие «модернизация» стало приобретать более широкие смысловые значения. Под модернизацией стали понимать всякое усовершенствование, обновление, улучшение общественных систем, а более конкретно — преодоление экономико-технологического отставания определенных стран от наиболее развитой в экономическом отношении части мира. Именно в этом значении (или близкому к этому) термин «модернизация» применяется и сейчас для обозначения и характеристики намеченных преобразований в России.

Но не будем концентрировать внимание на понятийной стороне вопроса, тем более, что научные политологические и социологические термины в современных условиях уже давно смешались с быденным и массовым политическим языком и его понятийным рядом. Отметим другой любопытный и малообъяснимый факт: в современных дискуссиях о предстоящей модернизации очень мало вспоминается и анализируется национальный исторический опыт модернизаций, многочисленные попытки прежних российских вла-

стей модернизировать общество, сделать его более управляемым и эффективным.

А ведь один из парадоксов отечественной истории состоит в том, что традиционализм, отсталость многих сторон общественной жизни в России сочетается с почти непрерывными преобразованиями («модернизациями»). В исторической литературе о России понятие «реформа» является одним из наиболее часто употребляемых, а нередко встречаются и такие понятия как «полоса реформ» или «периоды реформ». Автору настоящей книги в свое время пришлось специально анализировать и сравнивать эти процессы в историческом интервале с начала XVIII в. по начало 20-х гг. XX в., выделив в этот период, по меньшей мере, пять случаев преобразовательной активности. Тогда же нами был сделан вывод о том, что все эти преобразования следует разделить на два исторических типа: 1) *реформационная революция*, или просто *революция*; 2) *внутрисистемная реформа*, или просто *реформа*⁵²³. Для наглядности основные исторические факты и характеристики этих двух типов преобразовательных процессов представлены нами в виде таблицы.

В чем заключается главное отличие революций (или реформационных революций) от внутрисистемных реформ? Это отличие состоит в том, что в первом случае наряду с глубокими социально-экономическими преобразованиями происходила смена государственного строя, тогда как во втором случае такие преобразования проводились в рамках существующей государственной системы и серьезно не затрагивали ее основы.

Разумеется, что очередная российская модернизация начала XXI века в нашей исторической классификации полностью укладывается в рамки внутрисистемных реформ и поэтому, анализируя национальный модернизационный опыт прошлого, нам целесообразно обратить внимание на преобразования именно этого типа, и прежде всего на реформы Александра II 1861–1874 гг., которые не случайно вошли в историю с характеристикой «великие».

Замысел и тактический план реформы. Исторический опыт российских внутрисистемных реформ, особенно «великих реформ» 60–70-х гг. XIX в. свидетельствует о том, что исходным пунктом преобразовательных процессов является, во-первых, общий замысел реформ («что мы должны изменить?») и «каких результатов должны добиться?»), а во-вторых, (и это главное) масштабная и разно-

---

⁵²³ См.: *Моцелков Е. Н.* Переходные процессы в России: Опыт ретроспективно-компаративного анализа социальной и политической динамики. М., 1996. С. 33–53.

плановая подготовительная работа по выработке конкретных проектов «пакета реформ», составление плана их реализации по времени и порядку их следования. Этим, кстати, внутрисистемные реформы отличаются от революций, где реформационный процесс имеет хаотическое развитие, является, как правило, грандиозной социальной импровизацией, путем сплошных «проб и ошибок». Так, например, характеризовал еще в XIX в. петровские преобразования П. Милоков: «Самый характер всей этой изложенной реформы показывает, что она не была делом теоретического обсуждения. Законодатель не пошел в ней дальше, чем требовали неотложные нужды времени, и для удовлетворения ограничился тем, что попало под руку»⁵²⁴. Такой же импровизацией через 200 лет стали и большинство мероприятий большевиков, которые «на другой день после социальной революции» очень слабо себе представляли, что нужно делать. Особенно это касалось экономической сферы.

В отличие от этих революций, внутрисистемные реформы XIX века проводились как раз на основе серьезного и длительного «теоретического обсуждения». Так подготовка реформ 60–70-х гг. началась в январе 1857 г. (за четыре года до проведения первых реформационных мероприятий) созданием Секретного комитета, состоящего из высших государственных сановников, позже был создан еще Главный комитет. Эти органы работали в закрытом режиме, но имели постоянные контакты с органами дворянской корпорации по всей империи. В задачу этих органов входило не только выработка конкретных проектов крестьянской реформы, но и зондирование и анализ многочисленных мнений и оценок, которые существуют в обществе, прежде всего в периферийных районах страны. В марте 1859 г. были созданы так называемые «редакционные комиссии», состав которых был существенно расширен и который включил в себя представителей различных слоев общества⁵²⁵. Редакционные комиссии, которые оказались в центре ожесточенной политической борьбы между различными социальными силами, тем не менее, проделали огромную подготовительную работу. Крупный историк начала XX века А. А. Корнилов приводит следующие данные: «10 октября 1860 г. редакционные комиссии были закрыты, проработав без отдыха около 20 месяцев и выработав проекты 16-ти положений и объяснительными записками, указателями и проч. Печат-

---

⁵²⁴ Милоков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформы Петра Великого. СПб., 1892. С. 735.

⁵²⁵ См: Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 208–210, 216–221.

ные доклады отделений, журналы общего присутствия комиссий, своды проектов губернских комитетов и прочие труды редакционных комиссий составили 18 объемистых томов (в первом издании) и сверх того 6 томов ... статистических сведений о помещичьих имениях выше 100 душ, не считая трех огромных томов замечаний депутатов губернских комитетов ...»⁵²⁶.

Такие подготовительные работы проводились не только по крестьянской, но по земской и другим реформам. Тем самым, приступая к практической реализации реформаторских замыслов в начале 1861 г., реформаторы не только точно знали, что, когда и как нужно делать, но и располагали полной информацией об отношении различных слоев общества в различных частях империи к предстоящим реформационным мероприятиям.

Одним словом, с точки зрения замысла и тактического плана внутрисистемных реформ можно выделить две их главные характеристики:

1) Реформационные мероприятия должны быть заранее продуманы, спланированы по времени и по порядку их реализации (поэтапность) и — что является чрезвычайно важным — должны быть заранее согласованы с ожиданиями и настроениями общества, различных его социальных групп.

2) Реформы должны быть не только поэтапны, но и постепенны, сориентированы на достаточно длительную перспективу. Внутрисистемные реформы — это не годы, а многие годы, десятилетия; они не могут подстраиваться под политическую повседневность, под избирательные циклы и т. п.

Посмотрим теперь через призму рассмотренных исторических опытов и примеров на то положение, в котором находятся нынешние реформаторы, преступая к новой, очередной российской модернизации?

К сожалению, говорить о каком-то хорошо продуманном и спланированном во времени и пространстве замысле современной модернизации не приходится. Более того, нет даже четких стратегических установок. Один из известных современных аналитиков А. Ципко оценивает сложившуюся ситуацию следующим образом: «... До сих пор команда реформаторов не сумела решить самую простую задачу: сформулировать нормальным человеческим языком стратегию спасения России»⁵²⁷. Не знаю, является то, о чем гово-

---

⁵²⁶ Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 221.

⁵²⁷ Независимая газета. 20 октября 2010.

рит А. Ципко «самой простой задачей», но то, что это является исходным пунктом на пути любой внутрисистемной реформы, сомнения не вызывает.

Экономические и политические компоненты реформы. В современных дискуссиях одной из центральных тем является вопрос о соотношении экономических и политических аспектов предстоящей модернизации. Иногда ставится вопрос следующим образом: возможна ли экономическая модернизация без политической? Если невозможна, то, что должно следовать вначале, а что потом?

Исторический опыт прежних российских модернизаций однозначно свидетельствует о том, что обозначенный выше спор сродни знаменитому спору «о курице и яйце». Преобразования в социально-экономической сфере не могут быть успешными, если они будут сведены только к технологическим, финансовым и организационно-управленческим мероприятиям. Серьезные и глубокие социально-экономические изменения всегда имеют политическую составляющую, так как неизбежно приводят к изменениям статуса и влияния различных слоев общества, а значит, приводят к изменениям в отношениях «гражданское общество—государство», «гражданин—власть». И эти политические изменения в ходе внутрисистемных реформ надо предвидеть, ими нужно уметь управлять, создавая новые и адекватные формы взаимоотношения власти и общества.

В период «великих реформ» XIX века данный вопрос решался следующим образом: экономические изменения в сфере землевладения и землепользования (основной сектор тогдашней российской экономики) органично по времени и по существу совмещался с политическими изменениями в управлении этими формами, прежде всего с кардинальными изменениями *в системе местного управления и самоуправления*⁵²⁸. Достаточно отметить, что из восьми реформ три прямо были связаны с реформированием этой системы (крестьянская; 1861, земская; 1864 и городская; 1870). В результате этих реформ в стране была создана не только форма крестьянского самоуправления на уровне общины как главной и основной ячейки

---

⁵²⁸ Примечательно, что французские дипломаты, которые находились в России в период «Великих реформ» в своих донесениях в Париж происходящие на их глазах события (крестьянская, земская и др. реформы) без всяких оговорок называли «политическими преобразованиями Александра II». Наверное вряд ли стоит доказывать, что французы того времени были людьми весьма сведущими в политике — См.: *Черкасов П. П.* Политическая реформа Александра II в донесениях и отчетах посольства Франции в Санкт-Петербурге // Новая и новейшая история. 2010. № 3. С. 143, 144, 146 и др.

народной жизни, но и новая внесловная система земского самоуправления на уровне «уезд-губерния».

Наряду с реформами местного управления и самоуправления другой важной линией реформирования общества были реформы в сфере образования, воспитания, в духовно-идеологической сфере. Этому были посвящены три реформы (университетская; 1863, школьная; 1864, печати и цензуры; 1865). В совокупности эти три реформы создания в указанной сфере невиданные ранее свободы и возможности для профессиональных корпораций, преподавания новых дисциплин, публикации самых разных взглядов и концепций в открытой печати.

Наиболее серьезные демократические изменения произошли в результате судебной реформы в области правосудия, куда были внесены такие процедуры как суд присяжных, гласность судебных процессов и т. д.

Наверное, нелишне напомнить, что все перечисленные выше реформационные мероприятия были осуществлены в условиях авторитарного государственного режима.

Описанные выше политические изменения в ходе внутри-системных реформ затрагивают, прежде всего, систему горизонтальных связей — систему местного управления и самоуправления, взаимодействие между регионами и общественными организациями и т. п. Следует отметить, что тема горизонтальных политических изменений в рамках предстоящей модернизации, и прежде всего перемен в сфере местного самоуправления, звучит сейчас очень слабо. Хотя, казалось бы, общее понимание проблемы в верхах власти существует. Один из бывших руководителей Администрации Президента РФ В. Сурков: «Развиваться должна, конечно, и политическая реформа. Часто технологическая модернизация и политическая противопоставляются, но я бы не стал делать этого, а то получается глуповатое противопоставление — что важнее технология или парламент?»⁵²⁹. Все правильно. Остается только понять, какое содержание вкладывается в понятие «политическая модернизация». Исторический опыт свидетельствует, что у этой модернизации существует два уровня — горизонтальный (местное самоуправление, система гражданского общества и т. п.) и вертикальный (система государственной власти, «парламент»). Начинать надо, конечно, с го-

---

⁵²⁹ Независимая газета. 1–2 ноября 2010. Как известно, В. Сурков имеет самое непосредственное участие к разработке стратегии и тактики предстоящей модернизации и поэтому его высказывания имеют большое значение для правильного понимания умонастроений среди руководителей модернизации.

горизонтальных политических связей. Именно это у нас всегда в новейшей истории, в том числе и последних двух десятилетий, удавалось очень плохо.

В связи с этим уместно вспомнить брошюру А. И. Солженицына «Как нам обустроить Россию?». В сентябре 2010 г. исполнилось 20 лет со дня выхода этой брошюры в свет. В печати по этому случаю публиковались различные материалы, в том числе и воспоминания самого А. И. Солженицына в целом о негативной реакции властей на его предложения, а среди них были предложения по улучшению таких фундаментальных, по мнению писателя, вопросов как «местная жизнь, провинция, земельная собственность, школа и семья». А. И. Солженицын тогда с горечью писал, что тогда его, к сожалению, «не услышали». «Государственные размышления, — констатировал он, — это что-то слишком преждевременное для нас»⁵³⁰. Сказано это было 20 лет назад. А появились ли сейчас лидеры, способные на государственные размышления? Хочется верить, что, да.

Появление в ходе реформ новых общественно-политических сил. В ходе внутрисистемных реформ в силу изменений в политических горизонтальных связях и появления новых социально-политических структур и организаций с необходимостью появляются новые общественные силы и движения. Они вызваны к жизни реформой и поэтому закономерно несут в себе преобразовательный заряд, стремление изменить и улучшить общественный порядок.

В 60–70-е гг. позапрошлого века такой новой силой стало возникшее в результате кардинальных перемен в укладе крестьянской жизни, в местном управлении и самоуправлении городом и деревней, земское движение. Может быть самым слабым местом тех реформ, что в конечном итоге привело к пагубным контрреформам, и стало то, что государственная власть на протяжении нескольких десятилетий так и не смогла найти конструктивную форму сотрудничества с этим движением, использовать положительный и созидательный потенциал этого движения для развития общества. Правительство своей излишне жесткой позицией по отношению к достаточно умеренной оппозиционности некоторых земских лидеров упустило шанс обрести в лице земства широкую социальную опору реформ. Земство в массе своей было лояльно настроено к правительству, готово было поддержать его усилия по борьбе с революционными движениями. С самого начала и на протяжении многих лет

---

⁵³⁰ Солженицын А. И. Это была моя реальная попытка возврата на родину // Российская газета. 17 сентября 2010. С. 6.

земство занималось по преимуществу хозяйственными и социальными вопросами. Политические требования внутри земского движения появились и стали выходить на передний план лишь спустя 10–15 лет после земской реформы, когда стало понятным, что само правительство неспособно на логически вытекающие из крестьянской, земской и судебной реформ преобразования государственной системы. Один из современных исследователей земской реформы 1864 г. Ф. А. Петров в своей статье приводит слова основателя специальной газеты «Земство» Б. Ю. Скалона (1880), которые точно отражали умонастроения земских деятелей и которые ждали, что «за упорядочением местного самоуправления и весь государственный строй подвергнется преобразованию» и правительство призвет земских представителей «на более важные посты в области правительственной деятельности»⁵³¹.

Думается, что движения, подобные земским, неизбежно возникнут и в ходе предстоящих преобразований, если только эти преобразования не будут носить поверхностного и декоративного характера. Появление таких движений необходимо для обеспечения массовой организованной поддержки модернизации. Эти движения возникнут не вместо политических партий, их главной задачей станет хозяйственная и социальная работа на уровне низовых ячеек общества⁵³². Они станут дополнением и подкреплением партийной системы, некоей плотной социально-политической сетью, обеспечивающей связь населения и власти. Существующая многопартийная система эту роль выполнить не сможет, так как она не отражает специфику настроений и интересов различных слоев российского общества. Большинство программных положений различных партий, по сути, идентичны и рассчитаны часто на краткосрочную предвыборную перспективу, на провозглашение популистских целей, без определения средств, способов и даже сроков их реализации. Интересы этих массовых движений и лидеров успешных реформ по определению совпадают. И это нужно только поддержать и развить.

Социальная поддержка и необратимость реформ. Реформы 60–70-х гг. XIX г. по своему замыслу, а главное — по практиче-

---

⁵³¹ См.: *Петров Ф. А.* Органы самоуправления в системе самодержавной России: земство в 1864–1879 гг. // Великие реформы в России. 1856–1874: Сборник / Под ред. Л. Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М., 1992. С. 208.

⁵³² То, что существующая система местного самоуправления не работает, свидетельствуют многочисленные факты бандитского беспредела в разных регионах России, прежде всего на уровне села и мелких городов, которые стали достоянием гласности в самое последнее время.

ской реализации затрагивали интересы практически всех слоев тогдашнего российского общества. Каждому из этих слоев в результате этих реформ предполагалось изменение положения дел в лучшую сторону. Огромные массы крестьянства получали юридическую и экономическую свободу и возможность включиться в более передовую и эффективную систему землепользования, землевладельцы (бывшие помещики) получали лучшие земли, которые могли использовать для получения прибыли в более совершенных формах, чем ставший уже обременительным труд крепостных, жители городов и интеллигенция получала свои новые возможности и свободы. Поэтапный план реализации реформ предполагал и последовательное включение в реформаторские процессы и различные слои населения.

Опыт реформ XIX века показывает, что оптимальным является трехступенчатый порядок подключения социальных слоев общества в преобразовательные процессы. Для этого необходимо выделить три основных слоя российского общества, которые по своему статусу и интересам внутренне мотивированы на модернизацию: *первый* — управленческая бюрократия (без управления «сверху» внутрисистемные реформы невозможны); *второй* — предпринимательская, научно-преподавательская и инженерно-менеджерская элита (без этого слоя у модернизации не будет инновационной перспективы); *третий* — широкие слои социально и профессионально активных граждан (без этого у модернизации не будет необходимого общероссийского масштаба). Подключаться к активному участию в модернизационных мероприятиях эти социальные слои должны не одновременно, а последовательно — от первого уровня к третьему. Только консолидация всех трех слоев общества (а произойдет это не сразу и не быстро) может дать достаточно устойчивый и долговременный импульс, запустит двигатель модернизации.

Но когда различные слои общества будут включаться в модернизацию? Только тогда, когда мероприятия модернизации будут приносить выгоду этим слоям, приводить к заметному улучшению их жизни. В 60–70-х гг. позапрошлого века при всех издержках этого добиться в целом удалось, поскольку мероприятия реформы стали выгоды не только основному сословию тогдашнего российского общества — крестьянству, но и университетской и литературной интеллигенции, городским жителям, не говоря уже и правящем классе — дворянстве.

Сегодня данная реальность вроде бы осознается реформаторами. В. Сурков, выступая на международной конференции «Социаль-

ное измерение модернизации», высказал следующую мысль: «Модернизацию удастся сделать успешной лишь тогда, когда россияне почувствуют от нее личную выгоду»⁵³³.

Но как обстоят дела на самом деле? Многие аналитики с тревогой отмечают то обстоятельство, что среди современных россиян неуклонно падает доверие и авторитет государственной власти, нарастает скепсис по отношению к органам власти разных уровней, желание и осознание возможности влиять на положение дел в обществе. По данным социологических центров, около 85% россиян считают, что они не в состоянии на что-либо влиять и что они не участвуют в политике⁵³⁴. По мнению А. Ципко, «народ у нас на самом деле не верит власти и больше не связывает свое благополучие с ней. И это на самом деле, самое важное препятствие на пути модернизации»⁵³⁵. А Директор Института национальной стратегии М. Ремизов предварил уже упомянутую дискуссию о социальном измерении модернизации следующим положением: «Сегодня довольно остро стоит вопрос о том, как модернизационные инициативы президента соотносятся с ожиданиями и интересами социального большинства. Все чаще звучит мнение, что большинство не готово понять и принять прогрессивных устремлений главы государства, и последнему стоит сосредоточиться на общении с «передовыми» группами общества»⁵³⁶.

Но опора только на «передовые» слои может быть продуктивной только на первоначальных этапах модернизации, далее нужна массовая социальная поддержка.

Одним словом, по оценкам многих аналитиков, одним из самых больших препятствий на пути предстоящих реформ является зыбкая социальная база, слабая социальная поддержка модернизационных мероприятий, отсутствие четко выраженных социальных групп во всех трех, отмеченных выше слоях российского общества, одно-

---

⁵³³ Независимая газета. 1–2 ноября 2010.

⁵³⁴ По опросам Института социологии РАН «российское общество катастрофически мало доверяет как раз тем, кто призван сыграть в процессах модернизации ключевую роль и обеспечить торжество закона во всех сферах жизни». «Судебной системе страны доверяют лишь 19% (не доверяют 53%), правоохранительным органам доверяет каждый пятый, а отказывает им в доверии почти 60% населения» — См.: Российская газета. 1 декабря 2010. С. 12.

⁵³⁵ Независимая газета. 20 октября 2010. По данным Института социологии РАН сейчас (2010 г.) 60% россиян верят в Бога, 35% — в судьбу и 49% — в самого себя. 10 лет назад (2000 г.) эти показатели составляли соответственно 47, 51 и 52 процентов. — См.: Известия. 29 октября 2010. С. 9.

⁵³⁶ НГ-Политика. 27 сентября 2010. С. 9.

значно мотивированных на модернизацию, принимающих ее и считающих ее делом своей жизни, таких групп, которые, безусловно, были в конце 80-х – начале 90-х гг. при переходе нашей страны к демократии и рынку.

Только массовая социальная поддержка модернизации может задать ее необратимый вектор. А без такой перспективы и не стоит начинать. Многие исследователи истории России отмечают такую особенность (и даже закономерность) российских реформаций XIX века: на смену реформам приходят контрреформы. Не отрицая циклические процессы в социально-политической динамике российского общества, выскажем и такое соображение: российские контрреформы, во всяком случае, их содержание во многом было обусловлено излишне радикальным характером предшествующих реформ, их несоответствием реальным условиям и возможностям общества. В этом случае поддержка власти может быстро и радикально измениться на противоположное.

Одним словом, провал реформ для социальной стабильности хуже, чем отсутствие реформ.

В октябре 2010 г. в интервью газете «Известия» директор Института социологии РАН М. Горшков, анализируя изменения, которые произошли в русском характере и массовом сознании россиян за последние 20 лет, отметил одно интересное явление. Несмотря на то, что терпимость остается коренной чертой российского населения, на то, что «ген терпимости», сформировавшийся у старших поколений, все еще передается молодежи, в широких слоях нового поколения россиян заметно начинает «снижаться градус терпимости». Одним словом, в обозримом будущем в России может появиться довольно много людей, которые «уже не будут терпеть»⁵³⁷.

Вот об этом обстоятельстве нужно знать и постоянно помнить нынешним вдохновителям и руководителям очередной российской модернизации.

Внутрисистемная реформа и вопрос об изменениях в системе государственной власти. Исторический национальный опыт свидетельствует о том, что российские реформаторы должны быть готовы к тому, что даже в ходе внутрисистемных реформ наряду с политическими изменениями горизонтального уровня рано или поздно будет поставлен вопрос о политической вертикали, т. е. об изменениях в системе государственного управления на общероссийском уровне. Так, в ходе «Великих реформ», как минимум, триж-

---

⁵³⁷ См.: Известия. 29 октября 2010. С. 9.

ды на поверхности политической жизни появлялись проекты усовершенствования системы высшей государственной власти (проекты П. А. Валуева, Великого князя Константина Николаевича и М. Т. Лорис-Меликова), путем образования представительного органа⁵³⁸. Предлагалось создание двухпалатного совещательного парламента, по сути — дуалистической монархии, модель которой фактически и была реализована в 1906 г. Как известно, эти проекты (особенно, последний) находили поддержку у Александра II.

С конституционными проектами выступали и некоторые лидеры земского движения, предлагавшие «достроить» земскую систему до всероссийского уровня, созвав из делегатов губернских земских собраний Всероссийский земский съезд (Собор), на котором можно было бы избрать «Всероссийскую земскую управу» как представительный орган российского населения.

Но точку во всех этих конституционных поисках поставила бомба народолюбцев, брошенная под ноги Александра II 1 марта 1881 г. После гибели императора происходит резкий и кардинальный поворот от идеи «общенародного представительства» и ограничения самодержавной власти к идее о «незыблемости самодержавия». Кто знает, может быть именно с этого момента и «пошли часы» катастрофических революций 1917 года.

А что сейчас? Казалось бы, понимание необходимости изменений в вертикальных связях, в системе общероссийского государственного управления у высших руководителей есть. И такие изменения должны затронуть все основные звенья государственной системы: президент, правительство, Госдума, Совет Федерации, региональные парламенты, избирательная система. Но достаточны ли эти изменения? Не носят ли они только косметический характер? Смогут ли они действительно создать систему власти, которая станет органичной оболочкой социально-экономической модернизации?

Ведь сегодня государственная система России основана на Конституции 1993 г., которая изначально была нацелена на успокоение и стабилизацию общества, прошедшего через полосу столкновений. Но сейчас совершенно другие задачи. Сейчас речь идет не о стабилизации, а о серьезных и глубоких изменениях.

---

⁵³⁸ На самом деле, идеи о «новой роли самодержавной монархии», о необходимости законодательной деятельности выборных представителей и т.п. высказывались (в частности, Н. Малютиным) еще в период подготовки реформ в 1856–1860 гг. — См.: *Захарова Л. Г.* Великие реформы 1860–1870-х годов: поворотный пункт российской истории? // Отечественная история. 2005. № 4. С. 158.

Отношение внешнего мира к успешному сценарию российской реформ (исторический опыт). Приступая к модернизации нужно четко сознавать, что никто в мире (может быть кроме немногочисленных друзей) помогать укреплению России не будет.

Что привело Россию к 1917 году? Безусловно, фатально нарастающий и обостряющийся общенациональный кризис. Суть и причина этого кризиса заключались в том, что в целом возрастающий и неуклонно укрепляющийся социально-экономический потенциал российского общества входил в противоречие с фактически застывшей системой государственного управления самодержавной монархии. Именно этот кризис и привел Россию к катастрофам 1917 г. Но нельзя отделаться от мысли (и это одна из моих версий событий начала XX века), что Россию еще кто-то подталкивал к этим катастрофам и извне. Иначе откуда взялись тени каких-то иностранных агентов, маячивших за спинами убийц Столыпина и Распутина (самых влиятельных фигур предреволюционного периода); или, возьмите темную историю с немецкими огромными деньгами большевиков — главных противников традиционного российского порядка.

Успешное и ускоряющееся развитие России в начале прошлого века, огромной страны со стремительно возрастающим экономическим, военным и людским потенциалом, очень мало находило своих сторонников среди тогдашних великих держав. Очень опасно и наивно полагать, что столетие спустя, в начале XXI века, в условиях жесточайшей многовекторной и полицентричной конкуренции на мировой арене, кому-то из основных актеров этой арены нужна стабильная, эффективно развивающаяся и могучая в экономико-технологическом отношении Россия.

Реформы в России как реформы внутри уникального социума (теоретическая проблема). В современных дискуссиях о модернизации встает и целый ряд вопросов о природе российского общества, о сопоставимости этой природы с другими современными социальными системами. Это не новые вопросы. Они вставали перед реформаторами и в XIX веке. Речь идет, прежде всего, о двух взаимосвязанных дилеммах: 1) Модернизация в России — это «догоняющее развитие» отсталой экономики при ориентации на стандарты развитых западных стран *или* это процесс, в котором органично должны быть соединены общественные общемировые достижения, с одной стороны, и уникальные основы и особенности национального развития?; 2) В результате успешной модернизации Россия станет органичной частью Европы *или* она останется самобыт-

ной и самодостаточной общественной системой («отдельной цивилизацией»)?

Россия никогда Европой не была и никогда ею не будет. Двухголовый российский орел всегда должен одинаково пристально вглядываться одной головой на Запад, а другой на Восток. И дело здесь не только в географическом и геополитическом расположении страны, в полиэтничности и многоконфессиональности. Хотя эти факторы нельзя сбрасывать со счетов. Дело в том, что российский социум развивается по своим (отличным и от Запада, и от Востока) законам и матрицам.

Здесь мы сталкиваемся с одной из сложных и запутанных проблем общественной науки — проблемой критериев социального прогресса. С эпохи Просвещения в основу этого положен линейный показатель материального роста, через призму которого рассматривались все другие социально-экономические и политические показатели. Но возьмем, например, такой ключевой показатель для экономики как статус собственности в обществе. Один из крупнейших российских ученых первой половины XX века С. Франк из российского исторического опыта выводил очень специфическую и показательную модель собственности «равно далекой как от либерально-индивидуалистического, так и от социалистического воззрения на собственность» и представляющую собой некую «третью систему», «средний, третий путь»⁵³⁹. В этой системе, — по представлению С. Франка — «частный собственник, оставаясь собственником, и именно в качестве такового, при полной обеспеченности своих прав тем самым осознает себя слугой государства, отправителем служебной функции в целостном организме народной жизни»⁵⁴⁰.

Понимание специфического характера исторически сложившихся форм и систем собственности в России показывает ограниченность западных либеральных и (неолиберальных) трактовок феномена «власть–собственность», которые формулировались преимущественно на основе линейно-прогрессивистской парадигмы исторического процесса, исходившей в эволюции общественных систем из единой матрицы общемирового социального прогресса (роста) и из безусловной доминанты экономического фактора, как основного критерия этого прогресса.

---

⁵³⁹ Франк С. Л. Собственность и социализм // Русская философия собственности (XVII–XX вв.). СПб. 1993. С. 326.

⁵⁴⁰ Там же. С. 327.

Но как быть с фактами российской истории? По экономическим показателям Россия всегда отставала от Запада. Но если взять такой важный показатель могущества любого государства, как военно-политические победы, то получается иная картина: на протяжении XVIII–XX вв. Россия постоянно одерживала верх в наиболее критических ситуациях противостояния держав на мировой арене. Начало XVIII в. — победа над Швецией, конец XVIII в. — победа над Турцией, начало XIX в. — над наполеоновской Францией, начало XX в. — вероятная победа над Германией в составе коалиции (Антанты), середина XX в. — разгром гитлеровской Германии.

В данном перечислении названы побежденные Россией державы, которые в определенное время доминировали в Европе и даже вынашивали планы мирового господства. Конечно, у России были и военные поражения, например, в Крымской войне или в русско-японской войне 1904–1905 гг., но на фоне стратегического успеха, который сопутствовал России на протяжении трех веков, эти поражения становятся исключением из правила.

Отсюда следует, что и определение могущества государства, и сама проблема достижения большей экономической эффективности должны анализироваться на основе более широкого набора параметров. На данную мысль наводит и общественный опыт других стран, являющихся, как и Россия, сложными и долгоживущими политическими и социокультурными системами. Так, один из исследователей современного Китая приходит к следующему заключению: «Кризис европоцентристской модели модернизации стимулировал — и в мире, и в Китае — стремление рассматривать проблемы развития в более широком плане: не только как экономические или политико-экономические по преимуществу, но прежде всего как коренящиеся в общем контексте культуры. Традиционному отождествлению развития с экономическим ростом было противопоставлено подчеркнутое внимание к роли духовных ценностей в определении темпов экономического роста и верификации его целей»⁵⁴¹.

Процессы, происходящие в так называемой «полупериферии» развитого мира (Россия, Китай и др.), заставляют пересматривать некоторые базовые понятия политической науки, которые сформулировались преимущественно на базе социального опыта западно-европейских стран и адекватно могут описывать явления именно этого социума.

---

⁵⁴¹ Бергер Я. М. Модернизация и традиция в современном Китае // Полис. 1995. № 5. С. 72.

Так, например, целый ряд современных сравнительных исследований приводят к выводу о том, что трактовка этатизма как антипрогрессивного явления не соответствует реальным историческим процессам, которые происходили раньше и происходят сейчас во многих регионах мира⁵⁴².

Таким образом, без глубокого понимания природы национальной матрицы социальной и политической динамики («власть—собственность»), особого статуса этих общественных феноменов в контексте российского исторического процесса, специфического характера их взаимосвязей, невозможно понять механизма эволюции российского социума, переходно-преобразовательных процессов, как в прошлом, так и на современном этапе.

***

Одним словом, приступая к модернизации, нельзя забывать об историческом опыте многочисленных перестроек и реформ, через которые прошла России за многие века своего существования. Конечно, времена меняются, с ними меняется и страна. Но исторические основы национального развития остаются. Это относится и к России и к другим мощным и долгоживущим общественным системам.

В этой связи следует согласиться с мнением В. Третьякова: «Прежде чем модернизировать русскую политическую систему, надо бы сначала изучить ее и понять, а не благодаря ли ей наша страна столетиями и без какой-либо иностранной поддержки и опеки, т. е. самодержавно, но что просто не способно абсолютное большинство других стран, держит и сохраняет для наших потомков эти гигантские и богатейшие пространства»⁵⁴³.

Итак, приступая к очередной российской модернизации, нужно «изучить» и «понять» национальный исторический опыт, который, на наш взгляд, следует рассматривать не каким-то дополнением и подкреплением нынешней модернизационной стратегии, а одним из ее базовых элементов.

2. Современная государственная стратегия развития России: историческая традиция и мифы

Горбачавская перестройка, а также постперестроичное развитие суверенной России в конце XX – начале XXI века стратегически

---

⁵⁴² См., например: Место и роль государства в процессе развития («Круглый стол») // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 12. С. 59–93.

⁵⁴³ Известия. 30 сентября 2010.

ориентировались на государственно-политические и социально-экономические идеологемы и практические образцы Запада и, прежде всего, Западной Европы. Безусловно, на формирование данной стратегии в решающей степени наложила свой отпечаток модернизационная идеологема «догоняющего развития», в соответствии с которой предполагалось, что России нужно лишь ускоренным способом пройти путь западных стран и построить у себя по государственным и социально-политическим характеристикам общество в целом идентичное обществу в западно-европейских странах.

Катастрофические результаты и последствия такой стратегии в самое последнее время заставили политическое руководство страны усомниться в ее правильности и начать движение в несколько другом направлении, явно не совпадающим с западными канонами. Правда, следует отметить, что движение государственной власти в данном направлении пока происходит неуверенно, медленно и зигзагообразно. Представляется, что это происходит не только и не столько от отсутствия решительности и целеустремленности, сколько от того, что над сознанием политических руководителей продолжают в той или иной мере довлеть старые мифы, появившиеся у прозападной элиты еще на первых этапах перестройки.

В числе этих мифов следует выделить два, как представляется — главных: *первый* касается устройства государственной власти, отношения власти и собственности, *второй* — национально-государственного устройства страны.

Миф первый. Этот миф заключается в твердом убеждении о возможности и необходимости построения в России правого государства, основанного на принципах и механизмах западной политической демократии — многопартийной выборной парламентской системе, возможности реализации в российских условиях либеральной модели государства, «отстраненного от рынка». Возникшие трудности на этом пути зачастую упрощенно объясняют переходной ситуацией от протопартий к развитой партийной системе, но политические реальности современной России свидетельствуют о том, что все значительно сложнее — введенная сверху многопартийность оказалась инородным телом в исторических тканях российской политической культуры, на протяжении многих столетий основанной на уникальной модели авторитарной власти.

Миф второй. Данный миф касается национально-государственного устройства России. Превращение России в «подлинно» федеративное государство уже на первых этапах перестройки было объявлено панацеей от всех межнациональных противоречий и кон-

фликтов. В последствии возникшие трудности и катаклизмы на этом пути объяснялись болезнями роста. В оправдание этих трудностей придумывались различные нелепые концепции типа «ассиметричной федерации» и тому подобное. Но никто не обратил внимание на то кардинальное обстоятельство, что задача построения федерации в России является с исторической точки зрения задачей уникальной. Весь исторический опыт эволюции государственных форм, начиная с середины XIX века, свидетельствует о том, что всегда возникновение федерации знаменовало возникновение более тесного государственного единства (от раздробленности, от условного объединения суверенных государств, от конфедерации к новому более тесному единству — к федерации).

Такое усиление государственного единства в исторической практике XIX века происходило двумя путями:

1) Колонизация европейцами новых обширных территорий, в результате которой происходило смешивание европейских наций и аборигенов и образование новых единых государств и наций (Северная и Южная Америка, Австралия).

2) Объединение самостоятельных государств, монархий, включающих в себя различные части одной нации (Германия, Австрия).

В современной России хотят сделать наоборот: от унитарного государства, которым был СССР, хотят перейти к федерации (т. е. к государственному образованию меньшего единства).

При этом игнорируется следующая историческая традиция национально-государственного развития России на протяжении многих веков: авторитарная государственная власть обеспечивала в рамках длительного (или даже очень длительного) исторического времени не только особую модель соотношения власти и собственности (о чем шла речь выше), но и особые формы взаимоотношений центра и окраин, различных этнических и конфессиональных групп, которые на протяжении многих столетий позволяли сохранять целостность огромной евроазиатской державы.

Можно привести много примеров, когда Россия в сложнейшие периоды своей истории выживала прежде всего при помощи национально-государственной централизации, унитаризации.

Безусловно, нужно признать, что в современном мире существует тенденция расширения прав периферии по отношению к правам центральной власти. Но нужно иметь в виду, что во-первых, эта тенденция проявляет себя прежде всего в стабильных, развитых обществах, к числу которых Россия в настоящее время, к сожалению, не принадлежит, а во-вторых, никакое делегирование полномочий в

едином государстве не должно приводить к ситуации, когда федеральные законы на местах никто не собирается выполнять.

Исторически достоверным является и то обстоятельство, что жесткая власть была более адекватна в России не только в экстремальных, но и в целом нормальных, спокойных условиях. Именно такая власть становилась опорой и основой национальной самодостаточности и идентичности и в политической, и в экономической, и в национально-государственной, и в духовной, и, во всех других общественных сферах. Она обеспечивала стабильность общества, наиболее оптимальное соотношение различных социальных интересов, власти и собственности.

Русский авторитаризм был не просто одной из разновидностей существовавшей еще с античных времен формы политической организации, типа власти, а имел глубокие, собственные национальные исторические корни. Если в Европе оптимизация общественных структур и связей достигалась в результате естественноисторического процесса, в результате развития базисных субстанций, то в России те же самые результаты достигались военно-элитарным путем.

Именно на этой основе и сформировался уникальный исторический опыт синтеза центральной авторитарной власти и местной демократии. Эта особенность российской государственности, заключается в том, что внутри системы центральной монархической (авторитарной) власти всегда существовали ячейки, элементы местной демократии. В.О.Ключевский, например, упоминает институт земских старост, избираемых населением и имеющих достаточно большие полномочия в решении многих вопросов повседневной жизни⁵⁴⁴. Именно такое особое устройство (тип) государства, в котором была органично соединена низовая представительная демократия и сильная власть центра, И.С.Аксаков считал «русским политическим идеалом», указывая при этом на то, что «со стороны правительства здесь нет *уступки* власти, а лишь возвращение власти в ее истинные пределы, где только она и может быть *вполне могущественна...*»⁵⁴⁵.

Разумеется, что реальная общественная жизнь в России была далека от этого идеала. Но именно приближение или отдаление от него обуславливало степень общественной стабильности в стране. Не случайно в конце XIX – начале XX вв., тенденция самодержавия

---

⁵⁴⁴ См.: Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. Т. II. М., 1987. С. 331–332.

⁵⁴⁵ Теория государства у славянофилов: Сб. статей. СПб., 1898. С. 14.

к излишнему и даже тотальному администрированию из центра вызвала критику практически всех общественных сил.

Проведенный выше анализ исторической специфики общественного развития России убеждает нас в том, что непосредственное применение западных политических концепций к интерпретации российского опыта не может быть признан продуктивным.

Тем самым получается следующее соотношение западных классических идеологем и российских политических традиций:

	Западная классическая идеология	Российская традиция (XVIII–XIX вв.)
Национальное государство как система властных отношений между индивидами, соотношения власти и собственности	Взаимодействие власти (государства) и гражданского общества (собственности) на основе парламентской демократии	Авторитарная власть (государство) определяет и доминирует над гражданским обществом (собственностью)
Национальное государство как система властных отношений между административно-территориальными единицами	Демократические модели взаимодействия административно-территориальных единиц (унитарного или федеративного типов)	Авторитарная власть центра в соединении с представительной демократией административно-территориальных единиц

Не трудно заметить, что стратегическая линия российской власти в сфере государственного строительства на современном этапе представляет собой смешение элементов двух не стыкующихся друг с другом политических традиций — западной и российской. И чем раньше поймут пагубность такой эклектики в высших эшелонах власти, тем быстрее развитие российской государственности ляжет в свое, уже столетиями предначертанное ей русло.

3. Современная Россия и геополитические циклы европейской истории

Современный мир переживает период сложных и драматических перемен в различных сферах общественной жизни. Эти перемены серьезно затрагивают сферу международных отношений и геополитических связей. Ситуацию, в которой оказалась в этом отношении Россия, можно охарактеризовать одной метафорой — «страна на перепутье». Именно эта метафора наиболее четко отражает ситуацию, которую мы переживаем в сфере внешнеполитической деятельности, в сфере геополитической стратегии новой России.

Суть этого перепутья, неопределенности, затянувшегося выбора приоритетов определяется тем, что после распада СССР и обретения Россией государственного суверенитета, построенного на преемственном праве России представительства бывшего СССР во внешнем мире (монопольное владение ядерным оружием на территории бывшего СССР, право постоянного членства в Совете Безопасности ООН и др.), Россия не смогла до сих пор ни концептуально, ни практически выработать новые модели взаимоотношений с внешним миром, модели, соответствующие статусу великой державы и полноценно обеспечивающие ее национальные и геополитические интересы в современном мире.

В современных дискуссиях о соотношении внутренней и внешней политики государства мы сталкиваемся с двумя логическими подходами. Первый сводится к следующему простому тезису: «Наладим внутренние дела, тогда наладится и система отношений с внешним миром». В соответствии со вторым подходом внутренние дела невозможно будет наладить без создания новой системы внешней политики. На наш взгляд, именно второй подход является правильным. И дело не только в банальных внешних или международных займах, без чего сегодня не может существовать российская экономика. Дело в том, что Россия — это мировая держава, которая в современных условиях может нормально развиваться только как составная часть общемировых политических и экономических процессов.

Думается, именно в этом суть проблемы: необходимо правильно определить природу и направленность кардинальных социально-политических перемен, которые произошли в мире на рубеже XX и XXI вв., место, роль и статус России в этой изменившейся геополитической картине мира. К сожалению, в последние годы у нас в теоретическом и политическом дискурсе доминировала сугубо идеологическая теория «постсоциализма» или «посткоммунизма». В соответствии с этой теорией общественные перемены и новые политические, социально-экономические структуры в СССР и других бывших странах социализма связывались исключительно с падением и крахом социализма, рассматривались как главное и неотъемлемое следствие, результат этого краха. На самом же деле — и это наш центральный, базовый тезис — суть общественных перемен последних лет, в том числе и в сфере геополитики, можно адекватно понять и объяснить только в гораздо более широком историческом контексте, а именно — в глобальном контексте политических и социально-экономических изменений длительной, многовековой

протяженности, рассматривая эти перемены только как новый этап, новую фазу нелинейной социально-политической динамики, имеющей как общемировой, так и национальный аспекты.

Наиболее ярким примером неисторической, сиюминутной, основанной на идеологии политики является уже изрядно подзабытая горбачевская концепция «нового мышления».

Ущерб, который нанесла эта концепция, или, точнее, идеологическая конструкция, национальным интересам России, трудно переоценить. Односторонний роспуск Варшавского Договора в условиях блокового противостояния, поспешный вывод наших войск из Восточной Европы, отказ от традиционного сотрудничества с рядом стран Ближнего Востока и Азии — это и многое другое привело к кардинальному ослаблению наших позиций в Европе и мире.

Обоснование этой политики находили в той же теории «постсоциализма». В соответствии с ее упрощенной логикой в возникающей «постсоциалистической» Европе, в идеологически и социально экономически однородной Европе, Россия без ущерба для своих национальных интересов может смело отказаться от прежних военно-стратегических позиций.

Правда, очень скоро выяснилось, что эта однородность не более чем иллюзия. Но главная беда была в другом — бездарная, импульсивная политика привела к отказу от наших позиций в Европе, которые были завоеваны Россией не только «при социализме», а задолго «до социализма», завоеваны кровью миллионов российских солдат на протяжении многих десятилетий и даже столетий на полях многочисленных войн в Европе.

Со времени горбачевских экспериментов утекло много воды, но мало что изменилось в геополитике российского государства. Международные акции и инициативы современной, уже послегорбачевской, ельцинской, а сейчас путинской России и сегодня наглядно иллюстрируют эту ситуацию «перепутья» в геополитической деятельности.

Как известно, геополитика любого крупного государства имеет много направлений и векторов. В небольшой статье трудно и нецелесообразно анализировать все эти направления. Остановимся для примера на одном из них — европейском направлении геополитической стратегии современной России.

Россия до сих пор не может понять, какую позицию необходимо выработать по отношению к новой Объединенной Европе. Модель блоковой конфронтации ушла в прошлое. Другой модели вместо этой не появилось. Мы наблюдаем шараханья из крайности в край-

ность: то импульсивное хлопанье дверью в Совете Европы, то заявления о готовности строить вместе с НАТО общую систему противоракетной безопасности.

В чем тут дело? Неужели только в трудном постижении такого нового уникального явления, как объединенная Европа? Вряд ли. Европа объединяется уже полвека. Да и вообще сама эта идея активно обсуждается уже с начала XX века (вспомните: «Соединенные Штаты Европы»). Дело в другом. Политики не хотят осознать ясного исторического обстоятельства, заключающегося в том, что Россия и Европа (Запад) — это две исторически сложившиеся и по основным параметрам самодостаточные общественные системы, которые всегда существовали и будут существовать отдельно, подчиняясь объективно обусловленной циклической динамике взаимоотношений. Между этими системами в прошлом заключались союзы, но они носили вынужденный характер и были направлены главным образом против Германии, которая в первой половине XX в., совершенно открыто проявляла стремление к общеевропейскому, и даже — мировому господству.

Поэтому необходимо думать не о том, как «влиться» в Европу (это невозможно и пагубно для интересов России), а надо думать о модели сосуществования с Европой как с равной, такой же общественной системой, как и Россия.

А такая модель может быть построена только на основе выявления объективных связей и тенденций развития социальных систем.

Хотим отметить, что у серьезных политиков на Западе современные отношения России и Западной Европы, России и НАТО являются приоритетной проблемой. На различных международных форумах военные, дипломаты, ученые из различных западноевропейских стран неоднократно прямо заявляли, что не представляют себе будущую Европу без России, особенно, в вопросах европейской безопасности, борьбы с терроризмом, распространением наркотиков и т. д.

Но каким должно быть это участие России в европейских делах, похоже, сказать определенно не может никто — ни в России, ни на Западе. Продолжает доминировать идеологическая модель посткоммунизма, исходящая из тривиального умозаключения: после развала социалистической системы («после социализма») изменилась социально-экономическая и политическая мировая система, значит, соответственно, изменяется и геополитика как в глобальном, так и в национальном масштабах. Но такая модель на практике не объясняет, а наоборот, запутывает ситуацию. Почему? Потому что сведение геополитических перемен в современном мире только лишь к след-

ствию новейших социально-политических перемен слишком упрощенно и поверхностно. У этих перемен есть, на наш взгляд, более глубокая и фундаментальная детерминация, связанная с многовековой нелинейной, но законообразной динамикой мирового социума, имеющей в диапазоне долговременной исторической протяженности имеет повторяющиеся фазы и переходы.

Современным политикам, которые осознанно и целенаправленно хотят принимать участие в процессах, происходящих сейчас на евроазиатском пространстве, и тем более тем, которые смотрят в более или менее отдаленное будущее, на наш взгляд, необходимо подняться над горизонтом сегодняшней политической конъюнктуры и наметить более долгосрочную стратегию развития, в том числе (и особенно) в сфере геополитики. Из современной политической истории мы знаем, что подчас кардинальные перемены происходят очень стремительно и неожиданно. Еще 25 лет назад никто не мог предположить, что на наших глазах произойдет обвальный распад СССР и крах, казалось бы, могущественной общественной системы так называемого «реального социализма». Точно так же не стоит исключать из долгосрочной исторической перспективы возможность аналогичных катастрофических явлений и в других национальных и международных системах.

Достоверно же предугадывать эти катастрофы можно только на базе концептуальных моделей социальной динамики, в которых интерпретация исторической нелинейности общественного развития дополняется анализом современных преобразовательных тенденций.

4. Метаморфоза массового сознания в переходную эпоху (современная Россия)

На современном этапе развития российского общества мы столкнулись с глубокими переменами во всех областях социального бытия. Эти перемены затронули не только политику и экономику, но отчетливо наблюдаются в духовно-идеологической сфере, в массовом сознании россиян. Перемены в этой сфере имеют двоякую природу. Во-первых, они являются отражением современных изменений в политических и социально-экономических структурах общества, а во-вторых, они определяются историческими тенденциями и спецификой национального менталитета, системы ценностей, которая формировалась многие десятилетия и даже столетия.

Суть и характер трансформации массового сознания на современном этапе удастся лучше понять и оценить при помощи сравнительного анализа современных процессов и тех революционных по-

трясений, которые пережила Россия в первые два десятилетия XX века. Этот анализ выявляет ряд повторяющихся характеристик и явлений в духовных процессах:

1. Кризис действующих до переходных процессов духовно-идеологических ориентиров и ценностей, что приводит к крушению государственной идеологии, которая определяла на протяжении длительного времени приоритеты в национальных интересах, во внешней и внутренней политике государства. Накануне 1917 г. к такому крушению приходит идеология православно-монархической державности, которая в течении многих десятилетий обеспечивала патронаж «малых» народов в самой Российской империи и слабых славянских народов за ее пределами. Затем на протяжении 70 лет в качестве государственной выступала коммунистическая идеология, которая предусматривала ведущие позиции СССР во всем мире по мере неизбежного распространения коммунистических идей как в умах, так и в общественных отношениях различных стран и регионов.

2. Заметно изменяется статус и влияние на общественную атмосферу интеллигенции. Резкое повышение ее активности в предпереходную эпоху, а также на первых этапах преобразований, выраженное в всплеске оппозиционной и культурно-просветительской деятельности сменяется апатией основной части интеллигенции. Из духовного лидера нации она превращается либо в служанку новой власти, действия которой далеко не однозначно воспринимаются в обществе, либо во все понимающий, но пассивный и бездеятельный слой общества, в стороннего наблюдателя именно в тот период, когда нужны активные действия. Как в начале века, так и сейчас российская интеллигенция так и не смогла пойти дальше веховских предсуждений национальной катастрофы или ударились в крайности радикальных скачков, вместо того, чтобы выработать научную концепцию и программу обновления России, в которых не на словах, а по существу мировой опыт общественных трансформаций, а также национальные традиции «революций сверху» были бы адаптированы к специфическим современным условиям страны. В 1917 году новая постсамодержавная власть, ядро которой состояло из представителей гуманитарной интеллигенции, все надежды возлагала на постоянно откладывающийся созыв Всероссийского Учредительного собрания. В начале 90-х годов профессора новой генерации решили не ждать и повели страну по худшему и наиболее пагубному для нее пути западной либеральной модернизации.

3. В переходную эпоху подрываются институциональные основы формирования конструктивного массового сознания. В условиях

комплексного и глубокого кризиса экономики существенно снижаются уровень и возможности действующей ранее системы образования и культурного досуга. Человек, особенно молодое поколение, все чаще начинают находить ответы на злободневные вопросы (или находить способы ухода от этих ответов) не в «вечных ценностях», которым учит мировая наука и культура, а в широкодоступной и легко усваиваемой эрзацкультуре.

Но образование и культура перестает притягивать молодежь не только в силу ослабления этих общественных сфер, но и потому что разрушается складывающаяся многими столетиями в человеческом обществе жесткая зависимость между знаниями, умениями, навыками, которыми владеет человек, и его материальным достатком. В хаосе переходной эпохи целые слои общества находят источники материального достатка, которые не зависят от образования и профессионального уровня.

Эти негативные моменты являются наиболее опасными для общества, так как подрывают не только современные, но и будущие основы его существования.

4. В переходную эпоху в силу указанных выше объективных изменений в массовом сознании происходят неожиданные метаморфозы. В их числе необходимо выделить, прежде всего, кардинальную и быструю переориентацию массового сознания от демократических ценностей, которые вдохновляют широкие слои населения на начальных этапах переходного процесса (так было в первые месяцы революции 1917 г., то же самое произошло и в начале горбачевской перестройки), к требованиям наведения порядка в стране путем установления сильной власти, «железной руки», фактически авторитарного правления. Другим заметным явлением в сфере массового сознания становится отход от предпочтений западным моделям и ценностям к апологетике самобытных, уникальных особенностей российской государственности, национального общественного развития. Глубокое понимание природы процессов, которые происходят в настоящее время в сфере массового сознания, необходимо для выработки реалистических и адекватных моделей преобразования российского общества.

5. Поможет ли «русская идея» в поисках национальной идеи для современной России?

В сложных и противоречивых духовно-идеологических процессах нашего переходного времени доминирующим становится поиск национальной идеи для современной России. В контексте этого по-

иска все более активно проводится тезис, согласно которому базой для этой идеи может и должна стать «русская идея» — известный интеллектуальный феномен дореволюционной России, который в то время играл роль духовно-идеологического основания российской государственности.

Представляется, что данный тезис указывает ложный путь и не может стать продуктивным направлением духовного возрождения современной России. К такому выводу приводит анализ опорных концептов «русской идеи».

Первым таким концептом «русской идеи» является ее религиозная сущность, связь с Богом, с Божественным провидением. По убеждению русских мыслителей дореволюционного поколения (а к их выводам в данном вопросе мы не можем не прислушаться) «русская идея» — это не просто идея русской истории, русского общества, не просто идея русского народа о себе и о своем отечестве. «Русская идея» — и это главное, определяющее — это идея Бога о России. «...Идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности», истинная идея нации «есть не что иное, как образ ее бытия в вечной мысли Бога» (В. С. Соловьев), это есть «замысленное Творцом о России» (Н. А. Бердяев).

Истинная «русская идея» — это разновидность или определенный аспект христианской идеи, христианского мировоззрения. Поэтому и общественный идеал, «конечная цель» «русской идеи» связаны не столько с развитием собственно русского общества, созданием на русской земле идеального государства, сколько с предназначением и ролью России в переустройстве всего человечества. «Русская идея» — это идея о вселенской перспективе, которая должна увенчаться установлением социальной гармонии во всем христианском мире, достижением органического единства церкви, государства и общества, «Богочеловечества» (В. С. Соловьев). Русская идея — есть идея о Царстве Божьем, о Граде Грядущем, о Новом Иерусалиме (Н. А. Бердяев). В этой вселенской устремленности русской идеи органически сливаются национальное и всемирное, национальный интерес русского народа, русского общества и интерес всего христианского мира, всего человечества.

Вторым концептом дореволюционной «русской идеи» было ее мессианство, которое опиралось на немалые военно-экономические и политические возможности российского государства. На протяжении нескольких столетий российское государство представляло собой мощную по многим параметрам империю, влияние которой в мире было подчас решающим. Но в этой, казалось бы, взаимообус-

ловленности двух начал — мессианства и имперства — было заложено противоречие. Не случайно, Н. А. Бердяев говорит о существовании «глубокого конфликта» между истинной «русской идеей», а значит истинным предназначением России в мире и ее реальной историей, господствующей линией национальной политики. Между ними не было соответствия, гармонии; наоборот, между ними был «глубокий конфликт», который и обусловил «трагизм русской исторической судьбы».

Корни этого конфликта, конечно, не просто в искаженном толковании «русской идеи». Само это искажение было во многом обусловлено особенностями и предпосылками формирования российского государства, которое в своей национальной политике на протяжении многих десятилетий пыталось найти оптимальное сочетание двух начал — имперского характера российской государственности, с одной стороны, и мессианской роли России в христианском мире, — с другой.

Оба эти начала имеют объективную историческую обусловленность. Существует множество точек зрения и трактовок причин и факторов становления единого русского государства, но вряд ли кто-то будет оспаривать тот факт, что исходный толчок к государственной централизации и экстенсивному развитию за счет постоянного наращивания географического пространства был детерминирован реальной необходимостью выживания русского государства в условиях постоянного противоборства на юге и юго-востоке с Золотой Ордой, на севере и северо-западе с Ливонским орденом.

Собирание земель вокруг Московского центра не было самоцелью, ибо оно происходило не просто ради присоединения новых территорий. Это всегда было вызвано необходимостью реализации какой-то жизненно важной для дальнейшего развития русского государства задачи. Умножение сил под единым и сильным государственным началом для окончательного свержения татаро-монголов, выход к незамерзающим морям, без чего стало невозможным развитие экономики огромного государства, колонизация Сибири как естественная политика освоения богатейших природными ресурсами районов, непосредственно примыкавших к России на востоке и не попавших еще в сферу влияния других сильных держав. Вот основные этапы и факторы развития российского государства в XV–XVII вв.

Начиная с XVIII в. на захват южных районов (прежде всего Северный Кавказ и Средняя Азия) Россию толкают другие факторы, среди которых не последнюю роль играла необходимость обеспече-

ния безопасности южных границ империи в условиях обостряющегося противоборства с европейскими державами, которые стали все более открыто заявлять о своих интересах в южных районах, непосредственно примыкающих к России.

Имперский путь развития российского государства как бы создавал материальную основу для мессианства и покровительства. На садом деле, именно Россия как великая империя, держава с мощным военно-экономическим потенциалом и могла обеспечить превращение Москвы в центр православной веры, реализовать преемственное право России от Византии быть покровителем и гарантом православных, славянских народов. На этой базе и формировались военно-стратегические цели России, в частности, на юго-западе, где ставилась задача захвата Константинополя и проливов, взятия под свой патронаж славянских народов на Балканах.

Итак, казалось бы исторически сложилась определенная форма сочетания в реальной национальной политике России имперства и мессианства. Но являлась ли эта форма действительно оптимальной и жизнеспособной?

Сомнение не случайно. Дело в том, что было бы совершенно неправильным сводить российский империализм только к мессианской устремленности, покровительству и патронажу. В XIX в. в нем усиливаются такие качества как насилие и воля к могуществу, подавлению, т. е. те качества, которые фактически ведут к отрицанию подлинного мессианства.

Именно здесь мы и подступаем к раскрытию истоков и причин конфликта «русской идеи» и русской истории. В российском мессианстве отражается сущность истинной «русской идеи», в империализме — наоборот — то, что противоречит ее сущности. «Империализм всегда был искажением «русской идеи» и русского призвания» (Н. А. Бердяев). Но в реальных условиях прошлого века российские империализм и мессианство взаимообуславливали и стимулировали друг друга.

В этом заключается глубина трагизма, тупиковости национального развития российской духовности и российской государственности накануне революционных катаклизмов начала XX в.

Таким образом, анализируя сущность «русской идеи» и экстраполируя этот анализ на реалии современной России мы приходим, по меньшей мере, к двум непреложным выводам:

1) «Русская идея» — и прежде всего практика ее реализации в условиях имперского государства — уже тогда, к концу XIX – началу XX вв. исчерпала свой потенциал и поэтому не случайно в XX век

Россия вступила в состоянии не только политического и социально-экономического, но и глубокого духовно-идеологического кризиса. Но даже не это главное.

2) Даже если бы мы исходили из того, что истинная «русская идея» еще могла служить той, дореволюционной России, то мы должны отдавать отчет в том, что это допущение абсолютно неприложимо к современной России. Во-первых, потому, что религиозный пафос «русской идеи» не понятен сейчас и еще долго будет непонятен в российском обществе, которое по существу остается быть либо атеистическим, либо не религиозным. Не говоря уже о том, что выдвижение православной «русской идеи» как идеи всей нации не может не вступить в конфликт с поликонфессиональными реалиями современной России. Во-вторых, потому, что идея современной России не может быть сейчас мессианской. Для этого нет ни государственной силы у самой России, ни потребности и ожиданий у славянских народов, которые в большинстве своем переориентировались на Запад.

Таковы реалии и с ними нельзя не считаться. Таков и ответ на поставленный в самом начале данных тезисов вопрос.

ПРИЛОЖЕНИЕ

БИБЛИОГРАФИЯ ОСНОВНЫХ НАУЧНЫХ РАБОТ ПРОФЕССОРА МОЩЕЛКОВА Е. Н. (1981–2013 Г.)*

1. Разработка К.Марксом и Ф.Энгельсом в «Немецкой идеологии» вопроса о роли социальных революций в воспитании народных масс // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 1981. № 2.
2. Разработка К. Марксом теории революции в программных документах Союза коммунистов (1847–1848 гг.) // Научные доклады высшей школы. Научный коммунизм. 1981. № 5.
3. Формирование марксистской теории социальной революции и современные буржуазные фальсификации // Учение К.Маркса, Ф.Энгельса, В.И.Ленина о всемирно-исторической роли рабочего класса и критика его буржуазных фальсификаторов. М., ИМЛ при ЦК КПСС, 1984.
4. Социализм в системе современных мирохозяйственных связей // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Теория научного коммунизма. 1989. № 3.
5. Трансформация общественных структур в СССР и странах Восточной Европы как объект научного анализа // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Социально–политические исследования. 1990. № 5.
6. Противоречия общественных трансформаций в Восточной Европе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Социально–политические исследования. 1991. № 5.
7. Современные дискуссии о коммунистической теории К. Маркса и Ф. Энгельса. М.: Изд-во МГУ. 1991.
8. Характер и тенденции политических перемен в государствах бывшего СССР и Восточной Европы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1992. № 4.
9. Российская государственность: идеология и самосознание народа // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1993. № 2. (в соавторстве с В.И.Коваленко).

---

* Приводится в хронологическом порядке.

10. Универсальное и национальное в концепции разделения властей («круглый стол») // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1993. № 3.
11. Политическая история России: Хрестоматия. М.: Изд-во МНЭПУ. 1993. (в соавторстве с В. И. Коваленко и А. Н. Медушевским).
12. Реформы-революции в России как непрерывный циклический процесс (постановка проблемы) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1994. № 5.
13. Переходные общественные процессы: вопросы для современного исследователя // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1995. № 5.
14. Современный политический процесс в России: Учебно-справочное пособие. Ч. 1. М.: Изд-во МНЭПУ. 1995. (Отв. редактор совместно с В. И. Коваленко).
15. Политическая история России: Хрестоматия в 2 ч. М.: АО «Аспект Пресс». 1995 (в соавторстве с В. И. Коваленко и А. Н. Медушевским).
16. А. Л. Блок; А. Д. Градовский; В. О. Ключевский; П. Н. Милюков; Р. А. Фадеев // Русская философия: Словарь / Под общей редакцией М. А. Маслина. М., 1995. Данные статьи вошли в состав издания: Русская философия: Энциклопедия / Под общей редакцией М. А. Маслина. М., 2007, которая была переведена на себско-хорватский (2009) и французский (2010) языки.
17. Россия между двумя революциями 1917 г.: анализ переходного процесса // Кентавр. 1995. № 6.
18. Национально-государственная проблема в переходном процессе: опыт России (1917–1922) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 1996. № 1.
19. Сознание масс в переходную эпоху // Политический менталитет (материалы конференции). Ростов-на-Дону. 1996.
20. Переходные процессы в России: Опыт ретроспективно-компаративного анализа социальной и политической динамики. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1996. Фрагменты монографии включены в состав издания — Российская политическая наука. В 5 т. Том 4. М., РОССПЭН. 2008.
21. Политическая история России: Хрестоматия. М.: АО «Аспект Пресс». 1996. (в соавторстве с В. И. Коваленко и А. Н. Медушевским).

22. Фундаментальные проблемы политической науки («круглый стол») // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 1996. № 6.
23. Теория длинных волн Н. Кондратьева и социально-политическая динамика России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 1997. № 4. Статья была включена в состав издания: Информационная культура и глобальные проблемы человечества. Антология. Составитель А. И. Кравченко. М., 2002. Резюме статьи публиковалось на английском языке: Sociological abstracts. Washington. DC. Aug. 2000. Современный политический процесс в России: Учебно-справочное пособие. М.: Изд-во МНЭПУ. 1998. — 19,3 п.л. (отв. ред. совместно с В. И. Коваленко).
24. Парадигмальные модели социальной динамики в общественной науке XVIII–XIX вв. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 1999. № 1.
25. Современное мировое политическое пространство и национальные интересы России («Круглый стол») // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 1999. № 5.
26. Политическая мысль в России: Словарь персоналий (XI в. – 1917 г.) / Рук. авт. коллектива и автор вступительной статьи Е. Н. Моцелков. — М.: Книжный дом «Университет», 2000. (2-е изд. — М., 2001).
27. История русской политической мысли XI–XIX вв.: основные этапы, направления и проблемы // SCHOLA — 2000 / Сост. А. В. Воробьев. М.: Издатель Воробьев А. В. 2000.
28. Преобразовательные процессы в истории России (XVIII – начало XX в.): социально–политический аспект // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2000. № 4.
29. Россия после Ельцина: возможен ли новый курс? («круглый стол») // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2000. № 5.
30. Государственная Уставная грамота Российской империи, Градовский А. Д., Гумилев Л. Н., Данилевский Н. Я., Леонтьев К. Н. // Федерализм: Энциклопедия. М.: Изд-во МГУ. 2000.
31. Современная Россия и геополитические циклы европейской истории // Каспийский регион: политика, экономика, культура. Научный журнал. 2002. № 1. — 0,5 п.л.
32. Исторический процесс в свете теории длинных волн // Политические исследования (ПОЛИС). 2002. № 4.

33. Метод сравнительного анализа в исследованиях истории политической мысли: основные проблемы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2002. № 5. — 0,8 п.л. Текст статьи включен в состав издания — Российская политическая наука. В 5 т. Том 4. М., РОССПЭН. 2008.
34. Современный политический процесс в России: Учебно-справочное пособие / Авт.-сост. В. И. Коваленко, Е. Н. Мошелков, А. В. Федякин (отв. редакторы) и др. М.: Изд-во МНЭПУ, 2002.
35. Политическая наука на Западе и в России: основные проблемы сравнительного анализа // SCHOLA — 2002 / Под ред. А. В. Воробьева, Е. Н. Мошелкова, А. В. Пролубникова. М.: Издатель Воробьев А. В., 2002.
36. Миросистемная теория. Социальная динамика. Формационная теория // Глобалистика: Энциклопедия. М.: ОАО Издательство «Радуга», 2003.
37. Смена мировых порядков и система международной безопасности в XXI веке // Каспийский регион: политика, экономика, культура. Научный журнал. Астрахань. 2003. № 2–3. Вариант данной статьи публиковался на английском языке — *New Threats in our Contemporary Information Society // Security, Terrorism and Privacy in Information Society*. W. Bertelsmann Verlag GmbH & Co. KG, Bielefeld, 2006.
38. Современная Россия и демократические идеологемы Запада: проблема совместимости // Демократия в России и Европе: философское измерение: Материалы Международной конференции «Философские проблемы демократического общества» / Под ред. В. Н. Брюшинкина. — Калининград: Изд-во КГУ, 2003.
39. Компаративистика в историко-политологической науке // Политологическое образование в России: традиции и инновационный поиск. По материалам Всероссийской научно-практической конференции «Политологическое образование в России: традиции и инновационный поиск», 1–2 апреля 2004 г., г. Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова. М., Изд-во «Университетский гуманитарный лицей», 2004.
40. Проблема «Россия–Запад» в трудах забытых политических мыслителей России второй половины XIX века (Р. А. Фадеев и А. Л. Блок) // SCHOLA — 2003. Под ред. Е. Н. Мошелкова. Изд-во «Социально-политическая МЫСЛЬ», 2004.

41. История политических учений как научная и образовательная дисциплина в России в XIX – начале XX в. (Аналитический обзор источников) // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2005. № 1.
42. Современная государственная стратегия развития России: историческая традиция и мифы // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2005. № 5. Текст статьи включен в состав издания — Российская политическая наука. В 5 т. Том 4. М., РОССПЭН. 2008.
43. Предмет политической науки и предмет истории политических учений: концепции в отечественной политико-правовой науке XIX – начала XX в. и современные трактовки // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2006. № 4.
44. Проблема совместимости политологических категорий в научном диалоге России и Запада // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2006. № 4.
45. Проблемы истории социально-политических учений: Учебно-методический комплекс. Выпуск 2. / Под общей редакцией Е. Н. Моцелкова. М.: Изд-во «Социально-политическая МЫСЛЬ». 2006.
46. Русская социально-политическая мысль X – начала XX в. Антология: Учебное пособие. В 4 кн. (В 5 т.). / Под общей редакцией, вступительная статья Е. Н. Моцелкова. М.: Изд-во «Социально-политическая МЫСЛЬ». 2006.
47. Методология политологических исследований (отечественный опыт второй половины XIX – начала XX в.) // Вестник Москов. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2008. № 6.
48. Методология политологических исследований (отечественный опыт второй половины XIX – начала XX в.). Статья вторая // Вестник Москов. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2009. № 1.
49. Отечественная политическая мысль в контексте мировой политологии: заметки историка политических учений // Электоральное пространство современной России. Политическая наука: Ежегодник 2008 / РАПН. Гл. ред. А. И. Соловьев. М., РОССПЭН, 2009.
50. Интеграция гуманитарного знания как актуальная задача (постановка проблемы) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. Научный журнал. Астрахань. 2009. № 3.

51. Философия политики и права — новое направление философского образования и научных исследований в Московском университете // Философия политики и права: Сборник научных работ. Вып. 1 / Под общей редакцией профессора Мошелкова Е. Н., научный редактор профессор Бойцова О. Ю. М.: Издатель Воробьев А. В., 2010.
52. История философии права как академическая дисциплина в университетском образовании России (XIX – начало XX в.) // Философия политики и права: Сборник научных работ. Вып. 1 / Под общей редакцией профессора Мошелкова Е. Н., научный редактор профессор Бойцова О. Ю. М.: Издатель Воробьев А. В., 2010.
53. Философия политики как современная научная дисциплина // Вест. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2010. № 5.
54. Философия политики как современная университетская дисциплина // Вестник Москов. ун-та. Сер. 7. Философия. 2010. № 5.
55. Политическая модернизация в России: современные дискуссии и национальный политический опыт // Модернизация и политика: Традиции и перспективы России. Политическая наука: Ежегодник 2011 / Российская ассоциация политической науки; гл. ред. А. И. Соловьев. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.
56. Философия политики и права: прошлое, настоящее и будущее университетской дисциплины // Ценности и смыслы. 2011. № 7 (16).
57. История философии права как университетская дисциплина в России (XVIII – начало XX в.). М., МАКС-Пресс, 2011.
58. Философия политики и права: Сборник научных работ. Вып. 2 / Под общей редакцией профессора Мошелкова Е. Н., научный редактор профессор Бойцова О. Ю. М.: Издатель Воробьев А. В., 2011.
59. Историческое развитие России как нелинейный процесс // Молодежь – культура – политика: историческая память и цивилизационный выбор: VIII юбилейные Панаринские чтения: Сборник статей / Отв. ред. Расторгуев В. Н. — М.: МАКС-Пресс, 2012. С. 51–71.
60. Философский камень профессора Мошелкова [Интервью] // Астраханская областная газета «Волга». № 113. 9 августа 2012 г. С. 3. — 0,5 п.л.; [Вариант] Астрахань и Москва профессора Мошелкова: воспоминания и философские раз-

- мышления успешного земляка // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 3.
61. Политика и право как социальные регуляторы: интегративный подход // Философия в современном мире: диалог мировоззрений: Материалы VI Российского философского конгресса (Нижний Новгород, 27–30 июня 2012 г.). В 3 томах. Т. I. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н. И. Лобачевского, 2012.
  62. Политика, государство, власть в концепции русской истории В. О. Ключевского // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 3.
  63. Проблема «Россия – Запад» в отечественной общественно-политической и исторической мысли (до и после 1812 г.) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 3.
  64. Философско-политическое и философско-правовое знание в контексте исторической эволюции системы наук (постановка проблемы) // STUDIUM — 2012: Сборник научных статей философского факультета МГУ / Под ред. Моцелкова Е. Н.; сост. А. В. Воробьев, Т. Ю. Денисова. — М.: Издатель Воробьев А. В., 2012.
  65. Russian Revolution // The Wiley-Blackwell Encyclopedia of Social and Political Movements. Volume III. Pe-Z. 2013. P. 1133–1142. (в соавторстве с Губиным О.).